

Булгаков на Патриарших Борис Мягков

This book by Boris Myagkov (1938–2003) is devoted to the addresses related to the biography of Mikhail Afanasevich Bulgakov (1891–1940) and his literary heroes. It is a kind of a guidebook not only through the mysterious streets and alleys of Bulgakov's Moscow, but also through the pages of his works.

From the archives of the website
The Master and Margarita

<http://www.masterandmargarita.eu>

Webmaster

Jan Vanhellemont
B-3000 Leuven
+32475260793

Литература
с
географией

Борис Мягков

**Булгаков
на Патриарших**

Литература с географией

Борис Мягков

Булгаков на Патриарших

«Алгоритм»

2007

УДК 82-94
ББК 83.3

Мягков Б. С.

Булгаков на Патриарших / Б. С. Мягков — «Алгоритм»,
2007 — (Литература с географией)

ISBN 978-5-9265-0429-0

Книга Бориса Мягкова (1938–2003), одного из первых исследователей творческого наследия Михаила Афанасьевича Булгакова (1891–1940), посвящена адресам, связанным с биографией знаменитого писателя и его литературными героями. Написанная с элементами литературного детектива, она представляет собой своеобразный путеводитель не только по таинственным улицам и переулкам булгаковской Москвы, но и по страницам его произведений.

УДК 82-94
ББК 83.3

ISBN 978-5-9265-0429-0

© Мягков Б. С., 2007
© Алгоритм, 2007

Содержание

«Сегодня вечером на Патриарших будет интересная история...»	5
К читателю	7
Глава первая	12
Глава вторая	26
Глава третья	39
Глава четвертая	48
Глава пятая	62
Глава шестая	73
Глава седьмая	92
Глава восьмая	102
Глава девятая	110
Дополнения и примечания	125
Михаил Булгаков: дни и события	134
Фото	158
Библиография	210

Борис Мягков

Булгаков на Патриарших

«Сегодня вечером на Патриарших будет интересная история...» *Вместо предисловия*

«...Я – историк, – подтвердил ученый и добавил ни к селу ни к городу: – Сегодня вечером на Патриарших будет интересная история!» Вы, дорогие читатели, узнали фразу «иностранца» Воланда, который «в час жаркого весеннего заката на Патриарших прудах» начал «беседу» с маститым литератором Михаилом Александровичем Берлиозом и молодым популярным поэтом Иваном Николаевичем Бездомным. «Предмет ученой беседы» до сих пор волнует не только специалистов – археологов, лингвистов и филологов, изучающих най-денные тексты «Евангелия от Иуды», могилу царя Ирода, многочисленные редакции «закат-ного романа» Михаила Афанасьевича Булгакова, но и всех читателей, влюбленных творчество «мистического писателя».

Он родился в Киеве – древней столице русского государства. Дружная семья профессора Киевской духовной академии Афанасия Ивановича и Варвары Михайловны Булгаковых растила семерых детей: Михаил, Вера, Надежда, Варвара, Николай, Иван и Елена. В 1907 скоропостижно умер 49-летний отец. Пятнадцатилетний Михаил, талантливый импровизатор, артистически и музыкально одаренный юноша, мечтавший о сценическом будущем, после окончания Первой гимназии поступил на медицинский факультет Киевского университета. В апреле 1913 года он обвенчался с Татьяной Николаевной Лаппа. Вместе они скитались по военным дорогам Юго-Западного фронта, потом они оказались в Никольской больнице Сычевского уезда и в Вязьме Смоленской губернии, где Михаил Булгаков служил земским врачом. Они пережили 10 переворотов в Киеве в доме № 13 на Андреевском спуске. Он был мобилизован в армию Деникина и воевал в Чечне. Первая публикация была в газете «Грозный» под заголовком «Грядущие перспективы». Автор в ноябре 1919 года не просто выражал надежду на победу «белых», но напоминал об историческом возмездии: о расплате «за безумие февральских, мартовских, октябрьских дней». Он хотел уйти с «белой гвардией», но заболел тифом и остался во Владикавказе с «красной» властью. Контуженный в сражениях, ослабевший после болезни, под угрозой расстрела ЧК, Булгаков начинает писать пьесы для местного театра. Он отсылал их на конкурсы в Москву, где в аппарате Нарком-проса работала его сестра Надежда Земская, с которой переписывался постоянно. Булгакову удалось получить за пьесу «Сыновья муллы» достаточный гонорар, чтобы вырваться из осажденного бандами Владикавказа и через Баку, Тбилиси, Сухуми, Батум (Батуми) и Одессу вернуться в Киев, а потом в Москву, куда уже приехала его верная Тася.

«Как часто в горестной разлуке в моей кочующей судьбе, Москва, я думал о тебе!» Так писал Пушкин, родившийся и женившийся в Москве. Но тридцатилетний Михаил Булгаков, уставший от «необыкновенных приключений доктора» и оставивший «диплом с отличием», выбрал в сентябре 1921 Москву «навсегда», чтобы «писать». Он бросил вызов Судьбе, принимая нищету, голод, унижение, безработицу, но уже в ноябре отвечал в Киев своей матери Варваре Михайловне: «В числе погибших быть не желаю».

Булгаков стал публиковаться в советской газетной и журнальной прессе и в берлинском издании «Накануне». Его «квартирный вопрос» решился лишь через 12,5 лет. За это время многое изменилось в России, в Москве и в судьбе писателя.

«Блестящий диагност» доктор Михаил Булгаков стал сатирическим и «мистическим писателем», свидетелем и очевидцем чудовищных превращений, описанных им в сотнях фельетонов и рассказов, повестей и пьес. Он изучил Москву так, что мог быть гидом. Он видел ее «в небоскребах», замечая всех: от гениальных профессоров и изобретателей до «Аннушки-чумы» и Клима Чугункина. Булгаков не льстит Москве, но внимательно наблюдает и помогает, как больному, перенесшему тяжелые операции на собственном мозге.

По всей Москве остались до сих пор «булгаковские адреса»: «Гудок», «МХАТ», Большой театр, друзья, родные, писатели. И теперь в той самой «нехорошей квартире» уже существует мемориальный музей, а на месте домкома в доме № 10 по Большой Садовой открыт «Булгаковский дом». Проводятся презентации книг, посвященных изучению творчества Михаила Булгакова, открываются выставки известных и новых художников, увлеченных художественным миром писателя, создаются экранизации произведений. Экскурсии по «Булгаковской Москве» давно стали приметой культурной жизни столицы.

Но среди тех, самых первых, прочитавших «Мастера и Маргариту» и отправившихся на поиски «подвала мастера», «особняка Маргариты», Варьете, клиники Стравинского, Дома Грибоедова, – был московский инженер-химик Борис Сергеевич Мягков (1938–2003). Краевед и библиограф, собиратель и хранитель, экскурсовод и лектор – подвижник, объехавший всю Россию по местам жизни Михаила Булгакова. Он стал истинным создателем и рыцарем «Булгаковской Москвы»: сотни лекций, публикаций, чертежи, карты, схемы, рукописи и фотографии. Он общался с известными булгаковедами и с юными читателями, с любителями и со специалистами. Он сам переписал 7 редакций «Мастера и Маргариты» и составил «Родословия Михаила Афанасиевича». Самое главное, что он, читатель, попавший «в таинственную сеть арбатских переулков», полюбил тайну творчества, которая привела его в «Булгаковскую Москву». Но, оказалось, что «в таинственную сеть» (вспомните Пушкина «Сказку о рыбаке и рыбке» – тот «невод, заброшенный в море») попалась «золотая рыбка» художника Виктора Васильевича Прокофьева (1934–2006), который создал изумительные – совсем как живые! – образы персонажей закатного романа Булгакова «Мастер и Маргарита». И каждая глава книги, написанная Борисом Мягковым, вдохновленная романом Михаила Булгакова, – получила свое уникальное «звучание» в графических композициях художника. Мы увидим и Воланда, облаченного в хламиду и взирающего на «Москву 20-х годов», и Левия Матвея, несущего тело Иешуа на фоне московской фантазмагии «Дьяволиады», «Роковых яиц» и «Собачьего сердца». В полете Маргариты мы почувствуем тоску любви и отчаяния «Зойкиной квартиры», в а тайны «Тайного друга» и «Театрального романа» пронзительно отзовутся в лице писателя и его обугленной рукописи. Сумятица и неразбериха «арестов» в «нехорошей квартире» перекинется, как пламя пожара, на безумную погоню «за шайкой» поэта Ивана Бездомного. И веселье «сеанса магии» в Варьете обернется ужасом видения Геллы, который прервет спасительный крик петуха. И странные ассоциации возникнут у нас, когда в «клинике профессора Стравинского» очутится сам Иешуе, не желающий признаваться в том, что он великий врач. И вальс Штрауса охватил нас ужасом и восторгом при виде гостя на балу Сатаны...

И сейчас, погружаясь в гениальный текст произведений Михаила Булгакова, знайте, что Москва стала огромной сценой, где до сих пор происходят самые невероятные и реальные события. Спешите читать и видеть театр «Булгаковской Москвы»! Он открыт для всех!

Ирина Торпенко

К читателю

...Люди выбирают разные пути. Один, спотыкаясь, карабкается по дороге тщеславия, другой ползет по тропе унижительной лести, иные пробираются по дороге лицемерия и обмана. Иду ли я по одной из этих дорог? Нет! Я иду по крутой дороге рыцарства и презираю земные блага, но не честь!

Михаил Булгаков, «Дон Кихот» (пьеса по Сервантесу), действие 3, картина 6

Мне кажется, что, читая Булгакова, я понял значение его трагического и иронического искусства, родившегося из острого ощущения самых фантастических сторон русской жизни, полного изобретательности, беспощадности и благородного риска.

Вениамин Каверин

Достоверность – одна из характерных черт М. Булгакова как писателя. Например, уже после его смерти посещавшие Киев находили «Дом Турбиных» на Андреевском спуске. Это был дом, в котором раньше жила семья Булгаковых, и он описан в «Белой гвардии» с педантичной точностью. В романе «Мастер и Маргарита» жанровые и бытовые подробности московской жизни воспроизведены с абсолютной точностью, достоверностью, именно на ее почве разрастались фантастические происшествия, порожденные Воландом и его свитой...

Сергей Ермолинский

Булгаков... Михаил Афанасьевич Булгаков. Писатель, драматург, человек...

Если при упоминании этого имени на обложке или в начале книги у читателя не дрогнет сердце, не отзовется струной что-то внутри, то он может спокойно отложить в сторону эту книгу. Ведь она рассчитана в первую очередь на человека, пусть для начала немного, но подготовленного к встрече с этим выдающимся русским писателем, тем читателем, кто знает произведения Михаила Афанасьевича Булгакова, его прозу и пьесы, его литературных персонажей. Знающего и воспринимающего это положительно, одобрительно, а может, и восторженно, но в любом случае – с интересом или любопытством.

Взявший в руки эту книгу с намерением ее прочитать, пусть не рассчитывает на легкий труд. Ему придется воскресить в памяти, возможно, забытые булгаковские страницы и даже заранее их перечитать. А если мой читатель еще не знаком с творчеством Булгакова, то тоже не трагедия. Тогда ему можно и позавидовать: он впервые для себя познакомится с героями повестей, рассказов и очерков писателя, героями «Театрального романа», «Мастера и Маргариты»...

О чем эта книга? О творчестве Булгакова? О путешествии по стране его литературных героев? Об исследованиях биографических и исторических прототипов произведений? И да, и нет. Скорее всего, сплав многих признаков: ведь нам предстоит пройти по «стране» Михаила Булгакова, где без гида будет трудно. И, как знать, может, эта книга станет путеводной нитью для любознательного читателя, одной из дорог к зданию Большой Литературы.

Следует заметить, что «география» его творчества не отличается особой обширностью, и «карта» ее не испещрена многочисленными надписями и знаками. Но едва ли следует специально доказывать, что практически все произведения этого мастера автобиографичны и исторически достоверны. Ведь это имя – Михаил Булгаков – только в конце 60-х годов стало

признанным и заслужило всемирную славу. А был период, когда он был лишен того, что по праву ему, как художнику, принадлежало. В большей степени он был лишен в своей жизни главного – живого и непосредственного общения с читателем, с широким зрителем. Причин такого явления было много, но главная из них та, что в условиях прошлой деформации нашего общества Булгаков не умел лукавить, приспосабливаться ни в жизни, ни в литературе. Он был на редкость цельным человеком, с большим даром предвидения и – увы, вызывал, как правило, неадекватную реакцию: каждую новую его вещь встречали подозрительно и часто видели в ней то, чего там вовсе не было. Писатель стал объектом огульной ругани и травли.

Булгаков в течение всей своей жизни последовательно отстаивал принципы русской классической литературы, следуя заветам Пушкина, Гоголя, Некрасова, Салтыкова-Щедрина, Достоевского, Толстого – любимых и почитаемых им писателей. Он полагал, что современная литература не может успешно развиваться без усвоения всего лучшего, что было накоплено за многие годы великой русской литературой.

Булгаков писал лишь о том, что его волновало, что хорошо знал, глубоко и всесторонне изучил. Конъюнктурные моменты творчества были ему глубоко чужды. Он имел свою точку зрения на происходящие в стране процессы, которая часто не совпадала с официальной. Писатель и гражданин был убежден, что ведущую роль в развитии страны должна играть интеллигенция, и был ревностным приверженцем «излюбленной и Великой Эволюции». Он был классическим представителем той части интеллигенции, которая, не покинув страну в трудные годы, стремилась сохранить свои «родовые признаки» и в новых условиях. Булгаков прекрасно понимал, что его творческие и жизненные установки, реализованные в художественных произведениях, встретят жестокий отпор. А это предвещало и являло существование в условиях почти враждебного окружения.

«Я хотел служить народу... за что меня жали... я никому не делал зла...» – сказал Булгаков незадолго до смерти. А через пять дней после его кончины (10 марта 1940 года) руководитель писательского союза А. А. Фадеев так написал его вдове Елене Сергеевне: «...мне сразу стало ясно, что передо мной человек поразительного таланта, внутренне честный и принципиальный и очень умный, с ним, даже с тяжело больным, было интересно разговаривать, как редко бывает с кем. И люди политики, и люди литературы знают, что он человек, не обременивший себя ни в творчестве, ни в жизни политической ложью, что его путь был искренен, органичен, а если в начале своего пути (а иногда и потом) он не видел так, как оно было на самом деле, то в этом нет ничего удивительного. Хуже было бы, если бы он фальшивил»¹.

«Рукописи не горят», – заявляет герой «Мастера и Маргариты». Судьба произведений Булгакова подтвердила это неожиданное предсказание. И если при жизни писателя вряд ли кому бы в голову пришло назвать его «классиком», то на глазах нашего, особенно молодого поколения, выросла и укоренилась во времени слава Михаила Булгакова. Он дорог людям как писатель и интересен как человек, воплотивший в своей судьбе достоинство и мужество художника.

Жизнь прозаика и драматурга в разных географических точках страны и события этой жизни в полной мере отразились и в его творчестве. Киев – это «Белая гвардия», «Дни Турбиных», рассказы, очерк «Киев-город»; врачебная деятельность на Смоленщине – «Записки юного врача»; Владикавказ – «Записки на манжетах», фельетоны, пьеса «Сыновья муллы»; наконец, Москва, вдохновившая на создание целого цикла очерков, рассказов, повестей, пьес («Зойкина квартира», «Багровый остров», «Блаженство», «Иван Васильевич») и романов («Записки покойника», «Мастер и Маргарита»).

---

¹ Булгаков М. Письма. Жизнеописание в документах. М.: Современник, 1989. С. 501.

Нельзя сказать, что метод историко-топографического отражения жизни в творчестве был впервые применен именно Булгаковым. Этому предшествовал богатый литературный опыт, использующий важнейшую закономерность – пространственную определенность художественного вымысла. Причем вымысел этот может быть самый фантастический, самый невероятный, но, как правило, действия происходят как бы на реальной «сцене», на реальных своего рода «подмостках», то есть любая настоящая литература имеет свою «сцену», свой, пусть минимальный порой, топографический фон. Как в «волшебном фонаре», на него проецируют, на нем возникают образы. Творчество – это «волшебный фонарь», и образы, порожденные воображением художника, писателя, так же точно проецируются на «экране» конкретных мест, конкретных адресов.

Тому множество примеров, позволяющих по-настоящему понять почти «священный культ точности» в мировой литературной классике, включая русскую классику. Чем талантливее писатель, тем он более точно относится к фактам, в том числе географического и топографического порядка, иной раз, правда, сознательно «зашифровывая» тот или иной адрес.

Топографическая конкретность, пространственная точность – обязательное условие реалистической литературы, одна из ее граней. Нельзя описывать кого-то и что-то, неведомо где живущего и неведомо где происходящее, то есть без представления, где разворачивается действие тех или иных литературных произведений.

Это характерно для каждой книги, для каждого автора. Истоком литературной топографии следует, видимо, считать классическую «Бедную Лизу» Карамзина, а перспектива ее бесконечна. Мир книги, мир автора-писателя реален и в то же время не материален. Герои, которые обитают вокруг нас, живут, пока мы думаем о них, вспоминаем о них, переживаем события книги вместе с ними. Ведь глубокое, а не поверхностное чтение – это процесс сопереживания, когда мы делаем в общем то же, что делал автор: представляем себе героев в той среде, где они обитают по воле автора. Так формируется мир поэтической географии, постепенно вырабатываются определенные методы исследования, закономерности соотношений географического и поэтического материалов. При этом биография автора, интересная биография интересного автора – это есть еще и творчество. И биография, как питающий фундамент, – первый его этап. Можно многое расшифровать в литературе, если исследователь достаточно хорошо знает биографию писателя, ибо писатель, творец, в большинстве случаев ведет своих героев по собственной судьбе.

«Писатели часто высматривают, выбирают место действия своих произведений, словно любящие, заботливые родители, ищущие жилище для выношенных, но еще не рожденных детей, – пишет один из основоположников московской литературной топографии журналист А. А. Шамаро. – Вслед за карамзинской Лизой – другой классический пример – Достоевский. Долгими часами бродил он по петербургским кварталам, примыкавшим к изломанной полосе бывшего Екатерининского канала, подсчитывал даже число шагов по тротуарам и число ступеней на лестницах в облюбованных им домах»².

И уже потом исследователи, литературоведы-топографы обнаруживали на страницах «Бедных людей», «Преступления и наказания», «Идиота» результаты его прогулок, как находили топографические детали книг писателя уже на современных улицах и в переулках. «А жители таких улиц и переулков и не подозревали, что писатели, проходя под окнами их домов, действовали как настоящие экспроприаторы: не спрашивая ни у кого разрешения, просто „захватывали“ эти дома для своих героев»³.

К таким писателям принадлежит и Михаил Булгаков. Он разделял эти традиции «священного литературного культа», и почти во всех своих произведениях, не исключая и пьесы,

---

² Шамаро А. Действие происходит в Москве. М.: Московский рабочий, 1979. С. 8–9.

³ Шамаро А. Действие происходит в Москве. М.: Московский рабочий, 1979. С. 9.

так изображал события, что можно было узнать, догадаться, определить литературную топо-графию описываемого. Особой заботой автора являлась точность в колорите времени и места.

Рассказывая о героях и событиях, Булгаков поселял персонажи в тех местах, которые прекрасно знал, где жил и работал сам, его родственники, его друзья, а бывало, и враги. Эти места «прописки» либо всегда точно узнаваемы в фактических адресах, либо слегка зашифрованы или неуловимо изменены, перенесены, слиты друг с другом в причудливых сочетаниях.

Мы сделаем попытку побывать в самом большом районе этой «булгаковской страны», используя знание биографии писателя, его творчества и читательское воображение. Нам предстоит провести время, – не выезжая из Москвы, – в главном городе булгаковской лите-ратурной топографии.

Булгаковская Москва... Ее описание, по выражению писателя, критика и литературовед В. Я. Лакшина, впервые применившего это словосочетание, «в точности и колорите места было особой заботой автора»⁴. И это не случайно. К тому времени у Булгакова сло-жился уже в этом достаточный опыт. Его семь рассказов цикла «Записки юного врача» пере-носят нас в дореволюционное провинциальное захолустье, в село Никольское на Смолен-щине и Вязьму. Здесь в 1916–1918 годах работал земским врачом сам автор. Рассказы «В ночь на 3-е число», «Я убил», роман «Белая гвардия» автобиографически отражают «смут-ное время» в Киеве, где он жил в 1918–1919 годах.

Наброски «Дань восхищения» и «Необыкновенные приключения доктора», рассказы «Налет», «Красная корона», «Китайская история», пьеса «Сыновья муллы» рассказывают о революционных событиях и Гражданской войне на Украине и Северном Кавказе: будущий романист и здесь был в гуще событий. В конце 1919 года судьба привела его во Владикавказ, где он «бросил звание лекаря с отличием и писал». Фельетоны Булгакова на местном мате-риале (например «Неделя просвещения») «шли во многих кавказских газетах», а в рассказе «Богема» и повести «Записки на манжетах» в персонажах легко узнаваемы реальные люди и места тогдашнего Владикавказа, а потом и Москвы.

Вся последующая жизнь и творчество Булгакова были связаны с Москвой, куда он при-ехал осенью 1921 года, приехал, «чтобы остаться в ней навсегда», тогда еще 30-летний начи-нающий писатель и драматург. С тех пор практически всегда (исключая названные ранее произведения, а также прозу, пьесы, сценарии и либретто на историческом материале) он избирает местом действия своих творений разных жанров нашу столицу, его перо, можно сказать, было навсегда отдано любимому городу.

И подобно А. С. Грибоедову, отразившему в бессмертной комедии «Горе от ума», как в капле воды, весь мир «грибоедовской Москвы», Булгаков, продолжатель этих традиций, в своих московских произведениях создал свою Москву – неповторимую булгаковскую...

Не будет ошибкой сказать, что широкий читатель и в нашей стране, и за ее пределами связывает имя Булгакова в большинстве случаев с его знаменитым и последним в жизни романом «Мастер и Маргарита», который он написал более полувека назад. Впервые роман опубликован в журнальном варианте только в 1966–1967 годах. С тех пор, и особенно с 1973 года, когда увидел свет полный текст этого произведения, не утихают споры вокруг него и в научных изданиях и журналах, и в читательской аудитории. Приходилось слышать даже такие запальчивые суждения, что человечество разделилось на читавших главную книгу писателя (то есть «Мастера и Маргариту») и на не читавших ее.

Не обошла своим вниманием «закатный» (выражение самого Булгакова) роман и литературная критика: счет исследованиям, статьям, обзорам, эссе идет уже на десятки.

---

⁴ Новый мир. 1968, № 6. С. 287.

Однако, несмотря на обилие опубликованного материала, исследователи в основном обходили вопрос о литературно-топографических и историко-биографических «прообразах» произведения. Достаточно подробно, пожалуй, говорилось только о персонажах так называемых «древних глав», новозаветных героях романа в романе: Понтии Пилате, Иешуа Ганноцри и других. Подробно анализированы демонологические персонажи. Наиболее интересовали исследователей, естественно, его главные герои – Мастер и Маргарита. Имена же других московских персонажей поэтому волей-неволей оставались в тени, хотя их значение для понимания романа достаточно велико.

И если не всегда пути второстепенных лиц романа пересекаются с дорогами главных его обитателей, все равно интерес вызывают комические и трагические повороты в их судьбе. Интересно узнать, что хотел сказать этим автор, были ли, и какие именно, прообразы у того или иного человека, да и не только у него. Ведь у Булгакова герои живут, чувствуют, любят, переживают, страдают, умирают не в безвоздушном, вымышленном пространстве, а в конкретной, как бы реальной обстановке.

В книге рассказывается только об основных московских адресах писателя и его героев. В путешествии по булгаковским местам нам помогут работы В. Я. Лакшина⁵, Л. Е. Белозерской⁶, А. М. Смелянского⁷, М. О. Чудаковой⁸, Л. М. Яновской⁹ и других исследователей. Московская топография писателя не могла быть также составлена без трудов краеведов А. А. Шамаро¹⁰, С. К. Романюка¹¹, Ю. А. Федосюка¹², Ф. Л. Курлата¹³, без московских энциклопедий, путеводителей и справочников разных лет, газетно-журнальной периодики.

Особую благодарность автор выражает работникам московских музеев, библиотек и архивохранилищ, группе частных лиц, помогавших в издании этой книги.

В первую очередь признательность автора – ушедшим из жизни близким друзьям писателя: Н. А. Ляминой-Ушаковой, М. А. Чемишкиан, С. А. Ермолинскому. Выражаю благодарность А. А. Клименко, З. С. Красовской, В. А. Резвину, Л. А. Шилову, Т. И. Крешковой, М. С. Бархатовой, Н. А. Краснушкиной, О. А. Каменцевой, В. А. Молодцову, И. Л. и А. Н. Житницким, М. В. Владимирскому, В. И. Рокотянскому, В. А. Осипову, М. В. Цареву, А. А. Курушину, Н. Г. Романовой, А. А. Задикяну, а также коллегам-булгаковедам за практическую помощь и замечания к публикациям глав этой книги в виде статей в периодике и в процессе работы над рукописью.

1988–1993

---

⁵ Лакшин В. О прозе Михаила Булгакова и о нем самом // *Булгаков М. Избранная проза*. М.: Советский писатель, 1966. С. 3–44; *То же*, доп. // Лакшин В. Вторая встреча. Воспоминания и портреты. – М.: Советский писатель, 1984. С. 257–353; *Он же*. Булгакиада. М.: Правда, 1987 (Библиотека «Огонек». № 35). С. 3–4; *Он же*. Судьба Булгакова: легенда и быль // Воспоминания о Михаиле Булгакове. М.: Советский писатель, 1988. С. 7–37; *Он же*. Булгакиада // Лакшин В. Открытая дверь. Воспоминания и портреты. М.: Московский рабочий, 1989. С. 409–446.

⁶ Белозерская-Булгакова Л. «О, мед воспоминаний». Анн Арбор (США): Ардис, 1979; *Она же*. Воспоминания. М.: Художественная литература, 1990. С. 87–191.

⁷ Смелянский А. Михаил Булгаков в Художественном театре. М.: Искусство, 1989.

⁸ Чудакова М. Архив М. А. Булгакова // Записки Отдела рукописей ГБЛ СССР. Вып. 37. М.: Книга, 1976. С. 25–151; *Она же*. Жизнеописание Михаила Булгакова. М.: Книга, 1988.

⁹ Яновская Л. Творческий путь Михаила Булгакова. М.: Советский писатель, 1983.

¹⁰ Шамаро А. Действие происходит в Москве. – М.: Московский рабочий, 1979; *То же*. 2-е изд. – М.: Московский рабочий, 1988; *Он же*. Экскурсии и путешествия на основе произведений художественной литературы: Методические рекомендации. М.: Турист, 1978.

¹¹ Романюк С. Из истории московских переулков: Путеводитель. М.: Московский рабочий, 1988.

¹² Федосюк Ю. Москва в кольце Садовых: Путеводитель. М.: Московский рабочий, 1983.

¹³ Курлат Ф. Москва. От центра до окраин: Путеводитель. М.: Московский рабочий, 1989.

Глава первая

Москва 20-х годов: от «Записок на манжетах» до «Столицы в блокноте»

Наш рассказ о Булгакове, его героях и их «адресах» лучше всего начать со слов самого писателя, с его автобиографии, написанной в октябре 1924 года:

«Родился в г. Киеве в 1891 году. Учился в Киеве и в 1916 году окончил университет по медицинскому факультету, получив звание лекаря с отличием.

Судьба сложилась так, что ни званием, ни отличием не пришлось пользоваться долго. Как-то ночью в 1919 году, глухой осенью, едуци в расхлябанном поезде, при свете свечечки, вставленной в бутылку из-под керосина, написал первый маленький рассказ. В городе, в который затащил меня поезд, отнес рассказ в редакцию газеты. Там его напечатали. Потом напечатали несколько фельетонов. В начале 1920 года я бросил звание с отличием и писал. Жил в далекой провинции и поставил на местной сцене три пьесы. Впоследствии в Москве в 1923 году, перечитав их, торопливо уничтожил. Надеюсь, что нигде ни одного экземпляра их не осталось.

В конце 1921 года приехал без денег, без вещей в Москву, чтобы остаться в ней навсе-гда. В Москве долго мучился; чтобы поддерживать существование, служил репортером и фельетонистом в газетах и возненавидел эти звания, лишённые отличий. Заодно возненави-дел редакторов, ненавижу их сейчас и буду ненавидеть до конца жизни.

В берлинской газете „Накануне“ в течение двух лет писал большие сатирические и юмористические фельетоны.

Не при свете свечки, а при тусклой электрической лампе сочинил книгу „Записки на манжетах“. Эту книгу у меня купило берлинское издательство „Накануне“, обещав выпустить в мае 1923 года. И не выпустило вовсе. Вначале меня это очень волновало, а потом я стал равнодушен.

Напечатал ряд рассказов в журналах в Москве и Ленинграде.

Год писал роман „Белая гвардия“. Роман этот я люблю больше всех других моих вещей»¹⁴.

Москва этого времени, да и позже, в творчестве Булгакова практически насквозь авто-биографична, где герой-рассказчик – то сам автор, то его тень или отражение в обычном, а подчас и кривом зеркале. И бывает трудно отличить, где кончаются жизненные реалии писателя и начинается его фантазия, выдумка, сатира, гротеск.

В прозе Булгакова есть несколько описаний въезда в Москву, куда он явился как про-винциал, но вскоре стал заправским москвичом.

Вот фрагмент из рассказа «Воспоминание...», где его герой сообщает: «Был конец 1921 года. И я приехал в Москву. Самый переезд не составил для меня особенных затруднений, потому что мой багаж был совершенно компактен. Все мое имущество помещалось в ручном чемоданчике...»¹⁵

А это из «Записок на манжетах» («московская» часть): «Бездонная тьма. Лязг. Грохот. Еще катят колеса, но вот тише, тише. И стали. Конец. Самый настоящий, всем концам конец. Больше ехать некуда. Это – Москва. М-о-с-к-в-а... Качаясь, в искрах и зигзагах, на огни. От них дробятся лучи. На них ползет невидимая серая змея. Стекланный купол. Долгий, долгий

---

¹⁴ Булгаков М. Письма. Жизнеописание в документах. М.: Современник, 1989. С. 94–95.

¹⁵ Булгаков М. Избранные произведения в 2 т. Т. 1. Киев: Днипро, 1989. С. 707.

звук. В глазах ослепляющий свет. Билет. Калитка. Взрыв голосов... Опять тьма. Опять луч. Тьма. Москва! Москва»¹⁶.

В очерке «Бенефис лорда Керзона» Булгаков уже декларировал: «...Москва, город громадный, город единственный, государство, в нем только и можно жить»¹⁷, а в очерке «Сорок сороков» вспоминал снова: «Панорама первая была в густой тьме, потому что въехал я в Москву ночью. Это было в конце сентября 1921 года. По гроб моей жизни не забуду ослепительного фонаря на Брянском вокзале и двух фонарей на Дорогомиловском мосту, указывающих путь в родную столицу. Ибо, что бы ни происходило, что бы вы ни говорили, Москва – мать, Москва – родной город»¹⁸.

«Не из прекрасного далека я изучал Москву 1921–1924 годов, – писал, наконец, Булгаков в автобиографическом рассказе „Трактат о жилище“. – О, нет, я жил в ней, я истоптал ее вдоль и поперек. Я поднимался во все почти шестые этажи, в каких только помещались учреждения, а так как не было положительно ни одного 6-го этажа, в котором бы не было учреждения, то этажи знакомы мне все решительно... Где я только не был! На Мясницкой сотни раз, на Варварке – в Деловом Дворе, на Старой площади – в Центросоюзе, заезжал в Сокольники, швыряло меня и на Девичье Поле... Я писал торгово-промышленную хронику в газетку, а по ночам сочинял веселые фельетоны... а однажды... сочинил ослепительный проект световой торговой рекламы... Рассказываю я все это с единственной целью, чтобы поверили мне, что Москву 20-х годов я знаю досконально. Я обшарил ее вдоль и поперек. И намерен описать ее. Но, описывая ее, я желаю, чтобы мне верили. Если я говорю, что это так, значит, оно действительно так. На будущее время, когда в Москву начнут приезжать знатные иностранцы, у меня есть в запасе должность гида»¹⁹.

Приехав и оставшись жить в Москве, Булгаков сразу и навсегда полюбил этот город. Он остался верен этой любви до конца, а описания Москвы, сделанные им, позволяют считать его одним из самых московских литераторов.

Уже в первых своих московских очерках писатель обращал внимание на застройку и архитектуру города, на восстановление и ремонт жилищ после многих лет разрухи. В очерке «Столица в блокноте» есть главка, так и названная «Бог Ремонт», где он полушутливо пишет: «...мой любимый бог – бог Ремонт, вселившийся в Москву в 1922 году, в переднике, вымазан известкой... он и меня зацепил кистью, и до сих пор я храню след его божественного прикосновения... бог неугомонный, прекрасный – штукатур, маляр и каменщик – орудует... Московская эпиталама: – „Пою тебе, о бог Ремонта!“»²⁰ Очерк «Золотистый город» посвящен Первой сельскохозяйственной выставке 1923 года, где красочные павильоны были выстроены по проектам знаменитых архитекторов: Щусева, Мельникова, Жолтовского. А очерк «Москва 20-х годов» кончается восклицанием автора: «Москву надо отстраивать. Москва! Я вижу тебя в небоскребах!»²¹, где он предвосхищает современное высотное строительство.

Мы еще вернемся к этим очеркам подробнее.

Свои же «небоскребы» Михаил Булгаков «возвел» уже в 1924 году на страницах фантастической повести «Луч жизни» («Роковые яйца»), где сообщал, что «...в 1926 году... соединенная американо-русская компания выстроила, начав с угла Газетного переулка и Тверской, в центре Москвы, пятнадцать пятнадцатизэтажных домов, а на окраинах триста рабочих

---

¹⁶ Булгаков М. Избранные произведения в 2 т. Т. 1. Киев: Днипро, 1989. С. 682–683.

¹⁷ Булгаков М. Чаша жизни. М.: Советская Россия, 1989. С. 420.

¹⁸ Булгаков М. Чаша жизни. М.: Советская Россия, 1989. С. 413–414.

¹⁹ Булгаков М. Чаша жизни. М.: Советская Россия, 1989. С. 159–161.

²⁰ Булгаков М. Чаша жизни. М.: Советская Россия, 1989. С. 386–388.

²¹ Москва, 1981, № 9. С. 185.

коттеджей, каждый на восемь квартир, раз и навсегда прикончив тот страшный и смешной жилищный кризис, который так терзал москвичей в годы 1919–1925»²².

Сейчас нам кажется наивной эта булгаковская мечта, но он в нее безусловно верил и в своих последующих произведениях неоднократно так или иначе возвращался к теме застройки своего города, своей Москвы.

Какой же показалась будущему писателю и его герою столица осенью 1921 года? Точнее – в конце сентября. Ответом на это может служить продолжение уже знакомых нам «московских» глав «Записок на манжетах»: «Поехали, поехали по изодранной мостовой. Все тьма. Где это? Какое место? Все равно. Безразлично. Вся Москва черна, черна, черна. Дома молчат. Сухо и холодно глядят. О-хо-хо. Церковь проплыла. Вид у нее неясный, растерянный. Ухнула во тьму...

На мосту две лампы дробят мрак. С моста опять бултыхнули во тьму. Потом фонарь. Серый забор. На нем афиша. Огромные яркие буквы. Слово. Батюшки! Что ж за слово-то? Дюлам. Что ж значит-то? Значит-то что ж?

Двенадцатилетний юбилей Владимира Маяковского.

Воз остановился. Снимали вещи. Присел на тумбочку и, как зачарованный, уставился на слово. Ах, слово хорошо! А я, жалкий провинциал, хихикал в горах на завподиска!²³ Куда ж, к черту. Ан Москва не так страшна, как ее малютки. Мучительное желание представить себе юбиляра. Никогда его не видел, но знаю... знаю. Он лет сорока, очень маленького роста, лысенький, в очках, очень подвижной. Коротенькие подвернутые брючки. Служит. Не курит. У него большая квартира с портьерами, уплотненная присяжным поверенным, который теперь не присяжный поверенный, а комендант казенного здания. Живет в каби-нете с нетопящимся камином. Любит сливочное масло, смешные стихи и порядок в каби-нете. Любимый автор – Конан-Дойл. Любимая опера – „Евгений Онегин“. Сам готовит себе на примусе котлеты. Терпеть не может поверенного-коменданта и мечтает, что выселит его рано или поздно, женится и славно заживет в пяти комнатах»²⁴.

Такой кривозеркальный по отношению к В. Маяковскому выпад Булгакова с прямо противоположной портретной характеристикой не случаен. Он приехал уже заряженный, если не негативным, то весьма скептическим отношением к творчеству поэта. Тому причина – владикавказские пролеткультовцы и футуристы, вульгаризаторски отрицавшие Пушкина и противопоставлявшие ему Маяковского. И Булгаков запомнил небезопасные для него «оргвыводы» по поводу выступления в защиту Пушкина. А вечер Маяковского под таким оригинальным названием действительно был в Политехническом музее 19 сентября 1921 года. Рассказчик «Записок на манжетах» видел где-то на Арбате уже устаревшую афишу²⁵. Причем мемуаристы отмечают, что клеилась она в течение недели буква за буквой, которые печатались на отдельных листах.

Представим себе Москву, какой ее увидел тридцатилетний Булгаков. Революция и Гражданская война неузнаваемо изменили Россию, раскачали и перевернули ее. И прежде всего – город «сорока сороков». Степенный, вальяжный и хлебосольный когда-то, по-азиатски путанный город за какие-то два-три года стал совершенно иным – деловым, жестким, стянутым в пружину. Исчезла лощенная празднующая публика с бульваров и Кузнецкого, закрылись железными ставнями и мешками с песком зеркальные витрины братьев Елисее-

---

²² Булгаков М. Избранные произведения в 2 т. Т. 1. Киев: Днипро, 1989. С. 384.

²³ Заведующий подотделом искусств.

²⁴ Булгаков М. Избранные произведения в 2 т. Т. 1. Киев: Днипро, 1989. С. 683–684.

²⁵ Катанян В. Маяковский: Литературная хроника. М.: Советский писатель, 1956. С. 151; В. В. Маяковский. Описание документальных материалов: Сборник. Вып. 11. М.: Книга, 1965. С. 271. (Позже, когда Булгаков увидел Маяковского, как говорится, «в деле», отношение, похоже, изменилось.) О взаимоотношениях Булгакова и Маяковского см.: Петровский М. Два мастера. // Литературное обозрение, 1987, № 6. С. 30–37.

вых, Мюра и Мерилиза, опустели «Яр» и «Эрмитаж». Но на время. До первых ростков про-буждающегося нэпа, которые тут же заметит и опишет Булгаков.

Пока же он, вместе со своим героем, вышедшим из поезда на площадь Брянского (теперь Киевский) вокзала, решает вполне насущные проблемы – как устроиться в незнако-мом (или почти незнакомом) городе, не затеряться в нем, попросту не умереть с голоду...

И герой «Записок на манжетах» и сам автор разрешили для себя жилищный вопрос. С помощью Н. К. Крупской Булгакову удалось получить комнату в доме, которым заправляло жилтоварищество. А до этого он некоторое время не мог найти постоянного жилья. Ночевал у киевского друга – врача Н. Л. Гладыревского в Тихомировском студенческом общежитии на Малой Пироговской улице, 18, у родственников – на улице Пречистенке, 24, и в особнячке детского сада печатников «Золотая рыбка» в Старопименовском (бывшем Воротниковском) переулке, 1.

Первое, достаточно постоянное московское жилище появилось у него в доме 10 по Большой Садовой улице. Многокомнатная беспокойная квартира 50, о которой, как и о самом доме, речь еще впереди.

Итак, осень 1921 года. Крыша над головой нашлась, с работой вроде бы повезло. Но с какой? Профессия врача была оставлена навсегда вместе со службой в белой армии, манила литература, появилось уже испытанное на юге России страстное желание писать, печататься, рассказывать о прошедших бурных событиях, которых он был участником и свидетелем. Но где, как?

Булгаков был одним из первых так называемых «южных провинциалов», приехавших «завоевывать» столицу. Пройдет всего немного времени, и здесь появятся И. Бабель, Ю. Олеша, И. Ильф, Е. Петров, К. Паустовский, В. Катаев и другие – все те, кто образовал новое поколение художественной интеллигенции советской России, заменившее ушедшее.

Мы уже знаем из начала «московской» части «Записок на манжетах», как их герой (читай – сам Булгаков) приехал в Москву. Далее рассказывается, как он устраивается на службу.

«В сущности говоря, я не знаю, почему я пересек всю Москву и направился именно в это колоссальное здание. Та бумажка, которую я бережно вывез из горного царства, могла иметь касательство ко всем шестиэтажным зданиям, а вернее, не имела никакого касательства ни к одному из них...

И я легонько стукнул в дверь...

Да я не туда попал! Лито? Плетеный дачный стул. Пустой деревянный стол. Раскрытый шкаф. Маленький столик кверху ножками в углу. И два человека. Один – высокий, очень молодой, в пенсне. Бросились в глаза его обмотки. Они были белые. В руках он держал потрескавшийся портфель и мешок. Другой – седоватый старик с живыми, чуть смеющи-мися глазами, был в папахе, солдатской шинели. На ней не было места без дыры, и карманы висели ключьями. Обмотки серые, и лакированные бальные туфли с бантами.

– Нет ли спичечки?

Я машинально чиркнул спичкой, а затем под ласково-вопросительным взглядом старика достал из кармана заветную бумажку. Старик наклонился над ней, а я в это время мучительно думал о том, кто бы он мог быть. Больше всего он походил на обритуго Эмиля Золя.

Молодой, перегнувшись через плечо старому, тоже читал. Кончили и посмотрели на меня как-то растерянно и с уважением...

Историку литературы не забыть:

В конце 21-го года литературой в Республике занимались три человека: старик (драмы; он, конечно, оказался не Эмиль Золя, а незнакомый мне), молодой (помощник старика, тоже незнакомый – стихи) и я (ничего не писал).

Историку же: в Лито не было ни стульев, ни столов, ни чернил, ни лампочек, ни книг, ни писателей, ни читателей. Коротко: ничего не было...»²⁶.

Лито, куда устраивается и где делает первые успехи герой Булгакова вместе со своим автором, – не вымышленное учреждение. Из биографии писателя известно, что первым местом работы в Москве был Литературный отдел (сокращенно – искомое Лито) Главполитпросвета при Наркомпросе, которым руководила Н. К. Круппская²⁷.

Помещалось оно, как и весь Главполитпросвет и большая часть Наркомпроса, в громадном доме на Сретенском бульваре под № 6. Там и сейчас высится длиной в целый квартал пятиэтажное оригинальное здание, состоящее из двух разных по размеру и замкнутых по периметру корпусов. С остальных трех сторон – переулков Фролова, Юшкова (бывшего Боброва), Милютинского переулка (ранее улицы Мархлевского) оно не менее привлекательно.

Этот комплекс был построен в 1899–1902 годах для общества «Россия» – одной из крупнейших страховых компаний, которая часть своих миллионных доходов вкладывала в строительство и эксплуатацию многоквартирных, хорошо оборудованных домов. Автор проекта – архитектор Н. П. Проскурин придал зданию черты позднего итальянского ренессанса. Прекрасная решетка между корпусами сделана по рисунку О. Дессина. Знаменитый французский архитектор Ле Корбюзье считал этот дом самым красивым в Москве.

В 1909 году в доме бывал И. Е. Репин, писавший портрет жившего здесь доктора П. А. Левина. Но после революции дом был национализирован, большинство состоятельных квартирантов уехало, остальные были уплотнены, и в доме наряду с квартирами для рабочих с окраин и из подвалов появились многочисленные учреждения. После переезда Советского правительства в Москву в здании со стороны Боброва переулка находилось Главное управление Красной Армии.

В правом со стороны бульвара корпусе с 1920 по 1925 год помещался Наркомпрос, во главе которого стоял А. В. Луначарский. Кабинет его был на втором этаже. При Наркомпросе здесь находился и Главполитпросвет. Вот сюда в его Литературный отдел (Лито) и пришел осенью 1921 года Булгаков с удостоверением Владикавказского подотдела искусств. К тому времени многокомнатные квартиры дома уже были вполне приспособлены под длинные учрежденческие коридоры – соединены между собой. И герою «Записок на манжетах» это здание было положительно страшно. Все было пронизано продольными ходами, как муравейник, так что его все можно было пройти из конца в конец, не выходя на улицу.

Где же в доме находилось само Лито? Почтовый его адрес значился так: «Сретенский бульвар, 6, Юшков переулок, 6-й подъезд, квартира 65». В «Записках на манжетах» указано два адреса. Первый, куда пришел рассказчик: «Дом 4, 6-й подъезд, 3-й этаж, квартира 50, комната 7», и второй, после переезда Лито, – уже во «2-м подъезде, 1-м этаже, квартире 23, комнате 40». И хотя при поисках пропавшего учреждения герой сталкивается с форменной чертовщиной (попавшей потом в повесть «Дьяволиада»), видно, что адрес фактического Лито лишь прозрачно зашифрован автором – 6-й подъезд и 50-я квартира (как и 65-я) и сей-час выходят в Юшков переулок. Но уже без литературно-просветительных организаций. Там всюду и достаточно плотно живут москвичи.

Все же числовые совпадения здесь у Булгакова не случайны, и набор цифр, составляющий этот подробный (даже нарочито подробный) адрес, не произволен. Номера этого дома со стороны Фролова и Юшкова переулков одинаковы: № 1. По переулку Милютинскому он значится под № 22. Но если считать по Сретенскому бульвару нумерацию частей дома раз-

---

²⁶ Булгаков М. Избранные произведения в 2 т. Т. 1. Киев: Днипро, 1989. С. 685–688.

²⁷ Янгиров Р. М. А. Булгаков – секретарь Лито Главполитпросвета // М. А. Булгаков – драматург и художественная культура его времени. М.: СТД РСФСР, 1988. С. 225–245.

дельно, то больший по размеру корпус (с центральной перемышкой и двумя внутренними дворами) можно обозначить под № 4.

В этом корпусе и находилось Лито, в 65-й квартире 6-го подъезда, и, как и в повести, на 3-м этаже, а реальная квартира 50, состоящая из 10 комнат, находится в 5-м подъезде на 2-м этаже. Но эта квартира – естественно, «младшая сестра» одноименной (точнее – «однономерной») квартиры дома 302-бис на Садовой. В этом контексте рискнем предложить следующее числовое совпадение вымышленного и реального. Если сложить числа номеров дома, подъезда, этажа и квартиры в повести и в их реальных топографических прототипах, то получится по странному (а, может, и не случайному) совпадению одно и то же число. То есть: $4 + 6 + 3 + 50 = 6 + 5 + 2 + 50 = 63!$ Что же представляло из себя Лито в булгаковской повести и в действительности? О впечатлениях от поиска этого учреждения в «этом колос-сальном здании» мы уже немного знаем, как и о его первых, видимо, тоже новообращенных сотрудниках. Герою повести пришлось писать заявление, бегать куда-то наверх, где некто и поставил заветные слова: «Назн. секр.».

История Лито началась с 12 ноября 1920 года, когда по декрету Совнаркома для объединения всей политико-просветительной и агитационной работы страны при Народном Комиссариате по просвещению был учрежден Главный Политико-Просветительный Коми-тет Республики. В его структуру среди прочих входил Художественный отдел (Худо) с подчиненными ему Театральным отделом (Тео), Отделом изобразительных искусств (Изо), Музыкальным отделом (Музо), Фотокинематографическим отделом (Фото-кино) и наконец, Литературным отделом (Лито). Но и это еще не все, и поэтому можно понять эти и последующие (выросшие почти до размеров трагедии) затруднения героя повести в поисках «своего» Лито. Ведь в структуру Наркомпроса входили помимо Главполитпросвета еще и Главпрофобр, Главсоцвос (фамилия персонажа в повести «Дьяволиада» – Ян Соцвосский) и Академический центр со своими аналогичными главполитпросветовскими подразделениями.

Чем занимался Булгаков в Лито, кроме работы секретаря? Обработкой присылаемых рукописей, составлением поэтических сборников русских поэтов, сочинением лозунгов для агитпоезда Главполитпросвета в помощь голодающим Поволжья. В это время им были написаны литературные фельетоны «Муза мести», «Евгений Онегин», «Театральный Октябрь».

Время шло, но судьба Лито складывалась так, что дни его были сочтены: «...Как капи-тан с корабля, я сошел последним. Дела – Некрасова, „Воскресшего Алкоголика“, „Голодные сборники“, стихи, инструкции уездным Лито приказал подшить и сдать. Потушил лампу собственноручно и вышел. И немедленно с неба повалил снег. Затем дождь. Затем не снег и не дождь, а так что-то лепило в лицо со всех сторон. В дни сокращений и такой погоды Москва ужасна. Да-с, это было сокращение. В других квартирах страшного здания тоже кого-то высадили»²⁸.

Так 1 декабря 1921 года Булгаков остался без работы. Но не надолго. И, как мы знаем из его автобиографических очерков и писем, в дальнейшем заведовал отделом хроники в «Торгово-промышленном вестнике», играл в бродячем коллективе актеров, вел конференс в маленьком театре на окраине, работал заведующим издательской частью в Научно-техническом комитете при Военно-воздушной академии имени Н. Е. Жуковского и, наконец, поступил на службу в газеты, сначала в «Рабочий», потом в «Гудок», стал активно печататься в берлинской газете «Накануне», в московских небольших журналах.

Был уже январь 1922 года, и у Булгакова появился его первый московский очерк «Тор-говый ренессанс», где описан просыпающийся от долгой спячки – разрухи – город под «живым дождем НЭПО»:

---

²⁸ Булгаков М. Избранные произведения в 2 т. Т. 1. Киев: Днипро, 1989. С. 699–700.

«Для того, кто видел Москву всего каких-нибудь полгода назад, теперь она неузнаваема, настолько резко успела изменить ее новая экономическая политика (НЭПО, по сокращению, уже получившему право гражданства у москвичей)...

До поздней ночи движется, покупает, продает, толчется в магазинах московский люд. Но и поздним вечером, когда стрелки на освещенных уличных часах неуклонно ползут к полуночи, когда уже закрыты все магазины, все еще живет неугомонная Тверская... ест и пьет за столиками народ, живущий в невиданном еще никогда торгово-красном Китай-городе»²⁹.

Аналогичную картину видит Булгаков, проезжая на трамвае маршрута «А» (очерк «Москва красно-каменная»):

«Жужжит „Аннушка“, звонит, трещит, качается. По Кремлевской набережной летит к Храму Христа...

Несется трамвай среди говора, гомона, гудков. В центр.

Летит мимо московской улицы. Вывеска на вывеске. В аршин. В сажень. Свежая краска бьет в глаза. И чего, чего на них нет. Все есть, кроме твердых знаков и ятей. Цупвоз. Цустран. Моссельпром. Отгадывание мыслей. Мосдревотдел. Виноторг. Старо-Рыковский трактир. Воскрес трактир, но твердый знак потерял. Трактир „Спорт“. Театр трудящихся. Правильно. Кто трудится, тому надо отдохнуть в театре. Производитель „сандаля“. Вероятно, сандалий. Обувь женская, детская и „мальчиковая“. Врывсельпромгвну. Униторг. Мосторг и Главлес-торг. Центробумтрест...

До поздней ночи улица шумит. И мальчишки – красные купцы – торгуют. К двум пол-зут стрелки на огненных круглых часах, а Тверская все дышит, ворочается, выкрикивает. Взвизгивают скрипки в кафе „Куку“. Но все тише, реже. Гаснут окна в переулках... Спит Москва после пестрого будня перед красным праздником.

В десять по Тверской прокатывается оглушительный марш. Мимо ослепших витрин, мимо стен, покрытых вылинявшими пятнами красных флагов, в новых гимнастерках с красными, синими, оранжевыми клапанами на груди, с красными шевронами, в шлемах один к одному, под лязг тарелок, под рев труб рота за ротой идет красная пехота.

С двухцветными эскадронными значками – разномастная кавалерия на рысях. Броневики лезут.

Вечером на бульварах толчея. Александр Сергеевич Пушкин, наклонив голову, внимательно смотрит на гудящий у его ног Тверской бульвар. О чем он думает, никому не известно... Ночью транспаранты горят. Звезды...

...И опять засыпает Москва. На огненных часах три. В тишине по всей Москве каждую четверть часа разносится таинственный нежный перезвон со старой башни, у подножия которой, не угасая всю ночь, горит лампа и стоит бессонный часовой»³⁰.

Такие строки булгаковских репортажей вряд ли требуют особых комментариев. Места известны, хотя от некоторых не осталось до нашего времени и следа. И только на старых фотографиях, в мемуарах и на ленте кинохроники можно теперь увидеть зарисовки писателя.

Такие, например, как в другом его очерке – «Столица в блокноте», где сами названия главок говорят о многоплановости увиденного Булгаковым. «Бог Ремонт» – о восстановлении жилищного фонда, «Триллионер» – о сверхбогачах, нуворишах тогдашней Москвы, «Во что обходится курение» – о борьбе с курильщиками в общественных местах, «Красная палочка» – о милицейском регулировании уличного движения и наведении порядка в городе... И заканчивается очерк так:

---

²⁹ Булгаков М. Чаша жизни. М.: Советская Россия, 1989. С. 377. 379–380.

³⁰ Булгаков М. Чаша жизни. М.: Советская Россия, 1989. С. 382–386.

«Нет пагубнее заблуждения, как представить себе загадочную великую Москву 1923 года отпечатанной в одну краску...

Москва – котел: в нем варят новую жизнь. Это очень трудно. Самим приходится вариться. Среди дунек и неграмотных рождается новый, пронизывающий все углы бытия, организационный скелет...

В порядке дайте нам точку опоры, и мы сдвинем шар земной»³¹.

Такой «точкой опоры» в наведении порядка Булгаков считал в первую очередь глубокий профессионализм в деле. Кто-то должен резать кроликов, проводить операции, кто-то петь в Большом театре «Аиду».

Мысль о порядке в обществе, о нормализации жизни проходит у писателя через многие московские очерки, рассказы, фельетоны. Старая жизнь кончилась безвозвратно, нужно строить жизнь новую. И вести беспощадную борьбу с преступностью, спекуляцией, мошенничеством, бесхозяйственностью, равнодушием, хулиганством.

Об этом очерки «Комаровское дело» (суд над убийцей-извозчиком) и «Под стеклянным небом» (спекулянты в торговых рядах), фельетоны «Похождения Чичикова», «Три вида свинства», «Бурнаковский племянник», «Четыре портрета», «Спиритический сеанс», «Самогонное озеро». Полушутливые бытовые сатирические зарисовки: «Шансон д'Эте», «Псалом», «День нашей жизни», «Площадь на колесах», «Чаша жизни», «Воспаление мозгов», «Обмен веществ», «Путевые заметки», «Угрызаемый хвост», «Бубновая история», «Таракан» и другие.

Не как зритель, а как непосредственный участник событий – Булгаков в манифестациях и праздниках молодой советской власти: очерки «Бенефис лорда Керзона», «Присяга на площади Революции», «В театре Зиминой», «Ноября 7-го дня», «Трудовой праздник на заводе „Динамо“», «Рабочий город – сад», «Знаменосцы грядущих боев», «На Красной площади».

В репортаже «Бенефис лорда Керзона» показана впечатляющая и гневная демонстрация – сопротивление угрозам английского империализма:

«В два часа дня Тверскую уже нельзя было пересечь. Непрерывным потоком, сколько хватал глаз, катилась медленно людская лента, а над ней шел лес плакатов и знамен. Масса старых знакомых, октябрьских и майских, но среди них мельком новые, с изумительной быстротой изготовленные, с надписями, весьма многозначительными. Проплыл черный траурный плакат: „Убийство Воровского – смертный час европейской буржуазии“. Потом красный: „Не шутите с огнем, господин Керзон. Порох держим сухим“...

Мальчуган на грузовике трубил в огромную картонную трубу. Публика с тротуаров задирает головы. Над Москвой медленно плыл на восток желтый воздушный шар. На нем была отчетливо видна часть знакомой надписи: „...всех стран соеди...“

Из корзины пилоты выбрасывали листы ленточек, и они, ныряя и чернея на голубом фоне, тихо падали в Москву»³².

И в эти же годы начинающий журналист и драматург живо интересуется историей Москвы и Подмосковья, пишет серию художественных рассказов или маленьких повестей. Среди них два: «№ 13 – Дом Эльпит-Рабкоммуна» и «Ханский огонь», объединенные одной мыслью – борьбы старого, отживающего мира с родившимся новым, борьбы непростой и порой трагической. Эти рассказы продолжают в идейном плане его новеллы – очерки о Гражданской войне, такие, как «Грядущие перспективы», «Дань восхищения», «Красная корона», «Налет», «Необыкновенные приключения доктора».

Рассказ о доме Эльпит носит автобиографический характер. Уже известный нам дом на Большой Садовой улице, ставший первым московским жилищем Булгакова, – «герой» про-

---

³¹ Булгаков М. Чаша жизни. М.: Советская Россия, 1989. С. 399–400.

³² Булгаков М. Чаша жизни. М.: Советская Россия, 1989. С. 421, 423.

изведения, где его бывший владелец, табачный фабрикант Илья Давыдович Пигит превратился в Адольфа Иосифовича Эльпита, его управляющий караим Сакизчи в Бориса Самойловича Христи, «гениальнейшего из московских управляющих, матово-черного дельца в фуражке с лакированным козырьком...» Впрочем, предоставим слово самому автору.

«Так было. Каждый вечер мышасто-серая пятиэтажная громада загоралась ста семью-десятью окнами на асфальтированный двор с каменной девушкой у фонтана. И зеленоли-кая, немая, обнаженная, с кувшином на плече, все лето гляделась томно в кругло-бездонное зеркало. Зимой же снежный венец ложился на взбитые каменные волосы. На гигантском гладком полукруге у подъездов ежевечерне клокотали и содрогались машины, на кончиках оглоблей лихачей сияли фонарики-сударики. Ах, до чего был известный дом. Шикарный дом Эльпит...»

Большое было время... И ничего не стало. Страшно жить, когда падают царства. И самая память стала угасать. Да было ли это, господа?.. Генерал от кавалерии!.. Слово какое! Да... А вещи остались. Вывезти никому не дали. Эльпит сам ушел, в чем был.

Вот тогда у ворот, рядом с фонарем (огненный „№ 13“), прилипла белая таблица и странная надпись на ней: „Рабкоммуна“. Во всех 75 квартирах оказался невиданный люд. Пианино умолкли, но граммофоны были живы и часто пели зловещими голосами. Поперек гостиных протянулись веревки, а на них сырое белье. Примусы шипели по-змеиному, и днем, и ночью плыл по лестницам щиплющий чад. Из всех кронштейнов лампы исчезли, и наступал ежевечерно мрак...

Но было чудо: Эльпит-Рабкоммуну топили. Дело в том, что в полуподвальной квартире, в двух комнатах, остался... Христи.

Да-с, Христи был человек. Мучил он правление до тех пор, пока не выделило из своей среды Нилушкина Егора, с титулом „санитарный наблюдающий“. Нилушкин Егор два раза в неделю обходил все 75 квартир. Грохотал кулаками в запертые двери, а в незапертые входил без церемонии, хоть будь тут голые бабы, подлезал под сырыми подштанниками и кричал сипло и страшно:

– Которые тут гадют, всех в двадцать четыре часа! И с уличенных брал дань»³³.

И этот дом сгорел. Не помогли старания Христи и предупреждения Егора Нилушкина, в котором узнают домкомовца Никитушкина, личность скорее комическую, чем грозную. Егор погибает во время грандиозного пожара, который случился в эльпитовском доме. Виновница – некая Пыляева Аннушка, бич дома из комнаты 5 квартиры 50, то есть реальная соседка автора. Эта «Аннушка с Садовой» вопреки строжайшим запретам Христи топила буржуйку выломанным паркетом, тяга шла в обитую войлоком вентиляцию, а рядом в студию были бидоны с бензином... И пошло-поехало.

«Родословная» Аннушки восходит к реальной женщине из 34-й квартиры, вечно разбивавшей посуду по причине своего кривоглазия. В рассказе «Самогонное озеро» Аннушка живет в квартире (или коридоре, как иногда называет ее автор) 50, она же возникает уже в 48-й квартире (этажом ниже) в «Мастере и Маргарите» и где-то мимоходом в «Театральном романе». А в этом рассказе она едва спасается от устроенного ею пожара.

Так сгорел дотла знаменитый дом Эльпита, но в реальности дом на Большой Садовой цел и невредим.

Аналогичную судьбу уготовил Булгаков другому дому, даже целой «усадьбе-музею „Ханская ставка“», описанному в следующем рассказе – «Ханский огонь», «где-то под Москвой, куда можно добраться дачным поездом».

---

³³ Булгаков М. Чаша жизни. М.: Советская Россия, 1989. С. 127–130.

Даются и другие ориентиры: деревня Орешнево, красноармейские лагеря недалеко и роскошный дворец чуть ли не Растреллиевской постройки, где находятся портреты бывших владельцев усадьбы князей Тугай-Бег-Ордынских, портреты лиц царской фамилии. Все это рассматривают приехавшие из Москвы:

«Вечерний свет, смягченный тонкими белыми шторами, сочился наверху через большие стекла за колоннами. На верхней площадке экскурсанты, повернувшись, увидели пройденный провал лестницы и балюстраду с белыми статуями и белые простенки с черными полотнами портретов и резную люстру, грозящую с тонкой нити сорваться в провал. Высоко, улетающая куда-то, вилась и розовели амуры...

Пошли дальше. Свет последней зари падал сквозь сетку плюща, затянувшего стеклянную дверь на террасу с белыми вазами. Шесть белых колонн с резными листьями наверху поддерживали хоры, на которых когда-то блестели трубы музыкантов. Колонны возносились радостно и целомудренно, золоченые легонькие стулья чинно стояли под стенами. Темные гроздья кенкетов глядели со стен и точно вчера потушенные были в них обгоревшие белые свечи. Амуры вились и заплетались в гирляндах, танцевала обнаженная женщина в нежных облаках. Под ногами разбегался скользкий шашечный паркет...

Шли через курительные, затканые сплошь текинскими коврами, с кальянами, с тахтами, с коллекциями чубуков на стройках, через малые гостиные с бледно-зелеными гобеленами с карсельскими старыми лампами. Шли через боскетную, где до сих пор не зачахли пальмовые ветви, через игральную зеленую, где в стеклянных шкафах золотился и голубел фаянс и сакс»³⁴.

Исследователи творчества Булгакова однозначно определили адрес этой усадьбы – подмосковный дом-дворец князей Юсуповых Архангельское, расположенный к западу от столицы, в нескольких километрах от станций Павшино и Красногорска Рижского направления железной дороги. Но писатель обобщил многие детали в описании усадьбы и связанных с ней событий, превратил в символ красивого, но мертвого музейного быта. Здесь проглядываются черты шереметевских дворцов – усадеб в Останкине, Кускове, дома в селе Высоком на Смоленщине, что попал в повесть «Роковые яйца», помещицкой усадьбы в Муравишниках.

Главный же «прототип» – музей-усадьба Архангельское, памятник русской культуры конца XVIII – начала XIX века, в который вложено много труда крепостных умельцев. Ансамбль усадьбы составляют дворец, два флигеля, театр и парк. Усадьба известна с XVI века, но начинает усиленно обстраиваться и украшаться с начала XVIII века, сначала князем Д. М. Голицыным, а затем князем Н. Б. Юсуповым, ведущим свое происхождение от ордынских ханов (отсюда и фраза в рассказе: «Отливая глянцем, чернея трещинами, выпи-санный старательной кистью живописца XVIII века по неверным преданиям и легендам, сидел в тьме гаснущего от времени полотна раскосый, черный и хищный, в мурмолке с цветными камнями, с самоцветной рукоятью сабли родоначальник-повелитель Малой Орды, Хан Тугай»³⁵).

Усадьба строилась около 40 лет, создана по проекту французского архитектора де Герна. Проект, воплощаясь в жизнь, корректировался и дополнялся русскими крепостными мастерами. Здесь работали знаменитые архитекторы Е. Д. Тюрин, С. П. Мельников, О. И. Бове, И. Д. Жуков, итальянский декоратор П. Г. Гонзаго. Дворец построен в классическом стиле. В усадьбе собраны картины знаменитых художников, скульптура, хрусталь, мебель и другие художественные произведения. Усадебная библиотека насчитывала около 30 тысяч книг. Все архитектурные сооружения искусно вписаны в окружающий ландшафт.

---

³⁴ Булгаков М. Избранные произведения в 2 т. Т. 1. Киев: Днипро, 1989. С. 311–315.

³⁵ Булгаков М. Избранные произведения в 2 т. Т. 1. Киев: Днипро, 1989. С. 323.

Парк состоит из двух частей – регулярного и пейзажного, террасами спускающегося к Москве-реке и украшенного скульптурой. Пышность и красота юсуповской усадьбы постоянно привлекали внимание современников. Здесь бывали А. С. Пушкин, А. И. Герцен, Н. П. Огарев и многие другие видные деятели русской культуры³⁶.

Бывал здесь и Булгаков. Герой же его рассказа, последний князь династии Антон Тугай, вернувшись тайно из-за границы за какими-то важными семейными документами, решает отомстить национализировавшим его имение новым хозяевам. И это ему удается:

«...Князь медленно отступал из комнаты в комнату, и сероватые дымы лезли за ним, бальными огнями горел зал. На занавесках изнутри играли и ходуном ходили огненные тени.

В розовом шатре князь развинтил горелку лампы и вылил керосин в постель; пятно разошлось и закапало на ковер. Горелку Тугай швырнул на пятно. Сперва ничего не произошло: огонек сморщился и исчез, но потом он вдруг выскочил и, дыхнув, ударил вверх, так что Тугай еле отскочил. Полог занялся через минуту, и разом, ликующе, до последней пылинки, осветился шатер.

– Теперь надежно, – сказал Тугай и заторопился.

Он прошел боскетную, бильярдную, прошел в черный коридор, гремя по винтовой лестнице, спустился в мрачный нижний этаж, тенью вынырнул из освещенной луной двери на восточную террасу, открыл ее и вышел в парк. Чтобы не слышать первого вопля Ионы из караулки, воя Цезаря, втянул голову в плечи и не забытыми тайными тропами нырнул во тьму...»³⁷

Так кончается этот рассказ. Но следует отметить, что перу Булгакова принадлежат и строки другого характера. Он с удовольствием пишет о новом строительстве в Москве, вспоминает лихую годину разрухи после Гражданской войны, воссоздает живые картины нэпа в очерке «Сорок сороков», оглядывая город с высоты нирнзеевского дома:

«На самую высшую точку в центре Москвы я поднялся в серый апрельский день. Это была высшая точка – верхняя платформа на плоской крыше дома бывшего Нирнзее, а ныне Дома Советов в Гнездиновском переулке. Москва лежала, до самых краев видная, внизу. Не то дым, не то туман стлался над ней, но сквозь дымку глядели бесчисленные кровли, фабричные трубы и маковки сорока сороков. Апрельский ветер дул на платформе крыши, на ней было пусто, как пусто на душе. Но все же это был уже теплый ветер. И казалось, что он задувает снизу, что тепло подымается от чрева Москвы. Оно еще не ворчало, как ворчит грозно и радостно чрево живых больших городов, но снизу, сквозь тонкую завесу тумана, подымался все же какой-то звук. Он был неясен, слаб, но всеобъемлющ. От центра до бульварных колец, от бульварных колец далеко, до самых краев, до сизой дымки, скрывающей подмосковные пространства...»

В июльский душный вечер я вновь поднялся на кровлю того же девятиэтажного нирнзеевского дома. Цепями огня светились бульварные кольца, и радиусы огня уходили к краям Москвы. Пыль не достигала сюда, но звук достиг. Теперь это был явственный звук: Москва ворчала, гудела внутри. Огни, казалось, трепетали, то желтые, то белые огни в черно-синей ночи. Скрежет шел от трамваев, они звякали внизу, и глухо, впереводку, с бульвара нес-лись звуки оркестров...

На Тверской звенели трамваи, и мостовая была извороченной грудой кубиков. Горели жаровни. Москву чинили и днем и ночью... К Воробьевым горам уже провели ветку, возят доски, там скрипят тачки – готовят Всероссийскую выставку.

---

³⁶ Все Подмосковье: Географический словарь Московской области. М.: Мысль, 1967. С. 14.

³⁷ Булгаков М. Избранные произведения в 2 т. Т. 1. Киев: Днипро, 1989. С. 325.

И, сидя у себя в пятом этаже, в комнате, заваленной букинистскими книгами, я мечтаю, как влезу на Воробьевы горы, откуда глядел Наполеон, и посмотрю, как горят сорок сороков на семи холмах, как дышит, блестит Москва. Москва – мать»³⁸.

Открытие выставки, упомянутой в очерке, было не за горами. 19 августа 1923 года на месте большого пустыря у Крымского вала на территории Голицынского сада у Москвы-реки была открыта Всероссийская сельскохозяйственная и кустарно-промышленная выставка. На благоустроенной и озелененной территории соорудили 225 зданий. Выставку посетило около полутора миллионов человек.

Среди них был и московский корреспондент газеты «Накануне» Михаил Булгаков, написавший по заказу этой газеты цикл очерков о выставке под общим названием «Золоти-стый город». Открывается он картиной приезда москвичей к территории экспозиции и продолжается ее осмотром.

«Августовский вечер ясен. В пыльной дымке по Садовому кольцу летят громыхающие ящики трамвая „Б“ с красным аншлагом: „На выставку“. Полным-полно. Обгоняют грузо-вики и легкие машины, поднимая облако пыли и бензинового дыму...

Каменный мост³⁹ в ущелье-улице показывается острыми красными пятнами флагов. По мосту, по пешеходным дорожкам льется струя людей, и навстречу, гудя, вылезает облупленный автобус. С моста разворачивается городок. С первого же взгляда в заходящем солнце на берегу Москвы-реки он легкий, воздушен, стремителен и золотист...

И всюду дальше дерево, дерево, дерево. Свежее, оструганное, распиленное, золотое, сложившееся в причудливые башни, павильоны, фигуры, вышки.

Чешуя Москвы-реки делит два мира. На том берегу низенькие, одноэтажные красные, серенькие домики, привычный уют и уклад, а на этом – разметавшийся, острокрыший, ост-роверхий, колючий город-павильон»⁴⁰.

Сооружение и открытие этой выставки подвело итог двухлетнему опыту новой экономической политики и одновременно было своего рода первым смотром советской архитектуры в Москве. Впервые был создан – не только на бумаге, но и в натуре – крупный, хоть и недолговечный ансамбль, где архитекторы, придерживавшиеся различных творческих направлений, вступили как бы в соревнование. Главным архитектором выставки был А. Щусев, генеральный план и отдельные павильоны разработаны И. Жолтовским. Деревянные кариатиды для входного портика главного павильона-шестигранника выполнил С. Коненков. Были на выставке и стилизации в национальных стилях – русском (А. Щусев), среднеазиатском (Ф. Шехтель). Художница А. Экстер вместе с архитектором Б. Гладковым и скульптором В. Мухиной создала павильон газет «Известия» и «Красная Нива» в оригинальных конструкциях по типу знаменитой татлинской башни дома III Интернационала. Эту же спиральную форму напоминал и павильон «Махорка» (архитектор К. Мельников). Как видим, к созданию выставочных павильонов были привлечены лучшие архитектурно-художественные силы Москвы, но перед Булгаковым не стояла задача – описать эти малые и большие архитектурные шедевры, а лишь живо осветить увиденное глазами обыкновенного, но очень наблюдательного и дотошного москвича.

Вот таким увиден главный павильон выставки в разделе очерка под названием «Цветник – Ленин».

«Тень легла на Москву. Белые шары горят, в высоте арка оделась огнями. Главное здание – причудливая смесь дерева и стекла. В полумраке – внутренний цветник. У входа – гигантские резные деревянные торсы. А на огромной площади утонула трибуна в гуще

---

³⁸ Булгаков М. Чаша жизни. М.: Советская Россия, 1989. С. 415–417, 420.

³⁹ Так называет автор старый Крымский мост, с решетчатыми фермами, построенный в 1873 году.

⁴⁰ Булгаков М. Чаша жизни. М.: Советская Россия, 1989. С. 446.

тысячной толпы. Слов не слышно, но видна женская фигура. Несомненно, деревенская баба в белом платочке. Последние ее слова покрывает не крик, а грохот толпы, и отзывается на него издали затерявшийся под краем подковы – главного павильона – оркестр. С трибуны исчезает белый платок, вместо него черный мужской силуэт.

– Доро-гой! Ильич!!

Опять грохот. Затем буйный марш, и рядами толпа валит между огромным цветником и зданием открытого театра к Нескучному на концерт. В рядах плывут клинобородый мужик, армейцы в шлемах, пионеры в красных галстуках, с голыми коленями, женщины в платочках, сельские бородатые захолустные фигуры и московские рабочие в картузах...

К центру цветника непрерывное паломничество отдельных фигур. Там знаменитый на всю Москву цветочный портрет Ленина. Вертикально поставленный, чуть наклонный дву-скатный щит, обложенный землей, и на одном скате с изумительной точностью выращен из разноцветных цветов и трав громадный Ленин, до пояса. На противоположном скате отрывок его речи.

Три электросолнца бьют сквозь легкие трельяжи, решетки и мачты открытого театра. Все дерево, все воздушное, сквозное, просторное. На громадной сцене медный оркестр льет вальс, и черным черны скамьи от народу»⁴¹.

С Лениным связаны страницы рассказов Булгакова «Китайская история» и «Воспоминание...». И вскоре воочию ему пришлось встретиться с ним, но, увы, лежащим в гробу. В морозные дни и ночи скорбного января 1924 года Булгаков стоял, замерзая, в траурной очереди. Впечатления этих событий вылились в очерк «Часы жизни и смерти», опубликованный в «Гудке».

«В Доме союзов, в Колонном зале – гроб с телом Ильича. Круглые сутки – день и ночь – на площади огромные толпы людей, которые, строясь в ряды, бесконечными лентами, теряющимися в соседних улицах и переулках, вливаются в Колонный зал.

Это рабочая Москва идет поклониться праху великого Ильича.

Лежит в гробу на красном постаменте человек. Он желт восковой желтизной, а бугры лба его лысой головы круты. Он молчит, но лицо его мудро, важно и спокойно, он мертвый. Серый пиджак на нем, на сером красное пятно – орден Знамени. Знамена на стенах белого зала в шашку – черные, красные, черные, красные. Гигантский орден – сияющая розетка в кустах огня, а в сердце ее лежит на постаменте обреченный смертью на вечное молчание человек.

Как словом своим на слова и дела подвинул он бесчисленные шлемы караулов, так теперь убил своим молчанием караул и реку идущих на последнее прощание людей.

Молчит караул, приставив винтовки к ноге, и молча течет река.

Все ясно. К этому гробу будут ходить четыре дня по лютному морозу в Москве, а потом в течение веков по дальним караванным дорогам желтых пустынь земного шара, там, где некогда, еще при рождении человечества, над его колыбелью ходила бессменная звезда»⁴².

В том же 1924 году появился уже известный нам рассказ-исповедь «Воспоминание...», о том, как решался для Булгакова жилищный вопрос осенью 1921 года.

«У многих, очень многих, есть воспоминания, связанные с Владимиром Ильичем, и у меня есть одно. Оно чрезвычайно прочно, и расстаться с ним я не могу. Да и как расстанешься, если каждый вечер, лишь только серые гармонии труб нальются теплом и приятная волна потечет по комнате, мне вспоминается и желтый лист моего знаменитого заявления, и вытертая кацавейка Надежды Константиновны... Как расстанешься, если каждый вечер, лишь только нальются нити лампы в пятьдесят свечей, и в зеленой тени абажура я могу

---

⁴¹ Булгаков М. Чаша жизни. М.: Советская Россия, 1989. С. 448–449.

⁴² Булгаков М. Чаша жизни. М.: Советская Россия, 1989. С. 460–462.

писать и читать в тепле, не помышляя о том, что на дворе ветерок при восемнадцати градусах мороза...»⁴³

Что же вспоминает вместе с автором булгаковский герой? Историю вселения в некий дом (мы уже знаем, что дом этот на Большой Садовой, 10), где домовое управление (та самая «рабкоммуна») не хотело его прописать. Тогда он решает писать письмо главному человеку страны.

«Ночью я зажег толстую венчальную свечу с золотой спиралью. Электричество было сломано уже неделю, и мой друг освещался свечами, при свете которых его тетка вручила свое сердце и руку его дяде. Свеча плакала восковыми слезами. Я разложил большой чистый лист бумаги и начал писать на нем нечто, начинавшееся словами: „Председателю Совнаркома Владимиру Ильичу Ленину“...»

Я живу. Все в той же комнате с закопченным потолком. У меня есть книги, и от лампы на столе лежит круг. 22 января он налился красным светом, и тотчас вышло в свете передо мной лицо из сонного видения – лицо с бородкой клинышком и крутые бугры лба, а за ним в тоске и отчаянии седоватые волосы, вытертый мех на кацавейке и слово красными чернилами – „Ульянова“...»⁴⁴.

Квартира эта и ее беспокойные обитатели долго еще вдохновляли перо Булгакова. И, как мы знаем, попала и в «Самогонное озеро», и в «Три вида свинства», и в «Дом Эльпит...», и в «Мастера и Маргариту». В своего рода итоговом для того периода очерке «Москва 20-х годов» он снова вспоминает уже тогда покинутую им «нехорошую квартиру».

«Клянусь всем, что у кого есть святого, каждый раз, как я сажусь писать о Москве, проклятый образ Василия Ивановича стоит передо мною в углу. Кошмар в пиджаке и поло-сатых подштанниках заслонил мне солнце! Я упираюсь лбом в каменную стену, и Василий Иванович надо мной, как крышка гроба...»

И вот, третий год я живу в квартире с Василием Ивановичем и сколько еще проживу – неизвестно. Возможно, и до конца моей жизни...

Отчего же происходит такая странная и неприятная жизнь? Происходит она только от одного – от тесноты. Факт: в Москве тесно.

Что же делать?

Сделать можно только одно: применить мой проект, и этот проект я изложу... *Москву надо отстраивать.*

Когда в Москве на окнах появятся белые билетки со словами: „Сдаеця“, – все придет в норму. Жизнь перестанет казаться какой-то колдовской маетой у одних на сундуке в передней, у других в 6 комнатах в обществе неожиданных племянниц.

Экстаз!

Москва! Я вижу тебя в небоскребах!»⁴⁵

На этой высокой ноте и закончим первую «московскую» главу, чтобы перейти к следующим страницам.

---

⁴³ Булгаков М. Избранные произведения в 2 т. Т. 1. Киев, Днипро, 1989. С. 707.

⁴⁴ Булгаков М. Избранные произведения в 2 т. Т. 1. Киев, Днипро, 1989. С. 709–710, 712.

⁴⁵ Москва, 1981. № 9, С. 182–185.

Глава вторая «Дьяволиада» «Роковых яиц» и «Собачьего сердца»

Сатирических повестей в литературном наследии писателя три, и создавались они с 1923 по 1925 год, образовав своего рода трилогию в жанре фантастики, гротеска, сатиры, цирковой буффонады. Сюжетным выдумкам и неожиданным поворотам действия нет числа. Смешные шаржевые зарисовки, пародийные карикатуры всегда узнаваемы, места событий хотя и фантастичны, но указаны Булгаковым с учетом конкретной и знакомой ему московской топографии.

Источником и фоном для фантастических, но с большой дозой реализма, действий в этих повестях послужили факты тогдашнего московского быта периода нэпа. Если в уже известных нам очерках журналиста газеты «Накануне» события текущей жизни отражались практически зеркально, то повести гиперболически увеличивали то, что подмечал наблюдательный глаз газетчика.

Действие повести «Дьяволиада» происходит в точных временных рамках начиная с 20 сентября 1921 года⁴⁶ и продолжается несколько дней, в нескольких, по большей части вымышленных, хотя и достаточно похожих московских учреждениях. Произведение носит подзаголовок: «Повесть о том, как близнецы погубили делопроизводителя» и направлено против неразберихи и бюрократизма, чрезмерного количества ненужных людей во вновь образованных учреждениях и конторах. Актуальность темы бесспорна и сегодня. Сюжет ее вкратце таков. Служащий «Главной Центральной Базы спичечных материалов» (Главцентрбазспимата) Варфоломей Петрович Коротков из-за допущенной ошибки в документе увольняется с работы и пытается восстановить справедливость в различных бюрократических инстанциях. На беду у него вдобавок выкрадывают все документы и его принимают за похожего на него человека со сходной фамилией Колобков. Во всех своих неудачах он винит, и небезосновательно, братьев-близнецов Кальсонеров (одного бритого, другого с ассирийской бородой) и сходит с ума. Погоня героя повести за этими близнецами по улицам Москвы, лестницам и коридорам громадных учреждений приводит его на крышу высокого здания, откуда он бросается в ущелье узкого переулка навстречу смерти⁴⁷.

Рассмотрим несколько адресов повести, вооружившись московскими справочниками начала 20-х годов. Существовала ли на самом деле база Спимата, где работал герой? Нет, буквально такой (Главцентрбазспимата) не было, но были похожие спичечные конторы – «Спичечный синдикат» (Арбат, 42) и звучащее почти по-булгаковски «Бюро регулирования спичечной промышленности» (Мясницкая, 6, квартира 1). Тем не менее ориентир в «Дьяволиаде» дан – «спиматовцы» служили в помещении бывшего ресторана «Альпийская роза».

---

⁴⁶ Дату автор заметки «Происшествие 20-го числа...» М. Шатин (Литературная Россия, 1987, 20 ноября. С. 24) считает днем приезда Булгакова в столицу. Однако это противоречит сведениям, которые сообщала сестра писателя Н. А. Земская своему мужу А. М. Земскому из Киева в Москву (письмо от 18 сентября 1921 г.): «...вчера приехал Миша... едет в Москву... Он выедет отсюда около среды, 26/IX» (Булгаков М. Письма. Жизнеописание в документах. М.: Современник, 1989. С. 53.) Если принять эту дату за фактическую, то Булгаков должен был приехать в Москву в ночь с 27 на 28 сентября 1921 года.

⁴⁷ Булгаков М. Избранные произведения в 2 т. Т. 1. Киев: Днипро, 1989. С. 334–380. Действие порой разительно напоминает сценарий немого кино в жанре трюковой комедии с погонями и драками, каких было немало тогда в прокате. Недалеко последняя глава так и называется – «Парфорсное кино...», то есть по аналогии, например, с парфорсной охотой – преследованием зверя с применением специально дрессированных парфорсных собак. Сама парфорсная охота – это охота, при которой гончие собаки загоняют зверя до изнеможения по пересеченной местности с препятствиями, что произошло, в общем, и со злосчастным героем «Дьяволиады».

Такой ресторан действительно был в дореволюционное время, и здание его прекрасно сохранилось до наших дней. Теперь это известный Дом учителя на Пушечной улице (бывш. до 1922 года Софийка), 4. Огромные окна и внешний вид его с улицы поражают вызывающей роскошью своего оформления. Новый фасад был сделан в 1921 году при перестройке ресторана (автор – инженер П. П. Висневский). В послереволюционные годы здесь находились различные учреждения, а в октябре 1935 года открылся Городской учительский дом.

До начала 30-х годов по узкой Пушечной ходил трамвай, почти не оставлявший места для других видов транспорта, кроме разве что извозчиков и мотоциклетов. И именно на трамвае Короткое преследовал по улицам Москвы ускользающих Кальсонеров, добирался на службу. Трамвай и трамвайные страсти Булгаков подметил с самого начала своей московской жизни и использовал позже в начальных главах «Мастера и Маргариты». Построенные на рубеже столетий и в начале века Московские городские железные дороги (так называли трамваи) имели более 30 маршрутов и особенно густую сеть в центре.

Нас интересует путь взволнованного Короткова из Спимата на Пушечной до серого здания Центроснаба, узнаваемого на нынешней Славянской площади (до 1924 года Варварская, позднее площадь Ногина) в больших серых корпусах – в прошлом Деловом дворе, построенном в 1913 году архитектором И. С. Кузнецовым для учреждений, контор и гостиницы. Правда, одна надпись в «центроснабовском» коридоре нас может направить в соседний, выходящий на Москворецкую набережную дом. Золотая по зеленому с твердым знаком надпись «Дортуар пепиньерок»⁴⁸ заставляет вспомнить, что в нынешней Военной академии был когда-то Воспитательный дом (учрежденный в 1760-х годах в качестве приюта для незаконнорожденных и сирот), позже пансион благородных девиц. Уже в советское время здесь – знаменитый Дворец Труда с множеством контор, редакцией газет и журналов. Одно время там находилась редакция «Гудка», где работал Булгаков вместе с блестящей плеядой сотрудников «Четвертой полосы» – В. Катаевым, Ю. Олешей, И. Ильфом, Е. Петровым. Последние обессмертили это здание в романе «Двенадцать стульев».

Итак, «...Коротков вихрем сбежал с лестницы... и выбежал на улицу. Короткову повезло. Трамвай в ту же минуту поравнялся с „Альпийской розой“. Удачно прыгнув, Коротков понесся вперед... Минут пять Короткова молотило и мяло на площадке, наконец, у серого здания Центроснаба... Коротков на ходу вырвался из трамвая... поспешил в вести-бюль»⁴⁹. По Пушечной улице ходил тогда трамвай только одного маршрута № 27 (позже – № 15), шедший далее через Лубянку и Варварку в Китайский проезд.

Еще одно обстоятельство приводит Короткова в поисках некоего «Бюро претензий» в девятиэтажное (называемое также и десятиэтажным) зеленое здание. Туда он стремится из Спимата на трамвае и доезжает довольно быстро, и тоже за пять минут. Приключения в этом здании сходны с поисками переехавшего Лито в «Записках на манжетах». «Бюро претензий» находится на 8-м этаже, в 9-м коридоре, 41-й квартире, комнате 302. (Как не вспомнить тут знаменитый номер 302-бис из «Мастера и Маргариты»!) Вполне возможно, что это тот же дом на Сретенском бульваре, 6, расположенный сравнительно близко от Пушечной улицы, с приметами первого московского девятиэтажного небоскреба в Большом Гнездиновском переулке, 10.

Об этом доме следует поговорить особо. Построенный в 1913-м по проекту архитектора Э. К. Нирзее (он был его первым владельцем, и поэтому дом получил это имя), он занимает все пространство переулка. Его фасад облицован серо-зеленым глазурованным кирпичом с плиткой, украшен длинными эркерами. Москвичи называли этот дом домом дешевых

---

⁴⁸ Пепиньерка (*фр.*) – девушка, окончившая среднее закрытое учебное заведение (женский пансион) и оставленная при нем для практики; «дортуар пепиньерок» – спальня воспитанниц женского пансиона.

⁴⁹ Булгаков М. Избранные произведения в 2. т. Т. 1. Киев: Днипро, 1989. С. 354.

квартир для холостяков: разветвленная сеть продолжительных коридоров, с дверями по сто-ронам, многочисленные лестницы, новинки тех лет – три вместительных лифта. На крыше этого дома размещался ресторан с видовой площадкой. Он так и назывался – «Крыша». Здесь были кинематограф, бильярдные, зимний каток, кабаре.

О литературной, театральной истории дома Нирнзее рассказано в статье В. Бессонова «А внизу шумела Москва...»⁵⁰. Этот московский адрес связан с именем Горького и Маяковского, В. Катаева, И. Ильфа, Е. Петрова, Ю. Трифонова. Так же и с Булгаковым.

Каким же образом? Он, пожалуй, второй после дома на Большой Садовой московский дом, так отразившийся в творчестве писателя. Помните «седоватого старика», заведующего Лито? Его прототип – писатель А. П. Готфрид жил в этом доме в комнате 527 и проводил у себя заседания подведомственного отдела. На одном из них 8 октября 1921 года присутствовал и Булгаков.

Возможно, это было его первое знакомство с домом Нирнзее. Позже ему доводилось приходить сюда чаще. Весной 1922 года на первом этаже дома разместилась редакция газеты «Накануне», активным автором которой, как мы уже знаем, был Булгаков. Здесь же находилась одно время и редакция журнала «Россия», где И. Лежневым публиковались две первые части булгаковской «Белой гвардии».

Эту редакцию он описал позже в повести «Тайному Другу», и так, в «Дьяволиаде»: «...Он миновал три двери, увидел на четвертой черную цифру „40“ и вошел в необъятный двухсветный зал с колоннами. В углу лежали катушки рулонной бумаги, и весь пол был усеян исписанными бумажными обрывками...»⁵¹ Там героя повести встречают редактор Ян Собеский и машинистка Персимфанс. Тезка и почти однофамилец польского короля и полководца Яна Собеского (1624–1696) хочет заменить фамилию на Соцвосский. Эти фамилии, видимо, произведены от сокращений тех лет: собес – социальное обеспечение, и соцвос – социалистическое воспитание. По предположению литературоведа В. Сахарова, прообразом этого булгаковского героя послужил бывший польский граф Август Потоцкий, большевик и политкаторжанин, руководящий работник редакции «Гудка»⁵². С этим человеком и другими героями мы еще встретимся в повести «Тайному Другу». А имя машинистки Персимфанс – много прозаичней – так назывался Первый симфонический ансамбль, игравший без дири-жера.

Уже известный нам очерк «Сорок сороков», появившийся в апреле 1923 года в газете «Накануне», написан как репортаж с нирнзеевской крыши.

Дом в Большом Гнездиновском переулке связан не только с началом литературной судьбы писателя. Он памятен Булгакову еще и тем, что в феврале 1929 года у художника Моисеенко он познакомился с Еленой Сергеевной Шиловской, ставшей прообразом Маргариты в «закатном» романе. Об этом разговор впереди.

Не лирическим и мирным выглядит этот переулок, когда туда бежит преследуемый «парфорсной охотой» обезумевший герой «Дьяволиады». «Рычащий, как кузнечный мех, Коротков стремился к гиганту – одиннадцатизэтажному зданию, выходящему боком на улицу и фасадом в тесный переулок... Коротков завернул за угол, пролетел несколько саженей и вбежал в зеркальное пространство вестибюля... вонзился в коробку лифта... Лифт мягко и тошно шел вверх... через минуту лифт плавно остановился... Коротков выпрыгнул, осмотрелся и прислушался... сразу открылось чудосочное солнце над самой головой, бледненькое небо, ветерок и промерзший асфальт... Коротков подскочил к парапету, влез на него и глянул

---

⁵⁰ Бессонов В. А внизу шумела Москва... // Неделя, 1987, № 44. С. 11 (О доме Нирнзее см. также: Бессонов В., Янгиров Р. Крыша. // Куранты. Историко-краеведческий альманах. Вып. II. М.: Московский рабочий, 1987. С. 274; Гуцина Е. Мифы старого дома // Московский комсомолец, 1989, 2 августа. С. 4).

⁵¹ Булгаков М. Избранные произведения в 2 т. Т. 1. Киев: Днипро, 1989. С. 365.

⁵² Булгаков М. Записки на манжетах. М.: Художественная литература, 1988. С. 203.

вниз. Сердце его замерло. Открылись перед ним кровли домов, казавшихся приплюснутыми и маленькими, площадь, по которой ползали трамваи и жучки-народ... Цепляясь и балансируя, Коротков забрался на столб парашюта, покачнувшись на нем, вытянулся во весь рост... С пронзительным победным криком он подпрыгнул и взлетел вверх. Вмиг перерезало ему дыхание. Неясно, очень неясно он видел, как серое с черными дырами, как от взрыва, взлетело мимо него вверх. Затем очень ясно увидел, что серое упало вниз, а сам он поднялся вверх к узкой щели переулка, которая оказалась над ним. Затем кровавое солнце со звоном лопнуло у него в голове, и больше он ровно ничего не видел»^[1].

Так кончается повесть «Дьяволиада».

Написанную через год повесть «Роковые яйца» можно считать настоящей научной фантастикой, где даже действие сдвинуто на несколько лет вперед: события происходят летом 1928 года.

Как и в предыдущей повести, здесь также указаны точные даты, адреса, фамилии, хотя случается уже совсем почти неправдоподобная история. Но автор приводит настолько убедительные аргументы, оперирует такой массой деталей и живых примет времени, что этой истории поверили американские газеты и напечатали своего рода репортаж о страшных событиях в далекой России, как о реально происшедшем. Это очень позабавило бывшего там тогда В. Маяковского⁵³.

Позволим себе и здесь изложить фабулу повести. Гениальный ученый-биолог профессор Персиков открывает ускоряющий развитие всего живого магический и таинственный красный луч – «луч жизни». Он хочет продолжить свои исследования, но невежественный, хоть и начальственный, Рокк овладевает этим изобретением и вызывает к жизни чудовищное количество змей и крокодилов, уничтоживших все вокруг себя (здесь действие происходит на знакомой Булгакову Смоленщине и в Шереметеве-Высоком) и идущих походом на Москву. В столице паника, эвакуация, организовывается оборона, но происходят и беспорядки, во время которых толпа обезумевших обывателей убивает профессора и громит его лабораторию. Кажется, победа гадов неминуема, но внезапные холода в августе («морозный бог на машине») их уничтожает, и вскоре все приходит в норму.

В «Роковых яйцах» профессор Персиков открывает собой целую галерею булгаковских подвижников-творцов, чьи великие достижения либо не находят признания у современников, либо утверждаются ценой больших страданий и жертв. Таков и профессор Преображенский в «Собачьем сердце», академик Ефросимов в пьесе «Адам и Ева», инженер Рейн в пьесе «Блаженство». И наконец, в «Мастере и Маргарите» тема творца находит свое завершение в образе главного героя, а третий булгаковский профессор, психиатр Стравинский, играет уже вспомогательную роль.

Что же вдохновляло писателя, каковы прототипы главных героев, топографические адреса? Во-первых, фантастические сюжеты романов Г. Уэллса. Упомянутый в тексте повести роман английского писателя «Пища богов» – один из источников ее фабулы. Правда, у Уэллса речь идет о чудесной пище, ускоряющей рост живых организмов и развитие интеллектуальных способностей у людей-гигантов. Причем рост физических и духовных возможностей человечества приводит в романе к более совершенному миропорядку и столкновению мира будущего – мира людей-гигантов с миром прошлого – миром людей-пигмеев. В

53

«...Американская пресса лжет, не считаясь с фактами, просто в погоне за сенсацией и рекламой. Так, например, в один прекрасный день в одной из газет появилось сообщение под сенсационным заголовком „Змеиные яйца в Москве“, которое оказалось изложением одного из рассказов Булгакова». (Маяковский В. Беседа с сотрудником газеты «Заря Востока»: литературная и культурная жизнь Америки // Маяковский В. Поли. собр. соч. в 13 т. Т. 13. М.: Художественная литература, 1961. С. 229. Этим «рассказом» были «Роковые яйца», возможно, в сокращенном виде, публиковавшиеся под названием «Луч жизни», причем вымышленные события повести были представлены как подлинные. Тема «Змеиные яйца в Москве» значится во многих афишах вечеров Маяковского, посвященных его поездке в Америку.

повести отразился и другой роман английского фантаста – «Борьба миров», особенно в сцене гибели гигантских пресмыкающихся от небывало ранних августовских морозов (у Уэллса марсиане гибнут от земных микробов).

Обнаруживаются и более неожиданные источники. Как отмечают литературоведы Вл. Купченко и З. Давыдов, М. А. Волошин из Крыма прислал Булгакову вырезку из одной феодосийской газеты 1921 года, где говорилось «о появлении в районе горы Кара-Даг огромного гада, на поимку которого была отправлена рота красноармейцев»^[2]. Есть еще и ряд других предположений.

В своем герое писатель объединил черты ряда известных и менее известных ученых. В первую очередь это великие естествоиспытатели И. П. Павлов и К. А. Тимирязев⁵⁴, не оставившие молодую Советскую республику в трудные послереволюционные годы, несмотря на все приглашения западных научных кругов. Так же поступил и профессор Персиков. Одним из возможных и наиболее реальных прототипов мог быть видный московский биолог и врач-патологоанатом А. И. Абрикосов (1875–1955). И не только по аналогии «фруктового» происхождения фамилий, но и из-за того, что булгаковский герой работал там же, где и его прототип, – в клинике 1-го МГУ, в здании на улице Герцена – в нынешнем Зоологическом музее. И еще одна примета. Персиков живет где-то на Пречистенке, возможно, в тех же местах, где жили родственники и знакомые Булгакова (об этом немного позже). Абрикосов одно время жил практически рядом – Остоженка, 7, квартира 25, – и вполне мог совершать такие же прогулки, как и профессор Персиков: по Моховой и Волхонке, мимо храма Христа Спасителя, посещать ресторан «Альказар» на той же Остоженке⁵⁵.

В своих мемуарах Л. Е. Белозерская пишет, что при создании образа главного героя Булгаков «отталкивался от образа живого человека, родственника моего Евгения Ники-товича Тарновского. Он тоже был профессором, но в области, далекой от зоологии: статистик-криминалист. Что касается общей эрудиции, то она была необыкновенна...»⁵⁶. А прототипом Рокка, противоположности Персикова, мемуаристка считает Александра Семениновича Гейдыша, зятя Тарновского, бывшего и журналистом, и мелиоратором, и музыкантом, совсем как булгаковский герой, «взявший» у него полностью имя и отчество.

Есть и еще кандидаты на роль прототипа Персикова. Так, М. Чудакова находит сходство биографических черт зоолога Алексея Николаевича Северцова, преподававшего в МГУ, с героем повести. В ученике Северцова, Борисе Степановиче Матвееве, видит ассистента Персикова Петра Степановича Иванова и т. д.⁵⁷

Если А. Н. Северцов жил в профессорских квартирах здания того же Зоологического музея, то Булгаков, как мы уже знаем, помещает своего героя на любимую им Пречистенку в пятикомнатную квартиру, вместе с экономкой, сухонькой старушкой Марьей Степановной. И не случайно. Пречистенка была для писателя особенным местом. Не только потому, что это первая улица в Москве, которую он узнал, приезжая к своему дяде Николаю Михайловичу Покровскому в дом 24, не только потому, что жил там в Чистом переулке в 1924–1926 годах, но главным образом потому, что атмосфера жизни «пречистенцев» была ему чрезвычайно близка по духу и дала многих близких друзей практически на всю жизнь. Кроме

---

⁵⁴ По воспоминаниям В. П. Катаева («Грава забвения»), на вопрос Булгакова В. Маяковскому, как назвать профессора будущей повести, тот посоветовал – Тимирязев (Новый мир, 1967, № 3. С. 109.) А к И. П. Павлову Персиков может быть еще ближе. Ученик великого ученого Сергей Степанович Чахотин (1883–1974) изобрел микроманипулятор, который давал направленный луч в яйцеклетку (Огонек, 1974, № 8. С. 10).

⁵⁵ Примечательно, что уже в наши дни выявилось еще одно адресное совпадение. Напротив дома, где жил Булгаков в 1927–1934 годах на Большой Пироговской, 35а, находится Абрикосовский переулок, названный в честь ученого, и там установлен его бюст.

⁵⁶ Белозерская Л. О мед воспоминаний. Анн Арбор (США): Ардис, 1979. С. 22.

⁵⁷ Чудакова М. Жизнеописание Михаила Булгакова. М.: Книга, 1988. С. 308–310.

семей искусствоведов и художников Ляминых, Топлениновых, Морицев, Шапошниковых можно упомянуть филолога Б. И. Ярхо (ставшего прототипом Феей из ранних редакций «Мастера и Маргариты»), писателей С. С. Заяицкого, В. И. Долгорукого, А. Н. Тихонова, поэта С. В. Шервинского, композитора С. Н. Василенко, историка С. К. Шамбинаго, врача А. А. Арендта (потомка лейб-медика Арендта, бывшего при Пушкине во время его смертельной болезни; А. Арендт пытался спасти Булгакова в последние дни жизни писателя), искусствоведа А. Г. Габричевского, философа Г. Г. Шпета⁵⁸.

Драматург С. А. Ермолинский, живший со своей женой М. А. Чемишкиан в Мансуровском переулке, дом 9 у братьев Топлениновых, тоже принадлежал к кругу пречистенских друзей Булгакова. Он вспоминал позже так об этом времени: «На бывшей Пречистенке, в ее кривых и тесных переулках, застроенных уютными особнячками, жила особая прослойка московской интеллигенции... Здесь исстари селилась московская профессура, имена ее до сих пор составляют гордость русской общественной мысли. В двадцатые годы эти традиции как бы сохранялись, но они теряли живые корни, продолжая существовать искусственно, оранжерейно. Советские „пречистенцы“ жили келейной жизнью, они писали литературно-ведческие комментарии, выступали с небольшими, сугубо академическими статьями и пуб-ликациями в журналах и бюллетенях. Жили они в тесном кругу, общаясь только друг с другом... в их комнатах громоздилось красное дерево, старые книги, бронза, картины. Они были не только островитянами в мутном потоке нэпа, но в равной степени и отделены от всякой новой, формирующей культуры»⁵⁹.

Такого пречистенца изобразил Булгаков, перенеся его в свою фантастическую Москву лета 1928 года. Мы уже знаем, как разрешилась его жилищная проблема, а вот несколько зарисовок, так сказать, культурной жизни: «На Театральной площади вертелись белые фонари автобусов, зеленые огни трамваев; над бывшим Мюр и Мерилизом, над десятым надстроенным на него этажом, прыгала электрическая разноцветная женщина, выбрасывая по буквам разноцветные слова „Рабочий кредит“. В сквере против Большого театра, где бил ночью разноцветный фонтан, толкалась и гудела толпа. А над Большим театром гигантский рупор завывал... В Петровских линиях зеленым и оранжевыми фонарями сиял знаменитый на весь мир ресторан „Ампир“, и в нем на столиках, у переносных телефонов, лежали кар-тонные вывески, залитые пятнами ликеров: „По распоряжению – оmlета нет. Получены све-жие устрицы“.

В Эрмитаже, где бусинками горели китайские фонарики в неживой, задушенной зелени, на убивающей глаза своим пронзительным светом эстраде куплетисты Шраме и Карманчиков пели куплеты, сочиненные поэтами Ардо и Аргуевым... Театр имени покойного Всеволода Мейерхольда, погибшего, как известно, в 1927 году, при постановке пуш-кинско-го „Бориса Годунова“, когда обрушились трапеции с голыми боярами, выбросил дви-жущуюся, разных цветов, электрическую вывеску, возвещавшую пьесу писателя Эрендорга „Курий дох“ в постановке ученика Мейерхольда, заслуженного режиссера республики Кух-термана. Рядом, в Аквариуме, переливаясь рекламными огнями и блестя полуобнаженным женским телом, в зелени эстрады, под гром аплодисментов, шло обозрение писателя Ленив-цева „Курицыны дети“. А по Тверской, с фонариками по бокам морд, шли вереницею цир-

⁵⁸ Отметим несколько адресов этих булгаковских знакомых, живших в этих пречистенских, остоженских, арбатских переулках: В. Д. и С. В. Шервинских (Померанцев переулок, 8, квартира 1; рядом, во 2-й квартире, жил В. Э. Мориц); Б. В. Шапошникова (Пречистенка, 32, квартира 2). Н. Лямина (Савельевский переулок, 12, квартира 66), Топлениновых (Мансуровский переулок, 9, квартира 2).

⁵⁹ *Ермолинский С.* Драматические сочинения. М.: Искусство, 1982. С. 607–608. Добавим, что в Москве Пречистенка и прилегающие переулки издавна составляли район, занятый усадьбами служилого боярства, здесь находились дворцовые слободы и дворы опричников, а к 20-м годам прошлого века улица сделалась своего рода московским Сен-Жерменским предместьем, дворянской улицей, на которой жило немало людей, принадлежащих к образованной части тогдашнего общества.

ковые ослики, несли на себе сияющие плакаты. В театре Корш возобновляется „Шантеклэр“ Ростана»⁶⁰.

Как позже в «Театральном романе» и «Мастере и Маргарите», здесь Булгаков сатирической кистью прошелся по своим современникам – писателям, журналистам, театральным деятелям. О В. Э. Мейерхольде достаточно резко написано уже в очерке «Столица в блокноте» («Биомеханическая глава»), здесь применен и «черный юмор». Бойкий репортер Альфред Бронский, видимо, списан с Александра Давыдовича Брянского (Саши Красного), коллеги Булгакова по работе в Лито и «Гудке». В начальнике Вронского, заведующем журнальной литературной частью Валентине Петровиче, любителе выражений «пара минуточек», «за кур», узнается бывший одессит В. П. Катаев. В писателе Эрендорге – И. Г. Эренбург, в журналисте Колечкине – М. Е. Кольцов, в Ленивцеве – Н. Я. Агнивцев, в поэтах Ардо и Аргуеве – современники Булгакова А. М. Арго и Н. А. Адуев. Есть прототипы у куплеты-стов Шрамса и Карманчикова, режиссера Кухтермана.

То же и с топографией. Ресторан «Альказар», кроме Остоженки, был некогда и на Большой Садовой, а «Ампир» – нынешний «Будапешт». Театр В. Э. Мейерхольда (ГОСТИМ) был на Большой Садовой, 20, на месте нынешнего Концертного зала имени П. И. Чайковского. Сад «Аквариум» (Большая Садовая, 16) ведет свою под таким именем родословную с 1893 года, когда антрепренер Шарль Омон арендует старый увеселительный сад «Чикаго», реконструирует его и дает это название, аналогичное популярному саду Петербурга. В 1920–1930-е годы в «Аквариуме» функционировали театр, кинотеатр, ресторан. Был и летний, увитый зеленью театр, который и имел в виду автор повести. Театр этот не дожил до наших дней и в 1960-х годах сгорел. В 1959 году на месте старого «зимнего» театра было построено новое здание (проект Н. С. Жирова) – нынешний Театр имени Моссовета, а бывший сад «Аквариум» служит ему летом зеленым фойе и местом отдыха москвичей и гостей столицы.

Здание бывшего театра Ф. Корша в теперешнем Петровском переулке (бывшей улице Москвина), выстроенное в 1885 году по проекту М. Чичагова, занимает одна из трупп разделившегося Художественного театра. Зооинститут, где работал Персиков, ничуть в действительности не пострадал со времени его постройки в начале века. Его адрес: улица Большая Никитская (бывшая – Герцена), 6 (архитектор К. М. Быковский, 1902).

В одном из последних эпизодов повести вверх по Тверской улице шла «...многотысячная, стрекочущая копытами по торцам змея Конной армии... По рядам разливалось глухое и щиплющее сердце пение:

...Ни туз, ни дама, ни валет,
Побьем мы гадов без сомненья,
Четыре с боку – ваших нет...

...впереди шеренг на лошади... едет ставший легендарным десять лет назад, поставший и поседевший командир конной громады»⁶¹.

В этом «командире конной громады» узнается действительно С. М. Буденный (1883–1973), командир Первой Конной армии. А конники поют популярную песню тех лет, на мотив «Интернационала», где первая строчка куплета была опущена Булгаковым: «Никто не даст нам избавленья...»

Отметим еще несколько упоминавшихся названий. Газетный переулок – ранее улица Огарева, где, начиная от угла, вверх по Тверской действительно, как и предсказывал Булгаков, высятся многоэтажные дома. Храм Христа Спасителя – пятиглавый собор, увенчанный

---

⁶⁰ Булгаков М. Избранные произведения в 2 т. Т. 1. Киев: Днипро, 1989. С. 411–413.

⁶¹ Булгаков М. Избранные произведения в 2 т. Т. 1. Киев: Днипро, 1989. С. 447–448.

«золотым шлемом» – колоссальным позолоченным куполом. Построен в 1838–1883 годах в память победы над Наполеоном в Отечественной войне 1812 года по проекту архитектора К. А. Тона. В 1931 году взорван. На его месте был плавательный бассейн «Москва». Но, восстановленный, Храм Христа Спасителя представляет мощный ансамбль, включающий даже мост, перекинутый к «Дому на набережной», создавая у нынешнего поколения впечатление о том, что прошлое «быльем поросло»... Мюр и Мерилиз – торговая фирма, которой до революции принадлежал построенный в 1908 году (архитектор Р. И. Клейн) на углу Петровки, напротив Большого театра, крупнейший универсальный магазин (теперь старое здание ЦУМа). Зал ЦЕКУБУ на Пречистенке – Центральная комиссия по улучшению быта ученых занимала с 1922 года особняк под № 16 (современный Дом ученых).

Не только Москва показана в булгаковской повести. Мы уже обращали внимание читателя на смоленские адреса. Но вот действие происходит в «уездном заштатном городке бывшем Троицке, а ныне Стекловке Костромской губернии». Где это? Увы, никакого Троицка в Костромской губернии не было⁶². Наиболее «подходящий» Троицк был, видимо, взят из Пензенской губернии, а стал Стекловском, возможно, в честь главного редактора «Красной Нивы» и «Известий» в те годы М. Ю. Стеклова (1873–1941), тем более что впечатляющая сцена в повести происходит в ночной типографии этой газеты: «Не спал лишь громадный серый корпус на Тверской улице во дворе, где страшно гудели, потрясая все здание, ротационные машины „Известий“...»

Все здание тряслось и гудело от ротационных колес, и создавалось такое впечатление, что серый неприглядный корпус полыхает электрическим пожаром. Занявшийся день не остановил его. Напротив, только усилил, хоть и электричество погасло. Мотоциклетки одна за другой вкатывались в асфальтовый двор, вперемежку с автомобилями. Вся Москва встала, и белые листы газеты одели ее, как птицы. Листы сыпались и шуршали у всех в руках, и у газетчиков к одиннадцати часам дня не хватило номеров, несмотря на то, что „Известия“ выходили в этом месяце с тиражом в полтора миллиона экземпляров»⁶³.

«Роковые яйца» явились одним из первых произведений советской фантастики, оказавших несомненное влияние на современников – А. Белого с его романом «Московский чужак» (1926)⁶⁴, а также А. Н. Толстого («Гиперболоид инженера Гарина», 1927), где тоже применяются некие лучи в военных целях. Позже это А. Беляев и Г. Адамов – писатели-фантасты предвоенных лет, Николай Шпанов и братья Стругацкие – наши современники.

Такое же влияние могла бы, видимо, оказать и третья фантастическая повесть «Собачье сердце», написанная в 1925 году, если бы была опубликована в то время.

---

⁶² Но, видимо, не вымышленна «Карлорадековская улица» – по имени К. Б. Радека (1885–1939): известного журналиста, члена ЦК ВКП(б), впоследствии репрессированного. Сама же Костромская губерния в повесть попала неожиданно, с другой стороны. На границе Костромской губернии было село Аниково (теперь в Вологодской области). И не исключено, что в «Роковых яйцах» отразилась работа Аниковской генетической станции Наркомзема РСФСР, директором которой был известный биолог-естествоиспытатель Н. К. Кольцов, руководитель Института экспериментальной биологии. Так, начиная с 1921 года на станции исследовались породы кур с целью получения высокой яйценоскости и выносливости: результатам работы была посвящена книга «Генетика домашней курицы» под редакцией Н. Кольцова (1926). Возможно, зловключения кур попадьи Дроздовой и сцены «куриного моря в республике» были реакцией Булгакова на работы Н. Кольцова, как и замечание о «бывшей курице» в пьесе «Зойкина квартира». (Цит. по: Вопросы литературы, 1989, № 4. С. 173.)

⁶³ Булгаков М. Избранные произведения в 2 т. Т. 1. Киев: Днипро, 1989. С. 422–444. Автор дает волю фантазии и описывает хорошо знакомую ему по «Гудку» атмосферу газетной типографской горячки. Безусловно реальны персонажи и из самой газеты «Известия», и из редакции и типографии железнодорожной газеты: выпускающий Иван Вонифатьевич, метранпаж, «механический толстяк» репортер Степанов – чугунная нога, Альфред Бронский (Алонзо). Здание «Известий» с типографией унаследовало старый корпус газеты «Русское слово», построенный в 1904–1907 годах архитектором А. Эрихсоном. Современный вид получило в конце 1927 года (архитектор Г. Б. Бархин).

⁶⁴ В «Московском чужаке» один из главных героев – профессор Коробкин, бескорыстный подвижник науки, – делает открытие, на основании которого могут быть созданы мощные лучи, применимые в военных целях. Очень вероятно, что в образе Коробкина и его открытии отразился и булгаковский Персиков с его «лучом жизни».

Начинается она весьма необычно: «У-у-у-у-у-гу-гу-гу-уу! О, гляньте, гляньте на меня, я погибаю! Вьюга в подворотне поет мне отходную, и я вою с ней. Пропал я, пропал! Негодяй в грязном колпаке – повар столовой нормального питания служащих Центрального Совета Народного Хозяйства – плеснул кипятком и обварил мне левый бок. Какая гадина, а еще пролетарий! Господи боже мой, как больно! До костей проело кипятком. И теперь я вою, вою, вою, да разве воем поможешь?

Чем я ему помешал? Чем? Неужели я обожру Совет Народного Хозяйства, если в помойке пороюсь? Жадная тварь. Вы гляньте когда-нибудь на его рожу. Ведь он поперек себя шире. Вор с медной мордой. Ах, люди, люди!»^[3]

Это вое и жалуется на свою действительно собачью жизнь пес, которого вскоре назовут Шариком, и потом он превратится в Полиграфа Шарикова. Как и в «Роковых яйцах», главная движущая сила здесь тоже «булгаковский профессор», живущий на любимой автором Пречистенке. Но, в отличие от первых двух повестей, действие третьей происходит на довольно ограниченном пространстве, в квартире профессора Филиппа Филипповича Преображенского. Сравнительно мало и действующих лиц – ассистент профессора доктор Борменталь, подопытное существо Шариков, прислуга профессора Зина и Дарья, домком во главе со Швондером и еще несколько вспомогательных персонажей.

О чем же эта повесть? Попробуем вкратце изложить ее сюжет. «Светило мировой науки» профессор Преображенский, работающий над проблемой продления жизни людей, и, судя по предварительным результатам, довольно успешно, находит зимним метельным вечером на Пречистенке больного пса. Профессор приводит его в свою квартиру в Обуховом (ныне – Чистом) переулке, лечит и выхаживает его. Выздоровевший смысленный пес Шарик (так назвал его ученый, и от его имени ведется рассказ в первых главах повести) становится объектом сложной и уникальной («впервые в Европе!») операции по пересадке мозговых придатков гипофиза и яичников человека в собачий организм. Ответственная и на грани гибели собаки операция (автор, как врач, описал ее со многими специфическими деталями) кончается успешно, и органы человека-«донора», убитого в драке трактирного балалаечника, пьяницы и хулигана Клима Чугункина, вживляются в тело пса Шарика. И оперированный пес постепенно чудесным образом превращается в человека. Но в какого?! Из симпатичного, доброго, хоть и с характером, чуть ли не грамотного, прямо-таки интеллигентного пса получилось – по неучтенным профессором законам природы – человекопо-добное существо с отвратительными повадками, привычками и наклонностями прежнего убитого человека. Тем не менее оно успешно овладевает человеческими навыками, учится грамоте, осваивается в современной ему людской обстановке того времени, впоследствии поступает на работу. Помня о своем собачьем прошлом, он называет себя Полиграфом Полиграфовичем Шариковым.

Как подопытное существо, Шариков живет в квартире профессора Преображенского вместе с окружающими ученого ассистентом доктором Борменталем, горничной Зиной, кухаркой Дарьей. Причем все дурные качества его человеческого предшественника проявляются в нем в полной мере: прекрасное собачье сердце превращается в дурное человежье. Шариков грубит, хамит, ведет себя оскорбительно-вызывающе, пьянствует, ворует, хулиганит, пытается изнасиловать девушку и, в конце концов пишет на своего создателя клеветнический донос. Действует он вкуче с ненавидящим профессора домкомом во главе с его председателем, неким Швондером. Работает Шариков в тресте, уничтожающем кошек. Действие повести достигает кульминации, когда ученый и его ассистент принимают единственно правильное решение: вновь обратить Полиграфа Шарикова в собаку. Они производят обратную операцию, и вот перед изумленной милицией и Швондером, пришедшими в квартиру профессора с обыском и арестом, предстает еще говорящая полусобака, потерявшая все человеческие черты. Финал эпически спокоен: как и до эксперимента ученого, Шарик, хоть и с

исполосованной головой, лежит на полу в кабинете и влюбленно смотрит на свое божество – профессора Преображенского.

Таково краткое содержание довольно большой по объему повести. И, как практически все у Булгакова, ее сюжет, тема опираются на реально происходившие факты, а персонажи и место действия имеют четкую биографическую и литературно-топографическую основу.

В начале 1920-х годов идея омоложения человека путем пересадки различных органов от обезьяны и других животных широко обсуждалась и в нашей стране, и в Европе. Лекции и диспуты, многочисленные статьи в массовой и ведомственной печати, книги; демонстрировался даже научно-популярный фильм под названием: «Омоложение. Победа человека над природой. По опытам австрийского физиолога, профессора Э. Штейнаха, продемонстрированным на животных и людях»⁶⁵. Про это все безусловно знал автор повести, и полотнище с надписью: «Возможно ли омоложение?» вряд ли было его большим преувеличением^[4].

Биографическим прототипом Филиппа Филипповича большинство исследователей считают дядю писателя по матери Николая Михайловича Покровского (1878–1942). Он и его брат, Михаил Михайлович, были врачами. Их адреса значатся в дореволюционных и начала 20-х годов московских адресно-справочных книгах: «Покровский Н. М. – женские болезни – Обухов переулок, 1, квартира 12» и «Покровский М. М. – венерические болезни – Пречи-стенка, 24, квартира 12». А по существу их адрес был один, – в угловом доме постройки 1904 года домовладельца-архитектора С. М. Калугина (в повести – Калабухина) в бельэтаже второго подъезда.

Замена фамилии Покровского на Преображенского весьма прозрачна, и, кроме того, в соседнем, Мертвом переулке (он упомянут в повести), жил уже подлинный В. И. Преображенский и тоже врач-венеролог (дом 7, квартира 1).

Следует отметить, что дядю Булгаков уже выводил в своих произведениях. В «Москве 20-х годов» читаем, как боролись с уплотнением знакомые рассказчика: «Николай Иванович отыгрался на двух племянницах. Написал в провинцию, и прибыли две племянницы. Одна из них ввинтилась в какой-то вуз, доказав по всем швам пролетарское происхождение, а другая поступила в студию. Умен ли Николай Иванович, повесивший себе на шею двух племянниц в столь трудное время? Не умен-с, а гениален. Шесть комнат остались у Николая Ивановича. Приходили и с портфелями и без портфелей и ушли ни с чем. Квартира битком набита племянницами. В каждой комнате стояла кровать, а в гостиной – две»⁶⁶.

Николай Иванович – это реальный Николай Михайлович, живший вдвоем с братом, а также экономкой-горничной и кухаркой в шести комнатах 12-й квартиры (в повести она заменена пятью). Племянницы его – это дочери сестры Александры и брата Митрофана – приехали в 1920 году. Одна из больших комнат квартиры при этом была перегорожена, и стало семь комнат, расположение которых нашло точное отражение в описании квартиры Филиппа Филипповича. Все сохранилось практически в неприкосновенности до наших дней, и сегодня в этой квартире можно найти кабинет и спальню профессора, столовую, смотровую, комнату Дарьи и Зины. Даже мелкие детали интерьера, связанного со скандальным эпизодом Шарикова в ванной (погоня за котом, порча замка и крана), остались целы.

Племянницы Александра Андреевна и Оксана Митрофановна дожили до наших дней. Последняя и в конце 70-х годов жила в этой квартире нынешнего Чистого переулка. Невестка Александры Андреевны – Мария Степановна Ткаченко-Бархатова жила там до недавнего времени. Из их рассказа и по фотографиям тех лет воссоздается облик самого Николая Михайловича. Представительный, внушительный и уверенный вид, громкий голос, пуши-

---

⁶⁵ Реклама призывала: «Кино-театр „Колосс“. Только одну неделю у нас монополично демонстрируются мировые фильмы! *Омоложение* по научно разработанным данным и опытам профессора Э. Штейнаха в 6-ти частях» (Жизнь искусств. 1923, № 47. С. 34).

⁶⁶ Москва, 1981, № 9. С. 184–185.

стые усы и остроконечная бородка, – словом, очень похож на него герой повести, которого автор сравнивает с французскими королями и рыцарями.

И все-таки профессор Преображенский, как и все у Булгакова, не буквальная копия своего реального прототипа. Фигура эта собирательная. Никогда, конечно, ни Николай Михайлович, ни его брат не проводили таких фантастических операций и не занимались практикой по омоложению, хотя этот вопрос, видимо, не раз обсуждался в их гостеприимном доме, и возможно, в присутствии Булгакова. В образ «колдуна с Пречистенки» могли войти черты и других врачей, соседей и, разумеется, самих братьев Покровских.

Профессору Преображенскому было 60 лет, в то же время (1925) Н. М. Покровскому было 47 лет и выглядел он, естественно, моложе.

А описание сделанной Шариком операции, конечно, вобрало в себя опыт дяди и племянника и поражает несведущего в хирургии читателя⁶⁷.

Квартира 12 дома 1 по Чистому переулку пережила критический момент. Ведь дом предполагалось занять учреждением, и жильцы переселялись из него в новые квартиры. Тогда дом хотели подвергнуть капитальной реконструкции со снятием старых перекрытий и перепланировкой. А это значит, что квартира профессора Преображенского перестала бы существовать. Но время прошумело, дом остался и сейчас же там, как нам кажется, еще одно место для музея литературных героев этой повести. Так что спешите, поклонники булгаковского таланта, пройтись по Пречистенке вместе с теми энтузиастами-экскурсоводами, которые знают прошлое, оваянную жизнью Михаила Булгакова.

Не только квартиру своего дяди описал Булгаков топографически точно. Сама Пречистенка на страницах книги показана очень колоритно. И если сегодня проследить путь Шарика от метельной подворотни на Пречистенке до двери в бельэтажной квартире, куда привел его «собачий благодетель», можно найти практически все приметы повести.

С жалобного обиженного воя больной собаки, как мы уже знаем, начинается первая глава.

Повар «столовой нормального питания» обварил ему бок кипятком, и в морозной метели никто не может помочь: ни другая собака (он – «холостой бродячий пес»), ни «маши-нисточка девятого разряда», спешившая в кружевном белье и в «любовниковских чулках» со службы из казенного здания. Однако счастливая случайность спасет пса от верной гибели: из кооперативного магазина напротив через улицу выходит человек, и в руках у него сверток с купленной «краковской» колбасой. Собака учуивает ее через метель, выползает на запах, получает от «господина в шубе» (профессор Преображенский) кусок «краковской» и следует за ним по Пречистенке в Обухов переулок.

Откуда и каким путем? Направление движения явно от центра, от Пречистенских ворот: по пути их следования находится и Мертвый переулок, где пес поцеловал профессора в ботинок и напугал какую-то даму, и здание пожарной части (оно существует до сих пор: Пречистенка, 22, угол с Чистым переулком, напротив дома 1), где пожарники играли на валторне⁶⁸.

Эти реальные ориентиры позволяют с достаточной точностью определить место завязки повести. Здание с воротами, под которыми лежал больной Шарик, легко узнаем в уже упомянутом нами бывшем доме ЦЕКУБУ (Центральный комитет улучшения быта ученых – ныне Дом ученых – Пречистенка, 16). Старинный экзотической архитектуры особняк фабрикантов Коншиных (построен в екатерининское время, но современный вид приобрел

---

⁶⁷ Булгаков М. Избранные произведения в 2 т. Т. 1. Киев: Днипро, 1989. С. 491–493.

⁶⁸ Издавна на Пречистенке в доме 22 помещалось пожарное депо. Возведенный еще в конце XVIII века зодчим М. Казаковым для родственников полковника генерала А. П. Ермолова, дом был в 1830-х годах куплен казной и перестроен в Пречистенскую пожарную часть. Ныне здесь в значительно расширенном здании на правой стороне Чистого переулка городское Управление пожарной охраны.

в 1910 году, архитектор А. О. Гунст) до сих пор сохранил фигурные ворота с сидящими на них львами⁶⁹, и путь Шарика прослеживается с точностью до метра. Магазин, где купил краковскую профессор, как и в повести, находился до недавнего времени напротив ворот Дома ученых, под названием «Продукты». Теперь его уже нет на Пречистенке, 9 (угол со Всеволожским переулком).

Вернемся на страницы повести: ученый и его новый друг пес Шарик подошли к подъезду в Обуховском переулке, где их (к немалому удивлению пса) уважительно встречает швейцар Федор, который еще не раз появится в профессорской квартире. А в вестибюле парадного сохранилось до сих пор много деталей интерьера, некоторые из которых воссоздают описанную Булгаковым обстановку. На первом этаже лестницы слева можно увидеть узкие ступеньки в подвал, в швейцарскую, рядом с ней легко представить себе калошную стойку, ту самую, из которой исчезли калоши после революции. При входе на верхний этаж нам нужно будет также сделать два поворота по лестнице, на нас повеет (при зимнем путе-шествии) теплом от радиатора батарей (пусть и новой, современной конструкции). Но вазонов с цветами, как и Преображенский, мы не увидим: остались лишь придверные выступы-основания.

Дверь в квартиру 12, как и в повести, стеклянная, с сохранившимися хрустально-гранеными фасетками толстого зеркального стекла. Кажется, позвонишь, дверь «вспыхнет неожиданным и радостным светом», откроется, и перед нами появится горничная Зина...

В самой семикомнатной квартире, как уже отмечалось, сохранилось все так же, как было и в бытность братьев Покровских, и в бытность профессора Преображенского. При известной степени воображения можно «увидеть» слева громадное зеркало, в котором в свете «опалового тюльпана» – люстры изумленно отразился вошедший Шарик, а справа вешалку; с которой пьяные собутыльники будущего Полиграфа Шарикова украли малахитовую пепельницу, палку-трость и бобровую шапку профессора. Сразу за вешалкой – дверь комнату Зины, впереди – в приемную, где пациентов Филиппа Филипповича встречал его ассистент, доктор Иван Арнольдович Борменталь⁷⁰, «тяпнутый» за ногу Шариком во время первого знакомства...

Пройдя приемную, окажемся в кабинете профессора. Конечно, сейчас это уже покинутая жильцами комната. В квартире сохранились лишь медицинские столики, когда-то используемые для инструментов братьями Покровскими. Из кабинета (дверь налево) попа-даем в узкий коридорчик, из которого четыре двери (двери старинные, филленчатые, слож-ной ручной столярной работы, с медными ручками) ведут в спальню, столовую, смотровую и операционную.

Здесь проходили многие события в профессорской квартире. Застольные и кабинетные беседы ученого, его ассистента и выращенного им человека с собачьим сердцем. Знамени-тые операции. Усмирение пьяного Полиграфа и борьба со сделанным им маленьким навод-нением. Стены эти, может, и помнят визиты Швондера и других «жилтоварищей», изумле-ние милиции и обморок следователя при виде полу-Шарикова – полу-Шарика...

Но самым любимым местом пса и выращенного из него хулигана Полиграфа была, конечно же, кухня, царство кухарки Дарьи Петровны⁷¹. И это понятно. Великолепное опи-

---

⁶⁹ Эти львы, думается, лишнее свидетельство тому, что именно здесь лежал бедный Шарик. В следующих главах пове-сти так сказано об уже поправившемся псе: «Шарик лежал на плите (на кухне. – Б. М.), как лев на воротах».

⁷⁰ Ни людская память, ни архивы не сохранили имени человека, который мог бы быть прообразом И. А. Борментала. С похожей фамилией был в действительности специалист по женским болезням и акушерству доктор А. Г. Боргест, живший в Трехпрудном переулке, а также врач А. Блюменталь, который, по данным М. Чудаковой, был в 20-е годы ассистентом Н. М. Покровского.

⁷¹ Прототипом Дарьи Петровны и Зины, помогавшим, как упомянуто в повести, иногда ученым мужам в работе, могла быть жившая в квартире Н. М. Покровского акушерка и экономка Мария Силовна, ставшая в 1930-х годах его женой.

сание «колдовства» кухарки при приготовлении пищи заставляет констатировать, что автор хорошо знал и этот, казалось бы, далекий от него предмет. На кухне, конечно, не осталось ни следа от старой печи и полатей, где любил прохладиться Шариков, но дверь черного хода по-прежнему служит исправно и заставляет вспомнить и такой эпизод повести, когда местные обыватели и корреспонденты, прослышав про таинственные опыты профессора с омоложением, лезли к нему в квартиру и этим способом.

«Калабуховский дом», созданный фантазией Булгакова хоть и на реальной основе, заселен и другими персонажами, так или иначе соприкасающимися с Преображенским. В третью квартиру бывшего «буржуя» Шаблина вселили четырех «жилтоварищей»: Швондера, Вяземскую, Пеструхина и Жаровкина. Где-то рядом «живут и жили» бывший сахаро-заводчик Полозов и некая мадам Полосухер, чью кошку убил Шариков.

В воспоминаниях-снах Шарика присутствует «необъятный, залитый солнцем московский двор, вольные псы-побродяги», и позднее, когда по уличным вывескам «учился» грамоте, были такие места. В одном из подобных мест, которых в 20-е годы было достаточно и в районе Преображенской заставы⁷² (на пути к рынку, в начале Большой Черкизовской улицы), был убит Клим. В повести эта пивная называлась «Стоп-сигнал», и это название не вымышленное.

Строки повести, описывающие первые шаги молодого Шарика по городу в поисках пропитания, переносят нас в Москву начала 20-х годов, сохранившую в нэпманских магазинах многое из дореволюционной торговли. В частности, трест «Главрыба» («Абырвалг») находился на Рождественском бульваре, 12; ресторан «Бар» в Неглинном проезде, 2; вместо электротехнических магазинов братьев Голубизнер на Мясницкой сегодня магазины «Элек-тротовары».

Бывал Шарик и в Сокольниках, и в других местах Москвы, которые были достаточно исхожены автором повести.

Нет, не мог ужиться такой гнусный субъект, как Шариков, имя которого теперь стало нарицательным, в одной квартире с профессором Преображенским, не был он и по-настоящему человеком. «...Он говорил? Это еще не значит быть человеком», – уверенно заявляет ученый, «предъявляя» властям возвращающегося снова в собачий облик Шарикова.

Поэтому с удовольствием воспринимает читатель прежнюю дооперационную идиллическую сцену: Шарик лежит на ковре в кабинете профессора. Горячий поклонник, как и сам автор, Большого театра и особенно его оперы «Аида», Филипп Филиппович Преображенский напеваает вполголоса знаменитую арию верховного жреца Рамфиса: «К берегам священным Нила...»

Этими словами кончается булгаковская фантастико-сатирическая повесть, а нас ждет следующая глава...

---

⁷² Хочется предположить, что и фамилия ученого определена автором отчасти в связи с этим топографическим названием: Преображенский преобразует живые существа для научного эксперимента. Впрочем, были и реальные врачи с такой фамилией. Кроме уже упоминавшегося венеролога В. И. Преображенского из Мертвого переулка давал объявления о своей работе другой: «Д-р Преображенский. Специально мочеполовые. Тверская. Леонтьевский пер., д. 22. Прием от 5 до 8». Видимо, назначение времени было характерно для частных врачей. И это отразилось в повести: объявление, которое для Шарикова написал Борменталь, гласило: «Игра на музыкальных инструментах от 5 часов дня до 7 часов утра воспрещается»; 5 часов – начало приема. (Цит. по: Вопросы литературы, 1989, № 4. С. 171).

Глава третья

Где была «Зойкина квартира»?

Первая московская комедия Михаила Булгакова – «Зойкина квартира» – была завершена в конце 1925 года. Сам автор определил ее жанр как трагический фарс, называли ее и трагической буффонадой, и трагикомедией, и сатирической мелодрамой, и комитрагедией. Несколько раз переработанный первый ее вариант в трех действиях и семи картинах был принят к постановке Московским театром имени Евг. Вахтангова. Премьера состоялась 28 октября 1926 года вскоре после «Дней Турбиных» во МХАТе. Пьеса шла с большим успехом до весны 1929 года. Были ее постановки и в других городах страны.

Нет нужды пересказывать содержание этой пьесы, тем более что ее «окончательный текст», третий вариант 1935 года был опубликован в альманахе «Современная драматургия» и перепечатывался позже, а комментарий В. В. Гудковой ясно показывает, чем отличались эти оба варианта. О том, как родился замысел «Зойкиной квартиры», косвенно свидетельствует «Театральный роман»... «Из-под полу по вечерам доносился вальс, один и тот же... мне казалось, что внизу притон курильщиков опиума, и даже складывалось нечто, что я раз-вязно мысленно называл – „третьим действием“. Именно – сизый дым, женщина с асим-метричным лицом, какой-то фрачник, отравленный дымом, и подкрадывающийся к нему с финским отточенным ножом человек с лимонным лицом и раскосыми глазами. Удар ножом, поток крови...» – так рассказывает Максудов об убийстве Гуся Херувимом в третьем действии пьесы⁷³.

Есть и еще одно свидетельство, Л. Е. Белозерской (с 1924 по 1932 год – жена драматурга). «Однажды... появились двое, – пишет она в своей книге „О, мед воспоминаний“, – оба оказались из Вахтанговского театра. Помоложе – актер Василий Васильевич Куза, постарше – режиссер Алексей Дмитриевич Попов. Они предложили Михаилу Афанасьевичу написать комедию для театра. Позже, просматривая как-то отдел происшествий в вечерней „Красной газете“ (тогда существовал таковой), Булгаков натолкнулся на заметку о том, как милиция раскрыла карточный притон, действующий под видом пошивочной мастерской в квартире некой Зои Буяльской. Так возникла отправная идея комедии „Зойкина квартира“. Все остальное – интрига, типы, ситуация – чистая фантазия автора»⁷⁴. Этот рассказ подтверждает Павел Антокольский, заведующий тогда литературной частью Театра имени Евг. Вахтангова. А в телефильме «Михаил Булгаков» (1977) так воспроизводятся слова драматурга: «Вы думаете, что я написал „Зойкину квартиру“. Это Куза обмакнул меня в чернилницу и мною написал „Зойкину квартиру“!..»

Тема пьесы не была новой ни в литературе, ни в театре того времени. Еще в первой половине 20-х годов появилось немало произведений разных жанров, в которых сатирически изображался мир новых буржуа – нэпманов, стремящихся в сложной исторической обстановке отвоевать себе место под солнцем. Отзывался на злобу дня и тогда гудковский журналист. Его рассказы, очерки и фельетоны не проходили мимо нэпманской мелкобуржуазной, а подчас и контрреволюционной психологии и обывательского образа жизни. Рассказы и фельетоны, такие, как «Чаша жизни», «Четыре портрета», «Белобрысова книжка», «Обмен веществ», «№ 13 – Дом Эльпит-Рабкоммуна», «Спиритический сеанс», «Похождения Чичикова», «Триллионер» (из «Столицы в блокноте»), уличные зарисовки очерков «Сорок соро-

---

⁷³ Современная драматургия, 1982, № 2. С. 192–194. Кроме публикации пьесы в этом альманахе (С. 171–192) укажем еще две: Булгаков М. Пьесы. М.: Советский писатель, 1988. С. 333–378; Булгаков М. Пьесы 1920-х годов. Л.: Искусство, 1989. С. 161–248.

⁷⁴ Белозерская Л. О мед воспоминаний. Анн Арбор (США), Ардис, 1979. С. 29.

ков», «Москва краснокаменная», «Золотистый город», «Под стеклянным небом» и другие подготовили многие темы и мотивы «Зойкиной квартиры».

Московская театральная линия сатирической мелодрамы началась в 1924 году постановкой пьесы Бориса Ромашова «Воздушный пирог», затем была продолжена в 1925 году – «Мандатом» Н. Эрдмана, а в 1926 году вышли на суд зрителей пьесы А. Файко «Евграф – искатель приключений» и того же Б. Ромашова «Конец Криворыльска». Все пьесы были поставлены до «Зойкиной квартиры», но Булгаков, будучи знакомым со столичным театральным миром, знал их до выхода.

В этих пьесах можно найти своих Хлестаковых, Чичиковых, Расплюевых, современных жуликов и нэпманов, стремящихся любым путем собрать состояние, жить в разгульной роскоши или убежать за границу. Критика тех лет отмечала сходство Бориса Семеновича Гуся, одного из героев «Зойкиной квартиры», с финансовым авантюристом Семеном Раком из «Воздушного пирога», а Аметистова – с Севастьяновым из «Конца Криворыльска». Сегодняшние исследователи сравнивают Аметистова и с диккенсовским Джинглем, и с Остапом Бендером. Думается, что эти параллели можно продолжить, вспоминая героев – плутов из произведений классической литературы: это – Панург Ф. Рабле, это герои комедий Шекспира, Мольера, Лопе де Вега, Кальдерона, Бомарше: Фигаро, Труффальдино... Фигура эта аналогична и персонажам других произведений Булгакова. Кое в чем он схож с Шервинским из «Дней Турбиных»: такой же краснобай и лжец. В «Блаженстве» и «Иване Васильевиче» он трансформировался в Юрия и Жоржа Милославских, а в «Мастере и Маргарите» даже в кота Бегемота из дьявольской свиты Воланда.

А Зоя Денисовна Пельц? Были у нее прототипы, кроме Зои Буяльской? И сама Буяльская, кто она такая? Ряд исследователей пытались, просматривая «Вечернюю Красную газету» и вечерние выпуски «Красной газеты», выходившие в Ленинграде, отыскать в номерах за 1924–1925 годы заметку, о которой упоминает Л. Е. Белозерская. Увы, обо многих страшных событиях рассказывалось в этой газете в отделе происшествий и уголовной хроники, о теневой стороне жизни в северной столице. Были там похожие случаи, разоблачения, суды, но точно Зою Буяльскую найти не удалось. Зато привлек внимание громкий процесс, освещаемый печатью целую неделю. В начале октября 1924 года читатели вечернего выпуска «Красной газеты» могли прочитать репортаж о суде над группой лиц во главе с Аделью Адольфовной Тростянской, организовавшей притон и дом свиданий под видом пошивочной мастерской и массажно-маникюрного кабинета. Дело было поставлено широко. 27-летняя бывшая баронесса Тростянская для привлечения новых посетителей салона публиковала в газете объявления о массаже и уроках французского языка для взрослых. Хозяйка салона, ее компаньонки (Кукушкина, Селяминова-Урванцева, Брувер, Генчке) и компаньоны (Гурвич и именованный в процессе как «главный развратник» Борис Борисович Сечинский) получили по заслугам⁷⁵.

Значит, дела уголовных элементов Булгаков перенес в свою явно московскую пьесу (на титульных листах так и написано: «Действие происходит в городе Москве в 20-х годах XX столетия») с берегов Невы? Отчасти возможно, что новые газетные поиски приведут к нахождению именно Зои Буяльской, но сейчас ясно, что это могло быть взято драматургом

---

⁷⁵ Красная газета. Вечерний выпуск, 1924, 1 октября. С. 3. В этой же газете приблизительно в то же время много писалось о других подобных значных местах. Так, были известны аналогичные притоны артистки Александры Миляевой (баронессы фон Кюгель), Дорофеи Лафлер. 29 июля этого же года в газете писалось о «притоне разврата» некоей Королевой (по улице Войтика, 25). Она сняла большую квартиру, поселила четырех женщин и пригласила заведовать делами своего знакомого Смирнова, который следил за порядком и обыгрывал подвыпивших гостей: чем не Аметистов с его «шменде-фером» – железкой. А 19 августа газета поведала о притоне супругов Лещилкиных на улице Толмачева, 11. Они занимались сводничеством, а для отвода глаз висела вывеска «Портниха Эмма». Серия подобных примеров попала на страницы булгаковской пьесы.

из московских событий «Вечерней Москвы», так как московская «Вечерка» перепечатывала происшествия и из «Вечерней Красной газеты».

Пока же московские поиски привели к следующим результатам. Была в Москве содержательница притона по имени Зоя, ее поймали с поличным, разоблачили, судили. По иронии судьбы к ней домой во время ее ареста зашли за контрабандным вином (она занималась и подпольной торговлей) известные поэты-имажинисты Сергей Есенин и Анатолий Мариенгоф и были арестованы и посажены в тюрьму вместе с другими «зойкиными» гостями. Этот случай вылился в мемуарной книге А. Мариенгофа «Роман без вранья» в трагикомический эпизод, связанный с С. Есениным весной 1921 года: «На Никитском бульваре в красном каменном доме на седьмом этаже у Зои Петровны Шатовой найдешь не только что николаевскую белую головку, „Перцовку“ и „Зубровку“ Петра Смирнова, но и старое бургундское и черный английский ром. Легко избегаем на нескончаемую лестницу. Звоним условленные три звонка. Открывается дверь. Смотрю: Есенин пятится... В коридоре сидят с винтовками красноармейцы. Агенты проводят обыск»⁷⁶.

История с Зоей Шатовой попала в московскую печать. В это время Булгаков находился во Владикавказе, но, возможно, он читал центральные газеты или позже, листая их подшивки в Румянцевском музее, мог наткнуться на эту заметку? Предположим, что так, но на этом Зойкина история не кончается. Много позже, через несколько дней после снятия с репертуара пьесы, в «Огоньке» появилась большая с фотографиями статья следователя ВЧК Самсонова под названием «Роман без вранья» + «Зойкина квартира». И хотя весь критический запал ее был обрушен на роман А. Мариенгофа (имя же Булгакова не упоминалось, и не было даже намек на существование пьесы под таким названием, прошедшей тогда по многим театрам страны), интересен с исторической точки зрения этот рассказ как бы про-тотипа булгаковского «товарища Пеструхина».

«Зойкина квартира, – пишет Самсонов, – существовала в действительности. У Никитских ворот, в большом красного кирпича доме на седьмом этаже посещали квартиру небезызвестной по тому времени содержательницы популярного среди преступного мира, литературной богемы, спекулянтов, растратчиков, контрреволюционеров специального салона для интимных встреч Зои Шатовой. Квартиру Зои Петровны Шатовой мог посетить не всякий. Она не для всех была открыта и доступна. Свои попадали в Зойкину квартиру (так, без кавычек, у Самсонова. – *Б. М.*) конспиративно, по рекомендации, паролям, условным звонкам. Для пьяных оргий, недвусмысленных и преступных встреч Зойкина квартира у Никитских ворот была удобна: на самом верхнем этаже большого дома, на отдельной лестничной площадке, тремя стенами выходила во двор, так что шум был не слышен соседям. Враждебные советской власти элементы собирались сюда как в свою штабквартиру, в свое информационное бюро»⁷⁷.

Что и говорить, красочное и топографически точное описание. Следуя ему, придем на нынешний Никитский бульвар к дому 15. Эта краснокирпичная громада и сейчас велика даже по нынешним московским масштабам. Подъезд первый, этаж, правда, шестой с половиной, и единственная на последней лестничной площадке квартира 18. Сейчас эта старая московская коммунальная квартира с шестью комнатами едва ли помнит о своем печальном прошлом. Стены ее действительно выходят выступом во двор, как и все под ней расположенные квартиры подъезда этого старого доходного дома, построенного в 1911 году главным инженером Московского университета А. С. Гребенщиковым.

Но все-таки «адрес» Зойкиной (Зои Пельц) квартиры у Булгакова другой, и в другом, хоть и недалеко от Никитского бульвара районе Москвы. Поиску его поможет вниматель-

---

⁷⁶ Мариенгоф А. Роман без вранья. Л.: Прибой, 1927. С. 105.

⁷⁷ Огонек, 1929, № 10. С. 5.

ное прочтение первой редакции пьесы и свидетельство еще одного мемуариста, видного ученого В. А. Левшина, в 20-е годы студийца Камерного театра и соседа драматурга по первому его московскому жилищу на Большой Садовой, в доме 10. Он усматривает прототип главной героини пьесы в жене жившего здесь и имевшего свою мастерскую театрального художника Г. Б. Якулова Наталье Юльевне Шифф, женщине странной, броской внешности. «Есть в ней что-то от героинь тулуз-лотрековских портретов, – вспоминает Левшин, – великолепные золотистые волосы, редкой красоты фигура и горбоносое, асимметричное, в общем далеко не миловидное лицо. Некрасивая красавица... О ней говорили по-разному. Некоторые восхищались ее элегантностью и широтой. Других шокировала свобода нравов, которая царил в ее доме: студия Якулова пользовалась скандальной известностью. Здесь, если верить слухам, собирались не только люди богемы, но и личности сомнительные, темные дельцы, каких немало расплодилось в эпоху нэпа. И доля правды в этих обывательских пересудах, оче-видно, была»⁷⁸.

В пользу этого прототипа говорит не только сходство иноязычных фамилий (Шифф-Пельц) и асимметричность лица (из истории постановки известно, что Булгаков настаивал на том, чтобы у Зойки было асимметричное лицо; и исполнительница роли знаменитая Ц. Л. Мансурова играла ее с разными бровями: левая выше правой), но и то, что Зойкина квартира скорее всего помещена автором именно в доме 10 по Большой Садовой улице. Черты ее есть и в якуловской квартире-мастерской, и в левшинской квартире 34 пятого этажа правого крыла дома, где писатель жил в 1924 году вместе с самим Левшиным.

Действительно, в ремарках пьесы постоянно упоминается двор громадного дома, играющий, как страшная музыкальная табакерка, пылающий майский закат в окнах (этот закат отражается в окнах знаменитой квартиры номер 50, расположенной через двор зеркально по отношению к 34-й квартире; позже в пьесе сказано, что эти напротив лежащие окна зажигаются одно за другим), гудение трамвая. Наконец, прямо говорится, что эта квартира на Садовой, и там слышна отдаленная музыка из «Аквариума» (имеется в виду летний сад, расположенный вблизи этого дома на Большой Садовой, 16, где давались концерты на открытой эстраде), и что она расположена на пятом этаже и шестикомнатная, что соответствует прекрасно сохранившейся до наших дней 34-й квартире.

Об этом знаменитом доме на Большой Садовой улице, во двор и шестое парадное котло-рого (где наверху «нехорошая квартира 50») теперь приходят и приезжают москвичи и гости столицы со всего мира, мы уже знаем из первой главы. Вновь мы вернемся к его топографии при рассказе о романе «Мастер и Маргарита».

Конечно, образ Зойки Пельц достаточно собирателен и в какой-то степени, к сожалению, был типичен для того времени. Так же собирательны фигуры бывшего графа Оболя-нинова, нэпмана Гуся, гостей Зои, работниц и заказчиц ее пошивочной мастерской, хотя в каждый персонаж драматург вложил свою индивидуальную «изюминку», свое собственное отношение. Более того, ряд образов у него переходит каждый раз в несколько измененном виде из произведения в произведение.

Взять хотя бы преддомкома Аллилу-Портупею, наиболее ненавистный Булгакову тип хозяина «квартирного вопроса». Черты его можно узнать и в «барашковой шапке» рассказа «Воспоминание», и в Егоре Нилушкине из «Дома Эльпит», и в «красном как флаг» (от само-гона) председателе правления из «Самогонного озера», и в Бунше Корецком из «Блаженства» и «Ивана Васильевича», и конечно же в незабвенном Никаноре Ивановиче Босом, постра-давшем в романе «Мастер и Маргарита».

Бойкая «племянница Манюшка» взята прямо из жизни. Девушка-прислуга с таким именем была у знакомых драматурга супругов Коморских, живших неподалеку, в Малом

⁷⁸ Воспоминания о Михаиле Булгакове. М.: Советский писатель, 1988. С. 171.

Козихинском переулке, 12. Жена адвоката В. Е. Коморского Зинаида Николаевна была симпатична Булгакову, о ней и о ее Манюшке рассказано в очерке «Москва 20-х годов», а сама квартира Коморских попала в «Театральный роман». Вообще, наличие в доме прислуги, домработницы символизировало для писателя образ обеспеченной благополучной семьи, добропорядочного дома. Были домработницы и в семье самого Булгакова в последнее десятилетие его московской жизни. Реальные лица: Анюта в «Белой гвардии», Ксюшка в «Спиритическом сеансе» (она же горничная в «Записках на манжетах»). А Бетси в «Багровом острове» и Наташа в «Мастере и Маргарите» продолжают эту галерею.

Парочка гостей: адвокат Роббер и ростовский Иван Васильевич – тоже из жизни. И у В. Е. Коморского, и у их общего с Булгаковым знакомого, тоже адвоката, Давида Кисельгофа вполне могли быть такие коллеги. Еще раньше писатель заклеил такого «бывшего при-сяжного поверенного» в остросатирическом фельетоне «Четыре портрета». А вечно пьяный гость Иван Васильевич из Ростова далеко не безобидная фигура. Возможно, автор встречал таких типов на дорогах Гражданской войны, в том числе и в Ростове, куда его заносила нелегкая судьба.

Особый разговор – о «булгаковских китайцах». Ведь китайская прачечная выделена как своего рода филиал, темные кулисы квартиры Зои Пельц. Умея наблюдать и примечать более других, Булгаков приметил опасное и коварное явление 20-х годов, дно дна, подполье «Зойкиных квартир»: китайские прачечные, где тихие и льстивые раскосые мужчины идеально стирали и крахмалили белье. Это были китайцы, принесенные в крупные русские города несколькими волнами миграции (после боксерского восстания в Китае 1900 года, после русско-японской войны, после 1917 года и незаметно обосновавшиеся по подвалам, откуда валили на улицы клубы пара. Несколько десятков таких прачечных были офици-ально зарегистрированы и в Москве. Все бы ничего, тем более что с этой стороны службы быта тогда было туговато, да вот беда: быстро почуяв конъюнктуру и спрос, «шафранные жители поднебесной империи» начали подпольно торговать контрабандным рисовым спир-том (были у них специальные спиртоносы-ходоки, отсюда, видимо, и русское прозвище всех китайцев – ходя), опиумом, кокаином, морфием. Во время революции и Гражданской войны эта деятельность несколько приутихла, но при нэпе она расцвела пышным и ядовитым цве-том. Именно поэтому было принято решение выселить всех китайцев, и в конце 1920-х – начале 1930-х годов они отправились стирать белье к себе на родину. Одну из таких полу-прачечных, полуопийнокурительных притонов описал Булгаков в своей комедии.

Писатель не впервые изображал китайцев. В уже известном нам рассказе 1923 года «Китайская история» главными персонажами оказываются два китайца: старый и молодой. Молодой китаец Сен-Зин-По, хотя и курит опиум, показывает себя храбрым пулеметчиком Красной Армии на фронтах Гражданской войны и героически погибает. В «Зойкиной квар-тире» другие китайцы. Автор пьесы, видимо, достаточно много наблюдал их быт, слушал их «русскую» речь: старожилы-москвичи вспоминают, как комически она звучала и как точно перенес ее драматург в текст пьесы⁷⁹. Старый вахтанговец И. М. Толчанов рассказывал нам, как мастерски передавал Булгаков речь «своих» китайцев при чтении в театре пьесы, где Толчанов тогда играл роль Газолина. Имя Херувима – Сен-Зин-По точно перенесено из «Китай-ской истории». Ган-Дза-Лин (так правильно зовут Газолина) обязан своим происхождением, видимо, китайскому генералу Чжан Цзолину, о котором много писали тогдашние газеты.

Где же могла быть эта китайская прачечная? По приметам, разбросанным в пьесе, видно, что она находилась где-то на Садовой, и не рядом с квартирой Зои: та посылает за

---

⁷⁹ Вспоминают не только москвичи. В той же «Красной газете. Вечерний выпуск» за 8 октября 1925 года была напеча-тана, например, заметка С. Томского, где тоже говорится о китайцах: «Китаец радостно улыбается и говорит: „Ходи Китай лохо. Ходи России каросо. Ходя любит совет. Ходя русский баба дженился. Каросий баба. Карасивий! Дзирний!“» Так же примерно говорят «по-русски» и булгаковские китайцы, и брачные намерения у них похожие.

китайцем Манюшку на извозчике. Ближайшая прачечная оказалась почти напротив дома Коморских, где часто бывал Булгаков. Ее адрес: Малый Козихинский переулок, 7 (дом на углу с Большим Козихинским переулком – бывшей улицей Остужева не сохранился), и название – «Шанхайская» – хранят старые московские справочники. В булгаковской пьесе слова «Шанхай», «шанхайская» повторяются довольно часто: сами китайцы оттуда родом, туда убегает (или пытается убежать) Херувим с Манюшкой. А одна из старожилков этого переулка, архитектор С. З. Долинская хранит до сих пор вещи с вышитыми на них красными иероглифами-метками этой прачечной.

Несмотря на все теневые перипетии, на злую трагикомическую, скандальную ситуацию в булгаковской пьесе присутствует столь нежная материя, как настоящая и неподдельная любовь. Но не такая высокая и романтическая, как в будущем романе о Мастере и Маргарите, а приземленная, бытовая, изломанная, несчастная, показанная в контексте пьесы гротескно и сатирически. Любовь к Обольянинову в конечном счете движет Зойкой, которая хочет увезти его в Париж. По-своему любят Манюшку оба китайца. Гусь любит Аллу, из-за нее он бросил семью и жестоко страдает перед своей гибелью. Алла, чтобы встретиться с любимым человеком в Париже, идет на сатанинский соблазн Зойки. Реплика Аллы: «Знаете, кто вы, Зойка? Вы – черт!», которой очень дорожил Булгаков и которую театр выкинул, соотносит ее с сюжетом сцены разговора Маргариты и Азазелло в «закатном» романе. Как демон Азазелло возможной встречей с Мастером интригует несчастную Маргариту, так Зойка соблазняет влюбленную Аллу парижскими Большими бульварами, даря ей своего рода бесовский знак – сиреневое платье от Пакена. А бал у Зойки с оглушительным фокстротом и не менее оглушительным скандалом и убийством в его финале не проецируется ли на будущий бал Сатаны, тоже завершившийся смертью гостя?

Арестом Зойки и ее клиентов заканчивается пьеса. Порок наказан, несмотря на то, что некоторые герои временно ускользнули от правосудия. Зойкина квартира в финале спектакля исчезает, как сон. Но с ее исчезновением в конце пьесы отрицательные явления, наблюдаемые драматургом в жизни, все равно оставались. Вот о них-то, и в частности в области искусства и театральной политики, была следующая булгаковская комедия.

Вторая комедия Булгакова «Багровый остров (Генеральная репетиция пьесы гражданина Жюля Верна в театре Геннадия Панфиловича. С музыкой, извержением вулкана и английскими матросами. В 4-х действиях с прологом и эпилогом)»⁸⁰ оказалась несравненно более значительной. Написанная в 1927 году одновременно с первой редакцией «Бега», она была поставлена режиссерами А. Таировым и Л. Лукьяновым в Камерном театре в конце 1928 года и шла всего три месяца, потом была снята с репертуара одновременно с двумя другими пьесами драматурга: «Днями Турбиных» и «Зойкиной квартирой». Сам автор назвал «Багровый остров» драматическим памфлетом, современный исследователь называет ее «сатирической комедией» и «комедией-пародией».

В центре этой пьесы две взаимосвязанные проблемы: разоблачение халтурного, псевдореволюционного искусства и борьба против чиновнических методов руководства художественным творчеством. Сложное и оригинальное построение «Багрового острова» продиктовано идейным замыслом драматурга. Комедия написана в стиле своеобразной театральной игры, капустника, с использованием условного приема «театра в театре». Действие ее развивается стремительно. В одном из московских театров срочно репетируется остро-современная «до мозга костей идеологическая пьеса» Василия Артуровича Дымогацкого (псевдоним Жюль Верн) «Багровый остров», события в которой происходят на острове, населенном «красными туземцами, кои живут под властью белых арапов». На острове царствует тиран Сизи-Бузи, опирающийся на гвардию и на проходимца и демагога Кири-Куки. Во

---

⁸⁰ Булгаков М. Чаша жизни. М.: Советская Россия, 1989. С. 291–374.

время извержения вулкана Сизи-Бузи погибает, повелителем острова становится Кири-Куки. Однако «красные туземцы» поднимают бунт, Кири-Куки бежит в Европу с остатками «белых арапов» и находит поддержку у лорда Гленарвана (у европейцев имена и костюмы персонажей романов Жюль Верна), который снаряжает корабль (это, конечно же, яхта «Дункан») для подавления восстания. В первом варианте пьесы Дымогацкого европейцы ретируются, испугавшись отравленных чумой стрел туземцев. По вынужденному второму варианту («международной революцией»), «английские матросы» поднимают восстание, сбрасывают в море своих угнетателей и возвращаются на остров, чтобы передать победившим «красным туземцам» свой братский пролетарский привет. В прологе и эпилоге комедии изображены картины закулисной жизни театра и трагикомическая борьба за разрешение пьесы Дымогацкого.

Итак, Булгаков написал пародию. Пародию на кого? В первую очередь, конечно, это остроумная и злая пародия на современную ему драматургическую стряпню с революционным сюжетом или подделкой под него. В жизни писатель встречался многократно с таким явлением, знал театральную быт и закулисную кухню театра, да и сам, пожалуй, будучи начинающим драматургом, приложил руку к подобным литературным поделкам. Его первые владикавказские пьесы «Самооборона», «Братья Турбины» были написаны по горячим следам Гражданской войны на Северном Кавказе. Да и «Парижские коммунары» рассказывали о революционных событиях во Франции. Все три пьесы Булгаков даже посылал в Москву на конкурс в ТЭО Наркомпроса, но они были отвергнуты, и он их впоследствии уничтожил. А в уже знакомой нам автобиографической прозе – «Записки на манжетах» и «Богема» – он рассказал с большой иронией об этих первых опытах. Причем местных жителей там он шутливо называет туземцами. Не борьба ли революционно настроенных ингушей, осетин, чеченцев и других народностей острова-города среди гор и долин – Владикавказа – против белогвардейцев генерала Эрдели («белых арапов») и отражение этой борьбы в собственных первых пьесах была спародирована драматургом через семь лет? Очень возможно. Это подтверждается и ироничным рассказом самого Булгакова о сочинении им пьесы «Сыновья муллы» (о борьбе ингушей с самодержавием) в соавторстве с юристом кумыком Туаджином Пейзулаевым («Записки на манжетах»):

«Помощник присяжного поверенного, из туземцев, научил меня. Он пришел ко мне, когда я молча сидел, положив голову на руки, и сказал:

– У меня тоже нет денег. Выход один – пьесу нужно написать. Из туземной жизни. Революционную. Продадим ее...

Через семь дней трехактная пьеса была готова. Когда я прочитал ее у себя в нетопленной комнате, ночью, я не стыжусь признаться, заплакал! В смысле бездарности – это было нечто совершенно особенное, потрясающее! Что-то тупое и наглое глядело из каждой строчки этого коллективного творчества...

Писали же втроем: я, помощник поверенного и голодуха. В 21-м году, в его начале...»⁸¹

Красноречивые признания. Как соотносятся они с горькими словами Дымогацкого, когда у него зарезали первый вариант пьесы: «Так, стало быть, опять чердак!

Сухая каша на примусе... рваная простыня... Ночью звезды глядят в окно треснувшее, и не на что вставить новое!.. Полгода, полгода я горел и холодел, встречал рассвет на Плющихе с пером в руках, с пустым желудком... в редакции бегал, пороги обивал, отчеты о пожарах писал...»⁸²

В этом страстном и горьком монологе присутствует и сам Булгаков, отчаянно борющийся с безденежьем в начале своей московской карьеры.

---

⁸¹ Булгаков М. Избранные произведения в 2 т. Т. 1. Киев: Днипро, 1989. С. 679–680.

⁸² Булгаков М. Чаша жизни. М. Советская Россия, 1989. С. 368.

Этой пьесе-пародии предшествовал одноименный фельетон, опубликованный 20 апреля 1924 года в «Литературном приложении» берлинской газеты «Накануне». Подзаголовок фельетона: «Роман тов. Жюль Верна. С французского на эзоповский перевел Михаил А. Булгаков». А через три года появилась пьеса-пародия, где, по справедливой оценке лите-ратуроведа Ю. В. Бабичевой, «предметом пародии стало явление литературного процесса, названное тогда же „красным стилизаторством“, то есть поверхностное приспособление ста-рых форм искусства к новым идейным задачам... а также пародия театральная, пародия на сложившуюся и окостенелую систему театральных штампов, бессильную воплощать новые идеи»⁸³. Добавим, пародия на некоторых театральных деятелей театров, работников Главре-перткома, театральных критиков, формирующих общественное мнение и административ-ную политику в искусстве.

Персонажи самой пьесы Жюль Верна ясны: так пародирует Булгаков-Дымогацкий мнение капиталистической и новоэмигрантской прессы о событиях в России обоих револю-ций, интервенции и Гражданской войны. Кроме Керенского (Кири-Куки), просматривается пародия на белогвардейских генералов (Ликки-Тикки).

Зато конкретный «Театр Геннадия Панфиловича» с актерами, фамилии которых и крат-кие характеристики приведены, найти трудно. Нигде, например, одновременно не шли пьесы «Смерть Иоанна Грозного», «Мария Стюарт», «Царь Эдип» и «Горе от ума», – названия, фигурирующие в тексте. Образ театра дан собирательно. Видимо, драматург и сделал так, чтобы фамилии и имена специально не совпадали с именами московских актеров и руко-водителей театров. Справочники «Театральная Москва» подтверждают это уважение Булга-кова к своим коллегам.

И все-таки некоторые театральные аналогии можно проследить, если вспомнить отно-шение драматурга к современному ему так называемому «левому искусству», эстетиче-скую платформу которого он решительно не разделял. Известно отношение Булгакова к В. В. Маяковскому, В. Э. Мейерхольду, к пролеткультовцам, с которыми он боролся за Пуш-кина еще во Владикавказе. Ведь в то время раздавались категорические требования сбросить с корабля современности Тургенева и Чехова, закрыть буржуазные Большой и Художествен-ный театры, сдать в архив оперы «Аида», «Дубровский», «Риголетто», «Травиата». Толчком же к написанию пьесы по канве своего старого фельетона были, думается, не только личные трудности с постановкой «Дней Турбиных» и «Бега», – пьес о гражданской войне. А и тот факт, что к 10-й годовщине Октября в репертуарах московских театров появились спектакли, приуроченные к этому событию. Но спектакли, по мнению Булгакова, художественно слабые и даже где-то напоминавшие пьесу Дымогацкого. Среди них могли быть и постановки таких пьес, как «1917» Н. Суханова и И. Платона в Малом театре, «Взятие Бастилии» Р. Ролана во Втором Художественном театре (где, кстати сказать, шла пьеса «Смерть Иоанна Грозного» А. К. Толстого), «Голгофа» Д. Чижевского в Театре революции, «Мятеж» по книге Д. Фур-манова в Драматическом театре имени МГСПС.

Особенно была уязвима для критики действительно почти современная «вампука»⁸⁴, но поставленная всерьез, – пьеса Г. Венецианова «Джума Машид», шедшая в Москов-ском драматическом театре (бывш. Корша) и в Ленинградском Большом драматическом театре. Пьеса по своей идее затрагивала проблему борьбы колониального Востока, расска-зывала о национальных, религиозных и классовых противоречиях, раздирающих Индию. Однако художественное решение данной проблемы было ниже всякой критики. Это была голая иллюстрация в рамках заранее обдуманного намерения. Ни «сверхреволюционное»

⁸³ Жанры в историко-литературном процессе. Межвузовский сборник. Вологда, 1985. С. 144–145.

⁸⁴ От названия оперы-пародии, осмеивающей рутину оперных спектаклей, поставленной в 1908 году в театре «Кривое зеркало». Это слово стало нарицательным и обозначает все ходячее и трафаретное в театральных постановках.

содержание, ни попытка автора оживить действие сложной любовной интригой и местным колоритом не скрывали ее схематизма. «Взята готовая схема и маски, – писал рецензент спектакля И. Кальменс в 1928 году. – Добрые маски: умирающий с голоду пролетарий и революционные вожди. Злые маски: угнетатели и эксплуататоры, буржуи и англичане. Доб-рые маски ударяют себя в грудь и произносят возвышенные речи, а злые – строят злодейские рожи, угрожают и... разлагаются в фокстроте»⁸⁵.

Что ж, убийственная рецензия, помимо всего показывающая, что именно эта пьеса могла стать источником вдохновения для пародии Булгакова. Могла, но где она шла? Дума-ется, что не в бывшем Корше (нынешний филиал МХАТа), а в другом театре, на роль кото-рого, кажется, больше всего подходит Театр обозрений Дома печати на Никитском бульваре, 8а. И не только потому, что этот театр специализировался на «обозрениях на злободнев-ные политические и бытовые темы», на театральных и литературных пародиях, не только потому, что режиссером-постановщиком там был Н. Фореггер с его левоформалистическими исканиями (как пародию на них, у А. Таирова сделали танцевальную пантомиму «Восста-ние» в постановке Наталии Глан), но еще и, думается, потому, что председателем совета театра, то есть его фактическим директором, был не кто иной, как Осаф Литовский, критик и злой гений Булгакова, шельмовавший все основные его произведения. Именно его писатель вывел как О. Латунского в «Мастере и Маргарите»⁸⁶.

Не обошел своим «вниманием» этот критик и вторую комедию драматурга. Подводя итоги театрального 1928/1929 года сезона, О. Литовский писал: «...в этом году мы имели одну постановку, представлявшую собой злостный пасквиль на Октябрьскую революцию, целиком сыгравшую на руку враждебным нам силам: речь идет о „Багровом острове“»⁸⁷. На это Булгаков, защищая свою пьесу, гордо и честно ответил, с присущей ему прямоотой, в своем письме Правительству СССР 28 марта 1930 года⁸⁸.

Писательский метод Булгакова с весьма точными историко-топографическими реали-ями проявил себя в достаточной степени и в дальнейшем творчестве драматурга. В пьесе «Бег» эти места названы почти точно уже во вступительных ремарках к практически каж-дому «сну», в комедии «Адам и Ева» действие происходит в Ленинграде и в его приго-родах, и дотошные читатели вполне могут при желании разыскать эти места. Последняя пьеса «Батум», о революционном движении в Закавказье, также географически и историче-ски определена и точна. Может быть, поэтому пьесы остаются самостоятельными литера-турными произведениями с яркими речевымим характеристиками персонажей, с неожидан-ными поворотами событий и с ароматом времени, запечатленном в ремарках, определяющих реальную жизнь.

---

⁸⁵ Рабочий и театр, 1928, № 11. С. 3.

⁸⁶ Стоит упомянуть еще об администрации и руководстве этого театра как о возможных кандидатурах на персонажи в «театре Геннадия Панфиловича». Кроме О. С. Литовского и Н. М. Фореггера, можно назвать позже известного компо-зитора, а в театре – заведующего музыкальной частью Матвея Израильевича Блантера (чье имя и отчество как бы транс-формировалось в Лайя Исаича, спародировав пасхальный псалом: «Ликуй, Исикуя!») и помощника режиссера Владимира Алексеевича Горского (возможно, это тот закулисный Володька, к которому постоянно обращается Метелкин).

⁸⁷ Известия, 1929, 20 июня. С. 4.

⁸⁸ Булгаков М. Письма. Жизнеописание в документах. – М.: Современник, 1989. С. 174.

Глава четвертая

Тайны «Тайного друга» и «Театрального романа»

Роман с театром у Булгакова начался не во Владикавказе или в Москве, где он в полной и убедительной мере проявил себя как талантливый драматург, инсценировщик, либреттист. А значительно раньше, еще в детстве. Главная заслуга здесь принадлежит, конечно, матери писателя. Видимо, от рождения было в дочери орловского священника что-то, что она смогла передать своему первенцу Михаилу. В других детях Варвары Михайловны литературные и драматургические таланты практически не проявлялись.

Началось все с домашних спектаклей, живых картин, показов, театрализованных шарад и буриме, очень популярных в интеллигентных семьях тогдашней России. Большое значение имела и активная в Киеве в начале века театрально-музыкальная атмосфера. На этой благодатной почве и сформировались интересы и талант Булгакова. Первыми его театральными подмостками были домашние спектакли на даче в Буче под Киевом – загородном доме булгаковской семьи. Объединялись и с другими дачниками-театралами, давали летом спектакли с настоящими и сохранившимися до наших дней программками. Булгаков впоследствии не забыл бучинские дачные спектакли: в пьесе «Багровый остров» драматург Дымогацкий, наделенный некоторыми автобиографическими чертами, сообщает, что он когда-то играл на даче, и это явилось решающим доводом для включения его на исполнителя роли.

Как признавался сам писатель, прозаические произведения и драматургия для него – это как правая и левая рука пианиста. И действительно, творческое наследие Булгакова напминает такую «партитуру», где драматургия по форме аналогична его прозе, а прозаические произведения близки к формам драматургическим, и именно они в первую очередь поэтому легко и охотно инсценируются. А начал это делать сам автор. Роман «Белая гвардия» дал пьесе «Дни Турбиных». Сам процесс написания романа, создания и постановки пьесы отразился в его неоконченной автобиографической прозе – повести «Тайному другу» и «Театральном романе».

Даже такая неприхотливая и вынужденная для Булгакова форма творчества, как фельетоны на злобу дня в газетах «Гудок» и «Накануне», не оказалась лишней в его биографии. И они, как и другая его проза, бывали предельно театрализованы, а иногда имели и по форме вид небольшой одноактной пьески, сценки, этюда. Духом театральности проникнута повесть «Тайному другу», написанная в сентябре 1929 года и посвященная тогда действительно тайному другу писателя – Е. С. Шиловской.

Фактически это беллетризованная автобиография Булгакова, и конечно, с преувеличениями, отступлениями и театральными эффектами. Рассказ о том, как излагающий события пишет сначала повесть, затем роман, его издательские трудности, работа в газете... Повесть «Тайному Другу» обрывается на полуфразе, и можно лишь только предположить, как будет воспринят в литературных кругах роман сочинителя⁸⁹.

Та же канва и в «Театральном романе» («Записках покойника»), но она имеет существенное продолжение: обсуждение романа, написание по его канве пьесы (сцена знаменитой «коробочки»), трагикомедия ее репетиций в Независимом театре. Но «Театральный роман» тоже не закончен, считается, что написано немногим более половины из задуман-

---

⁸⁹ Булгаков М. Избранные произведения в 2 т. Т. 1. Киев: Днипро, 1989. С. 713–740.

ного⁹⁰. А что должно было быть дальше, мы можем узнать только из воспоминаний Е. С. Булгаковой в изложении В. Я. Лакшина.

«Роман должен был двигаться дальше примерно по такой канве: драматург Максудов, видя, что его отношения с одним из директоров Независимого театра – Иваном Васильевичем – зашли в тупик, как манна небесная ожидает возвращения из поездки в Индию второго директора – Аристарха Платоновича. Тот вскоре приезжает, и Максудов знакомится с ним в театре на его лекции о заграничной поездке. (Эту лекцию Булгаков уже держал в голове и изображал оратора и слушателей в лицах необычайно смешно...)

К огорчению, драматург убеждается, что приезд Аристарха Платоновича ничего не изменит в судьбе его пьесы – а он столько надежд возлагал на его заступничество. В последней незаконченной главе Максудов знакомится с молодой женщиной из производственного цеха, художницей Авророй Госье. У нее низкий грудной голос, она нравится ему. Бомбардов уговаривает его жениться (эта незаконченная 16-я глава так и называется – „Удачная женитьба“. – Б. М.). Но вскоре она умирает от чахотки. Между тем спектакль по пьесе Максудова, претерпевший на репетициях множество превращений и перемен, близится к премьере... Булгаков хотел изобразить взвинченную, нервную обстановку первого представления, стычки в зале и за кулисами врагов и почитателей дебютанта. И вот премьера позади. Пренебрежительные, оскорбительные отзывы театральной прессы глубоко ранят Максудова. На него накатывает острый приступ меланхолии, нежелания жить. Он едет в город своей юности (тут Булгаков руки потирал в предвкушении удовольствия – так хотелось ему еще раз написать о Киеве). Простившись с городом, герой бросается головой вниз с Цепного моста, оставляя письмо, которым начат роман...»⁹¹

Таким образом, пусть и в незавершенном виде, в обоих неоконченных произведениях Булгаковым была сделана уверенная и талантливая попытка в художественной форме изобразить происходившие с ним события начала – середины 1920-х годов. В том числе, и свою работу журналистом газеты «Гудок» в повести «Тайному другу»⁹².

В комментариях к этой повести и к «Театральному роману» о прототипах героев сказано достаточно подробно⁹³. Здесь же попробуем расшифровать их малоисследованные страницы. Роман, который пишет (и напишет, и издаст) автор-рассказчик, – булгаковская «Белая гвардия», печатавшаяся в журнале «Россия» редактором Исаем Григорьевичем Лежневым, действительно высланным за границу, но потом возвращенным и назначенным на крупный идеологический пост. У Булгакова он сначала редактор журнала «Страна» Рудольф Рафаилович (или Максимович), потом, в «Театральном романе», – Илья Иванович Рудольфи, редактор «Родины». В несимпатичной фигуре Макара Борисовича Рвацкого скрывается буквально злой гений Булгакова Захар Леонтьевич Каганский, также эмигрировавший и доставивший много неприятностей писателю пиратскими, в нарушение авторского права публикациями его произведений и их переводов за рубежом.

Условия жизни рассказчика (в комнате с продраным диваном и абажуром из газеты на седьмом этаже дома в Хомутовском тупике, у Красных ворот в Москве) и малопривлекательные бытовые детали – это проекция страданий Булгакова в «нехорошей квартире» № 50 на Большой Садовой – тогдашнем его жилье.

«Хорошие фельетоны» в «Сочельнике» – так, и вполне справедливо, охарактеризовано сотрудничество Булгакова в берлинской газете «Накануне», где им было опубликовано более

---

⁹⁰ Булгаков М. Избранные произведения в 2 т. Т. 2. Киев: Днипро, 1989. С. 183–332.

⁹¹ Лакшин В. Булгакиада. М.: Правда, 1987 (Библиотека «Огонек», № 35). С. 21–22.

⁹² Булгаков М. Избранные произведения в 2 т. Т. 1. Киев: Днипро, 1989. С. 724–728.

⁹³ Памир, 1987, № 4. С. 135–137; Новый мир, 1987, № 8. С. 164–165, 180–201; Булгаков М. Чаша жизни. М.: Советская Россия, 1988. С. 578–579; Булгаков М. Избранные произведения в 2 т. Т. 1. Киев: Днипро, 1989. С. 764; Т. 2. С. 726–731.

20 очерков и сатирических рассказов. Помещалась московская редакция «Накануне» на первом этаже дома Нирнзее. Мемуары «листа на четыре приблизительно печатных» – булгаковская повесть «Записки на манжетах», частично опубликованная в «Литературном приложении» к «Накануне» в июне 1922 года.

«Приехавший из Берлина... человек с желтым портфелем из кожи какого-то тропического гада» (в нем узнают одного из руководителей газеты «Накануне» П. А. Садыкера) хоть и заплатил за издание повести, но она так и не вышла, что отметил Булгаков в автобиографии 1924 года.

Второй опубликованный отрывок связывается с неким альманахом. Название его легко расшифровать, если знать, что этот отрывок появился во втором томе (1923) московского литературно-художественного альманаха «Возрождение». Там редактор Петр Ярославцев представлен собственным рассказом «Эксплоататор»⁹⁴ (у Булгакова – «Злодей»), а также кроме «Записок на манжетах» напечатан рассказ Джека Лондона «Смирительная рубашка», рассказы Б. Пильняка, Ю. Слезкина, Е. Зозули, Л. Леонова, стихи М. Цветаевой, О. Ман-дельштама...

С газетой «Накануне» у Булгакова связан целый пласт жизни и знакомств. Здесь он получил европейскую известность, как один из ведущих московских журналистов и фельетонистов. Редактировавший «Литературное приложение» газеты Алексей Толстой даже огорчился, что Булгакова шлют ему в Берлин мало и редко. «Шлите побольше Булгакова!» – писал он в Москву⁹⁵. Упомянем еще об одном знакомом писателя из берлинской газеты – Юрии Николаевиче Потехине (1890–1938), писавшем под «зеркальными» псевдонимами Скиф и Ф. Икс. Участник пражского сборника «Смена веков» и одноименного парижского журнала, он в 1922–1923 годах был и в редколлегии «Накануне»⁹⁶. По возвращении в Москву Потехин жил на углу Большого Златоустинского переулка и Маросейки, 7, квартира 14). Его незавидное поначалу жилье отразилось у Булгакова в «Москве 20-х годов», где Юрий Николаевич страдает в этом шестиэтажном доме, правда, в вымышленном Златоуспенском переулке.

Вторая, «московская» часть «Записок на манжетах» связана с уже известным нам журналом «Россия» и его редактором И. Г. Лежневым, или Рудольфом. Об этом рассказано в «Тайном друге» с удовольствием.

Описание в повести «Тайному Другу» работы рассказчика в «одной большой газете» занимает едва ли не самое значительное место, и, напротив, в «Театральном романе» о работе Максудова в газете «Пароходство» (или «Вестник пароходства») рассказывается скупо и глухо. В общем, это отражает биографическую реальность, если представить это «Пароходство» как газету речников «На вахте», а «большую газету» – как «Гудок», где Булгаков проработал с 1922 по 1926 год.

Редакция последнего издания тогда, как и теперь, находилась в Большом Чернышевском переулке (бывшая улица Станкевича), в доме 7. Но в начале 20-х годов она меняла свой адрес: была и на улице Коммуны (теперь Новая Басманная улица), 13, и в знаменитом Дворце труда (бывш. Екатерининский Воспитательный дом) на Москворецкой набережной (улица Солянка, 12), прославленном позже И. Ильфом и Е. Петровым в «Двенадцати стульях».

Обратимся к прототипам «газетных» сцен повести. Помогающий устроиться в газету «симпатичный журналист Абрам» – это Арон Исаевич Эрлих, работавший с Булгаковым еще в Лито Главполитпросвета и рекомендовавший его на работу в газету железнодорожников

---

⁹⁴ Так в авторской орфографии звучало в альманахе это название.

⁹⁵ Миндлин Э. Молодой Булгаков // Воспоминания о Михаиле Булгакове. М.: Советский писатель, 1988. С. 145–148.

⁹⁶ Осипов В. Кто такой Ф. Икс // Литературная Россия. 1989, 25 августа. С. 23.

«Гудок». А. И. Эрлих оставил интересный рассказ о работе Булгакова в «Гудке»⁹⁷, об этом же периоде жизни писателя – мемуары В. Катаева, И. Овчинникова, А. Явича^[5].

Помощники редактора Июль и Навзикат (это имя ассоциируется с мифологическими и библейскими персонажами) узнаются в руководящих работниках редакции «Гудка» Августе Потоцком и Григории Гутнере. О последнем мало что известно, разве что он еще был и заведующим редакцией журнала «Железнодорожник», где тоже печатался Булгаков (рассказ «Воспоминание...»). Зато А. Потоцкому посвящены любопытные строки в очерке Михаила Штиха «В старом „Гудке“»^[6].

Исследователи «театрального» периода жизни и творчества Булгакова пришли к единому мнению, что повесть «Тайному другу» – это фрагменты ранней редакции «Театрального романа». Уточним: редакции первой. Вторая, под названием «Театр», была сожжена автором весной 1930 года. По жанру это как бы повесть в форме незаконченного письма или незаконченное письмо, обращенное в повесть. Кому и какому тайному другу, мы уже знаем: к Е. С. Шиловской, возлюбленной Булгакова в то «тайное» время, когда она еще была замужем за видным военным Е. А. Шиловским. Позже будущая жена писателя так рассказывала об истории создания этой рукописи в тонкой клеенчатой тетради: «Летом 1929 года я уехала лечиться в Ессентуки. Михаил Афанасьевич писал мне туда прекрасные письма, посылая лепестки красных роз; но я должна была тогда уничтожить эти письма перед возвращением – я была замужем, я не могла их хранить. В одном из писем было сказано: „Я приготовил Вам подарок, достойный Вас...“ Когда я вернулась в Москву, он протянул мне эту тетрадку...»⁹⁸

Остальные события повести более менее понятны, и там угадываются персонажи типа Порсова, Рюмкина, Плаксина, Римского, Агреева, поэта Вовы Боргужка (читателя журнала «Страна», то есть «России»), молодого человека в редакции Рудольфа... Это собирательные образы из ненавистного Булгакову московского околотитературного мира, пародию на который он блестяще реализовал и в «Роковых яйцах», и в «Записках покойника», и в «Мастере и Маргарите».

Часть из них узнаваема и в героях тех страниц «Театрального романа» (сюжетно отсутствующих в повести «Тайному другу»), где Максудов, поставив в апреле под своим произведением слово «Конец», созвал гостей для публичного чтения своей рукописи. «Среди них было двое журналистов из „Пароходства“, рабочие, как и я, люди, их жены и двое литераторов. Один из них – молодой, поражавший меня тем, что с недостижимой ловкостью писал рассказы, и другой – пожилой, выдавший виды человек, оказавшийся при более близком знакомстве ужасной сволочью. В один вечер я прочитал примерно четверть своего романа»⁹⁹.

Позже состоялось еще два чтения, где число слушателей разрослось. Среди них был «...литератор – с лицом злым и мефистофельским, косой на левый глаз, небритый. Ска-зал, что роман плохой, но изъявил желание слушать четвертую, и последнюю, часть. Была еще какая-то разведенная жена и один с гитарой в футляре. Я почерпнул (сообщает Мак-судов. – Б. М.) много полезного для себя на данном вечере. Скромные мои товарищи из „Пароходства“ по привычке к разросшемуся обществу и высказали и свои мнения. Один ска-зал, что семнадцатая глава растянута, другой, что характер Васеньки (явно имеется в виду Николка. – Б. М.) очерчен недостаточно выпукло... Четвертое и последнее чтение состоя-лось не у меня, а у молодого литератора, искусно сочинявшего рассказы. Здесь было уже человек двадцать, и познакомился я с бабушкой литератора, очень приятной старухой, кото-

---

⁹⁷ Эрлих А. Они работали в газете // Знамя, 1958, № 8. С. 167–168.

⁹⁸ Новый мир, 1987, № 8. С. 164.

⁹⁹ Булгаков М. Избранные произведения в 2 т. Т. 2. Киев: Днипро, 1989. С. 189.

рую портило только одно – выражение испуга, почему-то не покидавшего ее весь вечер. Кроме того, видел няньку, спавшую на сундуке»¹⁰⁰.

Прототипов перечисленных героев «Театрального романа» нужно искать в тех литературных кружках и обществах, где бывал Булгаков в начале 20-х годов. По мнению М. Чудаковой¹⁰¹, эти чтения «Белой гвардии» (позже московских фантастических повестей) на рубеже 1923 и 1924 годов происходили в кружке «Зеленая лампа», заседавшем в квартире Лидии Васильевны Кирьяковой на Большой Дмитровке (бывшая Пушкинская улица). Об этом сообщил в газете «Накануне» за 9 марта 1924 года Юрий Слезкин, отметив, что чтения проходили в течение четырех вечеров. В апреле 1924 года Булгаков выступает на «Никитинских субботниках», читает свои произведения на квартире писателей С. С. Заяицкого (Малый Знаменский переулок, 7, квартира 30), П. П. Зайцева (Староконюшенный переулок, 5), у Н. Н. Лямина и Н. А. Ушаковой (Савельевский – ныне Пожарский – переулок, 12, квартира 66) и в других местах. Одно из заседаний кружка издательства «Узел» проходило у Л. М. Леонова, жившего тогда у родителей своей жены, Татьяны Михайловны Сабашниковой, на Девичьем поле. По предположению М. Чудаковой, действие последнего чтения Максудова относится именно к этому адресу, а несколько раз отмеченный в романе «молодой литератор», с недостижимой ловкостью писавший рассказы, не кто иной, как Леонид Леонов. Позволим себе не согласиться с этим, тем более, что имя Л. М. Леонова соотносится в «Театральном романе» с именем прозаика Лесосекова, написавшего два романа, один из которых назывался «Лебеди». А к описываемому Максудовым – Булгаковым времени у Леонова было уже в творческом активе как раз два романа – «Барсуки» и «Записки Ковякина». Последний он и читал на Девичьем поле в присутствии Булгакова¹⁰².

Заслуживает внимания мнение литературоведа В. Г. Перельмутера, что за образом талантливого «молодого литератора» стоит беллетрист Сигизмунд Кржижановский, действительно прославившийся сочинительством небольших рассказов. По свидетельству писателя С. А. Макашина, Булгаков бывал у него на Арбате (дом 44, квартира 5) на литературных вечерах, причем такие бытовые детали из максудовского рассказа, как испуганная бабушка и нянька на сундуке, вполне вписывались в эту густонаселенную арбатскую квартиру.

Коллеги Максудова из «Пароходства» (или «Вестника пароходства») – вероятные сотрудники тогдашнего «Гудка»: тот же А. Эрлих (оставивший рассказ о чтении повести «Роковые яйца») или М. Львов (Штих), С. Гехт, А. Явич. Остальные участники литературной вечеринки – собирательные или вымышленные образы за исключением «пожилого литератора, оказавшегося ужасной сволочью», Ликоспастова. В рассказе последнего «Жилец по ордеру» Максудов с ужасом узнает самого себя («брюки те же самые, втянутая в плечи голова и волчьи глаза»), но описанного несправедливо. «Я вовсе не хитрый, не жадный, не лукавый, не лживый, не карьерист и чепухи такой, как в этом рассказе, никогда не произносил!» – восклицает герой «Театрального романа». И также мог бы воскликнуть Булгаков (а может, и восклицал) при прочтении романа своего владикавказского друга Юрия Слезкина

---

¹⁰⁰ Булгаков М. Избранные произведения в 2 т. Т. 2. Киев: Днипро, 1989. С. 190–191.

¹⁰¹ Чудакова М. Жизнеописание Михаила Булгакова. М.: Книга, 1988. С. 282–291.

¹⁰² Отметим, что, давая Л. М. Леонову имя Лесосекова, Булгаков как бы предсказывал здесь будущие замыслы этого писателя, который в 1953 году написал свой самый знаменитый роман «Русский лес». Такое же, возможно, угадывание (предвидение Мастера) произошло и в случае с другим персонажем романа, беллетристом Флавианом Фиалковым, о котором сказано, что он автор двух сборников рассказов, прекрасно одевается и «шибко идет в гору». Здесь изображен, по всей вероятности, В. П. Катаев, автор к тому времени именно двух сборников рассказов («Бездельник Эдуард» и «Бородатый малютка») и действительно приобретавший все большую популярность. Может, Булгаков хотел ему ответить, так же как и Слезкину: в рассказе Катаева «Зимой» (1923) была довольно узнаваемая и злая на него пародия. Но потом дружеские чувства пересилили и осталась только «цветочная» фамилия, предвосхищающая известные произведения Катаева – сказку «Цветик-семицветик» и рассказ «Фиалка».

«Столовая гора», где в Алексее Васильевиче мог вполне узнать и себя, и свои злоключения в «городе у подножия гор». И обидеться до такой степени, что прервать с автором «Столовой горы» отношения и позже отомстить ему по-своему в «Записках покойника».

Но это было позже, а в описываемое время дружба московских «наканунцев» во главе с Булгаковым и Слезкиным была в самом расцвете. И когда редактировавший «Лите-ратурное приложение» к «Накануне» А. Н. Толстой возвратился из Берлина в Москву, ему была устроена торжественная встреча. Произошло это 30 мая 1923 года на квартире московского адвоката В. Е. Коморского (Малый Козихинский переулок, 12, квартира 12) и вошло в «Театральный роман», как красочно описанная вечеринка, «организованная группой писа-телей по поводу важнейшего события – благополучного прибытия из-за границы (Парижа. – Б. М.) знаменитого литератора Измаила Александровича Бондаревского», в котором узна-вался крупный и вальяжный Алексей Николаевич Толстой. Но это не все: «Торжество умно-жалось и тем, что одновременно чествовать предполагалось и другого знаменитого литера-тора – Егора Агапенова, вернувшегося из своей поездки в Китай»¹⁰³. Хозяином квартиры был критик Конкин (так Булгаков изобразил Коморского), и Максудов пошел туда «в вели-ком возбуждении»:

«Я оглянулся – новый мир впускал меня к себе, и этот мир мне нравился. Квартира была громадная, стол был накрыт на двадцать пять примерно кувертов; хрусталь играл огнями; даже в черной икре сверкали искры; зеленые свежие огурцы порождали глуповато-весе-лые мысли о каких-то пикниках, почему-то о славе и прочем. Тут же меня познакомили с известнейшим автором Лесосековым и с Тунским – новеллистом... Ликоспастов был тише воды, ниже травы, и тут же как-то я ощутил, что, пожалуй, он будет рангом пониже прочих, что с начинающим даже русокудрым Лесосековым его уже сравнить нельзя, не говоря уже, конечно, об Агапенове или Измаиле Александровиче... Конкин вовлек в столовую высо-кого и плотного красавца со светлой вьющейся и холеной бородой, в расчесанных кудрях... Добротнейшей материи и сшитый первоклассным парижским портным коричневый костюм облакал стройную, но несколько полноватую фигуру Измаила Александровича. Белье крах-мальное, лакированные туфли, аметистовые запонки. Чист, бел, свеж, ясен, весел, прост был Измаил Александрович. Зубы его сверкнули, и он крикнул, окинув взором пиршественный стол: „Га! Черти!“»¹⁰⁴

В действительности у Коморских было все скромнее. И квартира, хотя по тем временам уникальная – отдельная, трехкомнатная. И сам вечер. Но мелкие детали перенесены из квар-тиры Коморского. Перенесены также и участники той встречи, где Булгаков – Максудов зна-комится с новой группой литераторов. Бондаревский – Толстой, написанный сатирическими красками, напоминает гоголевского Ноздрева, тем более что под стать ему и современный зять Мижухев – постоянно помыкаемый Бондаревским его приятель Баклажанов, – «малень-кого роста гражданин в целлулоидном воротнике». «Парижские кусочки» Бондаревского (а позже «Монмартские ножи») могут вполне соотноситься с эмигрантской прозой А. Н. Тол-стого («Похождения Невзорова, или Ибикус», «Черная пятница», «Союз пяти», «Мираж»), написанной в начале 1920-х годов.

Другая пара вечера: Егор Нилыч Агапенов, «писатель с широким лицом и крупней-шими очками», будущий автор «Тетюшанской гомозы» и его деверь Василий Петрович, бородатый кооператор из Тетюшей. С Агапеновым пришли еще члены его «свиты»: китаец с дамой. За этим персонажем узнается Борис Андреевич Пильняк (Вогау), бывший в середине 1920-х годов в Японии и Китае, после чего им написаны очерки «Корни японского солнца» и «Китайская повесть». Можно только догадаться, как скромный приволжский городок в Тата-

¹⁰³ Булгаков М. Избранные произведения в 2 т. Т. 2. Киев: Днепр, 1989. С. 206.

¹⁰⁴ Булгаков М. Избранные произведения в 2 т. Т. 2. Киев: Днепр, 1989. С. 207–208.

рии – Тетюши оказался в «Театральном романе», как и тамошняя «гомоза» (видимо, от мест-ного глагола «гомозиться», что значит возиться на одном месте, копошиться). Может, это какое-то отражение бытовой прозы Б. Пильняка: «Поокского рассказа» или романа «Волга впадает в Каспийское море»?

Известный нам текст «Записок покойника» («Театральный роман») по сюжету можно разделить на две условные, но очень четкие части: мир Максудова в литературной среде ликоспастовых-бондаревских, который оказался для него после памятной вечеринки и озна-комления с теми произведениями, что написали его новые знакомые – писатели, миром неприемлемым. И новый мир – театра, кулис, актеров, режиссеров, который он признает, заявляя: «Этот мир – мой!»

Неудача (по собственному признанию) романа приводит Максудова к написанию пьесы: «...мне начинало казаться по вечерам, что из белой страницы выступает что-то цвет-ное. Присматриваясь, шурясь, я убедился в том, что это картинка. И более того, что картинка эта не плоская, а трехмерная. Как бы коробочка, а в ней сквозь строчки видно: горит свет и движутся в ней те самые фигурки, что описаны в романе. Ах, какая это была увлекательная игра... С течением времени камера в книжке зазвучала. Я отчетливо слышал звуки рояля... Всю жизнь можно было бы играть в эту игру, глядеть в страницу... А как бы фиксировать эти фигурки? Так, чтобы они не ушли уже более никуда? И ночью однажды я решил эту волшебную камеру описать. Как же ее описать? А очень просто. Что видишь, то и пиши, а чего не видишь, писать не следует. Вот: картинка загорается, картинка расцветивается. Она мне нравится? Чрезвычайно. Стало быть, я и пишу: картинка первая. Я вижу вечер, горит лампа. Бахрома абажура. Ноты на рояле раскрыты. Играют „Фауста“. Вдруг „Фауст“ смолкает, но начинает играть гитара. Кто играет? Вот он выходит из дверей с гитарой в руке. Слышу – напевает. Пишу – напевает. Да это, оказывается, прелестная игра! Не надо ходить ни на вечеринки, ни в театр ходить не нужно. Три ночи я провозился, играя с первой картинкой, и к концу этой ночи я понял, что сочиняю пьесу»¹⁰⁵.

Дальше по сюжету «Театрального романа» случается то, с чего начинается действие книги. Рассказчик получает письмо Ксаверия Борисовича Ильчина, режиссера учебной сцены Независимого Театра, и идет туда по одной из центральных улиц столицы: «Гроза омыла Москву 29 апреля, и стал сладостен воздух, и душа как-то смягчилась, и жить захотелось» – так сообщает автор.

Подробности создания «Театрального романа», взаимоотношения Булгакова с Художественным театром, его руководителем и актерами уже достаточно много освещались¹⁰⁶. Меньше было уделено внимания прототипам персонажей книги. Хотя, казалось, было бы наивным отождествлять героев романа и их поступки с реальной биографией Булгакова и событиями истории Художественного театра, взаимоотношения писателя и драматурга – с конкретными людьми, но все же магия булгаковского творчества, точные психологические зарисовки, художественные портретные попадания родили явление, отмеченное А. Смелян-ским:

«Почти у каждого старого мхатовца хранятся несколько заветных листочков с указанием героев „Театрального романа“ и их прототипов. Помню, как Павел Александрович Марков (заведующий литературной частью МХАТа. – *Б. М.*), отвечая на традиционный вопрос „кто есть кто“, достал с полки переплетенную рукопись булгаковской книги и пока-зал мне первую страницу. Это была своего рода театральная программка с указанием дей-ствующих лиц и исполнителей:

---

¹⁰⁵ Булгаков М. Избранные произведения в 2 т. Т. 2. Киев: Днипро, 1989. С. 218–219.

¹⁰⁶ Яновская Л. Творческий путь Михаила Булгакова. М.: Советский писатель, 1983. С. 139–169; Смелянский А. Михаил Булгаков в Художественном театре. М.: Искусство, 1986. С. 327–375; Лакишин В. Булгакиада. М.: Правда, 1987 (Библиотека «Огонек», № 35). С. 9–26.

Максудов – Булгаков... и так всех по порядку, вплоть до мхатовских докторов, курье-ров, помощников режиссеров и сторожей»¹⁰⁷.

Ограниченность «домашнего узнавания» своих героев, трудности будущих читателей, не посвященных в мхатовскую «кухню», признавал и сам автор. Поэтому в предисловии к книге он лукаво предупреждает, что «записки Максудова представляют собою плод его фантазии, и фантазии, увы, больной... что ни таких театров, ни таких людей, какие выведены в произведении покойного, нигде нет и не было»¹⁰⁸.

Оставил Булгаков и другое специальное «предисловие для слушателей», которым предварялись чтения автором своего произведения наиболее близким мхатовцам: «По городу Москве распространился слух, что будто бы мною сочинен сатирический роман, в котором изображается один очень известный московский театр. Долгом считаю сообщить слушателям, что слух этот ни на чем не основан. В том, что сегодня я буду иметь удовольствие читать, во-первых, нет ничего сатирического. Во-вторых, это не роман. И, наконец, и сочинено это не мною»¹⁰⁹.

Но несмотря на эти усиливающие интерес, интригующие и разжигающие читателей и слушателей приемы, это и был роман, и роман сатирический. Но не роман – пересмешник, не театральная капуста. За знакомыми подробностями и узнаваемыми портретами таинственно просвечивал второй план, а может быть, и третий, четвертый, как сквозь полу-прозрачные кисейные театральные занавеси чувствовались обобщения и кружащая голову глубина, и слушатели, люди театра, не могли не улавливать этого хотя бы смутно.

В романе, написанном в 1936–1937 годах, раскрывался мир творчества – творчества вообще и творчества драматургического с его соблазном, яростью и болью. В основе сюжета лежала история «Белой гвардии», прозрачно помеченной псевдонимом «Черный снег», и пьесы «Дни Турбиных», то есть событий 1923–1926 годов. Но горечь и боль шли от более свежих событий, связанных с судьбой постановки в Художественном театре пьесы «Мольер» («Кабала святош»), которая многократно переделывалась и, после пятилетней борьбы и мук наконец выпущенная в начале 1936 года, была снята с репертуара. Театр не смог защитить эту пьесу Булгакова теперь, как он это сделал годами раньше при постановке «Дней Турбиных». И глубоко обиженный и оскорбленный драматург был вынужден уйти из прославленного коллектива, ответив на несправедливость своим «Театральным романом».

Так эти разновременные в реальности впечатления и ситуации смешивались и совмещались. Складывался портрет Театра – обольстительный, фантазмагорический, обобщенный. Сатирический гимн театру. И на образ таинственного владыки мира театра – властного старика с живыми глазами, гениального актера Ивана Васильевича – ложился отблеск могу-щества, противопоставленного творчеству. Это был последний и самый высокий взлет авто-биографической прозы Михаила Булгакова – прозы гротескной и доверительной, фантастической, саркастической, лирической, нежной¹¹⁰.

Это понимала и Елена Сергеевна Булгакова, вдова писателя, готовя в 1965 году роман к печати. Это понимали и старые «мхатчики», «основоположники и середняки», поддержавшие публикацию в «Новом мире». В своей работе Е. С. Булгакова опиралась на составленный ею с помощью старшего сына Жени Шиловского и Т. Ю. Дмитриевой «Список действующих лиц романа и их прототипов»¹¹¹, которым воспользуемся мы при дальнейшей «расшифровке» героев «Театрального романа» и топографических адресов их обитания.

---

¹⁰⁷ Смелянский А. Указ. соч. С. 347.

¹⁰⁸ Булгаков М. Избранные произведения в 2 т. Т. 2. Киев: Днипро, 1989. С. 184.

¹⁰⁹ Булгаков М. Избранные произведения в 2 т. Т. 2. Киев: Днипро, 1989. С. 729.

¹¹⁰ Булгаков М. Избранные произведения в 2 т. Т. 2. Киев: Днипро, 1989. С. 728–729.

¹¹¹ Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 562. К. 61. Ед. хр. 21; Там же. Фонд 745. К. 1. Ед.

Итак, Независимый Театр, в Учебную сцену которого идет Максудов, – это Московский Художественный театр. Учебная сцена – здание бывшей Второй его студии на Тверской улице, 22 (дом не сохранился, снесен при реконструкции Тверской улицы; на его месте в 1940 году сооружено здание по проекту А. Г. Мордвинова, дом 8, где с 1958 года открыт книжный магазин «Москва»).

В режиссуре Учебной сцены Ксаверии Борисовиче Ильчине легко узнается режиссер МХАТа Борис Ильич Вершилов, а его записка Максудову повторяет вершиловскую записку Булгакову, написанную 3 апреля 1925 года и сохраненную в архиве. На бланке Второй студии карандашом изложена интригующая просьба: «Глубокоуважаемый Михаил Афанасьевич! Крайне хотел бы с Вами познакомиться и поговорить о ряде дел, интересующих меня и, может быть, могущих быть любопытными и Вам. Если Вы свободны, был бы рад встретиться с Вами завтра вечером (4. IV) в помещении Студии; если заняты, не откажите позвонить по телефону в Студию (3–69–42) или в театр „Габима“ (2–41–35), где я буду, вероятно, завтра, в субботу, часа в 3–4. С приветом Б. И. Вершилов»¹¹².

Ильчин сообщает Максудову первые сведения о Независимом Театре, а позже Петр Петрович Бомбардов, в ком отражен собирательный образ молодого актера – мхатовца, своего рода Вергилия – проводника по театральному району, знакомит автора «Черного снега» с основными действующими лицами романа. Среди них – стоящие на вершине пирамиды театральной иерархии директора Независимого театра: седой красавец с лорнетом – Иван Васильевич и изображенный на портрете весьма представительным мужчиной в сюртуке и с бакенбардами по моде семидесятых годов – Аристарх Платонович. В них узнаются Константин Сергеевич Станиславский и Владимир Иванович Немирович-Данченко.

История Художественного театра достаточно известна и не требует специального изложения. Но здесь, для того чтобы лучше понять, с каких реальных людей писал Булгаков, попытаемся вкратце вспомнить основные ее этапы. 22 июня 1897 года встретились К. С. Станиславский (Алексеев) и В. И. Немирович-Данченко. Их знаменитая беседа в «Славянском базаре» на Никольской улице положила начало основанию театра. Было решено создать театр, который должен служить душевным запросам современного зрителя. 14 июня 1898 года впервые собирается труппа Московского Художественного театра. В нее вошли актеры-любители из Алексеевского театрального кружка К. С. Станиславского – М. Ф. Андреева, М. П. Лилина, А. Р. Артем, В. В. Лужский, ученики В. И. Немировича-Данченко – О. Л. Книппер, И. М. Москвин, В. Э. Мейерхольд и другие (позднее к ним присоединились В. И. Качалов, Л. Н. Леонидов). 14 октября спектаклем «Царь Федор Иоаннович» А. К. Толстого открылся первый сезон театра. А 17 декабря состоялась премьера пьесы А. П. Чехова «Чайка». В. И. Немирович-Данченко писал: «Критики Художественного театра настаивают, что его история только хронологически начинается с первого представления „Царя Федора“, а что по существу началом надо считать „Чайку“, что только с Чехова определяется новый театр, его революционное значение». В память об этом событии изображение летящей чайки (по рисунку Ф. О. Шехтеля) стало эмблемой театра.

В марте 1902 года – премьера пьесы М. Горького «Мещане», а в октябре – «На дне». Тогда же, в октябре, театр начинает играть спектакли в специально оборудованном для него здании в Камергерском переулке, дом 3. До этого МХТ арендовал маленькое театральное помещение в саду «Эрмитаж» в Каретном ряду.

В именно это здание Главной сцены Независимого театра приходил Максудов, увидевший его «похожим на черепаху», с «матовыми, кубической формы, фонарями», в переулке,

---

хр. 24.

¹¹² Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 562. К. 61. Ед. хр. 21; Там же. Фонд 745. К. 1. Ед.

хр. 24.

«где рядом с театром гастрономический магазин, а напротив „Бандажи и корсеты“». История строительства этого дома восходит к началу XIX века, когда владельцами участка были князья Одоевские. Театральная история дома начинается с 1882 года. В это время архитектор М. Н. Чичагов перестраивает старинный особняк под театр. Одно время он назывался Лианозовским, потом там была Мамонтовская опера, эстрадный театр Шарля Омона. Когда основатели Художественного театра приобрели это здание, оно подверглось коренной перестройке архитектором Ф. О. Шехтелем. Таким мы видим его и сейчас, но капитально отреставрированным и реконструированным в середине 1980-х годов (автор проекта – В. Красильников). Вернемся к истории Художественного театра, к наиболее интересному для нас ее этапу. В 1919 году решением советского правительства театру присвоено звание академического, а в 1924 году в театр вливается большая группа молодых актеров – воспитанников студий при МХАТе: О. Н. Андровская, А. П. Зуева, К. Н. Еланская, В. С. Соколова, А. И. Степанова, А. К. Тарасова, Н. П. Баталов, А. Н. Грибов, Н. М. Горчаков, М. Н. Кедров, Б. Н. Ливанов, П. В. Массальский, В. А. Орлов, М. И. Прудкин, И. М. Раевский, В. Я. Ста-ницын, И. Я. Судаков, Н. П. Хмелев, М. М. Яншин. Вместе с пришедшими из других театров Ф. В. Шевченко, М. П. Болдуманом, Б. Г. Добронравовым, А. В. Жильцовым, А. П. Кторовым, Б. Я. Петкером, В. О. Топорковым они составили ядро второго поколения мхатовцев. Это среднее поколение – «средняки» – молодые актеры и режиссеры и осуществили постановку пьесы «Дни Турбиных», а позже «Мертвых душ» и «Мольера». Руководил в 1926 году постановкой «Дней Турбиных» К. С. Станиславский, который позже записал: «...для меня очень важно, что в этом спектакле произошло рождение нового поколения актеров, воспри-нявших традиции Художественного театра». Спектакль «Дни Турбиных» был для второй волны мхатовцев тем же, что «Чайка», «Мещане» и «На дне» для их первого поколения.

Знакомство с обитателями Независимого Театра начинается для Максудова сразу в обоих его зданиях, куда он приходит читать свою пьесу, когда смотрит спектакли, слушает объяснения Петра Бомбардова, слышит, наблюдает, сопоставляет. И поначалу далеко не все понимает, нередко, попадая впросак. Он узнает о Грише Айвазовском, заведующем литературной частью в Когорте Дружных (поэт Павел Антокольский и Третья студия МХАТ – будущий Театр имени Евг. Вахтангова), знакомится с Мишей (Михилом Алексеевичем) Паниным, заведующим литературной частью уже Независимого театра, поразившим Максудова своими траурными глазами и необыкновенным смехом (Павел Александрович Марков – завлит МХАТа), режиссером Евлампией Петровной, «царственной дамой с царственным лицом и бриллиантовыми серьгами в ушах» (Елизавета Сергеевна Телешова), «мрачным и замкнутым Петром Петровичем, сидевшим в окошечке с надписью „Администратор Учебной сцены“» (Иван Иванович Гедике – администратор Малой сцены) и выдававшим по записочкам Ильчина¹¹³ пропуска на пьесу с золотым конем – «Фаворит» («Елизавета Петровна» Д. Смолина) и «пьесу, где выходили в испанских костюмах» («Дама-невидимка» Кальдерона).

Новые лица открываются Максудову при подписании договора на пьесу, на лекции Бомбардова, во время «сцен в предбаннике», при знакомстве с конторой. В таинственных уголках и лабиринтах театра в яви и на портретах ему встречаются: «пожилой приятный человек с бритым лицом и веселыми глазами... заведующий приемами пьес Антон Антонович Княжевич» (Василий Васильевич Лужский, один из основоположников театра), «управляющий материальным фондом театра Гавриил Степанович... небольшого роста человек с

¹¹³ В архиве Булгакова эта записочка сохранилась: «Глубокоуважаемый Иван Иванович! Будьте добры обязательно устроить два места автору „Белой гвардии“ М. А. Булгакову на „Невидимку“. С приветом Б. И. Вершилов». Как и другая, приглашающая Булгакова к К. С. Станиславскому: «Глубокоуважаемый Михаил Афанасьевич! Завтра, в воскресенье, в 3 часа дня Вы должны читать Вашу пьесу К. С. Станиславскому у него на квартире: Леонтьевский пер., дом 6. Уважающий Вас И. Судаков» (Материал п. 24).

французской черной бородкой, с усами – стрелами, торчащими к глазам», носящий пенсне на черном шнурке (Николай Васильевич Егоров, занимавший приблизительно ту же должность).

В портретной галерее театра по рассказу Бомбардова оказываются рядом самые различные люди, герои многих времен и народов. Но среди них – неожиданно трое заведующих: осветительными приборами театра – Андрей Пахомович Севастьянов (завосвещением МХАТа Иван Иванович Гудков), поворотным кругом – Плисов (машинист сцены Иван Иванович Титов) и женским пошивочным цехом – Бобылева (это заведующая костюмерной частью театра Мария Федоровна Репина-Бурджалова).

Не забыты и другие, казалось, второстепенные, но нужные театру люди: печальный буфетчик Ермолай Иванович (буфетчик Алексей Алексеевич Прокофьев), доктор (мхатовский врач А. Л. Иверов), капельдинеры и курьеры с зелеными петлицами: Демьян Кузьмич (сторож Иван Сергеевич Андрианов), Клюквин (Ф. И. Снетков), Баквалин (капельдинер Глушков), есть прототипы у Игнутова, Пакина, Бобкова, Каткова...

По неписаным законам Независимого и Художественного театров все его сотрудники, невзирая на ранги и заслуги, имели право на равное уважение. Но, естественно, люди с более интересной, даже экзотичной биографией описаны подробнее. Среди них «покойный генерал-майор Клавдий Александрович Комаровский-Эшаппар де Бионкур, командир лейб-гвардии уланского его величества полка». За ним стоит колоритная фигура отставного при-дворного генерала А. А. Стаховича, о котором В. И. Немирович-Данченко писал: «Стахович увлекся театром, потянулся на большое сближение со Станиславским, вышел в отставку генералом, стал одним из крупнейших пайщиков Художественного театра, потом одним из его директоров и, наконец, актером. Это был типичный придворный, красивый, один из самых элегантных мужчин, что называется – „чрезвычайно воспитанный“»¹¹⁴. Интересно, что сама сложная фамилия генерала Комаровского не целиком вымышлена Булгаковым:

в имевшемся в его распоряжении «Придворном календаре» на 1906 год на странице 176-й значится придворный Дюбрей-Эманнар, а на 206-й – Камуар-де-Бионкур, и их фамилии были использованы писателем.

Не забыты, естественно, и театральные дамы. Об Евлампии Петровне мы уже знаем. Сидящая вместе с Гавриилом Степановичем «дама с властным лицом южного типа» – Августа Авдеевна Менжараки (секретарь Станиславского – Репсимэ Карповна Таманцева); вир-туозная машинистка, «дама с великолепным цветом лица и в алом джемпере» – Поликсена Васильевна Торопецкая (секретарь Немировича-Данченко – Ольга Сергеевна Бокшанская, сестра Е. С. Булгаковой); кокетливая дама – актриса театра Людмила Сильверстовна Пря-хина (Лидия Николаевна Коренева).

Войдя в свой театральный мир, такой ему приятный и желанный, Максудов иногда встречается с ненавистным ему прошлым миром ликоспастовых, миром жестоким и завистливым. Одна из таких встреч произошла у афиши Независимого театра, где наряду с пьесами Эсхила, Софокла, Шекспира, Островского значилось имя Максудова с пьесой «Черный снег». Подобная афиша была в действительности. На сезон 1926/27 года МХАТом анонсировались: Эсхил – «Прометей», Шекспир – «Отелло», Грибоедов – «Горе от ума», еще несколько имен и, наконец: Булгаков – «Семья Турбиных» (одно из ранних названий пьесы). Что вызывало реакцию, похожую на описанную в романе: в журнале «Лик Мельпомены» появился фельетон «Не в свои сани», высмеивающий Максудова. И тот вспомнил, как при-сматривался к нему у афиши толстый человек по фамилии Крупп, имевший псевдоним Вол-кодав. Эпизод этот имел реальную основу: в разгар репетиций «Дней Турбиных» в журнале «Новый зритель» за 9 августа 1926 года появилась статья В. Черноярва «Сборная команда».

---

¹¹⁴ Немирович-Данченко В. Из прошлого. Л.: Academia, 1936. С. 131.

В других журналах и «Вечерней Москве» Максудову встречаются знакомые и новые имена: Измаила Бондаревского с новой пьесой «Монмартрские ножи» для Старого Театра, Егора Агапенова с комедией «Деверь» для Театра Дружной Когорты, драматурга Альберта Аль-бертовича Клинкера с пьесой «Приступ» на тему Гражданской войны, упомянуты имена драматургов И. С. Прока и Онисима Жвенко, – за всем этим конкретные люди и конкретные пьесы...

Путешествуя по театру, герой романа открывает для себя волшебный мир конторы «заведующего внутренним порядком» Филиппа Филипповича Тулумбасова, в котором угадывается знаменитый и легендарный администратор МХАТа Федор Николаевич Михальский. Много людей проходит перед Максудовым в конторе Фили, но последняя сцена этой главы написана особенно красочно. В Филину дверь вошла «очень хорошенькая дама в вели-колепно сшитом пальто и с черно-бурой лисой на плечах». Звали ее Мисси. А за ней малый лет семи – Алеша, объевшийся шоколада, и другая полная дама Амалия Ивановна, говорившая с немецким акцентом. Так Булгаков ввел в роман людей, очень близких ему. Мисси – Елена Сергеевна, Алеша – ее сын Сережа Шиловский со своей нянькой-бонной Екатериной Ивановной Буш.

Именно с Сережей Шиловским и его действительно теткой О. С. Бокшанской связаны строки уже цитированного булгаковского «Предисловия для слушателей» в «Театральном романе»: «Среди моих слушателей был десятилетний мальчик. Придя как-то в выходной день в гости к своей тетушке, служащей в одном из московских театров, мальчик сказал ей, улыбаясь чарующей детской улыбкой и картавя:

– Слыхали, слыхали, как тебя в романе изобразили!

Что возьмешь с малолетнего?»¹¹⁵

Новый виток сюжета с новыми персонажами дают встречи Максудова с Иваном Васильевичем и старшим поколением театра, его основоположниками. Куда-то в Сивцев Вражек (скорее всего, на место музея А. И. Герцена, дом 27) переносит Булгаков известный особняк в Леонтьевском переулке (бывшая улица Станиславского), 5; где жил и умер великий режиссер и реформатор театра. Переносит, не забывая сохранить все топографические при-меты, детали интерьера, узнаваемые черточки личной жизни Станиславского и его семьи.

В тетушке Ивана Васильевича Настасье Ивановне Колдыбаевой узнается Мария Петровна Лилина, жена Станиславского, его ученица и актриса МХАТа.

А вот Иван Васильевич в кругу своих сподвижников, корифеев театра. Портрет одной «необыкновенной представительной дамы» дан особенно выразительно: Маргарита Петровна Таврическая – это Ольга Леонардовна Книппер-Чехова. «С большим вкусом одетый человек с кудрями воронова крыла», моноклем и «чудесным, мягким, наигранным голо-сом» – Ипполит Павлович виден в знаменитом Василии Ивановиче Качалове. «Полный пожилой человек» Федор Владимирович – это, скорее всего, Владимир Федорович Грибунин; в «лице с очень живыми глазами в пенсне», с высоким тенором, упомянувшем «театр Шлиппе», можно узнать великого Ивана Михайловича Москвина. «Театр Шлиппе» – это, видимо, бывший театр Ф. А. Корша. В здании, построенном в псевдорусском стиле в 1885 году архитектором М. И. Чичаговым в Петровском переулке, 3, выступали многие мхатовцы, в том числе и И. М. Москвин. В рассказчике про генерал-губернатора, успешно лечившемся за границей от саркомы Герасиме Николаевиче Горностаеве узнается Николай Афанасьевич Подгорный, а шестидесятидвухлетний Валентин Кондратович – это Леонид Миронович Леонидов. Все они старейшие и известнейшие актеры Художественного театра, классики русской сцены.

---

¹¹⁵ Булгаков М. Избранные произведения в 2 т. Т. 2. Киев: Днипро, 1989. С. 730.

Второе, среднее поколение мхатовцев проявляется в «Театральном романе» и в начале прихода Максудова, но в большей степени тогда, когда пьеса «Черный снег» была принята и начались репетиции. Начались, естественно, с назначения режиссеров и распределения ролей. «Коренастый блондин с решительным лицом и встревоженными глазами» – Фома Сергеевич Стриж – это поставивший «Дни Турбиных» Илья Яковлевич Судаков. Помощник Стрижа, Андрей Андреевич – режиссер Н. Шелонский, художница из макетной Аврора Госье имеет даже двух прототипов: художниц Нелли Стругач и И. К. Колесову.

Артисты, игравшие в «Днях Турбиных» и других пьесах Булгакова, репетировавшие в «Беге», выявлены в «Театральном романе» мало, почти без характерных их портретов. Это, видимо, должно было быть сделано в неосуществленных главах книги. В основном они названы по фамилиям. Так, «полный, средних лет энергичный» Елагин, играющий генерала, может быть отождествлен с Виктором Яковлевичем Станицыным – Чарнотой в «Беге», и позже занятый в главной роли в «Мольере».

Ярче всех показан Патрикеев, «комический актер... играющий смешных молодых людей на сцене, а в жизни необыкновенно ловкий, поворотливый и плотный». Его Иван Васильевич заставляет ездить на велосипеде, таким образом изображая любовь к героине пьесы.

Конечно же это Михаил Михайлович Яншин – трогательный Лариосик в «Днях Турбиных», запоминающийся Бутон в «Мольере». А репетируемая сцена – это попытка объяснения в любви Лариосика с Еленой.

«Атлетически сложенный» артист Владычинский в записях Е. С. Булгаковой и Т. Ю. Дмитриевой – это Борис Николаевич Ливанов, оставивший целую галерею рисунков – дружеских шаржей на мхатовцев, персонажей «Театрального романа». «Заболтавшийся в предбаннике у Торопецкой» актер Строев – Евгений Васильевич Калужский, игравший Студзинского в «Днях Турбиных». «Заболтался» он по уважительной причине: Е. В. Калужский был мужем О. С. Бокшанской. «Рослый, голубоглазый» Скавронский – вероятнее всего, Борис Георгиевич Добронравов, исполнявший роль мужественного и обаятельного Мышлавского в булгаковской пьесе. Находящийся как бы за кулисами романа Аргунин – Николай Павлович Хмелев, великолепный и демонический Алексей Турбин (его усики даже снились Сталину) и позже Хлудов в невышедшем «Беге». А за шаржированной фигурой скандалиста и интригана дирижера Оскара Романуса узнается Борис Львович Израилевский.

Есть в романе еще и другие персонажи, вряд ли известные современному читателю и зрителю: они целиком принадлежат долгой и непростой истории Художественного театра. В основном они все только упоминаются в тексте с вероятным намерением быть развитыми дальше. Это так, но все же продолжим для полноты картины цитирование приведенного списка. Может, кто-то и узнает знакомых ему людей. Концертмейстер Анна Ануфриевна Деньжина, которую нечаянно ударили в темноте тромбоном, – действительно концертмейстер тогдашнего МХАТа А. В. Митропольская, председатель месткома Митя Малокрошечный – Сергей Александрович Саврасов, бывший пожарный, трубач Антон Калошин – это Иван Андреевич Мамошин; Адальберт, исполняющий роль предводителя бандитской шайки (видимо, Болботуна), – артист А. Андерс; Ольга Сергеевна, актриса, игравшая героиню, – В. С. Соколова; Вешнякова – Н. В. Тихомирова...

Фамилии Бобылева, Благосветова, Галина, Стренковского относятся к собирательным образам молодых артистов театра. Зато «гладко выбритый, с римским упадочным профилем, капризно выпяченной нижней губой, председатель режиссерской корпорации Иван Александрович Полторацкий – это вылитый Василий Григорьевич Сахновский, а в художнике Пате Дитрихе соединились Владимир Владимирович Дмитриев и Петр Владимирович Вильяме – известные мхатовцы и друзья Булгакова. А на роль некоего Пеликана, которого

ругает Пряхина, более всего подходит управделами театра Порфирий Артемьевич Подобед...»

Этот перечень можно еще продолжить, каждый раз выявляя новые детали мхатовской жизни булгаковского десятилетия. Но остановимся, ибо написанная часть «Театрального романа» подошла к концу. Максудов, в последний, может, раз отдавший долг сочинитель-ству рассказов (им оказался маленький рассказ «Блоха», узнаваемый в булгаковском «Тара-кане»), целиком отдается миру кулис: «Иссушаемый любовью к Независимому Театру, при-кованный теперь к нему, как жук к пробке, я вечерами ходил на спектакли...»¹¹⁶

Так обрывается «Театральный роман», как и не был окончен «роман» Булгакова с театром, он продолжался и до самой его смерти, и после его кончины, он продолжается до наших дней и будет продолжаться, пока существует искусство...

О театре, театральном действе драматург писал много раз. Достаточно вспомнить его «Записки на манжетах», очерки, набросок «Был май», повесть «Жизнь господина де Мольера», театральные страницы «Мастера и Маргариты». Не завершились отношения драматурга и с Художественным театром. Хотя вне МХАТа Булгаков работал в Театре рабочей молодежи, ставил пьесы в Театре санпросвета, был либреттистом в Большом театре (известны его либретто «Минин и Пожарский», «Петр Великий», «Рашель», «Черное море»), «иссушающая любовь» давала себя знать. Он задумывает для своего театра диоло-гию о генеральном секретаре. Пьеса «Батум» была написана, принята, но была запрещена¹¹⁷. Осталась только в рассказанных близким замыслах другая пьеса, уже не о молодом, а о современном Сталине и его окружении типа Ягоды¹¹⁸. Но убиравшаяся болезнь и смерть не позволили родиться последней этой пьесе под названием «Ласточкино гнездо».

«Театральный роман» был прерван летом 1937 года ради главного романа жизни Булгакова, ее итога – «закатного» романа «Мастер и Маргарита».

---

¹¹⁶ Булгаков М. Избранные произведения в 2 т. Т. 2. Киев: Днипро, 1989. С. 332.

¹¹⁷ Чудакова М. Первая и последняя попытка // Современная драматургия, 1988. № 5. С. 203–220; Смелянский А. Уход // Театр, 1988. № 12. С. 100–115; Лакшин В. Открытая дверь. М.: Московский рабочий, 1989. С. 427.

¹¹⁸ Литератор (Ленинград), 1990, 11 мая. С. 8.

Глава пятая

Адреса «Мастера и Маргариты»: дом 302-бис и его окрестности

Как известно, «закатный» роман «Мастер и Маргарита» создавался писателем с 1928 года до конца жизни, но так и не был полностью завершен. Большой писатель диктовал главы и вставки, правил уже написанное, не поднимаясь с постели. Ему удалось сделать только половину задуманного, а замысел осуществила Елена Сергеевна Булгакова, его вдова.

Роман «Мастер и Маргарита» представляет собой значительную часть того большого полотна, охватывающего со всеми своими историко-биографическими и литературно-топографическими прототипами московскую булгаковскую биографию конца 1920–1930-х годов. Задуманный вначале как сатирико-фантастическое произведение, описывающее веселые и озорные приключения дьявольской шайки в Москве, роман постепенно пере-рос свои первоначальные рамки: изменялись сюжетные линии, были введены новые герои, усложнившие его социально-философскую направленность...

Расскажем немного об истории его написания и публикации. Первые упоминания о романе биографы писателя относят к концу 1928 года, а начало написания – к зиме-весне 1929 года. В мае этого года Булгаков представляет в издательство «Недра» для публикации в одноименном альманахе главу из романа, названную «Мания фурибунда» (мания ярости), от которой дошли до нас только фрагменты. Созданная через год первая черновая редакция всего романа, носившая название «Копыто инженера», была уничтожена автором в марте 1930 года.

В 1931 году Булгаков вернулся к роману и сделал черновые наброски к новой редакции, второй по счету (1931–1936 годов). В 1932–1933 годах писатель начал создавать фабульно завершенный текст этой редакции, оконченной в 1934 году, но до лета 1936 года туда вписывались обширные вставки со сплошной перепиской отдельных глав. Вторая редакция имела подзаголовок «Фантастический роман» и много вариантов названия: «Великий канцлер», «Сатана», «Вот и я», «Шляпа с пером», «Черный богослов», «Подкова иностранца», «Он явился», «Пришествие», «Черный маг», «Копыто консультанта» («Консультант с копытом») и другие – но ни на одном из них Булгаков не остановился¹¹⁹.

Третья по счету и последняя прижизненная редакция романа была начата на рубеже 1936–1937 годов, в 1937 году был написан второй вариант этой редакции, доведенный только до 13-й главы и названный «Князь тьмы». Третий и единственно законченный вариант этой редакции создавался в период со второй половины 1937 до весны 1938 года. В нем появилось известное название романа, и состоял он из 30 глав. С конца мая и до 24 июня 1938 года третья редакция перепечатывалась также с переделкой текста. Авторская правка машинописи началась в сентябре того же года и продолжалась (с перерывами) почти до самой смерти писателя. Отдельные главы при этом переписывались, делались значительные вставки, написан эпилог романа. Эта правка была прекращена 13 февраля 1940 года на середине 19-й главы.

После смерти мужа Е. С. Булгакова в начале и середине 1940-х годов перепечатывала роман, руководствуясь позднейшими указаниями автора, его устными замечаниями и прав-

---

¹¹⁹ Фрагменты ранних редакций романа публиковались под разными заглавиями в последнее время в периодике (Якобы деньги // Даугава, 1983, № 10; Копыто инженера // Памир, 1984, № 7; Князь тьмы // Наше наследие, 1991, № 3; Великий канцлер // Слово, 1991, № 4–9) и включались в сборники писателя (Черный маг // Избранные произведения. Киев, Днепро, 1990; Великий канцлер. М., Новости, 1992).

кой. Готовилась даже его публикация в 1946 году. Таким образом, была подготовлена первая посмертная и четвертая по счету редакция романа. Она легла в основу текста, опубликованного в журнальном варианте в 1966–1967 годах.

При подготовке полного издания, вышедшего в свет впервые в 1973 году, была выполнена новая, пятая редакция романа. Прделав большую текстологическую работу, ее авторы (редакторы издательства «Художественная литература») на долгое время закрепили этот текст, сделав его своего рода каноническим, переиздаваемым многократно и введенным в научный литературоведческий оборот.

Наконец, к киевскому изданию 1989 года, была сделана шестая редакция текста романа с новой сверкой по всем сохранившимся авторским материалам. Эта редакция, повторенная в одном из юбилейных сборников писателя («Я хотел служить народу...» М., «Педагогика», 1990) и в собрании его сочинений (М., Художественная литература, 1991. Т. 5) рассматривается нами как последняя.

Роман «Мастер и Маргарита» написан в традициях критического реализма XIX века, но при работе над ним были учтены также наиболее значительные достижения русской и мировой литературы начала XX века. Он по праву стал в ряды русской современной классики и составляет золотой фонд современной литературы, являясь, без преувеличения, подлинным романом века, наиболее любимым и популярным у нашего читателя. Роман выдержал многомиллионные тиражи в нашей стране и за рубежом. Переведен на многие языки Европы, Америки, Азии. Многократно инсценирован и экранизирован. На его сюжет написаны музыкальные произведения, ставятся оперы и балеты...

Но вернемся к его героям. Примем за аксиому, что было бы неточным отождествлять буквально образы главных героев романа с именами его создателя и Елены Сергеевны. Они собирательны, но все-таки многие автобиографические черты писателя и его жены в нем присутствуют. Эффект присутствия обнаруживается почти на всех страницах романа, завязка которого разворачивается на Патриарших прудах. И это, как мы будем убеждаться в дальнейшем, не случайно. Именно этот район столицы (Патриаршие пруды, переулки старой студенческой Козихи, Большая Садовая улица) был тесно связан с началом московской биографии писателя.

Почему же район Патриарших прудов избран Булгаковым для обозначения места действия романа? На Малой Бронной в доме 32 (построен в 1912 году архитектором И. Кондратенко) на шестом этаже в квартире 24 жили его хорошие знакомые – братья Крешковы, и этот их адрес и события их биографии послужили основой сюжета для раннего рассказа «Спиритический сеанс»^[7]. Упоминание «знакомых на Патриарших» есть в очерке «Москва 20-х годов» и рассказе «Трактат о жилище». Уже сообщалось, что один из героев сатирической зарисовки «Московские сцены» («На передовых позициях»), «бывший присяжный поверенный» – это друг начинающего писателя, адвокат В. Е. Коморский, в доме которого рядом с Патриаршими (Малый Козихинский переулок, 12, квартира 12) разворачиваются действия этого рассказа. А в доме 7 по тому же переулку в 20-е годы находилась китайская прачечная «Шанхайская», и явно оттуда ходили в «Зойкину квартиру» Газолин и Херувим – герои одноименной сатирической пьесы.

Небольшая, но редкая по тем временам отдельная квартира Владимира Евгеньевича и Зинаиды Васильевны Коморских вместила множество удивительных событий. Их скромная столовая порой собирала шумную компанию из литераторов, журналистов, врачей, юристов. Хозяин был действительно бывшим присяжным поверенным, юристом. На вечере в его квартире вокруг стола собирались друзья Булгакова по газетам «Накануне» и «Гудок», где он тогда работал, бывали порой Ю. Слезкин, Д. Стонов, В. Катаев.

Непременными хозяйками этих вечеров были Зина (жена В. Е. Коморского) и Тася (Татьяна Николаевна) Булгакова, жена Михаила Афанасьевича. Жили они по уже упоминав-

шемуся адресу: Большая Садовая улица, дом 10, квартира 50 (позднее в 34) – дом этот расположен по соседству с Патриаршими прудами.

Все эти и другие адреса первых лет московской жизни Булгакова так или иначе находились в районе Патриарших прудов. В связи с этим вспомним завязку романа. Два московских литератора появляются на липовой аллее Патриарших прудов, параллельной Малой Бронной улице.

«Однажды весною, в час небывало жаркого заката, в Москве на Патриарших прудах, появились два гражданина. Первый из них, одетый в летнюю серенькую пару, был маленького роста, упитан, лыс, свою приличную шляпу пирожком нес в руке, а на хорошо выбритом лице его помещались сверхъестественных размеров очки в черной роговой оправе. Второй, плечистый, рыжеватый, вихрастый молодой человек в заломленной на затылок клетчатой кепке – был в ковбойке, жеваных белых брюках и в черных тапочках. Первый был не кто иной, как Михаил Александрович Берлиоз, председатель правления одной из крупнейших московских литературных ассоциаций, сокращенно именуемой МАССОЛИТ, и редактор толстого художественного журнала, а молодой спутник его – поэт Иван Николаевич Поныврев, пишущий под псевдонимом Бездомный...»¹²⁰

Эта длинная цитата первых двух абзацев романа не требует продолжения. Читатель прекрасно знает, что будет дальше: разговор с таинственным иностранным профессором, специалистом по черной магии... Но стремительно развиваются события: один из героев, председатель МАССОЛИТа Михаил Берлиоз, неожиданно погибает под колесами трамвая, повернувшего с Ермолаевского переулка на Малую Бронную и «наддавшего», убист-рившего движение по «новоположенной линии» от угла. Причем одним из «виновников» несчастного случая оказался облитый постным маслом турникет-вертушка при выходе из аллеи Патриарших на Бронную. Потом последуют погоня Ивана Бездомного за загадочным профессором по арбатско-пречистенским переулкам до Москвы-реки, его возвращение и скандальный приход в МАССОЛИТ, а затем помещение поэта в клинику Стравинского...¹²¹

Так было на страницах булгаковского романа. А как же в действительности выглядят сегодня Патриаршие пруды, один из уютнейших уголков столицы, столь любимый москвичами? Нет, сегодня мы ни трамвая, ни турникета, ни булыжного откоса к рельсам не увидим. А существовали ли они вообще, не вымысел ли это писателя? Казалось бы, достаточно просто: посмотреть московские транспортные схемы 30-х годов (именно в это время создавались страницы «Мастера и Маргариты»), опросить многочисленных старожилов этих мест. Но здесь-то и возникли трудности. Буквально все транспортные схемы столицы тех времен, путеводители и справочники «Вся Москва» не подтверждали наличие пассажирского трамвая вокруг зеленого островка Патриарших аллей и прилегающих улиц и переулков. Даже старинная конка и сменившие ее линии первого русского дореволюционного трамвая обходили стороной на планах словно заговоренные улицы вокруг голубого четырехугольника пруда.

Ближайшие маршруты этого наиболее распространенного до пуска метрополитена транспорта проходили по Тверскому бульвару, улицам Тверской, Герцена (Большая Никитская), Садовой-Кудринской и Большой Садовой. Тщательно изучив фонды картографического и справочного отделов Российской государственной библиотеки, фонды Музея исто-

---

¹²⁰ Булгаков М. Избранные произведения в 2 т. Т. 2. Киев: Днипро, 1989. С. 334.

¹²¹ В ранних редакциях романа действие начиналось в общем так же, как и в опубликованной редакции, с встречи на Патриарших прудах двух московских литераторов: редактора журнала «Богоборец» Владимира Мироновича Берлиоза и поэта Ивана Николаевича (Иванушки) Бездомного с таинственным, иностранного вида инженером. Разговор москвичей был прерван вторжением в него незнакомца, который рассказал о Понтии Пилате и Иисусе (Иешуа Га-Ноцри) в древнем Ершалаиме. Изложение библейской легенды – Евангелие от Волаанда – давалось автором целиком, хотя и прерывалось вопросами Берлиоза и Бездомного, в едином рассказе, от допроса Иешуа до убийства Иуды. В окончательной редакции, как известно, этот рассказ был разбит на четыре главы и связывался уже с другими героями, был в ином контексте.

рии города Москвы и Историко-архитектурного архива, автору пришлось обратиться в Управление организации пассажирских перевозок Главного управления городского пассажирского транспорта при Мосгорисполкоме. Ответ, полученный от специалистов этого учреждения, был совершенно однозначным: никогда в районе Патриарших прудов, по Ермолаевскому переулку (теперь улица Жолтовского) и Малой Бронной, Большому Патриаршему переулку (теперь улица Адама Мицкевича) согласно имеющимся в Управлении архивным документам и схемам городских железных дорог не было организовано движение трамваев.

Конечно, можно было бы успокоиться и считать роковой трамвай оригинальной выдумкой писателя. Но нельзя было совершенно игнорировать мнение старожилов на этот счет. Многие из них, прожившие всю жизнь, в том числе 20–30-е годы, в этом районе, определенно утверждали: здесь, вокруг Патриарших прудов по Малой Бронной, улице Жолтовского, Вспольному переулку, были рельсы, грохотал трамвай, а на выходах из Патриарших аллеи скрипели не смазанные маслом турникеты-вертушки.

Свидетелями этого были не просто старушки с бульварных скамеек (среди них, возможно, была и состарившаяся знаменитая чума – Аннушка, та, что пролила постное масло), но и весьма авторитетные люди: доктора наук, профессора, доценты, называвшие это место любовно-фамильярно: «наши Патрики». Упоминает о турникете и огибающих сквер дребез-жащих трамваях старожил этих мест журналист В. А. Левшин в статье «Садовая, 302-бис», не уточняя, правда, был ли этот трамвай пассажирским¹²². (Эта недоговоренность позволила Л. М. Яновской усомниться в словах мемуариста о трамвае вокруг Патриарших прудов¹²³.) А исследователи Ф. Балонов и М. Петровский предложили свой вариант объяснения появления трамвая на Патриарших: заимствованием сюжета из повести А. Куприна «Каждое желание» («Звезда Соломона»), тоже трагически связанного с трамваем, но уже с киевским, на Александровской улице¹²⁴.

Добавилась новая информация и после просмотра московских газет конца 1920-х годов. Так, в «Вечерней Москве» в августе 1929 года сообщалось, что «в Москве находится американский писатель Голланд (!), приехавший в СССР для изучения колхозов и системы народного образования»¹²⁵, а спустя три недели там можно было прочесть такую заметку: «Трамвая на Тверской не будет. *Новые трамвайные линии – на Малой Бронной и Спиридоновке. Работы по сооружению новых линий должны быть закончены в ноябре*»¹²⁶. (Подчеркнуто мною. – Б. М.) И не исключено, что Булгаков, всегда внимательно относившийся к газетным сообщениям, принял это к сведению при обдумывании сюжета завязки романа.

В совокупности же можно прийти к такому выводу после многочисленных опросов, сопоставлений и проверок: некоторое, но небольшое время трамвай на Патриарших все-таки был, но не пассажирский, а грузовой, ходящий по вспомогательным служебным линиям, временно проложенным для разгрузки линий Садового кольца и Тверской. Рельсы заворачивали с Садовой-Кудринской на Малую Бронную. И кроме того, эта линия использовалась и по-другому. Пути в районе Патриарших прудов в конце дня наполнялись пустыми пассажирскими трамваями, образуя своего рода ночное депо в теплое время года. В романе Булгакова, видимо, описан именно такой трамвай, направляющийся на «отдых» в вечернее время: он без пассажиров и явно не грузовой («осветился изнутри электричеством» – грузовые трамваи не имели освещаемого салона).

¹²² Левшин В. Садовая, 302-бис // Театр, 1971, № 11. С. 114; Воспоминания о Михаиле Булгакове. М.: Советский писатель, 1988. С. 173.

¹²³ Яновская Л. Творческий путь Михаила Булгакова. М.: Советский писатель, 1983. С. 236.

¹²⁴ Балонов Ф. Сатанинский цвет // Электросила (Ленинград), 1988, 4 февраля. С. 10; Киселева В., Петровский М. Писатели из Киева: А. Куприн и М. Булгаков // Радуга (Киев), 1988. № 10. С. 124–132.

¹²⁵ Вечерняя Москва, 1929, 3 августа. С. 3.

¹²⁶ Вечерняя Москва, 1929, 28 августа. С. 3 (указано М. В. Владимирским).

Все это хорошо, подумает недоверчивый читатель, но нет самого главного: документов, фотографий, подтверждающих наличие хотя бы рельсов, не говоря уже о грузовом трам-вае или ночных «табунах» уснувших пустых вагонов вокруг пруда.

И будет прав. Увы, казалось бы, самая надежная память технических архивов не сохранила рельсовые трассы. Словно дунул в них фантастический персонаж булгаковского романа и уничтожил все документы, как он это делал в книге застройщика домика, где жил главный герой книги – романтический Мастер... Как же быть?

Ответ пришел неожиданно и путем, вполне соответствующим таинственным фантазмагориям этого произведения. Помог убедиться в невыдуманности трамвая на Патриарших реально существующий, давно применяемый на практике и достаточно удивительный способ. Он заключался в обследовании заданного участка улиц и переулков на наличие в прошлом рельсового пути. Эксперимент провел архитектор-биолокатор мастерской Росрестав-рация В. А. Резвин. Эта мастерская широко использует метод биолокации для обнаружения скрытых фундаментов построек, захоронений, коммуникаций; об этом подробно рассказано в статье Н. И. Иванова, А. И. Плужникова, Н. И. Свешникова «Применение биофизического метода исследования и реставрации памятников истории и архитектуры»¹²⁷.

Методом биолокации удалось установить такие рельсовые «маршруты», не показанные ни на одной из московских транспортных схем: поворот к центру со стороны Садовой-Кудринской улицы (где ходили рейсовые маршруты «Б», 13, 30,38) через улицу Качалова во Вспольный переулок, вдоль которого – до улицы А. Толстого, по ней на улицу Адама Мицкевича и далее до ближайшего угла квадрата ограды Патриаршего пруда. Рельсы оги-бали зеленый островок по нынешнему Малому Патриаршему переулку, улице Жолтовского, по ней, пересекая Малую Бронную улицу, до Трехпрудного переулка, затем прямо, по Благовещенскому переулку до улицы Тверской.

Обнаружилась и «новопроложенная» линия, описанная в романе: на перекрестке улицы Жолтовского и Малой Бронной оказалась развилка. Рельсы поворачивали на Малую Бронную в сторону центра и шли вдоль ограды Патриарших прудов по ней и далее вплоть до Тверского бульвара (там были маршруты «А», 15, 18, 23). Интересно, что тем же методом был обнаружен и разрыв в ограде, где находился турникет. Он оказался точно на продолжении ближайшей к пруду аллеи, направленной перпендикулярно к рельсам на Малой Бронной: на старых планах она показана специально, а треугольный, примыкающий к пруду сквер ближе к улице Жолтовского с нынешним памятником И. А. Крылову изображался на них отдельно. При этом ясно обозначился участок от угла улицы Жолтовского до бывшего турникета, где трамвай мог «взвять и наддать», и с точностью до метра определилось место гибели булгаковского героя.

Следует заметить, что писатель был так же точен в описании других видов транспорта, которыми пользуются герои романа. Вспомним, что во время погони обезумевшего Ива-нушки за таинственной шайкой с Патриарших, вслед за котом, уехавшим «на колбасе» трам-вая «А» от Никитских ворот к Арбатской площади, в идущий в ту же сторону автобус «на ходу ввинтился длинный клетчатый». Автобус там действительно ходил по маршруту номер 5.

В сцене на Патриарших прудах Булгаков обыгрывал практически каждую топографическую деталь. Даже бакалея (в ранних редакциях романа – кооператив), где купила Аннушка злосчастную литровку подсолнечного масла, находилась неподалеку. Это кооперативный магазин «Коммунар» № 11 б, существовавший на углу Малой Бронной (дом 27/14) и Большого Патриаршего переулка, где теперь коммерческий магазин.

---

¹²⁷ Вопросы охраны, реставрации и пропаганды памятников истории и культуры. Вып. 3. М.: Стройиздат, 1975. С. 20–25.

Удивительное, притягательное место! Отсюда, от патриаршей аллеи в Патриарший, точнее, в Большой Патриарший переулок начинается путь стремительной безумной погони второго литератора, поэта Ивана Бездомного за помутившей его разум компанией «таинственного профессора». При всей занимательности и динамичности последующего сюжета все же следует помнить, что завязка романа начинается со смерти, с трагедии. И на причинах и мотивах такой жестокой расправы автора со своим героем уже на первых страницах книги хотелось бы остановиться особо.

И главная из них – те сложные отношения, которые сложились у Булгакова в современном ему литературном мире с его «собратьями» – писателями, с писательскими организациями того времени. Они перенесены на страницы романа, дав и комический и трагический эффект. Есть мнение, что Воланд казнил Берлиоза за Мастера, за статьи против него, к которым тот был причастен, как председатель МАССОЛИТа и редактор толстого журнала, где могли печататься Латунский и К°.

Есть и возражения против этого: ведь Берлиоз не значится в списках авторов статей, критикующих роман Мастера. В самых действиях и словах Воланда не было ничего угрожающего, и он, благодаря своему всеведению, лишь предсказал, предугадал естественный исход будущих трагических событий: «Кирпич ни с того ни с сего никому на голову не свалится... Вы умрете другой смертью». Он пытается даже гадать: «Раз, два... Меркурий во втором доме... луна ушла... шесть – несчастье... вечер – семь...» – И громко после этого объявляет: «Вам отрежут голову!...»¹²⁸

Предъявленное Берлиозу роковое седьмое доказательство существования предначертанной судьбы (вслед за кантовским шестым доказательством о бытии божьем), дьявола, знающего эту судьбу, сбывается без какого-нибудь участия Князя Тьмы или его помощников, не влияющих в целом на текущие события. Кто же прав? Видимо, истина где-то посередине, и она вытекает из самой идеи романа: «Все будет правильно, на этом построен мир». Да, Михаил Берлиоз за многое, по Булгакову, вполне заслуживает той ужасной смерти от рук комсомолки, управляющей взбесившимся «наддавшим» трамваем, смерти, которую уготовила ему судьба по воле автора. Именно судьба, а не Воланд: ведь знать «вперед бы и о смерти», как это знал дьявол, резонно размышляет Иван Бездомный в ранних редакциях романа, – «это далеко не значит эту самую смерть причинить». Булгаковский Воланд – это не судья и палач, а беспристрастный наблюдатель, время от времени испытывающий героев романа и невольно, хоть и «по своему ведомству» творящий добро, восстанавливающий справедливость, и только разве в случае с бароном Майгелем лишь приближающий неизбежные события.

Но автор не оставляет Берлиоза и после смерти. Незадолго до похорон из гроба, где лежит покойный редактор, таинственным образом исчезает голова, чтобы потом ожить и превратиться в чашу для вина на бале Сатаны...

Нынешние Патриаршие пруды в обрамлении липовых аллей лишь незначительно изменились с булгаковских времен. При желании можно найти и место будочки «Пиво и воды», напоившей пахнувшей парикмахерской пенистой «абрикосовой» изнывающих от жажды литераторов. Только теперь здесь вместо летней читальни библиотеки № 46 имени Н. В. Гоголя, где наверняка был томик «Мастера и Маргариты» – фешенебельный ресторан, куда, наверно, не пустят литераторов, не имеющих валюты... Но мы, свободно путешествующие по булгаковским местам, просто сами раскроем свой потрепанный томик романа и окунемся – как Иван в Москву-реку – в волшебные страницы на знаменитой Патриаршей скамье! И отраднo видеть, что это-то и происходит и сегодня на традиционных Булгаковских праздниках – гуляньях-концертах на Патриарших прудах.

---

¹²⁸ Булгаков М. Избранные произведения в 2 т. Т. 2. Киев: Днипро, 1989. С. 343.

В их программу входит также обязательное паломничество – экскурсии по булгаковским местам Москвы, где в первую очередь, после Патриарших прудов, предусмотрено посещение квартиры 50 в доме 10 по Большой Садовой улице.

Дом на Большой Садовой улице, о котором мы уже не раз упоминали, – сегодня самое притягательное место из известных булгаковских адресов столицы, самое посещаемое, знаменитое, таинственное, своего рода символ «Булгаковской Москвы». Здесь в середине и во второй половине 80-х годов был стихийно создан своего рода музей, музей писателя и литературных героев его романа «Мастер и Маргарита»: «Дом 302-бис» с «нехорошей квартирой 50», где писатель прожил с 1921 до середины 1924 года, а потом переехал в 34-ю квартиру в том же доме на «уплотнение» семьи Манасевичей. В письме к сестре Н. А. Земской от 23 октября 1921 года сохранились его полушутливые первые невеселые наблюдения нового жилища:

На Большой Садовой
Стоит дом здоровый.
Живет в доме наш брат —
Организованный пролетариат.
И я затерялся между пролетариатом,
Как какой-нибудь, извините за выражение, атом.
Жаль, некоторых удобств нет:
Например, испорчен ватерклозет;
С умывальником тоже беда:
Днем он сухой, а ночью из него на пол течет вода.
Питаемся понемножку:
Сахарин да картошка.
Свет электрический – странной марки:
То потухнет, а то ни с того ни с сего разгорится
ярко. Теперь, впрочем, уж несколько дней горит
подряд, И пролетариат очень рад.
За левой стороной женский голос выводит:
«Бедная чайка...»
А за правой играют на балалайке¹²⁹.

По определившейся уже тогда своей писательской манере Булгаков не остановился на использовании экзотической фактуры и истории этого дома только в одном произведении. В старинном, выстроенном «покоем» доме и в квартире 50 шестого парадного, как мы уже знаем, происходят события рассказов «№ 13. – Дом Эльпит-Рабкоммуна», «Псалом», «Само-гонное озеро», «Три вида свинства»...

Но наибольшим образом прославил писатель свое первое московское жилище в романе «Мастер и Маргарита». Дом № 10 на Большой Садовой улице фантазией автора превратился в дом «302-бис по Садовой» (формулу превращения вывел литературовед И. Ф. Бэлза: $(3 + 0 + 2) \times 2 = 10$, а латинское «W» (дважды), по мнению В. А. Левшина, делает в романе с чер-товщинкой крутой вираж и оборачивается украинским, гоголевским «бісом»). А изменение автором романа названия самой улицы не слишком грешит против истины: Большая Садовая в 20–30-е годы называлась и Садовой-Триумфальной, и просто Садовой. Справочники и путеводители по Москве тех лет однозначно подтверждают это.

---

¹²⁹ Булгаков М. Письма. Жизнеописание в документах. М.: Современник, 1989. С. 54.

Об этом знаменитом доме следует поговорить особо. Построен он в 1903 году архитекторами А. Н. Милковым и Э. И. Юдицким для московского купца, табачного фабриканта, владельца фабрики «Дукат» Ильи Пигита. Одновременно в этом доме по заказу художников П. Кончаловского, Г. Якулова, В. Рябушинского были выстроены специальные мастерские во внутренних помещениях двора. В мастерской Петра Кончаловского (его сын, М. П. Кончаловский, художник и скульптор, до сих пор работает там) проходили заседания группы живописцев «Бубновый валет», куда входили такие знаменитости, как Лентулов, Фальк, Осьмеркин... Дом связан с именем Сурикова и Шаляпина, пианистов Боровского и Игумнова, скульптора Коненкова, поэтов-имажинистов Сергея Есенина (в 38-й квартире у Георгия Якулова он познакомился с Айседорой Дункан), А. Мариенгофа, А. Кусикова, В. Шершеневича. В послеоктябрьские дни здание стало одним из первых рабочих домов-коммун.

«Нехорошая квартира номер 50» сохранила и свой реальный номер и, судя по ранним рассказам романиста, не изменяла свою нехорошую репутацию. А описание дома и квартиры до мелочей нашло отражение на страницах «Мастера и Маргариты». Совпадения настолько поразительные, что каждый, имея в руках роман, может уверенно прийти к дому на Большой Садовой, пройти знаменитой подворотней, пересечь заасфальтированный двор с островком деревьев посередине, дойти до шестого парадного, подняться по «бесконечным» лестницам на пятый этаж, увидеть на верхней площадке слева знаменитую квартиру номер 50, приблизиться к двери, нажать на кнопку звонка... Страшно! Вдруг мистическая квартира сохранила свое «нехорошее» свойство, и нам откроет клыкастый крепыш с бельмом на глазу и куриной костью в кармане, или кривляющийся клетчатый субъект в разбитом пенсне, или девица в одном кокетливом передничке и со шрамом на шее?..

Нет. Читательское воображение завело нас слишком далеко, хотя настенная «клинопись» вокруг позволяет предположить, что мы не одиноки. Здесь, в этой квартире, организуется мемориальной музей-квартира писателя.

Правда, в этой квартире мы не найдем описанных в романе апартаментов бывшей юве-лирши, где вместо Степы Лиходеева и погибшего Михаила Берлиоза обосновался черный маг Воланд со своей беспокойной свитой, где был страшный полуночный бал Сатаны и встретились после долгой разлуки главные герои книги – Мастер и Маргарита. В квартире 50 все комнаты небольшие, камин и витражные стекла отсутствуют. Описание Булгаковым ее интерьера и некоторые детали заимствованы из квартиры 34 того же дома и квартиры 66 дома 12 в Савельевском переулке.

Спускаясь вниз с верхней площадки лестницы, можно увидеть и другие детали, известные нам по книге: лестничное окно, в которое вылетели «незадачливые визитеры» в «нехо-рошую квартиру». Этажом ниже – квартира 48, где «жила» Аннушка-чума, подобравшая у своей двери золотую подковку Маргариты – подарок Воланда. Внизу под лестницей мы увидим подобие дворницкой каморки, где отсиживался злополучный киевский дядя погибшего Берлиоза – экономист Поплавский. Даже пожарная лестница, с которой обстреливали прыгающего кота Бегемота, существует на боковом фасаде дома. Есть и упомянутый в романе черный ход в «нехорошую квартиру».

На первом этаже другого подъезда можно обнаружить дверь под номером 35 – квартиру преддомкома Никанора Босого. Контора жилтоварищества легко угадывается у выходной арки дома в помещении нынешнего «Металлоремонта»: чтобы попасть из нее в свою квартиру, спасавшийся от надоедливых жильцов Босой «пересекал двор». (Кстати, отметим, что правление действительно существовавшего жилищно-рабочего кооператива – «рабком-муны» – помещалось там же, направо от ворот.) Продолжая обследование дома с книгой в руках, можно найти и 11-ю квартиру (в первом парадном) чересчур любопытного жильца Тимофея Квасцова, и многое другое...

Да, действительно удивительный дом, удивительный двор! Кажется, вот только что отъехала от шестого парадного «буланая» машина с шофером-грачом, увозящая встретившихся героев. Попадая в эти места, испытываешь поразительное чувство полной достоверности событий, происходивших тут. Ощущение это не покидает, несмотря на всю его фантастичность и абсурдность. И большинство проходящих сюда читателей романа испытывают сходные чувства. Они выражаются и в благоговейном, но пристрастном осмотре этих мест, в радостном узнавании «оживших» примет.

Именно поэтому к московским героям писателя так приковано внимание читателей и поклонников его таланта. Своеобразным памятником этому интересу и следствием магического влияния последнего романа Булгакова и других его произведений, связанных с этим домом, являются рисунки, изречения и цитаты, заполнившие интерьер лестницы шестого парадного и даже фасад дома. Этот феномен исследователи и пресса объясняют социальной магией литературной топографии романа. А это лишь подтверждение того, что сами люди стихийно определяли место в этом доме музеем литературных героев писателя, в первую очередь героев «Мастера и Маргариты», тем более что здесь все топографические реалии сохранились практически в неприкосновенности со времен Булгакова.

«Дом на Садовой» в наше время стал живой иллюстрацией к «Мастеру и Маргарите», стал своего рода московской принадлежностью романа. Может быть, надписи на стенах подъезда и лестничной клетки выполнены без особого художественного мастерства, но зато от всей души, не по указке или заданию, и трудно, пожалуй, найти писателя, который не мечтал бы о таком живом, неформальном признании его таланта. Поэтому официальный музей будет, надеемся, настоящим народным музеем, необычным, непохожим на другие, где люди будут общаться, музеем-клубом, музеем-библиотекой, музеем-читальней.

Но есть и другая сторона дела. Как уже известно¹³⁰, сеть надписей на стенах внутри и вне дома, сочетающаяся с «картинной галереей», создает совершенно особое – не литературное и не графическое – произведение искусства, некий рефлекс, отражение, брошенное на стены подъезда самим романом. Стихийное, коллективное творение в честь Михаила Булгакова и его книги, которое зажило своей собственной жизнью с начала 1980-х гг. Уже достаточно решительно прозвучало требование создать в квартире 50 музей¹³¹, которое наконец услышано и воплощено в марте 2007 года: в Москве открылся мемориальный музей «нехорошая квартира», и в этом огромная заслуга, как известных булгаковедов, так и многочисленных и неутомимых поклонников творчества Михаила Булгакова.

Теперь уже бесспорно, что роман Булгакова стал воистину народным чтением. Это тоже чудо, вряд ли предвиденное самим Михаилом Афанасьевичем. Впервые со времен Достоевского русская литература напрямую заговорила о «вечных» вопросах – о добре и зле, свете и тьме, жизни и смерти – на последней, максимальной ступени обобщения, поднимая все проблемы до уровня космических. И ни один неискушенный читатель не сумеет не заметить булгаковской тайнописи; и ни один, самый образованный и проницательный, не сможет прочитать ее до конца.

«Да здравствует Булгаков!» – такая надпись повторяется на стенах дома на Садовой. Этот наивный и вместе с тем мудрый лозунг позволяет коснуться любых аспектов булгаковской прозы. Что означает узор рисунков и цитат? Что это – самодеятельный музей Булгакова? Мастера? Воланда? Романа? Нет, прежде всего, это – вещественное доказательство значи-

---

¹³⁰ Тан А. Москва в романе М. Булгакова // Декоративное искусство. 1987, № 2. С. 22–29.

¹³¹ О необходимости создания там Булгаковского музея была сделана передача в программе ЦТ «Мир и молодежь» (24 сентября 1986 года с участием И. М. Смоктуновского) и писала пресса («Известия». 1985, 12 января; 1985, 7 ноября; 1987 7 января; «Комсомольская правда». 1986, 30 августа; «Собеседник». 1986, № 47 (ноябрь); «Литературная газета». 1986, 24 декабря; «Московская правда». 1986, 26 декабря, и др.) Рассказ об этом доме включен в экскурсию «Москва в жизни и творчестве Михаила Булгакова», проводящуюся с начала 1986 года.

мости пересечения реальности и творчества. Это роман Булгакова «Мастер и Маргарита» навсегда наложил свой отпечаток на стены и улицы Москвы.

В этой книге заканчивают свою биографию «сквозные» герои, проходящие по многим страницам творчества писателя. Среди них такой тип, как председатель домкома Никанор Иванович Босой, завершающий печальную галерею булгаковских управдомов: «барашко-вого председателя» из «Воспоминания...», Егора Нилушкина и Христи из «Дома Эльпит», Швондера из «Собачьего сердца», Аллилуи-Португеи из «Зойкиной квартиры», Бунши из «Ивана Васильевича» и «Блаженства». Видимо, натерпелся от управдомов и председателей жилтовариществ Булгаков: каждый из предшественников Босого, да и сам Никанор. Иванович, – резко отрицательные, сатирически заостренные персонажи.

Но писателю было мало наказать своего героя безумием в клинике Стравинского. Как художественный прием вводит автор сон Босого, чтобы показать несимпатичную галерею валютчиков. Может быть, это и вымышленные герои: Сергей Герардович Дунчиль, его жена, его любовница Ида Геркулановна Ворс, Николай Канавкин, как и два артиста: один – кон-ферансье, «молодой человек в смокинге с приятными чертами лица и мягким баритоном», другой – «известный драматический талант» Савва Потапович Куролесов, «рослый и мяси-стый бритый мужчина во фраке и белом галстуке», читающий «Скупого рыцаря», – имели знакомых Булгакову реальных прототипов.

И совсем не придумана (хоть и случилась во сне) сцена «выбивания» валюты из арестованных людей. Происходили в действительности, по воспоминаниям мемуаристов, такие «золотые ночи» в начале 30-х годов. Об этом безусловном беззаконии рассказывали так:

«Государству нужно имущество, нужно золото, а Колымы еще нет никакой. С конца 1929 года начинается знаменитая золотая лихорадка, только лихорадит не тех, кто золото ищет, а тех, из кого его трясут. Особенность нового „золотого“ потока в том, что этих своих кроликов ГПУ, собственно, ни в чем не винит и готово не посылать их в страну ГУЛАГ, а только хочет отнять у них золото по праву сильного. Поэтому забиты тюрьмы, изнемогают следователи... Кого сажают в „золотом“ потоке? Всех, кто когда-то, пятнадцать лет назад, имел „дело“, торговал, зарабатывал ремеслом и мог бы, по соображениям ГПУ, сохранить золото... С большой надеждой сажаются, конечно, зубные техники, ювелиры, часовщики. О золоте в самых неожиданных руках можно узнать по доносу: стопроцентный „рабочий от станка“ откуда-то взял и хранит шестьдесят николаевских золотых пятерок... Уж ничем – ни пролетарской сущностью, ни революционными заслугами не может защититься тот, на кого пала тень „золотого“ доноса. Все они арестуются, все напихиваются в камеры ГПУ в количествах, которые до сих пор не представлялись возможными...»

Следователи не пишут протоколов, потому что бумажка эта никому не нужна... важно одно: отдай золото, гад!.. Если у тебя на самом деле золота нет – твое положение безвыходно, тебя будут бить, жечь, пытать и выпаривать до смерти или пока уж действительно не поверят. Но если у тебя золото есть, то ты сам определяешь меру пытки, меру выдержки и свою будущую судьбу. Психологически это, впрочем, не легче, это тяжелей, потому что ошибешься и навсегда будешь виноват перед собой... Но и слишком легко отдаваться нельзя: не поверят, что отдал сполна, будут еще держать. Но и слишком поздно отдать нельзя: душеньку выпустить или со зла влепят срок»¹³².

Такой «театр» времен Иосифа Сталина увидел во сне, а может, и наяву булгаковский персонаж Никанор Иванович Босой, оказавшись сначала в учреждении, где его допрашивали. Про это учреждение, окна которого выходили «на залитую асфальтом большую площадь», подробно рассказано в 27-й главе романа. Учреждение это, конечно, узнаваемо в расположенном некогда на Лубянской площади Главном политическом управлении. Его

---

¹³² Сожженицын А. Архипелаг Гулаг. Ч. I // Новый мир, 1989, № 8. С. 35–36.

сотрудники уже появлялись на страницах булгаковских произведений. И всегда, как и милиция, в виде положительных героев. Таковы Щукин и Полайтис (явно из латышских стрелков), героически погибшие в повести «Роковые яйца», милиционеры в очерках о Москве и в «Зойкиной квартире», пациент Преображенского, «толстый и рослый человек в военной форме» из «Собачьего сердца»... В «Мастере и Маргарите» «дело Воланда» расследует «молодой, круглолицый, спокойный и мягкий в обращении человек, совсем не похожий на следователя, и тем не менее один из лучших следователей Москвы»¹³³.

С представителями ГПУ – НКВД Булгакову пришлось иметь дело не только в своем воображении. Как известно, в 1925 году у него был произведен обыск, изъяты дневники и экземпляры машинописи «Собачьего сердца», он вызывался на допросы и только через несколько лет все было возвращено благодаря заступничеству А. М. Горького. И арест, несвободу, неволю писатель считал одним из величайших несчастий...

Не менее, чем Босой, интересен и другой «неудачливый визитер» в «нехорошую квартиру» – буфетчик Варьете Андрей Фокич Соков, тот самый, у которого «осетрина второй свежести». После беседы с Воландом и его свитой, узнав о своей близкой смерти, исцарапанный котенком, он метнулся на другую сторону Садовой и оказался в аптеке. Забинтованный буфетчик вскоре попадает к специалисту по болезни печени профессору Кузьмину, жившему «буквально через двор, в маленьком беленьком особнячке».

В главе о Варьете мы еще вернемся к адресам этой аптеки и профессора Кузьмина, а пока лишь отметим автобиографические черты этого эпизода романа. Профессор Кузьмин, шестидесяти лет, выпускник университета 1894 года, и его однокурсник невропатолог седюсый профессор Буре... В этих персонажах Булгаков снова после «Записок юного врача» и фантастической повести об ученом Ф. Ф. Преображенском обращается к своим коллегам по образованию, врачам. Но в отношении Кузьмина его юмор не так добродушен. Почему?..

Незадолго до своей смерти Елена Сергеевна Булгакова рассказывала об одном враче, М. С. Вовси, лечившем ее смертельно больного гипертоническим нефросклерозом мужа. Этот эскулап, нарушая всякую врачебную этику, не заботясь, слышит ли его больной, выскал свое мнение, что тот умрет через несколько дней. Было это в сентябре 1939 года. Но случилось по-другому. Жизнь Булгакова продлилась еще на семь месяцев, и в один из январских дней уже почти ослепший писатель продиктовал жене весь эпизод встречи буфетчика с профессором Кузьминым. Так это вошло в текст романа¹³⁴.

Поскольку мы вспомнили об одном «неудачливом визитере» в «нехорошую квартиру», думается, будет уместным вспомнить еще об одном. Адрес его прямо мистически притягивает к себе. Речь пойдет об уже известном нам экономисте из Киева, сначала вызванном в Москву, а потом изгнанном злодейской шайкой Воланда. Кто из киевских знакомых или родственников Булгакова мог послужить прототипом этого героя, жившего на Институтской улице и безусловно показанного в сильно шаржированном виде? Скорее всего, это гимназический товарищ писателя Александр Петрович Гдешинский, одно время пытавшийся обменяться на Москву. Его киевский адрес таинственно зашифрован в романе.

На этом временно покинем «дом 302-бис» и вернемся на Патриаршие пруды. Новая и последняя встреча с ним произойдет при рассказе о Маргарите и бале Сатаны.

---

¹³³ Булгаков М. Избранные произведения в 2 т. Т. 2. Киев: Днипро, 1989. С. 662.

¹³⁴ Чудакова М. Жизнеописание Михаила Булгакова. М.: Книга, 1988. С. 642, 648.

Глава шестая

Приключения Ивана Бездомного, или От Патриарших до МАССОЛИТа

Патриаршие пруды, о которых рассказывалось в предыдущей главе, ныне вновь освящены магией «закатного» романа. С сентября 1989 года здесь установилась прекрасная традиция народных Булгаковских праздников. На нескольких театрализованных площадках разыгрываются сцены из романа, ездит вокруг прудов «трамвай» «Аннушка» с рекламой – «Покупайте подсолнечное масло», разливается и само масло... Главной же сценой была вознесенная на подмости, или на эшафот, копия той скамьи, где московские литераторы встретились с Воландом.

От этой или подобной ей скамьи с пустынной Патриаршей аллеи начинается в книге стремительная погоня поэта Ивана Бездомного за таинственной шайкой иностранцев – кон-сультантом по черной магии, глумливым клетчатый субъектом и гигантским котом. Обезумевшему от увиденной ужасной смерти своего патрона и литературного начальника Миха-ила Александровича Берлиоза поэту видятся уже ирреальные сюжеты. Здесь действует придуманное Булгаковым иное измерение пространства, в которое попадают как бы вполне обычные люди – москвичи, имеющие своих возможных жизненных прототипов. К ним мы попробуем сейчас обратиться, имея и конкретную цель – разыскать по возможности точные топографические адреса в «Мастере и Маргарите».

Писатели на Патриарших. Не случайна такая завязка главной книги Булгакова. Ведь естественно предположить, что наибольшее количество московских героев романа будут иметь литературную профессию: писатель рисовал картины хорошо ему знакомой окружающей жизни. И начинают действие романа именно литераторы. По многим признакам (даже чисто внешним: маленького роста, упитан, лыс, громадные очки в черной роговой оправе, говорит высоким тенором и поучающим тоном) за Михаилом Александровичем Берлиозом стоит Леопольд Леонидович Авербах, критик, в 1922–1932 годах редактор «толстых» журналов «Молодая гвардия» и «На литературном посту», генеральный секретарь РАППа.

У Булгакова были веские основания недолго любить Авербаха, и он ввел его еще раз под одним условным именем критика Аримана, автора статьи о Мастере – «Враг под крылом редактора», после того как в газете был опубликован большой отрывок романа о Понтии Пилате. С аримановской статьи началась травля Мастера. В этой связи небезынтересно кон-статировать, что одна из первых отрицательных рецензий на первый булгаковский сборник «Дьяволиада» была написана именно Леопольдом Авербахом.

Авербах был еще и одним из руководителей других писательских организаций: ФОСПа (Федерация объединений советских писателей), ВОАППа (Всесоюзная объединенная ассоциация пролетарских писателей). Названия их послужили прообразом булгаковскому МАССОЛИТу (Московской ассоциации литераторов). Да, ненависть к литературным генералам и гонителям у Булгакова очевидна, но, когда же прототипу Берлиоза и его массолитовцам (коллегам Л. Авербаха по РАППу – В. Киршону, Г. Лелевичу и другим) действительно «отрезали головы» – репрессировали и уничтожили в конце 1930-х годов, никакой радости Булгаков не испытывал. Им владели лишь сочувствие, тревога, печаль.

Но вернемся сейчас к собеседнику Михаила Берлиоза – поэту Ивану Бездомному. Это весьма примечательная личность и едва ли не один из главных героев повествования. Есть верное мнение (П. В. Палиевского), что «именно для него разворачивается вся история романа, потому что он один показан в развитии, он один сумел извлечь из всех событий что-то для себя новое, чему-то научиться. „Бездомный“, конечно, есть не просто псевдоним, –

считает критик, – но надетое на него кем-то имя, на шальную голову нашлепнутый колпак, в котором он и бурчал свои „поэмы“, пока не начал, хотя и не твердо, *соображать*»¹³⁵.

Бездомный как бы переродился после встречи с дьяволом: купели на Москве-реке (в ранних редакциях это омовение – крещение безумного поэта происходило на гранитной балюстраде, ведущей к воде от храма Христа Спасителя), сумасшествия и общения с Мастером. Превратясь (как Иванушка-дурачок из русских сказок) в ученого-историка, он обрел себя. Его учитель – Мастер наоборот: из музейного работника историка – в художника и оттуда в небытие к вечному покою и приюту. А Бездомный – Понырев остался с нами. К нему, в сущности, обращен роман, в последней сцене эпилога которого описан также Иван Николаевич в ночь весеннего полнолуния, когда его мучают старые воспоминания.

С Иваном Бездомным читатель встречается на первой странице романа и расстается на последней. Иван причастен почти ко всему, что происходит в произведении, но он, по мнению исследователя А. А. Кораблева, всегда – второй, он – спутник: сначала Берлиоза, потом Мастера, потом, может быть, еще кого-то. Кажется, что он для того и создан таким, с первого взгляда немудреным, простым, таким прозрачным, чтобы незаметно, не заслоняя собой других героев, быть зрителем, если не участником каждого события.

Кого же мог иметь в виду автор? Явно двух людей или две группы людей. Ведь между поэтом Бездомным и историком Поныревым ощутимая разница. Это различие явственно отмечено и в книге, одна из глав так и называется – «Раздвоение Ивана». А запальчивый спор поэта с Воландом о существовании бога и дьявола дает основания сравнить Ивана с одним из героев Ф. М. Достоевского – Иваном Карамазовым.

Поэт Бездомный в начале романа – малокультурный субъект, собирающийся, например, отправить давно умершего философа Канта на Соловки, в тюрьму. Он пытается писать антирелигиозные поэмы, пишет какие-то стишки, пользующиеся, однако, спросом: их печатают в «Литературной газете» с портретом автора. Малообразованность Ивана иронически подчеркивается: он не знает о Мефистофеле и Фаусте ни по книгам, ни по опере, – «полное незнание с вопросом, по которому он собирался писать» поэму об Иисусе Христе. Поэт с «бойкими зелеными глазами» аморфен, текуч по убеждениям и примет ту форму, которую для него готовит начитанный и солидно эрудированный Берлиоз. (Заметим в скобках, что рассказ «образованного редактора» передан автором романа с известной долей сарказма, а его мнимая эрудиция тут же не выдержала испытания при беседе с таинственным профес-сором черной магии – не смог распознать дьявола. «И, право, я удивляюсь Берлиозу... тот, сколько я о нем слышал, все-таки хоть что-то читал... он человек не только начитанный, но и очень хитрый...»¹³⁶ – говорит о нем Мастер.)

Кто же из реальных и современных Булгакову людей того времени мог послужить про-образом Ивана Николаевича Бездомного (Понырева)? Однозначно трудно ответить, даже, если привлечь его имена из ранних редакций романа: Антоша Безродный, Иванушка Попов (запомним это имя), Иванушка Безродный, Палашов, Покинутый. Псевдонимы достаточно прозрачны, если вспомнить, как подписывали свои сочинения современные автору романа литераторы.

Назовем лишь характерные и наиболее близкие к имени этого героя книги имена и псевдонимы. Во-первых, это прямой его однофамилец и поэт литературного объединения поэтов-пролеткультовцев «Кузница» Касьян Бездомный. Затем это уже более известные имена: Демьян Бедный, Александр Безыменский, Михаил Голодный, Иван Приблудный.

Творчество первых трех поэтов достаточно известно, отметим лишь, что А. Безыменский был один из тех, кто яростно нападал на Булгакова в связи с постановкой МХАТом

---

¹³⁵ Палиевский П. Литература и теория. Изд. 2-е, доп. М.: Современник, 1978. С. 264.

¹³⁶ Булгаков М. Избранные произведения в 2 т. Т. 2. Киев: Днипро, 1989. С. 463.

«Дней Турбиных»¹³⁷. Говоря о прототипической ассоциации имен Бездомный – Безыменский, литературовед Б. М. Гаспаров считает, что «помимо созвучия фамилий их объединяет и своего рода „биографическое“ сходство». Так, в романе говорится о том, что Бездомный был весьма обеспокоен потерей удостоверения МАССОЛИТа, «с которым никогда не расставался» (его, правда, пустил швейцар в ресторан не только без него, но даже и без брюк). Безыменский в начале 30-х годов был выведен, хотя и временно, из РАППа, и, кроме того, одно из популярных стихотворений пролетарского поэта по содержанию составляло аноло-гичный мотив потери важного документа («Партийный билет»)¹³⁸.

Сходство Ивана Бездомного с Демьяном Бедным на первый взгляд не такое очевидное. Однако тот же Б. М. Гаспаров считает, что поэт-сатирик Ефим Александрович Придворов (Демьян Бедный) вполне мог отразиться в булгаковском зеркале как Иван Николаевич Понырев (Иван Бездомный). «Помимо некоторого фонетического совпадения псевдонимов, – пишет критик, – Демьян – Иван, Бедный – Бездомный, можно отметить еще стилевую игру самих фамилий Придворов – при дворе (то есть как бы без дома) и Бездомный – так же без дома. Демьяном Бедным написано множество антирелигиозных произведений, а Бездомный к моменту начала романа только что закончил заказанную ему (явно к Пасхе) большую поэму о Христе, где тот, уже как выясняется, помимо воли автора, „написан, как живой“»¹³⁹. О еще одном сходстве, уже с Александром Ильичом Безыменским, сообщает историк Б. В. Соколов: «В редакции романа 1929 года было написано о памятнике знаменитому поэту Александру Ивановичу Житомирскому, отравившемуся в 1933 году осетриной, причем памятник автор расположил напротив ресторана „Дом Грибоедова“, где это произошло. Намек на Безыменского в этой редакции был более явным, учитывая, что тот был как раз родом из Житомира»¹⁴⁰.

Отношение Булгакова к подобным современным ему поэтам мы знаем немного по первой «владикавказской» части «Записок на манжетах». Продолжена эта тема и в «закатном» романе, и особенно в приводимой ниже сцене знакомства Мастера с Иваном в одной из его ранних редакций. На вопрос гостя с балкона: «Кто он?» – начинается разговор:

«– Поэт, – неохотно признался

Иван. Пришедший нахмурился.

– Ой, как мне не везет! – воскликнул он. Потом заговорил: – Впрочем, простите. Про широкую реку, в которой прыгают караси, а кругом тучный край, про солнечный размах, про ветер и полевую силу и гармонию – писали?

– А вы читали? – спросил Иван.

– И не думал, – ответил пришедший, – я таких вещей не читаю. Я человек больной, мне нельзя читать про это. Ужасные стишки!..»¹⁴¹

Мастер своим мнением о такого рода «поэзии» безусловно выражал авторское отношение к многочисленным современным ему рифмоплетам, к «армии поэтов» по выражению О. Э. Мандельштама. «С детства терпеть не мог стихов, – писал Булгаков к своему другу П. С. Попову, имея в виду продукцию современных ему бездомных-рюхиных. – Не о Пуш-

¹³⁷ *Безыменский А.* Открытое письмо Московскому Художественному Академическому театру // Комсомольская правда, 1926, 14 октября. С. 4; *Он же.* Рассказ старого рабочего // Правда, 1929, 1 августа. С. 3.

¹³⁸ *Гаспаров Б.* Из наблюдений над мотивной структурой романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита» // Даугава, 1988, № 10. С. 101.

¹³⁹ Там же. С. 100. См. также: *Кузякина Н.* Михаил Булгаков и Демьян Бедный // М. А. Булгаков – драматург и художественная культура его времени. М.: СТД РСФСР, 1988. С. 392–410.

¹⁴⁰ *Соколов Б.* Комментарий к роману «Мастер и Маргарита» // *Булгаков М.* Мастер и Маргарита. М.: Высшая школа, 1998. С. 492.

¹⁴¹ Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 562. К. 7. Ед. хр. 4.

кине говорю, Пушкин – не стихи!..»¹⁴² В этом контексте и стоит понимать диалог Мастера и Ивана Бездомного о стихах и поэзии.

О поэте Иване Приблудном следует сказать особо. Его настоящее имя Яков Петрович Овчаренко (1905–1937), в описываемое Булгаковым время ему было около 25 лет (почти как и Бездомному), и входил он в литературу, в московский литературный быт как начинающий крестьянский поэт, поддержанный С. А. Есениным. Печатали его достаточно охотно, но первым его довольно слабым стихам вполне соответствует самооценка своих стихов самим Иваном Бездомным: «Они – чудовищны»^[8].

Современники Ивана Приблудного вспоминают о нем как о ближайшем друге и спутнике С. Есенина, его «оруженосце и Лепорелло». Спутнике, в том числе в загулах по ресто-ранам, сопровождающихся кутежами и драками. Об одном из таких случаев будет рассказано немного позже.

Раз речь зашла о стихах, можно упомянуть еще одного возможного прототипа... собирательного образа булгаковского героя. Иван Молчанов, известный нам более из обращенного к нему стихотворения В. Маяковского. В начале 1920-х годов он печатался в рабочей прессе, в том числе и в «Гудке». Здесь, возможно, и заметил будущий автор романа в рубрике «От станка к перу» характерные молчановские строки (стихотворение «Пастушок»)¹⁴³.

В том же «Гудке» – тогдашнем месте работы Булгакова – нашелся и прямой тезка – однофамилец Ивана Бездомного. Рабкор – железнодорожник из Пензы – таким псевдонимом подписывал свои небольшие корреспонденции о состоянии дел в Пензенском транспортном узле. Их, безусловно, видел и, возможно, правил начинающий газетчик знаменитой «четвертой полосы». А потом, по всей вероятности, псевдоним этого пензенского рабочего, так запомнившийся писателю, переключался на страницы романа. (Отметим, что вначале псевдоним рабкора был «Иван Безродный», который нашел отражение и в ранних редакциях рукописи. А заметки и репортажи, подписанные «Иван Бездомный», ввели в заблуждение некоторых биографов Булгакова, считающих, что это его псевдоним. Это неверно, хотя возможно, что данные корреспонденции могли проходить через его руки...¹⁴⁴)

Почти вылеченный от безумия поэт сдерживает слово, данное Мастеру: не писать больше стихов. Прощаясь с ним перед полетом к последнему приюту, герой романа называет Ивана учеником. И в эпилоге это уже солидный ученый, сотрудник Института истории и философии, профессор Иван Николаевич Поньрев. Есть небезосновательное мнение (М. О. Чудаковой), что у этого, уже нового, персонажа другой прообраз – друг и первый биограф Булгакова профессор филологии Павел Сергеевич Попов (это, как отмечалось ранее, одна из фамилий Иванушки из ранних редакций романа). Выскажем еще одно предположение: вполне вероятный «кандидат в прообразы» Поньрева – драматург и сценарист Сергей Александрович Ермолинский. В последнем варианте своих воспоминаний он подчеркивает, что выполнил своего рода наказ Мастера (Булгакова) и Маргариты (Елены Булгаковой): рассказал о запомнившихся ему событиях жизни писателя, как ученик об учителе...¹⁴⁵

Нет сомнения в том, что список прообразов этого героя можно было продолжить. Предпосылками для этого являются те эпизоды романа, в которых описываются стремительная погоня Ивана за дьявольской шайкой, возвращение его в более чем легкомысленном виде через «таинственную сеть арбатских переулков» в МАССОЛИТ, приключения в ресторане «Дома Грибоедова» и успокоение в клинике душевных больных профессора Стравинского.

---

¹⁴² Булгаков М. Письма. Жизнеописание в документах. М.: Современник, 1989. С. 231.

¹⁴³ Гудок, 1924, 23 марта. С. 4.

¹⁴⁴ Гудок, 1923, 22 февраля. С. 3. (заметка «В Пензенском уезде». Подпись: «Иван Бездомный»); Гудок, 1923, 27 марта. С. 4 (заметка «Куда делись?» Подпись: «Иван Бездомный», что смутило канадского исследователя А. К. Райта, и он ошибочно включил эту корреспонденцию в библиографический корпус произведений самого Булгакова) и др.

¹⁴⁵ Ермолинский С. Драматические сочинения. М.: Искусство, 1982. С. 583–700.

Забегая немного вперед, можно сказать, что одним из промежуточных адресов, пунктирно намеченных в романе, будет реально существующая квартира Ляминых в Савельевском переулке и бывший в прошлом спуск к Москве-реке на Пречистенской набережной, напротив гранитного амфитеатра пологой лестницы Стрелки Водоотводного канала и основного русла реки. А начало пути было на Патриарших прудах, где произошло трагическое происшествие с Михаилом Берлиозом.

При этом следует уточнить для полной картины, что в ранних редакциях романа Иван Бездомный (тогда еще Иванушка Безродный) попадает в Савельевский переулок и к Москве-реке путем несколько иным, чем в окончательном тексте книги^[9].

На самой параллельной Малой Бронной улице патриаршей аллее можно указать по крайней мере три скамьи, где сидели герои романа. С последней из них к выходу на Бронную и устремился в безуспешную погоню за таинственной троицей – иностранным профессором, «втирушей-регентом» и громадным черным котом незадачливый поэт. Сначала «к выходу в Патриарший переулок» (точнее, в Большой Патриарший переулок, на углу с Малым Патриаршим переулком), затем по нему в Спиридоновку и по ней к Никитским воротам.

Здесь тройка рассыпается: регент (это Коровьев) на автобусе, а кот на трамвае «А» уезжают к Арбатской площади. Иван вслед за серым беретом профессора пересек Большую Никитскую и по Никитскому бульвару понесся в ту же сторону. (Отметим, справедливости ради, что трамвай маршрута «А» сравнительно недавно еще ходил по Бульварному кольцу. А в 30-е годы кроме него здесь проходили еще 15-й и 18-й маршруты к Арбатской площади, автобус же был только один, пятого маршрута. 15-й трамвай и автобус ходили дальше по Большой Пироговской улице к Новодевичьему монастырю и были хорошо знакомы жив-шему там Булгакову.)

Как шла эта сумасшедшая погоня дальше? «...И двенадцати секунд не прошло, как после Никитских ворот Иван Николаевич был уже ослеплен огнями на Арбатской площади. Еще несколько секунд, и вот какой-то темный переулок с покосившимися тротуарами, где Иван Николаевич грохнулся и разбил колено. Опять освещенная магистраль – улица Кропоткина, потом переулок, потом Остоженка и еще переулок, унылый, гадкий и скупо освещенный»¹⁴⁶. Здесь следует, может быть, хоть вкратце расшифровать намеченный в романе пунктиром стремительный бег Иванушки. Арбатская площадь – начало Пречистенского (Гоголевский) бульвара – Малый Афанасьевский (переулок Аксакова) и Большой Афанасьевский (улица Мясковского) переулки, через Гагаринский переулок (улица Рылеева) в Хрущевский, а из него на Кропоткинскую-Пречистенку – «освещенную магистраль». Через нее Всеволожским переулком на Остоженку и в уже нам немного знакомый Савельевский переулок, который автор называет «унылым, гадким и скупо освещенным».

В печатной редакции романа он не назван, и в этом переулке мы не найдем, «влетев по пологой лестнице на второй этаж», квартиру 47 дома номер 13. Совпадение с ляминским адресом было только в ранних редакциях романа: Савельевский (бывший Савеловский) переулок, дом 12, квартира 66, действительно во втором этаже. Зачем же автор изменил числа? Во-первых, чтобы не указывать тогда прямой адрес своих друзей – мало ли что... Любимая Булгаковым цифра «13» фигурирует в адресах других его произведений: в романе «Белая гвардия», в рассказе «№ 13. – Дом Эльпит-Рабкоммуна». Интересна и не единственна в романе числовая игра зашифровки номеров дома и квартиры – в книге: $1 + 3 + 4 + 7 = 15$, а в действительности: $1 + 2 + 6 + 6 = 15$! Думается, не случайное, а специально рассчитанное совпадение.

В 66-й квартире можно и сейчас увидеть, как и в изображенной в романе 47-й квартире «...громадную, запущенную переднюю, слабо освещенную малюсенькой лампочкой

---

¹⁴⁶ Булгаков М. Избранные произведения в 2 т. Т. 2. Киев: Днипро, 1989. С. 379.

под высоким потолком», в коридоре ванную с уже несуществующей угольной колонкой, свидетельницей скандального эпизода с моющейся близорукой голой гражданкой, кухню с черным ходом во двор и далее с выходом из него в тот же «пустынный безотрадный переулок»...

В этой столь красочно описанной 66-й квартире с давних времен жили супруги Лямины, Николай Николаевич и Наталья Абрамовна, большие друзья Булгакова. Сейчас их уже нет в живых, а в свое время художница и фотограф Наталья Абрамовна Ушакова охотно и с удовольствием вспоминала те давние, булгаковские времена, дружеские чаепития и вечеринки, главным организатором которых непременно был уже знаменитый автор «Дней Турбиных» и сборника прозы «Дьяволиада», подаренного хозяевам с теплой надписью. И шуточный «дневник Лямина», созданный писателем, где «записаны» несуществовавшие беседы мхатовцев, ляминских гостей, и самое первое чтение первых редакций романа о дьяволе.

В роман попали и обитый железом ларь – старый ляминский сундук в передней, и вешалка, и старинный камин с зеркалом, и такого же возраста трехрожковая люстра – свидетельница последнего сражения кота Бегемота...

Последуем за Иваном Бездомным. Схватив на кухне (она такая же, но уже без старой плиты и медных примусов) бумажную иконку и венчальную свечу, он выбежал через черный ход во двор, а оттуда «в пустынный безотрадный переулок», ведущий к Москве-реке, и «через самое короткое время можно было увидеть Ивана Николаевича на гранитных ступенях»... Какая неприятная история случилась с этим героем дальше, мы знаем: у Ивана украли одежду, оставив взамен рваную толстовку, полосатые кальсоны.

Где же произошло это печальное событие? Спустимся и мы к Москве-реке: вниз по крутому Савельевскому переулку, минуя Курсовой переулок, выйдем между домами 15 и 17 этого переулочка к асфальтовой ленте и гранитному парапету Пречистенской набережной (между домами 19 и 21). И что же? Никакого спуска, тем более в виде «гранитного амфитеатра с береговыми фонарями», мы не увидим. Такой амфитеатр есть на другом берегу реки, на стрелке основного русла Москвы-реки и Водоотводного канала, а добрался туда булгаковский герой, конечно, не по воздуху (хотя в погоне за Воландом все возможно), а по гребню уже не существующей Бабьегородской плотины. Она была разрушена во второй половине 30-х годов со строительством канала имени Москвы, Карамышевской и Перервинской внут-ригородских плотин, а во времена написания этих глав романа исправно служила пешеходным мостом в Замоскворечье.

Этот гранитный амфитеатр сформировался между Берсеневской и Болотной набережными и был окончательно отделан в начале 1930-х годов, когда все берега Москвы-реки в центре города одевались в гранит при строительстве волжского канала. Впрочем, заслуживает внимания еще одна гипотеза происхождения этого «гранитного амфитеатра с береговыми фонарями». В районе Пречистенской набережной такой спуск к реке был перед храмом Христа Спасителя. Здание с прилегающими подходами было разрушено в начале 1930-х годов (сейчас на его месте плавательный бассейн «Москва»), но в ранних редакциях романа автор «купал» своего героя именно перед Храмом, видимо, имея в виду своего рода новое крещение и очищение от дьявола. В последующих редакциях место купания было перенесено ближе к Савельевскому переулку вместе с «гранитным амфитеатром и береговыми фонарями».

Но вернемся к нашему герою. Он, разгоряченный погоней, мог купаться и у Кропоткинской набережной, не переходя на тот берег. Спуск к воде, двойная лестница и небольшой причал-купальня существовал во времена Бабьегородской плотины как раз напротив прохода к набережной из Савельевского переулочка. В хорошую погоду и теперь можно увидеть просвечивающие сквозь воду остатки старых свай и насыпь, а в фототеке Музея истории города Москвы сохранилась фотография этого спуска. Старожилы остоженских переул-

ков прекрасно помнят это сооружение, и Н. А. Лямина-Ушакова рассказывала, как Булгаков иногда купался в жаркие дни в этом месте, «плавая в пахнувшей нефтью черной воде», и отмывался потом в облупленной ляминской ванне.

Каков же далее маршрут нашего героя? «...Иван... тронулся, сказав самому себе: – К Грибоедову! Вне всяких сомнений, он там... – Иван углубился в таинственную сеть арбатских переулков и начал пробираться под стенкам и, пугливо косясь, ежеминутно оглядываясь, по временам прячась в подъездах, избегая перекрестков со светофорами, шикарных дверей посольских особняков»¹⁴⁷. Об этом пути злосчастного персонажа сказано еще, что его «пытались задержать в Скатертном переулке и на Бронной», видимо, уже на Большой Бронной улице, если иметь в виду конечную цель путешествия – «Дом Грибоедова» и МАС-СОЛИТ, который по многим деталям легко узнаваем в бывшем Доме Герцена на Тверском бульваре, 25. По этим приметам можно представить и обратный путь Ивана от Москвы-реки до Тверского бульвара, с учетом того, что оказавшийся только в одном белье поэт «принял решение покинуть большие улицы и пробираться переулочками». От Пречистенской набережной обратно вверх по Савельевскому (пересекая Остоженку), Всеволожскому (пересекая Пречистенку) и Хрущевскому переулкам, через Гагаринский и Староконюшенный переулки.

По нему, минуя Гагаринский переулок (бывшая улица Рылеева), Сивцев Вражек и Арбат, – в Серебряный переулок. Теперь он упирается в широкую магистраль Нового Арбата, а до реконструкции на рубеже 1950–1960-х годов можно было из него попасть, минуя Собачью площадку и отходящий от нее Собачий переулок, на Большую Молчановку и в Большой Ржевский переулок.

Двигаясь дальше по воображаемому пути Ивана Бездомного, пройдем по этому переулку до улицы Поварской и, пересекая ее, улицей Палиашвили выйдем к улице Герцена вблизи Никитских ворот. За нами останутся Хлебный, Скатертный и Столовый переулки; они практически не изменились, а вот улица Палиашвили оказалась бы вряд ли узнаваемой булгаковским героем. Она образована из Малого Ржевского и Ножевого переулков, причем раньше между ними не было сквозного проезда. Между Скатертным и Столовым переулками в этом месте находились дома. Здесь, видимо в проходном дворе, и пытались задержать нашего героя.

Каков же путь его дальше – от Большой Никитской (бывшей Герцена) улицы? Из нее Вознесенским проездом (где теперь с одной стороны сквер с памятником А. Н. Толстому, а с другой – церковь Большого Вознесения) – на Малую Никитскую (бывшая улица Качалова), дальше на Спиридоновку и по ней вправо безымянным проездом на угол Малой и Большой Бронных улиц. По последней до перекрестка ее с Богословским переулком и по нему на Тверской бульвар.

На этом месте Богословского переулка (между домами 12 и 14 по Большой Бронной) до сих пор сохранились четыре столба ворот ограды, где, можно представить, снова пытались задержать Ивана, но он, по его собственному рассказу, перелез через препятствие, «изорвав» при этом щеку. Следуя по Богословскому переулку мы пройдем мимо церкви Иоанна Бого-слова и бокового фасада бывшего Камерного театра (теперь Театр имени А. С. Пушкина), где, как мы знаем, в 1928–1929 годах шла комедия Булгакова «Багровый остров» в поста-новке А. Я. Таирова. Выйдя из Богословского переулка на Тверской бульвар, идя налево, мимо театра, Иван Бездомный и мог оказаться у решетки ворот «Дома Грибоедова» – МАС-СОЛИТа.

Рассуждая логично, этот адрес в первую очередь следует искать по прообразу его хозяина, а это значит, что в том месте, где помещался РАПП, то есть в Доме Герцена на Тверском бульваре, 25. Действительно, по этому адресу размещался в 20-е годы ряд писательских орга-

---

¹⁴⁷ Булгаков М. Избранные произведения в 2 т. Т. 2. Киев: Днипро, 1989. С. 381–382.

низаций: кроме Российской (впоследствии Всероссийской) ассоциации пролетарских писа-телей (РАПП) еще аналогичная ей московская ассоциация МАПП, литературные группы «Кузница», ЛОКАФ (Литературное объединение Красной Армии и Флота) и другие, то есть вполне реальные прообразы МАССОЛИТа.

Дом Герцена на Тверском бульваре, где в 1812 году родился знаменитый писа-тель-демократ, топографически точно описан у Булгакова: «Старинный двухэтажный дом кремового цвета помещался на Бульварном кольце в глубине чахлого (тогда! – Б. М.) сада, отделенного от тротуара кольца резной чугунной решеткой...», с небольшой заасфальтиро-ванной площадкой перед домом.

И еще несколько деталей, указанных в романе, определяют именно Тверской бульвар, по обоим концам которого – по памятнику: А. С. Пушкину (перенесен на новое место в 1950 году) и К. А. Тимирязеву (у Никитских ворот). Поэт Рюхин, отвозивший Ивана Без-домного, в «дом скорби», беседует, ожидая поворота машины на бульвар, с «металлическим человеком», в котором узнается памятник великому поэту. Коровьев и Бегемот докладывают Воланду, что после пожара в «Грибоедове» они «кинулись бежать на бульвар», а оттуда «к Тимирязеву».

Наконец, как мы уже знаем, и сам Иван Бездомный, повествуя о своих злоключениях, упоминает, что его «дважды хотели задержать, в Скатертном и здесь, на Бронной, да я мах-нул через забор...» Выражение «здесь, на Бронной» означает – на Большой Бронной, про-ходящей позади этого старого дома.

Здесь возникают вопросы: почему именно в «Грибоедова» был переиначен реальный, образованный в начале 20-х годов писательский Дом Герцена; были ли там те разнообраз-ные и соблазнительные приметы МАССОЛИТа, был ли там «лучший в Москве ресторан» со «знаменитым грибоедовским джазом», играющим «Аллилуйю» и не менее знаменитым «пиратом»-заведующим?

Ответим по порядку. Связь этого дома с именем А. С. Грибоедова, видимо, не случайна, он входит в перечень адресов грибоедовской и герценовской Москвы. Брат И. А. Яковлева, отца А. И. Герцена, сенатор А. А. Яковлев владел этим домом постройки екатерининских времен с начала прошлого века. Его сын Алексей (двоюродный брат писателя-демократа, которого тот вывел в «Былом и думах» как Химика) упоминается и в комедии «Горе от ума» как чудак: «...чинов не хочет знать! Он химик, он ботаник, князь Федор, мой племянник!» – так отзывается о нем княгиня Тугоуховская. Возможно, что этот факт и вдохновил Булга-кова. Великая классическая комедия повлияла, по-видимому, и на сюжетный ход романа, того его места, где описывается появление Ивана Бездомного после его купания на Москве-реке. Придя в «Дом Грибоедова», в ресторан, он начинает всех обличать, а затем и драться, за что и выдворяется из общества, как и герой «Горя от ума» Чацкий.

Однако вернемся к Дому Герцена и попытаемся вкратце рассказать уже о его современной истории. В этом нам поможет книга Б. П. Краевского об этом доме. После револю-ции он был национализирован и использовался в целях, весьма далеких от литературы.

Но времена меняются, и точкой отсчета в новой истории Дома Герцена можно считать 1920 год, когда Совет Народных Комиссаров принял решение передать бывший найденов-ский особняк (купчиха А. Г. Найденова купила это владение в 1909 году) на Тверском буль-варе писательским организациям. Главным хозяином дома стал Всероссийский союз писа-телей. Сейчас, наверно, уже невозможно установить, кто и когда стал называть этот особняк Домом Герцена. В газетах и журналах первых послереволюционных лет, в книгах воспоми-наний об этом времени есть много вариантов названий: и Дом Герцена, и Герценовский дом, и Дом имени Герцена...

«Странным гнездом весьма несхожих пернатых, – писал В. Г. Лидин, – стал этот дом, получивший название „Дом Герцена“, включивший в себя и Всероссийский союз писателей,

и Всероссийский союз поэтов, и „Кузницу“, и „Федерацию“, и даже „ничевоки“ и имажинисты сидели на подоконниках и навзрыд читали свои стихи»¹⁴⁸.

Писатель Федор Каманин вспоминал о том, как он в 20-х годах вступил в литературное объединение «Кузница». «Помещалась она, как почти все тогдашние литературные организации, в Доме Герцена на Тверском бульваре, – писал он. – Занимала на третьем этаже одну комнату средних размеров, там и правление было, и проводились обсуждения. Рядом в двух комнатах заседал БОКС (крестьянские писатели), а дальше шли помещения, занятые РАП-Пом и редакциями журналов „Литературный критик“ и „На литературном посту“. Второй же этаж, где комнаты были попросторнее и посветлее, получили Всероссийский союз писателей (попутчики) и Союз поэтов»¹⁴⁹.

В Доме Герцена помещались не только правления и редакции. «В самом начале двадцатых годов, – вспоминал писатель Эмилий Миндлин, – в Доме Герцена, в большом и тогда еще нарядном зале второго этажа, два или три раза в неделю собирались литературные объединения. По понедельникам – „Литературный особняк“, по средам – „Литературный круг“, по четвергам – „Лирический круг“... Регулярно бывал на собраниях „Особняка“ молодой Сельвинский, тогда еще в студенческой фуражке. Николай Адуев, Георгий Шенгели и другие»¹⁵⁰.

Популярным было в то время и объединение «Литературное звено», которым руководил профессор-литератор В. Л. Львов-Рогачевский. Члены «Литературного звена» собирались в Доме Герцена, усаживались вокруг громадного стола, покрытого синим сукном, и читали друг другу свои сочинения. На этих собраниях часто бывал и выступал в обсуждениях Булгаков.

Впечатления того времени и дали возможность Михаилу Афанасьевичу блестяще описать Дом Герцена. Люди, которые помнят те времена (а таких людей, к сожалению, остается все меньше и меньше), утверждают, что булгаковское описание особняка на Тверском бульваре удивительно точно и что оно прекрасно передает обстановку – не как моментальный документальный снимок, а как настоящая художественная фотография.

Конечно, сегодняшнему гостю Дома Герцена трудно узнать его по сочным булгаковским описаниям. Оставаясь за долгие десятилетия своего существования внешне все тем же, внутри дом не раз перестраивался и перестраивался. Например, во второй половине XIX века, когда его тогдашний хозяин – богатое губернское акцизное управление – основательно отремонтировало дом, отделав в нем несколько роскошных кабинетов. Небольшие изменения в интерьерах особняка пришлось сделать и в 20-е годы, когда нижний цокольный этаж был оборудован под небольшой писательский ресторан в уже не таких роскошных бывших кабинетах. Но Булгаков увидел его «в двух больших залах со сводчатыми потолками, расписанными лиловыми лошадьми и ассирийскими гривами», там, где «на каждом столике помещалась лампа, накрытая шалью...»

Сейчас нет и этих залов. Они были разгорожены в 1930-е годы под аудитории института, где с 3 декабря 1933 года и начались занятия. (Теперь студенты занимаются в верхних этажах.) Ресторан был закрыт еще за два года до этого, и позже там была столовая, но правый флигель еще долго продолжал служить писательским и студенческим семейным общением.

Ведал этим жилым флигелем, как, впрочем, и всем домом, писатель А. И. Свирский, который официально именовался «членом правления Всероссийского союза писателей и заведующим „Домами имени Герцена“». Здесь жили и работали С. Н. Сергеев-Ценский,

---

¹⁴⁸ Краевский Б. Тверской бульвар, 25. М.: Московский рабочий, 1982. С. 40–41.

¹⁴⁹ Краевский Б. Тверской бульвар, 25. М.: Московский рабочий, 1982. С. 41.

¹⁵⁰ Краевский Б. Тверской бульвар, 25. М.: Московский рабочий, 1982. С. 42.

Вс. В. Иванов, А. П. Платонов, О. Э. Мандельштам, Л. С. Соболев, С. Н. Бородин и многие другие советские писатели.

Итак, ресторан в Доме Герцена был, но, думается, все же не такой, который перекоче-вал в булгаковский «Грибоедов». Тому есть авторитетное свидетельство В. В. Маяковского, давшего свое описание этого места в знаменитом стихотворении «Дом Герцена (только в полночном освещении)»¹⁵¹, где не только запечатлел, а прямо-таки припечатал нравы «гер-ценовского» ресторана.

Обратимся к другому поэту. В письмах О. Э. Мандельштама, жившего здесь, есть немало фактов, подтверждающих дурную славу этого заведения, куда мог проникнуть всякий с бульвара. Это уже не «Дом Грибоедова», где пускали только по вожделенным для всей Москвы шикарным массолитовским пропускам.

Есть также предположение, что отдельные детали МАССОЛИТа и ресторана с джазом «списаны» Булгаковым с достаточно похожего дома 8а по Никитскому бульвару – нынешнего Дома журналиста, бывшего в те годы Домом печати, который посещал и создатель романа. И все-таки главная примета этого заведения оказалась в колоритно написанном портрете заведующего рестораном Арчибальде Арчибальдовиче, прообраз которого был прекрасно известен и Булгакову, и многим лицам, связанным с литературой и театром.

Человек, послуживший таким прообразом, работал и в ресторане Дома Герцена, и в ресторане Дома печати, и в других местах, так или иначе слившихся в образ «Дома Грибоедова» булгаковского романа.

Звали эту сейчас уже почти легендарную личность Яков Данилович Розенталь, по прозвищу Борода. Родился он в 1893 году в Москве, окончил реальное училище. Жизнь сложилась так, что сразу выявился главный талант Якова Даниловича – умение страстно, до самозабвения организовывать ресторанное дело. В первую мировую войну он был офицером-интендантом. Работал после революции в Киеве, потом снова перебрался в одно время с Булгаковым в Москву. С 1925 по 1931 год был попеременно директором ресторана Дома Союза писателей в олсуфьевском барском особняке, похожем на старинный замок (улица Воровского, 50; там и сейчас, в старом здании Центрального дома литераторов, по-прежнему ресторан), ресторанов Дома Герцена и Дома печати. (Там его часто видел и, естественно, заметил автор романа.) Дальнейшая работа Якова Даниловича была связана с театральным-артистическим миром. Он стал управляющим ресторана Клуба театральных работников (теперь ЦДРИ), расположенного в Старопименовском переулке (бывшая улица Медведева), 76, в обширном подвале одного из корпусов кооператива актеров «Труженик искусства». (Этот «исторический подвал» цел и до сих пор – по переименованному адресу: Воротниковский переулок, 7, корпус 3. От прежнего клуба осталась только комнатка обще-ственной библиотеки, хранящей много интересного, в других же комнатах размещается учреждение.)

Вот что вспоминает создатель этого клуба, его «домовой» Борис Михайлович Филиппов: «Ресторан клуба ТР возглавлялся энтузиастом заведения, любимцем всех муз Я. Д. Розенталем, прозванным актерами Бородой: обильная растительность, окаймлявшая его восточное лицо, вполне оправдывала это. По воспоминаниям друзей и знакомых легендарного бессменного директора, проработавшего десять лет в ресторане до самой войны, он имел внушительный рост, представительную внешность, густую черную ассирийскую, конусом, большую, по грудь, бороду»¹⁵². Он был не просто администратором и кулинаром, мастером своего дела, а еще и радушным хозяином, создавшим особый уют. Его посетители,

---

¹⁵¹ *Маяковский В.* Соч. в 3 т. Т. 2. М.: Художественная литература, 1970. С. 302–304.

¹⁵² *Филиппов Б.* Актеры без грима. М.: Искусство, 1979. С. 45. 23 Неделя, 1976, № 13. С. 23.

а среди них были и известные актеры и писатели, в том числе и Булгаков, питали к нему дружеские чувства, он был вхож во многие дома своих клубных гостей.

Фантазия романиста превратила Я. Д. Розенталя во флибустьера, командира пиратского брига, в «черноглазого красавца с клинообразной кинжальной бородой» и волосами «воронова крыла»... (Заметим при этом, что свою «пиратскую» родословную этот Арчибальд «в квадрате», видимо, должен вести от английских пиратов, легендарных королевских корсаров, и имя героя – явно британского происхождения. Предки же Я. Д. Розенталя – выходцы из Испании, также известной своим романтическим пиратским прошлым.)

Внешне ресторанный кудесник не очень преобразился в романе, но такого уж совсем не романтического поступка, который совершил предусмотрительнейший Арчибальд Арчибальдович, когда во время пожара в «Доме Грибоедова» унес с собой заранее приготовленные для этой цели два балыковых бревна, «оторванных у архитекторского съезда» (!), у его прообраза нельзя было предположить. Это была, конечно, шутка писателя. Яков Данилович был истинный бесребреник, жил только работой, а дома (он жил на Гоголевском бульваре, совсем недалеко от Булгакова) у него было до аскетичности скромно.

Виртуозно знал свое клубное ресторанный дело Яков Данилович. Вот как пишет о нем Л. О. Утесов: «...вспоминаю Бороду – так мы называли незабвенного Я. Д. Розенталя. Мы говорили: идем к Бороде, потому что чувствовали себя желанными гостями этого хлебосольного хозяина. Он не только знал весь театральный мир, но и вкусы каждого, умел внушить, что здесь именно отдыхают, а не работают на реализацию плана по винам и закускам. Это – начиная с конца двадцатых годов. Но и в шестидесятых элегантная фигура Бороды была знакома посетителям ВТО: в последние годы жизни он работал там и был доброй душой дома. Некоторые нет-нет да и вздохнут: эх, был бы Борода». Упоминается, неизменно доброжелательно, Борода и в последнем романе Ю. Трифонова «Время и место». В несколько раз переиздававшейся книге Б. Филиппова «Актеры без грима» – об истории создания ЦДРИ – приводится дружеский шарж художника К. Елисеева на Я. Розенталя. Он нарисован очень солидным, с длинной черной, стелющейся по полу между ног бородой. Две подписи: «В ресторане все в порядке» и «С ними дядька Черномор» дают достаточно точную характеристику изображенному лицу. Тем более что работавшие с ним прекрасно помнят, как при доброте, душевности, чуткости и отзывчивости к своим подчиненным он мог вспылить и бушевать, если не так встретили и обслужили, или, не дай Бог, обидели его гостя. Поэтому сцена в «Грибоедове», где провинившемуся швейцару мерещится, что Арчибальд Арчибальдович превратился в пирата и повесил его на фор-марса-рее, вполне правдоподобна. А легенда о пирате имеет и биографическую основу: интендантский офицер Яков Розенталь совершал чудеса с вполне корсарскими приключениями, чтобы накормить русского солдата...

Ресторан в «старопименовском подвале» работал в осенне-зимний сезон. А весной и летом он переезжал в свой филиал, уютный садик на Страстном бульваре у дома 11 – старинного особняка, построенного в 1890-х годах по проекту архитектора А. А. Драницына. Управлял этим филиалом все тот же Борода, о котором рассказал критик и искусствовед Ф. М. Левин¹⁵³.

В те годы в этом особняке находилось журнально-газетное объединение («Жургаз»), которым руководил М. Е. Кольцов, и рядом сад «Жургаза» – весьма популярное и примечательное в Москве место. Здесь бывали В. Маяковский, Демьян Бедный, И. Ильф и Е. Петров, В. Катаев, В. Гиляровский, видные ученые, дипломаты, артисты, музыканты. Приходил сюда и Булгаков.

В ресторане сада «Жургаза» у Я. Д. Розенталя за столиками в тени деревьев (сад этот сохранился до сих пор) можно было выпить в жаркий полдень, как и в «Грибоедове», «кло-

---

¹⁵³ Левин Ф. Из глубин памяти: Воспоминания. М.: Советский писатель, 1984. С. 120.

кочущий в горле нарзан» и «ледяную кружку пива с валютным рыбцом», отведать гастрономические яства, столь щедро описанные в романе... Видно, часто бывал его автор в гостях у Якова Даниловича: в книгу вошли летняя веранда с плющом и входом-трельяжем, стук посуды по наклонной плоскости в полуподвальную кухню (она была и есть сейчас именно там) и грохот «грибоедовского джаза» с криками «Аллилуйя». Ведь в саду «Жургаза» выступил джаз-оркестр молодого Александра Цфасмана, исполнявший в собственной обработке этот популярный фокстрот американского композитора Винцента Юманса. По воспоминаниям С. А. Ермолинского, Булгакову нравилась эта незамысловатая живая мелодия, а в архиве писателя сохранился экземпляр этих нот¹⁵⁴. «Проникнуть» же за заветные столики под тентом – «первому попавшемуся... человеку» было столь же непросто, как и в массо-литовский ресторан Арчибальд Арчибальдовича: старожилы помнят, что в сад «Жургаза» проходили по специальным пропускам...

Вряд ли знал Яков Данилович о своем романтическом двойнике. Первая публикация этих глав романа состоялась уже после его смерти. Но автора книги он провожал в последний путь. А что потом, после 1940 года? Во время войны Розенталь был в эвакуации, заведовал столовой в Томске, потом в 1943-м и до самой победы кормил мхатовцев, потом начальствовал в Отделе рабочего снабжения (ОРСе) того же МХАТа, а с 1948 по 1961 год, до самой своей пенсии, был директором ресторана московского Дома актера ВТО, чем и запомнился многим москвичам среднего поколения. Старые мхатовцы, такие, как П. В. Массальский, М. И. Прудкин, конференсье А. А. Менделевич и А. Г. Алексеев, поэт А. Д. Брянский, драматург Иосиф Прут, директор Дома актера А. М. Эскин, «домовой» ЦДРИ Б. М. Филип-пов, работники ресторана ВТО Т. Ф. Грицкова, В. Ф. Селезнева, С. Е. Козлова, племянница его жены А. А. Осипова (передавшая нам его интересные фотографии) и многие другие сохранили самые теплые и светлые воспоминания об этом удивительном человеке. Умер Я. Д. Розенталь 20 мая 1966 года и похоронен на Введенском кладбище в Москве.

Как видим, в булгаковском МАССОЛИТе и «Доме Грибоедова» как бы слиты вместе реалии нескольких учреждений, связанных с литературно-журналистской средой, причем почти в каждом из них был ресторан, возглавляемый одним и тем же человеком – Яковом Даниловичем Розенталем. Так этот колоритный человек, его самоотверженный труд был замечен острым наблюдательным взглядом талантливого писателя.

Впервые о связи булгаковского героя с этим реальным человеком мы узнали из устных рассказов литературоведа В. Я. Лакшина. В своих воспоминаниях о Булгакове С. А. Ермолинский также указывает на эту связь: «Достоверен и ресторан Грибоедова и его мудрый управитель Арчибальд Арчибальдович, украшенный ассирийской бородой, почти фотографический портрет знаменитого Якова Даниловича, которого, может, помнят старые москвичи по Дому актера...»¹⁵⁵

Мы познакомились на Патриарших прудах только с двумя массолитовцами. Но их число этим не ограничивается ни в «Доме Грибоедова», ни в романе. Галерея типов московских литераторов и деятелей культуры по замыслу писателя должна была представлять весьма широкий спектр. И это намечалось уже с самых первых редакций книги, еще не имевшей окончательного названия. Например, был выведен некий ученый муж, профессор Трувер Рюрикович по прозвищу Феся, крайне странный и чудаковатый субъект. По мнению М. О. Чудаковой, это Б. И. Ярхо, входивший в дружеский круг Булгакова 20-х годов. У

¹⁵⁴ Мелодия фокстрота «Аллилуйя» была выпущена и в обработке Александра Цфасмана; существовали и сатирические куплеты на эту музыку. В романе этот фокстрот встречается еще дважды: под него танцует наглый воробышек («работал синкопами»), сводя с ума почтенного профессора Кузьмина, фокстрот – в программе обезьяньего (хорошая язвительная аналогия с «грибоедовскими» танцами) джаза на бале Сатаны. А описание танцев в ресторане – прямое продолжение ранней булгаковской сатирической миниатюры «Звуки польки неземной!», сцен из пьесы «Зойкина квартира».

¹⁵⁵ Ермолинский С. Указ. соч. С. 623–624.

Л. Е. Белозерской иная точка зрения: это ленинградский знакомый Михаила Афанасьевича писатель Федосий Григорьевич Тарасов.

В печатной редакции книги – целая галерея массолитовцев: заместитель Берлиоза литератор Желдыбин, беллетрист Бескудников – тихий, прилично одетый человек с внимательными и в то же время неуловимыми глазами, живущий один в пяти комнатах в Перельгино, поэт Двубратский в желтых туфлях на резиновом ходу, гигантская Настасья Кузьминична Непременова, московская купеческая сирота, ставшая писательницей и сочи-няющая батальные морские рассказы под псевдонимом «Штурман Жорж», автор популяр-ных скетчей Глухарев, литераторы Денискин и Квант, скетчист Хустов (сволочь, склочник, приспособленец и подхалим), поэтесса Тамара Полумесяц, романист Жукопов, краса-вица-архитектор Семейкина-Галл, писатель Иоганн из Кронштадта, ростовский режиссер Витя Куфтик, всеведущий хроникер Боба Канделупский, беллетрист Петраков-Суховой с супругой Антониной Порфирьевной и наконец, «виднейшие представители поэтического подразделения МАССОЛИТа, то есть Павианов, Богохульский, Сладкий, Шпичкин и Альфре-дина Буздяк...»¹⁵⁶

Следует еще упомянуть «знакового конферансье в тюбетейке и с бокалом „Абрау“ в руке, который под утро, когда Рюхин вернулся из клиники Стравинского, еще „допивал“ в центре какой-то компании». По всей вероятности, это популярный А. А. Менделевич, любивший щеголять в этом головном уборе и шумное долгое застолье. Об А. А. Менделевиче и его коллегах мы еще вспомним в главе о Варьете.

Из членов МАССОЛИТа и посетителей ресторана лишь некоторые могут иметь явных прототипов. Большинство же не наделены такими чертами, которые позволили бы связывать их с конкретными литераторами – современниками Булгакова. Он стремился дать им смеш-ные искаженные имена и фамилии.

Все же попробуем расшифровать некоторые из них, в том числе и не названные в процитированном отрывке. В Мстиславе Лавровиче видится спародированная фигура драма-турга Всеволода Витальевича Вишневого, много сделавшего для того, чтобы помешать постановке пьес Булгакова «Бег» и «Мольер». А такой посетитель ресторана, не чуждавший танцев под джаз, как писатель Иоганн из Кронштадта? Здесь пародийно выведен известный православный церковный деятель Иоанн Кронштадтский (И. И. Сергеев), прото-иерей Кронштадтского собора¹⁵⁷.

Алоизий Могарыч (а вероятно, и еще раз Мстислав Лаврович) может быть уподоблен известному рапповскому критику Г. Лелевичу (Лабори Гилелевичу Калмансону), не жаловавшему Булгакова в своих злобных нападках, как и критики и театральные деятели О. Литовский и А. Орлинский, соединенные в «Мастере и Маргарите» образом О. Латунского, чью квартиру громила ставшая ведьмой главная героиня. Штурман Жорж – это не только ассоциации с Жорж Санд, но и вполне конкретная личность – женщина-драматург, писавшая под псевдонимом Сергей Мятажный.

Для сравнения отметим, что Булгаков не единственный писатель, спародировавший быт и нравы Дома Герцена и его ресторана. Мнение В. Маяковского мы уже знаем. И как продолжение его оценки приведем строки из главы шестой сатирической поэмы А. Архангельского и М. Пустынина «Евгений Онегин в Москве», где главный герой попадает в столовую Дома Герцена, находившуюся там уже после закрытия ресторана в 1931 году.

Кто горечь жизни не изведал
И чашу не испил до дна?

---

¹⁵⁶ Булгаков М. Избранные произведения в 2 т. Т. 2. Киев: Днипро, 1989. С. 388.

¹⁵⁷ Соколов Б. Указ. соч. С. 516.

Онегин каждый день обедал
В столовой Герцена. Она Пером
покойного поэта Всего лишь в
двух строках воспета (Их
привести мне не велит Наш
целомудренный Главлит). Могу
сказать, что очень едкой
Характеристика была.
О ты, двустышняя стрела! Лети
неотразимой, меткой, С тобой
я, к счастью, не знаком, Да
охранит меня горком!^[10]

Как уже говорилось, события, которые описываются здесь, произошли уже после ухода славы знаменитого ресторана с Тверского бульвара (витает только тень бороды Розенталя). Булгаков передает великолепие «грибоедовской» кухни в диалоге двух персонажей, литераторов, являющихся как бы современной действию в романе проекцией чеховских героев: Толстого и Тонкого. Это румяногубый гигант, золотистоголовый и пышнощекий Амвросий, поэт, любитель порционных судачков «а натюрель», и тощий, запущенный, с карбункулом на шее Фока, сторонник домашних ужинов с общей кухни. В их красочной беседе упомянут ресторан «Колизей» в Театральном проезде, где «можно получить по морде виноградной кистью». Так в шуточной, а может и не очень, форме попал в роман ресторан «Метрополь» в Охотном ряду.

Что и говорить, элитарный «Грибоедов» – не место для подобных скандалов, но Иван в поисках таинственного профессора учинил там безобразную драку, за что был связан полотенцами и отправлен в психиатрическую лечебницу. Увы, в действительности и такое бывало в ресторане Дома Герцена! В своих воспоминаниях писатель С. Гехт упоминает уже знакомого нам Ивана Приблудного – «человека способного, но чересчур уж непутевого», который ходил за Сергеем Есениным по всем значным местам. Однажды Есенин поскандалил в ресторане Дома Герцена, и правление старого Союза писателей вынесло «грозный» приговор – запретило поэту посещать в течение месяца ресторан¹⁵⁸. Несомненно, в этой истории был замешан Иван Приблудный. Возможно, свидетелем скандала был и Булгаков, и сцена драки Ивана Бездомного в ресторане «Дома Грибоедова» могла основываться на этом происшествии. В ранней редакции романа это выглядело так:

«– Тише, товарищи, – таинственным шепотом произнес Иванушка, – надо бы темного воску.

После этих слов лучшей тишины и желать было нельзя. На мгновение ее нарушили лишь кошачьи шаги пирата в бальных туфлях. Нисколько не интересуясь важным сообщением, которое собрался сделать Иванушка, он быстро двигался, пробираясь в глубь ресторана.

– Он появился! – объявил Иванушка, и глаза его стали уж совсем безумные... – Скажите, что я, мол, сказал, чтоб Алексей Иваныч (видимо, А. И. Рыков, тогдашний Председатель Совнаркома. – *Б. М.*) распорядился, чтоб послал стрелцов на мотоцикле инженера ловить. Так они его нипочем не догонят!.. Предупредите только, чтобы иконочки нацепили на грудь, непременно с иконками, а если иконок не будет хватать, пушай крестное знамение кладут так... эдак... – и сумасшедший широкими крестами стал крыть высунувшуюся в это

---

¹⁵⁸ Гехт С. В гостях у молодежи. М. Советский писатель, 1960. С. 102.

время физиономию человека в гольфных брюках и в шутовском песочном пиджаке, и молодого человек, махнув рукой, исчез, будто в асфальт провалился.

– Я вот иконку булабочкой прицепил к телу... Так и надо мне... Так мне! – кричал Иванушка. – Кровушку выпустить... Я господу нашего Христа истоптал сапожищами... Кай-тесь, православные! – возопил Иванушка. – Кайтесь!.. Он в Москве! С... учениями ложными... с бородкой дьявольской...

– Товарищ Бездомный, – сказала ласково рожа в очень коротких штанах, – вы, видимо, переутомились.

– Ты... – заговорил Иванушка и повернулся к нему, и в глазах его вновь загорелся фанатический огонь. – Ты, – повторил он с ненавистью, – распял Господа нашего, Христа, вот что!

Толпа внимала.

– Да, – убедительно и твердо проговорил Иванушка, сверкнув глазами. – Узнал. Игемона секретаря. На лимфостратоне протокол игемону подсунул! Ты секретарь синедрионский, вот кто! – Физиономия любителя гольфа меняла цвет в течение этого краткого монолога Иванушки как у хамелеона... – Бейте, граждане, арамея! – вдруг взвыл Иванушка и, высоко подняв левой рукой четверговую свечечку, правой засветил неповинному в распятии любителю гольфа чудовищную плюху.

Краска вовсе сбежала с бледного лица, и он улегся на асфальте. Вот тогда только на Иванушку догадались броситься... Воинственный Иванушка забился в руках.

– Антисемит! – истерически прокричал кто-то.

– Да что вы, – возразил другой, – разве не видите, в каком состоянии человек!..

Какой он антисемит! С ума сошел человек!

– В психиатрическую скорей звоните! – кричали всюду»¹⁵⁹.

Если вся эта пестрая вереница персонажей в большинстве своем представляет собою собирательные прообразы, то коллега Ивана Бездомного, поэт Александр Рюхин, безусловно мог быть «списан» с конкретного лица. Из обличающих речей Иванушки и мыслей самого Рюхина мы знаем, что ему 32 года, он сочиняет «звучные стихи к первому числу» («Взвей-тесь!» да «Развейтесь...»). Он сам признает (как потом и Бездомный), что сочиняет дурные стихи... Явно прообраз этого человека был несимпатичен Булгакову, и есть основания предположить, что молодые поэты, «легкие кавалеристы» того времени и тезки Рюхина, Александр Безыменский и Александр Жаров весомо повлияли на автора романа. Про А. Безыменского – организатора общественного суда над «Белой гвардией», а значит, и над самим драматургом, активного рапповца – мы уже знаем (отметим только, что в 1930 году, когда были созданы строки про Рюхина, ему было тоже 32 года).

Александр Жаров пришел в литературу позднее. Кроме подтверждающих личность прообраза совпадений характерных слов (вспоминаются известные жаровские строчки «Взвейтесь кострами, синие ночи...») и имен, следует также вспомнить, что поэтом Жаровым опубликована довольно злая стихотворная реплика, неуважительно отзывавшаяся на пьесу «Бег» и занявшая свое место в коллекции ругательных статей, которую собирал писатель¹⁶⁰. Не помог А. Жарову «уйти» от своего (будем считать) литературного двойника А. Рюхина и тот факт, что они с Булгаковым были соседями по дому в Нащокинском переулке (бывшая улица Фурманова), а сам уже достаточно известный поэт был одно время председателем жилищного кооператива этого дома.

---

¹⁵⁹ Чудакова М. Жизнеописание Михаила Булгакова. М.: Книга, 1988. С. 396–397.

¹⁶⁰ Жаров А. Писатели Художественному театру // Современный театр. 1928, № 44. С. 701.

Читатели, да и литературные критики, начиная со времени публикации по настоящий день, по мнению исследователя А. А. Кораблева¹⁶¹, обсуждали не только привычный фон романа, но и, можно сказать, его продолжение, дальнейшее развитие одной из его «главных линий», линии спора: ведь спорят и внутри романа, и за пределами, в сущности, об одном. В утверждениях и отрицаниях журнальной и читательской полемик нетрудно узнать и споры в клинике, в саду, в «нехорошей квартире», на Воробьевых горах, и самый главный, жизненно важный для всех героев спор – между идущими по лунной дороге прокуратором Понтием Пилатом и его спутником в разорванном хитоне и с обезображенным лицом... Но роман порождает не только споры. Он создает вокруг себя, как было замечено В. Я. Лакшиным, «чудодейную ауру, волшебную зону рассеяния», своего рода «золотую фольгу обаяния» притягательной силы, которые преобразуют читающего и, добавим, побуждают к творчеству сопереживания, соучастия, сочтения. И читатель, если он не остается равнодушен к прочитанному, своей ответной реакцией действительно «продолжает», досказывает роман, становясь как бы автором и одновременно героем этого продолжения. Ему открывается замечательная возможность постигать смысл романа не только извне, но и как бы изнутри, обнаруживая единство созерцаемого и переживаемого.

И автор романа почти всегда помогает читателю исподволь делать эти свои неожиданные порой открытия-откровения. Но наряду с властным: «За мной, читатель!» – в отношении Булгакова к своему читателю есть и другое: признание его суда над собой. Воля романиста и свобода читателя имеют общее основание: общие идеи, которые, как говорится, витают в воздухе и не являются чьей-либо собственностью. Читатель потому и берется судить о них, что это и его идеи, и если они почему-либо искажаются, если истина в нем, читателе, оскорблена, то он чувствует себя вправе не соглашаться с автором. В «Мастере и Маргарите» как раз описан впечатляющий пример такого несогласия: уничтожающая критика стихов поэта Александра Рюхина.

О Рюхине, своем коллеге по поэтическому цеху, Иван Бездомный говорит такое: «сволочь, гнида, балбес и бездарность». А когда его, спеленатого, как куклу, выносили из ворот «Дома Грибоедова», он, «заливаясь слезами, плевался, норовя попасть именно в Рюхина»¹⁶². Объясняется такая неукротимая и такая целенаправленная ненависть, вероятно, тем, что Иван обличал и оплевывал себя – свое зеркальное отражение (кстати, обоим поэтам, Бездомному и Рюхину, соответственно 23 и 32 года – зеркальные числа). Но «на зеркало неча пенять, коли рожа крива», и в какое-то время и сам Рюхин взглянул на себя глазами Ивана, прямо и безжалостно, и это вызвало у него приступ неврастения, тоски и тягостных размышлений:

«Рюхин старался понять, что его терзает. Коридор с синими лампами, прилипший к памяти? Мысль о том, что худшего несчастья, чем лишение разума, нет на свете? Да, да, конечно и это. Но это – так ведь, общая мысль. А вот есть что-то еще...»¹⁶³ Не «общее» терзает Рюхина, это общее может смутить дух, но беспокоит и мучит свое, собственная жизнь, текущая в русле каких-то неведомых закономерностей. Постичь эти закономерности он не может и потому считает, что миром правит случай. Пример «настоящей удачливости» Рюхин видит в судьбе Пушкина. «Повезло, повезло! – заключает он свою „пушкинскую речь“, – стрелял, стрелял в него этот белогвардеец и раздробил бедро и обеспечил бессмертие...»¹⁶⁴

Произнес он ее стоя на платформе кузова остановившегося на углу Тверского бульвара грузовика, «во весь рост», с поднятой рукой, – в позе достаточно в данном случае комичной,

¹⁶¹ Кораблев А. Проблема интерпретации в «Мастере и Маргарите» М. А. Булгакова / Целостность литературного произведения и проблемы его анализа. Донецк, 1983. С. 122–134 (см. также: Ученичество как принцип читательского восприятия. На материале романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита»: Автореферат диссертации. Киев, 1989. С. 6).

¹⁶² Булгаков М. Избранные произведения в 2 т. Т. 2. Киев: Днипро, 1989. С. 393.

¹⁶³ Булгаков М. Избранные произведения в 2 т. Т. 2. Киев: Днипро, 1989. С. 400.

¹⁶⁴ Булгаков М. Избранные произведения в 2 т. Т. 2. Киев: Днипро, 1989. С. 401.

но вполне типичной при публичных (здесь-то без публики!) выступлениях. Эта поза поэта Рюхина с воздетой рукой, поза нападения «зачем-то на никого не трогающего чугунного человека» приобретает у Булгакова определенное и недвусмысленно символическое значение. Рюхин руку поднял на того, в ком русские писатели и сам автор романа видят «семена и зачатки», «тайну» (!), «начало начал» (выражения Ф. М. Достоевского), на «нерукотворный» и рукотворный памятник всему русскому, как бы обнаруживая этим, что он и есть тот самый белогвардеец (царский офицер Дантес в понимании Рюхина), который не мог понять, «на что он руку поднимал». Рюхин обращается к памятнику рукотворному, к «металлическому человеку», а не к образу, и ответа, конечно, не получает от того, кто «чуть наклонив голову, безразлично смотрит на бульвар».

Но ответ есть, и прозвучал он задолго до вопроса: Поэт «любезен народу» за «чувства добрые», за восславление свободы, за «милость к падшим». Это ответ Рюхину – горе-читателю. За ним следует ответ Рюхину – горе-поэту: чтобы стать мастером, требуется послушание «веленью» свыше (голосу своего таланта и совести) и равнодушие к славе, хвале, какой бы она ни была. Увы, для Рюхина, как и для многих современных ему поэтов, «легких кавалеристов» от искусства («пролеткультистов», «лефовцев» и других), Пушкин не понятнее египетских иероглифов, и он готов сбросить чугунного кумира, а с ним и все «старое» классическое искусство с «парохода современности». Но «металлический человек» молчит, не пытаясь ни возражать, ни защищаться. «И не оспаривай глупца», – слышится в его молчании. И Рюхину не грозит, как в пушкинской трагедии, смерть от Командора поэзии.

Отметим, что рассуждения на фоне памятника – явление довольно распространенное в литературе. Интереснее другое: странное в некоторых случаях сходство таких антиподов, как Александр Рюхин и Александр Пушкин. Мысли о том, что «худшего несчастья, чем лишения разума, нет на свете», овладевшие Рюхиным после посещения дома скорби, выныривают в памяти строки, которые, как предполагают, А. С. Пушкин написал после посещения «сошедшего с ума» Чаадаева:

Не дай мне бог сойти с ума.
Нет, легче посох и сума,
Нет, легче труд и глад...

С другой стороны, есть немало оснований для сопоставления Чаадаева с Иваном Бездомным: блестящая карьера, затем отказ от нее, скитания, возвращение, наконец выступление перед соотечественниками, после чего как один, так и другой были объявлены сумасшедшими. (Вспомним еще раз, что вся эта ситуация напоминает судьбу Чацкого из бессмертной комедии: выступление Ивана Бездомного перед высшим «литературным светом» и соотносится со знаменитым монологом грибоедовского героя, после чего того объявляют сумасшедшим. Не потому ли место, где это происходит, назвал автор романа именем великого комедиографа – «Грибоедов»? А совпадение в мнимом безумии у Чаадаева и Чацкого также отмечается Булгаковым: «Нормален, нормален... зачем же мы, в самом деле, сюда-то его притащили?» – думает Рюхин в клинике Стравинского.)

Конечно рядом с легендарными фигурами Чаадаева и Пушкина Бездомный и Рюхин выглядят карикатурами, как в уменьшающем кривом зеркале. Но это обычный булгаковский прием: облекать мысли в неприятные образы, как бы испытывая их силу и значимость. Важно при этом, что герои Булгакова тщетно пытаются постичь тайну стиха, которую унес с собой Поэт, – тайну всечеловеческого слова, общего для всех и своего для каждого. И Рюхин, не понимающий, что особенного в словах: «буря мглою...», и председатель жилищного товарищества Босой, который До своего ареста «совершенно не знал произведений

поэта Пушкина», и Мастер с Маргаритой, покидающие в компании Воланда этот мир, слыша и не слыша пушкинское напутствие: «Пора! Пора!..»

Поэт Рюхин присутствует в стремительных событиях романа еще и для того, чтобы сопроводить и «сдать» обезумевшего Ивана Бездомного в дом скорби, клинику душевно-больных профессора Стравинского. Сцена в больнице, когда Ивану «приспичило обличать» Рюхина во всех смертных грехах, ассоциируется с другим литературным фактом. Стихо-творение поэта Ивана Молчанова «Свидание» стало объектом разносной критики. Среди первых выступил А. Безыменский. В стихотворении «Несостоявшееся свидание» слова, обвиняющие Молчанова, вполне созвучны с гневными филиппиками Бездомного Рюхину. Знаменитое стихотворение В. Маяковского по этому же вопросу «Письмо к любимой Молчанова, брошенной им» было опубликовано позднее. Наверняка Булгаков вспомнил этот слу-чай при создании образов своих героев...¹⁶⁵

Наш рассказ о МАССОЛИТе в «Доме Грибоедова» и его великолепном ресторане с импозантным шефом-флибустьером подходит к концу. В романе писательский особняк сгорел, подожженный Коровьевым и Бегемотом. Это один из четырех московских пожаров, связанных с шайкой Воланда: «Огонь, с которого все началось и которым мы все заканчиваем», – говорит Азazelло, поджигая «арбатский подвал» Мастера, где сгорают «прежняя жизнь и страдание» главных героев романа, где сгорают уже во второй и последний раз страницы о Понтии Пилате, навечно («...я помню это наизусть... теперь ничего и нико-гда не забуду») сохраненные в памяти умершего и воскресшего писателя: «Рукописи не горят!» (Заметим, что в ранних редакциях романа пожаров было значительно больше: горело по вине «глумлящихся бесов» чуть ли не полгорода, и Воланд с высоты «одного из самых красивых зданий Москвы» обозревает задымленную столицу, как когда-то Наполеон.)

Адреса пожаров приходятся на те дома, с которыми у самого Булгакова, видимо, были связаны и неприятные воспоминания и ассоциации: он мстил по-своему им, неодошевленным, а для него и живым. Горит «нехорошая квартира № 50 в доме 32-бис по Садовой», где достаточно настрадался автор будущего романа в начале своей московской жизни, горит Торгсин на углу Смоленского рынка (ныне Смоленская площадь) и Арбата, где продают только избранным, имеющим валюту людям (здесь симпатии рассказчика явно на стороне «приличнейшего тихого старичка» с миндальными пирожными, опрокинувшего в кадку с керченской сельдью «сиреневого толстяка», притворявшегося иностранцем, чтобы его обслужили, так сказать, по интуристовскому классу). Горит подвал Мастера, где, как мы еще узнаем, было много горьких минут у самого его прототипа и создателя романа.

И сгорает в книге («остались одни головешки») особняк на бульваре за чугунной решеткой с чихлым садом, Дом Герцена: достаточно много было причин у Булгакова недолюбливать это гнездо резко критиковавших его рапповцев и напостовцев, позоривших своими делами славное имя революционного демократа. Были у писателя свои счеты и с «Жургазом», отвергнувшим его повесть о Мольере, по причинам, кажущимся теперь смешотворными. (Начиная с 1962 года эта повесть вышла в серии «Жизнь замечательных людей» несколькими изданиями. Тогда же она почему-то не «отвечала профилю серии».)

Острым сатирическим пером описана последняя трапеза писателей в «Грибоедове». Думается, что неспроста с петраковыми и канделупскими связан этот эпизод романа, предшествующий пожару «Дома Грибоедова». Чтобы успокоить бдительную вахтершу ресто-

---

¹⁶⁵ Историк Б. В. Соколов считает, что ссора Бездомного и Рюхина – это пародийное отражение отношений Безыменского и Маяковского. Уничжительный отзыв о Безыменском есть в стихотворении «Юбилейное», где автор также разго-варивает с памятником великому поэту, и в эпиграмме 1930 года. Монолог Рюхина во многом восходит также к стихотворению «Юбилейное», где есть слова о Дантесе. Стихотворение же Рюхина, посвященное 1 Мая, – это, вероятно, лозунговое стихотворение Маяковского к 1 Мая 1924 года (Соколов Б. Указ. соч. С. 517).

рана Софью Павловну (как видим, ее имя и отчество совпадают с именем героини «Горя от ума»), Коровьев записывается Панаевым, а Бегемот – Скабичевским.

Почему же именно эти два имени сейчас уже практически забытых литераторов середины – конца XIX века И. И. Панаева (1812–1862) и А. М. Скабичевского (1838–1910), соратников Н. А. Некрасова и Н. Г. Чернышевского, были названы этими «продувными гаерами»? Наверняка, это была булгаковская мистификация, литературная шутка, игра: например, «Панаев» и «Скабичевский» путают свои подписи. Хотя в творчестве И. И. Панаева занимают достаточное место сатирические очерки и статьи (он автор ставших нарицательными выражений: «литературная тля», «хлыщи» и других), литературные пародии на поэтов – эпигонов, славянофилов, дилетантов... – словом, язвительные высказывания Коровьева у решетки писательского дома вполне соответствовали панаевскому сатирическому перу. А. М. Скабичевский же менее известен в этом плане, поэтому реплики младшего товарища Фагота, «юного пажа» кота Бегемота, носят здесь лишь подтверждающий характер. По мнению Б. В. Соколова, эти персонажи символизируют у Булгакова поверхностно-оценочную литературную критику, неспособную проникнуть в глубь явления. Из-за этого столь легко взаимозаменяемыми оказываются их имена. Такая же формальная иерархия, как и в «Истории новейшей литературы» Скабичевского, присутствует и в МАССОЛИТе – писатели лишь те, кто имеет соответствующие удостоверения, а особо выдающиеся писатели – те, кто входит в руководящие органы союза. Таким образом, Скабичевский и Панаев вполне подходят под формальные критерии обитателей «Дома Грибоедова»¹⁶⁶. Но наше путешествие по страницам карнавально-обманчивой булгаковской Москве не может не остановиться у Варьете, где Воланд встречается уже с москвичами, желающими зрелищ...

---

¹⁶⁶ Соколов Б. Указ. соч. С. 553.

Глава седьмая

Сеанс черной магии в Варьете: фантазии и реальности

Кто читал роман «Мастер и Маргарита», а таких людей при многочисленных переизданиях книги становится все больше и больше, несомненно, помнят главу, где рассказывается о сеансе черной магии в некоем Варьете на Садовой, который со скандальным финалом провели иностранный профессор Воланд со своими присными. Эти чудеса в Варьете, благо-даря необузданной фантазии автора, едва ли не самая яркая сцена во всем романе. События, происходившие с работниками этого заведения – директором Лиходеевым, его помощниками Римским и Варенухой, бухгалтером Ласточкиным, описаны настолько художественно реально, ощутимо и правдоподобно, что невольно возникает вопрос, а не происходило ли все в действительности, не было ли в Москве такого Варьете, где состоялся или мог состоя-ться фантастический сеанс черной магии?

Как уже знаем, Булгаков в своих произведениях почти всюду использовал реальный историко-топографический фон, «поселял» своих героев в тех местах, которые сам прекрасно знал, где жил или работал, где бывал в гостях у знакомых и друзей. Не оказались исключением из этого правила места действия героев и при описании Варьете.

Писатель остался верен себе, показав в вымышленном фантастическом Варьете существовавший в 1926–1935 годах Московский мюзик-холл. Располагался он в том же доме, где нынешний Московский театр сатиры (Большая Садовая, 18), в районе нынешней Три-умфальной площади (в прошлом – Старых Триумфальных Ворот). Много претерпело пере-строек и переименований это старое, спрятанное сейчас за современным фасадом здание: Театр оперетты, Театр народного творчества, Второй госцирк, Киноцирк. И выстроено оно было круглым, как и настоящий цирк, в 1911 году архитектором Б. М. Нилусом для первого русского цирка братьев Никитиных на месте домов и флигелей П. В. Шереметева, разорив-шегося потомка старинного дворянского рода.

Основатель русской цирковой школы Аким Никитин (1843–1917) со своими братьями Дмитрием и Петром организовал здесь великолепные зрелища, успешно конкурируя со ста-рым цирком (1880) Альберта Саламонского на Цветном бульваре. Широко использовались тогдашние новинки цирковой техники: опускающийся манеж, водяные пантомимы, кокосо-вый ковер. Друзьями братьев Никитиных и их цирка были знаменитые московские журна-листы В. Гиляровский и В. Дорошевич.

После революции, через несколько лет после смерти в 1921 году последнего из братьев Петра Никитина, до своей кончины бывшего директором, этот цирк в чистом виде прекратил свое существование. Будущий романист успел все же побывать там – описание его посеще-ния можно найти в ранней повести «Роковые яйца»:

«В цирке бывшего Никитина, на приятно пахнувшей навозом коричневой жирной арене мертвенно-бледный клоун Бом говорил распухшему в клетчатой водянке Биму:

– Я знаю, отчего ты такой печальный!

– Огниво? – пискливо спрашивал Бим.

– Ты зарыл яйца в землю, а милиция пятнадцатого участка их нашла.

– Га-га-га! – смеялся цирк так, что в жилах стыла радостно и тоскливо кровь, и под стареньким куполом веяли трапеции и паутина.

– А-ап! – пронзительно кричали клоуны, и кормленая белая лошадь выносила на себе чудной красоты женщину, на стройных ногах, в малиновом трико...»¹⁶⁷

А в повести «Собачье сердце» (1925) тоже упомянут цирк Никитиных, где «слоны и предел человеческой ловкости». Последнее – конечно, знаменитый клоун Виталий Лазаренко со своими феноменальными сальто. Тут же упомянутый другой аттракцион: «четыре каких-то... юссемс и человек мертвой петли». Это тоже было в действительности: в цирке на Цветном бульваре выступала в середине 1920-х годов испанская труппа воздушных гим-настов Юиземс, виртуозов цирковой эквилибристики.

В 1926 году старый цирк был значительно перестроен: место манежа заняли кресла партера, а часть амфитеатра и балкона преобразовалась в большую сцену, задник, кулисы. Здание превратилось в театр и сначала называлось Вторым Госцирком – мюзик-холлом, а потом просто Московским мюзик-холлом. Зал был рассчитан на 1766 мест и имел партер, ложи, бельэтаж, балкон-галерею – словом, совсем как и булгаковское Варьете. Интересные яркие представления нового эстрадного театра сопровождалось большим успехом. Один из спектаклей назывался «Артисты варьете». В путеводителе «Театральная Москва» за 1930 год мюзик-холл представлялся как театр эстрадно-аттракционного жанра и обзрений, где помимо постоянной труппы выступают «советские и иностранные артисты-гастролеры». Так что «черный маг» Воланд со свитой был бы здесь совершенно естественным явлением.

Московский мюзик-холл просуществовал до 1936 года. Именно в это время Булгаковым, видимо часто посещавшим его представления, были созданы те главы романа, где показан феерический сеанс черной магии в Варьете. А многие его персонажи и таинственные фокусы имеют в основе реальных артистов и их искусство в тогдашнем мюзик-холле.

Мюзик-холл давал целые спектакли-феерии и обзрения. Кроме «Артистов варьете» в программе были «Севильский оболъститель», «Под куполом цирка» (театральная версия будущего кинофильма «Цирк»), «Святыня брака», «Чудеса ХХХ века» и другие. Была целая программа и у талантливого артиста Н. Смирнова-Сокольского. Пользовались большой популярностью уже тогда известные Г. Ярон и В. Хенкин, М. Миронова и А. Менакер, Б. Тенин, С. Мартинсон, В. Володин. Директором мюзик-холла долгое время был А. А. Юрьев, администратором Е. В. Петц, оркестром в 22 человека дирижировал композитор Дмитрий Покрасс, конферанс был в руках А. А. Менделевича и А. А. Грилля.

Представление в булгаковском Варьете начинается с выступления «велосипедной семьи Джулли»: «Маленький человек в дырявом желтом котелке и с грушевидным малиновым носом, в клетчатых брюках и лакированных ботинках выехал на сцену Варьете на обыкновенном двухколесном велосипеде. Под звуки фокстрота он сделал круг, а затем испустил победный вопль, отчего велосипед поднялся на дыбы. Проехавшись на одном заднем колесе, человечек перевернулся вверх ногами, ухитрился на ходу отвинтить переднее колесо и пустить его за кулисы, а затем продолжать путь на одном колесе, вертя педали руками. На высокой металлической мачте с седлом наверху и с одним колесом выехала полная блондинка в трико и юбочке, усеянной серебряными звездами, и стала ездить по кругу. Встречаясь с ней, человечек издавал приветственные крики и ногой снимал с головы котелок. Наконец прикатил малютка лет восьми со старческим лицом и зашнырял между взрослыми на крошечной двухколеске, к которой был приделан громадный автомобильный гудок...»¹⁶⁸

Завершив номер, «велосипедисты с громким „Ап!“ соскочили с машин и раскланялись, причем блондинка посылала публике воздушные поцелуи, а малютка протрубил смешной

---

¹⁶⁷ Булгаков М. Избранные произведения в 2 т. Т. 1. Киев: Днипро, 1989. С. 413. Бим и Бом – дуэт клоунов, выступавших в московских цирках в начале XX века. Бим – И. Радунский, Бом – М. Станевский, позже, с 1925 года, – Н. Вильтзак. В 1924 году, когда писалась повесть, эти артисты были вне пределов СССР, и в эти годы (1920–1925) было много подражателей, присваивавших себе этот популярный псевдоним.

¹⁶⁸ Булгаков М. Избранные произведения в 2 т. Т. 2. Киев: Днипро, 1989. С. 445.

сигнал на своем гудке»¹⁶⁹. Вот так подробно, как бы с натуры описал Булгаков велофигуристов в своеобразном эстрадном прологе к сеансу черной магии.

Кого же имел в виду писатель, изображая «велосипедную семью Джулли»? По всей вероятности, это были выступавшие в 20–30-е годы циркачи-велофигуристы: труппы Морено, Клейн, Польди (Подрезовы), Вартанио (Вартановы), которые часто и с успехом демонстрировали свое умение в мюзик-холле. По технике и манере исполнения велотрюков узнаются в романе руководитель труппы М. И. Польди («комик в желтом котелке с грушевидным носом») и его жена Е. М. Польди («блондинка на одноколесном велосипеде»), причем на сохранившихся фотографиях старых афиш труппы Польди виден этот комик в котелке¹⁷⁰.

Из чего состоял сам так называемый «сеанс черной магии» в романе Булгакова? Из фокусов с картами, денежного дождя фальшивых в конечном счете бумажек, из отрывания и приживления головы у конференсье, из переодеваний в «салоне парижских мод», окончившихся всеобщим скандалом.

Фокусы того времени и их исполнители вполне могли подсказать автору романа тот или иной сюжетный ход в описании сеанса, а клоуны-сатирики и конференсье, видимо, помогли действиям на сцене как Коровьеву и Бегемоту, так и Жоржу Бенгальскому, злосчастному конференсье Варьете, оказавшемуся с оторванной головой¹⁷¹.

Особенно популярен в Московском мюзик-холле 30-х годов был жанр фокуса в технике «черного кабинета». Работа начинающего Эмиля Кио (Э. Т. Ренарда) сопровождалась шуточным комментарием о черной и белой магии конференсье Н. С. Орешкова и А. А. Грилля. Гастролеры-ленинградцы Дора и Николай Орнальдо (Н. А. Смирнов) выступали с целым иллюзионным театром, где с применением массового гипноза, фокусов с картами (сравните с «номерами» Коровьева и Бегемота), «распиливанием» женщины (чем не отрывание головы у Жоржа Бенгальского?) давались большие программы: «1001 ночь Шахерезады», «Чело-век-невидимка». Выступления Орнальдо вызывали иногда отрицательную реакцию критики цирка. Вот как писали о программе «В мире иллюзий» Нового театра эстрады в Таврическом саду: «...Выступление Орнальдо... обставляется в духе самых старых традиций – то есть выступления чудодея, „продавца счастья“, „целителя“, здесь же на арене цирка на скорую руку „излечивающего от пьянства, курения, головокружений, сомнений и черт знает еще какого ассортимента недугов. Десятка два-три поверженных в сомнамбулическое состояние людей с наколотыми на грудь записками о подлежащем излечению недуге выволакиваются униформистами на арену и подвергаются лечению гипнозом, причем попутно, пользуясь их невменяемым состоянием, гипнотизер Орнальдо заставляет их горланить песни, плясать „казачка“ и прodelывать тому подобные трюки...»¹⁷²

¹⁶⁹ Булгаков М. Избранные произведения в 2 т. Т. 2. Киев: Днепр, 1989. С. 446.

¹⁷⁰ Его внук Ян Польди с большим успехом выступает в новом московском цирке на одноколесных велосипедах-моно-циклах. (Подробнее о Яне Польди-младшем см.: Марченко Г. Если улыбнуться человеку // Советская эстрада и цирк. 1983, № 5. С. 9–10.) Похожее выступление было и у велосипедной труппы Вартанио (Вартановы), использовавшей кроме двух-колесных велосипедов одноколесные с низким или очень высоко поднятым на штанге седлом. Выступления Вартанио оживлял комик, исполнявший сложнейшие трюки, но одновременно успевавший подшучивать над партнерами и ухажи-вать за партнерами. Это был основатель труппы – А. П. Вартанов.

¹⁷¹ Хочется назвать лишь некоторых артистов этих жанров, работавших в цирках и мюзик-холле 30-х годов. Это иллю-зионисты: Али-Вад (А. Вадимов), Тео Бергон. Джоанни Бертон, Газаллус, Делярез, Дик Карстер, Касфикис, Л. Кулявский, Лейнарт, И. Свенгели, Ф. Скауэр, Н. Соколов, Л. Сольнер, А. Сумбатов, Г. Шенк. Клоуны-сатирики: Анатолий Ги Боретти, Жорж и Вильямс, Тот и Нико, Энрико-Бони, В. С. Клетчатый (сравните с одним из названий Коровьева). Конференсье: А. Г. Алексеев, Н. В. Ангаров, М. Н. Гаркави, А. А. Глинский, М. О. Донской, В. Б. Клейман, Л. С. Крымский, Е. А. Поле-вой-Мансфельд, Георгий Раздольский (или Жорж Раздольский), П. Г. Райский, Р. З. Чинанов, и, наконец, уже известные нам А. А. Грилля и А. А. Менделевич.

¹⁷² Кузнецов Е. Чудеса в шапите // Красная газета. Вечерний выпуск. 1931, 17 августа. С. 3.

О еще одном гипнотическом даре Орнальдо рассказывал журналист В. Вирен: «Однажды М. Зощенко вместе с писателем В. Поляковым зашли в ленинградский Тавриче-ский сад, где давали представление артисты цирка. На афише значилось, что выступает в шапиро „знаменитый гипнотизер Орнальдо“. Купили билеты. Начался сеанс с „лечением“: на сцену вызывали зрителей, к верхней одежде которых прикрепляли записки – что именно подлежит исцелению. Пристальным взглядом и причудливыми движениями рук Орнальдо подвергал их „лечению“: заставлял петь песни, плясать „казачка“.

Во втором отделении гипнотизер занялся внушением. Снова вызвали группу зрителей. Орнальдо внушал им, что они дети на пляже – и взрослые люди начинали играть в песочек, ныряли в воду, ловили рыбу.

После представления писатели дождались Орнальдо и вместе с ним вышли из сада. Оказалось, что он русский и настоящая фамилия его – Смирнов.

– Что бы вы хотели, чтобы я сделал? – спросил гипнотизер.

– Пусть вот этот прохожий, идущий впереди нас, остановится, – попросил Зощенко.

– Он остановится по счету „десять“, – сказал Орнальдо и начал тихо считать: „Раз, два, три...“

И как только он произнес „десять“, гражданин, идущий впереди, остановился. Все трое подошли к нему.

– Что с вами? – спросил его гипнотизер.

– Да вот что-то непонятное, – сказал незнакомец. – Не могу сдвинуться с места.

– Пустяки. Идите. Все будет в порядке.

И гражданин сначала робко, потом уверенно зашагал дальше»¹⁷³.

Эффектны были комические фокусы артистов Бертроф (Бестрицкий и Трофимов). Они предлагали зрителям разговаривать с любым абонентом в городе (радиотелефонная тех-ника), пользуясь вместо телефонного аппарата ботинком, чернильницей и другими предме-тами. (Не потому ли фантастический козлоногий персонаж романа звонит по «подозритель-ному телефону», сделанному из двух сучков.)

Хоть и редко, но выступал «последний русский факир», знаменитый артист иллюзи-онного жанра Дмитрий Васильевич Лонго, вероятно, известный Булгакову по киевскому детству – цирку Крутикова. В репертуаре факира было много замечательных номеров: он прокалывал себя иглами, глотал шпаги, лежал на острых гвоздях, не ранив тела. Ярким трю-ком Лонго был подъем по лестнице, ступени которой представляли собой лезвия сабель.

В тяжелой кольчуге, с зажженной керосиновой лампой на головном шишаке, завязав глаза, Дмитрий Лонго босиком поднимался по лезвиям сабель на верхнюю ступеньку и стрелой из лука попадал в центр бумажного круга. Возможно, видел Булгаков и другой, пользовав-шийся большим успехом номер артиста «театр дрессированных тараканов». В макете уве-селительного сада крупные черные тараканы разгуливали по аллеям, катались на карусели, играли в мяч, качались на качелях, ездили в вагончиках, «читали» книги, газеты, журналы. Не исключено, что драматургом отсюда была заимствована эта идея «тараканьего аттракци-она» в пьесе «Бег», с тараканьим царем Артуром Артуровичем. (Впоследствии Лонго попал и в пьесу другого драматурга, Л. Леонова – «Золотая карета», где среди персонажей есть и «последний факир».)

В Московском мюзик-холле выступали иностранные артисты-гастролеры, принимае-мые, как Воланд в Варьете, с большим интересом. Имена Кефало, Окиты (Теодора Брам-берга), Данте, То-Рама были очень популярны. Грек Костано Касфикис показывал «мистиче-ский» фокус: «летающую женщину»; ему помогали ассистенты, одетые чертями. (Не отсюда ли полет Маргариты на ведьминский шабаш?) Был у Касфикиса и другой трюк: «фабрика

---

¹⁷³ Литературная Россия, 1986, 12 декабря. С. 24.

денег». В небольшой аппарат с двумя параллельно вращающимися валиками вкладывались чистые листы бумаги такого же размера, как денежные купюры. Касфикис поворачивал ручку, и из-под валиков вылетали «настоящие» деньги, влажные, как будто и в самом деле только что отпечатанные. Само собой понятно, что несколько настоящих денежных купюр заранее специально вкладывались в аппарат. Однажды этот опыт кончился трагикомически, почти так же, как «настоящие червонцы» коровьевского фокуса в романе превратились в резаную бумагу, винные этикетки, жалящую пчелу... Два московских нэпмана, всерьез пове-рив в «чудо», захотели купить у Касфикиса его «фабрику денег». Тот, не моргнув глазом, тут же «отпечатал» червонец и подарил им. Нэпманы предъявили эту купюру эксперту Госбанка и, убедившись, что деньги настоящие, уплатили обманщику огромную сумму за аппарат, который, естественно, очень скоро перестал «печатать» червонцы.

Впрочем, были и отечественные «цирковые» червонцы, в первую очередь так называемые «червонцы братьев Эдер» – широко применявшиеся цирковыми гимнастами 1920-х годов Борисом и Стефаном Эдерами пригласительные билеты и афиши-летучки, имитирующие по виду бумажные купюры. Такие «денежные» знаки, как рекламные сувенирные банкноты, использовали не только Эдеры. С ними работали и Бен-Али, и Герман Меллини, и Роберт Худин (Калиостро), и другие фокусники начала века. Сувенирные банкноты служили не только для рекламы, но и как атрибут волшебных трюков. Неожиданно, неведомо откуда возникшие в руке мага, они разбрасывались в публику, вызывая аплодисменты и ажиотаж¹⁷⁴. Не такой ли, как и в фокусе Коровьева с дьявольскими червонцами?

Гастролировал в 1928 году в Москве иллюзионист Данте (Гарри Янсен), американец, родившийся в Дании. Выступал он в образе Мефистофеля. Остроконечная борода и харак-терный «демонический» грим позволяли ему создать тип настоящего дьявола-философа, который со снисходительной улыбкой смотрел на зрителей, удивлявшихся его чудесам-трюкам «простреленный человек» и «загадочный домик». (Вспомним поведение Воланда на сцене.) Может, фокусы Данте явились для Булгакова одним из толчков для начала работы над романом в 1928 году, задуманном в его первых редакциях как повествование о похож-дениях дьявола в Москве.

Особая фигура в сеансе черной магии – это пострадавший конференсье Жорж Бенгальский, с которым дьявольская шайка едва не поступила так, как с Михаилом Берлиозом. Но его пожалели, и голову вернули. Кто же из мастеров конференса в мюзик-холле мог быть шаржированной копией Жоржа Бенгальского? (Заметим, что работу конференсье Булгаков знал не понаслышке и не только как зритель: в начале своей московской жизни он работал конференсье в маленьком театре¹⁷⁵.) Конечно, булгаковский Жорж Бенгальский, которому за излишнюю болтовню отрывают голову, образ собирательный, хотя есть явное сходство сценических имен Жоржа Бенгальского и реально существовавшего московского конференсье Жоржа (Георгия) Раздольского. Возможно, романист более цирковым («тигриным») псевдонимом хотел усилить комический эффект внешности и поведения своего героя. Георгий Раздольский был сравнительно мало известен и популярен. А из признанных звезд московского конференса, среди знаменитых А. А. Менделевича, А. А. Глинского, А. Г. Алексеева и других, безусловно, следует выделить одного из самых популярных в Московском мюзик-холле – Александра Александровича Грилля. Он был, пожалуй, наиболее близок к булгаковскому Жоржу Бенгальскому. Об отношении его к фокусам Кио мы уже знаем, а вот как он

¹⁷⁴ Абергуз А., Пахомов Ю. Цирковой билет братьев Эдер // Наука и жизнь, 1979, № 8. С. 66–69.

¹⁷⁵ Возможно, это был один из маленьких театриков, которыми кишела тогдашняя столица: «Кривой Джимми» в Большом Гнездиновском переулке, 10; таверна-мюзикл-холл «Заверни» (Большая Дмитровка, 17); театр-кабаре «Нерыдай» (Большая Дмитровка, 17); театр «Менестрель» на Волхонке; Театр имени А. Ф. Сафонова на Таганке – в нынешнем Театре драмы и комедии (где, кстати сказать, с апреля 1977 года идут спектакли инсценированного романа «Мастер и Маргарита»).

обычно работал: оставался на сцене не более двух минут, но успевал за это время не только объявить номер, но и сказать какую-нибудь шутку, обычно связанную с номером или на злобу дня. Внешне Гриль не очень походил на Жоржа Бенгальского, «полного, веселого как дитя человека с бритым лицом... и младенческой улыбкой». Он был сухой и подтянутый, двигался быстро и легко, выглядел очень озабоченным, занятым, постоянно куда-то спешащим. С особым, пожалуй, только ему присущим изяществом он умел, перед тем как юрк-нуть в складки занавеса, бросить эффектную завершающую реплику. Как и Жорж Бенгальский, Гриль «был хорошо знаком всей Москве». Публике нравилась торопливая семенящая походка Грилля, его комические расшаркивания, галантный полупоклон, с которым произносились реплики, сопровождавшее их временами возбужденно-радостное потирание рук. Такой же жест был привычкой булгаковского героя. А другие черты Бенгальского – полнота фигуры и манера выступления были свойственны, как нам кажется, таким мастерам этого жанра, как А. А. Глинскому, М. А. Добрынину, сангвиническому толстяку с действительно радостно-детской, «младенческой» улыбкой. Гриль кончил свою артистическую карьеру почти так же, как и Жорж Бенгальский. По рассказам хорошо знавших его поэта А. Д. Брянского (Саши Красного) и коллеги по жанру А. Г. Алексеева, на одном из своих выступлений он был резко одернут каким-то высоким начальствующим лицом; у него как-то сразу исчезли интерес к своей работе, вдохновение импровизации (передают слова А. А. Грилля: «Я потерял кураж»), совсем как Бенгальский, который после временной потери головы «утратил значительную долю своей веселости...»), он заболел психическим расстройством и вскоре умер.

Из артистов разговорного жанра в мюзик-холле кроме, как мы уже знаем, Н. П. Смирнова-Сокольского (он узнается в романе как «бледный от пудры рассказчик») и юмориста В. Клетчатого выступал дуэт сатириков А. М. Громова и В. С. Милича. Форма их выступлений и внешний вид (худощавый Громов носил кепку, а полный Милич цилиндр) позволяют предположить, что описание поведения Коровьева и кота Бегемота во время сеанса черной магии могло основываться на номере этих артистов.

Некоторые «коровьевские штучки» могли иметь и прототипическую литературную основу. В рассказе А. Ремизова «Аказион» (сборник «Весеннее порошье», 1915) есть картина, напоминающая устроенный Коровьевым-Фаготом и Геллой (из свиты Воланда) «дамский магазин»: «Как же, есть и пальто, сколько угодно! – продавщица в черном, у них все в черном, барышня продавщица, на лису похожа, словно обрадовалась чему, так вся и распустилась, – какое угодно пальто, все есть! – и повела меня куда-то вверх через самую тьму египетскую...»¹⁷⁶

Таковы факты театральной, цирковой и отчасти литературной истории. Роман Булгакова, как мы убедились, по-своему, в художественном преломлении отражает ее этапы...

Как же обстоит дело сегодня со старым Варьете, свидетелем разгула дьявольской шайки? Сильно перестроенное в 1962–1965 годах, здание бывшего цирка отдаленно, да и то лишь интерьером, напоминает прежний мюзик-холл, где кабинет финансового директора Римского «...во втором этаже театра двумя окнами выходил на Садовую, а одним... в летний сад Варьете, где помещались прохладительные буфеты, тир и открытая эстрада»¹⁷⁷. Но воображение подскажет нам угловое, во втором этаже окно кабинета (оно есть, но другое) нового Хомы Брута, куда пыталась проникнуть в ночь весеннего полнолуния ведьма Гелла и откуда вылетел, подобно купидону, бывший администратор Варьете, «вампир-наводчик» Варенуха при первом утреннем крике дрессированного петуха. А в окнах на Садовую (сейчас отсутствующих) перед глазами изумленного Римского разворачивались скандальные события:

¹⁷⁶ Филалова Л. Семейный альбом Воланда // Культура и жизнь (Киев), 1988, 3 января. С. 8.

¹⁷⁷ Булгаков М. Избранные произведения в 2 т. Т. 2. Киев: Днипро, 1989. С. 430–431.

«парижские туалеты» Коровьева и Геллы стали исчезать со зрительниц Варьете, соблазнив-шихся заграничными модными тряпками.

Летний сад при Варьете – это бывший сад «Аквариум», в основном сохранившийся до нашего времени в прежнем виде. Исчез, правда, соблазнительный «голубой домик» в кустах сирени, откуда избитого в кровь Варенуху еще в человеческом облике под пролив-ным дождем тащили в подворотню дома 302-бис. Нет других деревянных построек (летнего театра, тира, открытой эстрады, киноплощадки, торговых будочек), которые долго помнили москвичи и которые исчезли в 50-70-х годах. Теперь это сквер у Театра имени Моссовета и Театра сатиры, который недавно отметил свое 100-летие.

Сеанс черной магии закончился скандально. Жаждающий разоблачения фокусов председатель «Акустической комиссии московских театров» Аркадий Аполлонович Семплеяров был разоблачен сам. Интересно, что Булгаков соблюдает и здесь точность даже в деталях.

«Акустическую комиссию московских театров», не существовавшую в действительности, автор романа видит на Чистых прудах. Там было только одно место, дом 6 (нынешнее Министерство образования России), связанное с театральным миром. Здесь в 1930-х годах находились Управление театрально-зрелищными предприятиями Наркомпроса РСФСР (УТЗП), Главрепертком и Управление московскими зрелищными предприятиями (УМЗП). Начальник первого из них – М. П. Аркадьев (не от его ли фамилии образовано имя Семплеярова?). Во главе Главреперткома одно время стоял О. С. Литовский, убежденный враг Булгакова, запрещавший к постановке его пьесы, которого тот вывел в образе критика О. Латунского, чью квартиру в «Доме Драмлита» громит главная героиня книги. И наконец, третьим управлением руководил Николай Александрович Стрельцов.

Было и еще одно управление, по ведомственной принадлежности наиболее близкое к Варьете. Государственное объединение мюзикхолльных эстрадных и цирковых предприятий (ГОМЭЦ), помещавшееся в здании старого цирка Альберта Саламонского на Цветном бульваре, 13. Его директором был Яков Станиславович Ганецкий, живший по весьма многозначительному адресу: улица Серафимовича, 2. Запомним это.

Из названий этих явно не симпатичных Булгакову руководящих театральных учреждений и из имен их начальников и была составлена, видимо, осмеянная романистом гротеск-ная «Акустическая комиссия» во главе с разоблаченным потом ее председателем.

Бывал ли там сам Булгаков? Безусловно бывал. И в первую очередь в здании Наркомпроса на Чистых прудах. Начиная с осени 1921 года, когда, как мы уже знаем, он служил в Литературном отделе (Лито) Главполитпросвета этого учреждения, и позже, по театрально-реперткомовским делам.

Итак, Семплеяров работал на Чистых прудах. Но по разоблачительному рассказу Коровьева можно проследить его пикантные путешествия, когда он, оставив машину, на автобусе поехал к актрисе разъездного театра Милице Андреевне Покобатько на Елоховскую улицу. И действительно, от Чистопрудного бульвара (Мясницких ворот) на Елоховскую (ныне Спартаковская) улицу посрамленного героя доставил бы автобус 42-го маршрута, ходивший по Мясницкой улице в 30-е годы. Указано в книге место, где жил Семплеяров: «...в доме у Каменного моста». Где это? Скорее всего, речь идет о большом жилом комплексе, воздвигнутом на Берсеневской набережной близ Большого Каменного моста в 1928–1931 годах по проекту архитектора Б. Иофана. Правительственный «дом на набережной» был в то время одним из самых значительных сооружений Москвы (улица Серафимовича, 2), и Семплеяров, ездивший на персональной машине, мог быть вполне его обитателем. Тем более что один из прототипов Семплеярова Я. С. Ганецкий жил, как мы уже знаем, именно в этом доме, а М. П. Аркадьев совсем в другом месте.

Усиливая позор будущего брянского грибозаготовителя (Брянск – на пути в Киев, родину автора романа) Аркадия Аполлоновича, по приказу «наглого котяры» Бегемота опо-

лоумевший дирижер «урезал невероятный марш», слова которого относились и к несчастному «его превосходительству» Семплеярову. Любопытна история возникновения этих куплетов у Булгакова, который намекает, что они «слышны были некогда, под южными звездами, в кафешантане...». Что ж, писатель мог действительно слышать что-нибудь подобное в тех южных городах, где жил и бывал: Киеве, Ростове, Владикавказе, Тифлисе, Ялте, Одессе... Но удалось обнаружить источник «полуслепых, но разудалых слов этого марша». Им оказался фрагмент куплетов главного героя из второго действия старинного русского водевиля Д. Т. Ленского «Лев Гурыч Синичкин, или Провинциальная дебютантка». Сравним оба текста, и станет ясно, как вовсе не маршевые, столетней давности слова трансформировались у Булгакова в язвительную эпиграмму:

У Д. Т. Ленского:

Его превосходительство
Зовет ее своей
И даже покровительство
Оказывает ей.

У М. А. Булгакова:

Его превосходительство
Любил домашних птиц
И брал под покровительство
Хорошеньких девиц!!!¹⁷⁸

Но почему же именно из этого водевиля были заимствованы эти стихи? Думается, не случайно. Писатель знал этот водевиль по Киеву и Владикавказу, в театрах которых давали старинную пьесу. Кроме того, уже в Москве, в Театре имени Евг. Вахтангова, параллельно с булгаковской «Зойкиной квартирой» шел «Лев Гурыч Синичкин», и главные роли в обоих представлениях играл один и тот же актер – Р. Н. Симонов. Он с блеском исполнял куплеты, причем многие из них, по традиции вахтанговцев, были осовременены на злобу дня драматургом Н. Эрдманом. Старинный водевиль шел в этом театре с 1924 по 1936 год.

Булгаков записал слова «марша» в 1937 году в одной из последних редакций романа. Именно в этом году вышло первое советское издание однотомного сборника водевилей Д. Т. Ленского. Романист, завершающий свою книгу, безусловно имел эту новинку и на 191-й странице нашел давно памятные ему слова...

Происшествием с улетевшими Геллой и Варенухой не кончилась страшная для финдиректора Варьете ночь. Поседевший от пережитого кошмара Римский, выбравшись из здания, задыхаясь, подбежал к стоянке такси на противоположном от театра углу площади, где был кинотеатр. На Триумфальной (недавно Маяковского) площади напротив здания мюзик-холла действительно находился кинотеатр под названием «Ханжонков», затем «Межраб-пом», «Горн» (теперь это кинотеатр «Москва»). Около него и поймал такси Римский, чтобы мчаться к отправлению ленинградского экспресса. (Заметим, что в описании пребывания доведенного до невменяемости финдиректора в Ленинграде Булгаков использует автобио-графические подробности. Он сам всегда останавливался именно в гостинице «Астория», причем указанный в романе 412-й номер «с серо-голубой мебелью с золотом и прекрасным ванным отделением» был один из постоянно занимаемых писателем.)

---

¹⁷⁸ Булгаков М. Избранные произведения в 2 т. Т. 2. Киев: Днипро, 1989. С. 459.

И еще один персонаж романа, пострадавший от черной магии, мечется в районе Садовой. Это буфетчик Варьете Соков, продававший осетрину «второй свежести». После визита в «нехорошую квартиру» и знакомства с Коровьевым и Геллой он с расцарапанной головой, «вырвавшись из подворотни, диковато оглянулся, как будто чего-то ища... и через минуту был на другой стороне улицы в аптеке». До строительства большого дома с гостиницей «Пекин», занимающего целый квартал, на углу улицы Красина (бывш. Живодерка) и Большой Садовой была аптека бывшего владельца Рубановского. Из нее перевязанный буфет-чик попал напротив, через двор, в особнячок профессора Кузьмина, где также произошла фантазмагория с участием фокстротирующего под «Аллилуйю» воробышка. «Маленький беленький особнячок», где обитал доктор «по болезням печени», явно списан с домика рядом с аптекой (№ 3); где в квартире 2 жила уже знакомая нам Елена Сергеевна незадолго до того, как стать женой Михаила Афанасьевича... Интересно, что реальный профессор В. И. Кузьмин, хирург и специалист по внутренним болезням, находился тоже очень близко от этого района по адресу: Садовая-Кудринская, 28, квартира тоже 2. Было ли это совпадением или написано автором специально, остается одной из загадок романа.

Зато достаточно прозрачно определены Булгаковым несколько московских адресов, связанных с персонажами других служащих Варьете. Городской филиал Комиссии зрелищ и увеселений облегченного типа, где бухгалтер Ласточкин слышал слаженное хоровое пение «Славного моря...», помещен автором в Ваганьковский переулок, в «облупленный от времени особняк в глубине двора» за решетчатой оградой. Бывший Ваганьковский, или Старо-ваганьковский, переулок, где дом 17 соответствует описанному в романе. По этому адресу никогда не было напоминающих «зрелищную комиссию» учреждений. Автор высмотрел этот дом, когда ходил в библиотеку Румянцевского музея в знаменитом доме Пашкова, на крыше-балюстраде которого он развернул одну из финальных сцен романа, и был корре-спондентом журнала «Голос работника просвещения»; именно здесь живут герои опубликованного там очерка «Птицы в мансарде».

И переулок – Ваганьковский – выбран, видимо, не случайно. Его название происходит от старинного слова «ваганить», что значит потешать. Здесь жили царские скоморохи, шуты, псари, музыканты – словом, придворные потешники. Занеглинная слобода носила название Ваганье, Ваганьково. Поэтому музыкально-хоровая гаерская шутка отставного «вти-руши-регента» Коровьева вполне соответствовала прежним занятиям жителей этого места... (Может быть, читателю будет интересно узнать, что совсем рядом с «облупленным особнячком» по прихоти судьбы до сих пор слышно довольно «слаженное хоровое пение» многих песен, в том числе и «Славного моря...»). По вечерам в помещении школы № 57 репетировал самодеятельный хор Центрального дома работников искусств: народная певческая школа, руководимая народной артисткой РСФСР Л. И. Масленниковой).

Героя, едва ли не единственного, которому симпатизирует автор, служащего Варьете, бухгалтера Ласточкина ожидают после сеанса черной магии многие переживания. Сначала с таксистом, пострадавшим от фальшивых денег. Потом в Комиссии зрелищ и увеселений облегченного типа, узнаваемой в том же ГОМЭЦе на Цветном бульваре. Там ждала его жуткая сцена с пустым костюмом Прохора Прохоровича и с рыдающей секретаршей Анной Ричардовной. Затем в Ваганьковском переулке, нам уже известном, и наконец, в «финзрелищном секторе» (об адресе которого можно только догадываться), где злосчастного бухгалтера арестовали...

Эпилог романа определяет судьбы не только его главных героев – Мастера и Маргариты. В нем рассказано, что случилось с другими героями, в том числе с работниками Варьете. Варенуха остался, а Римский перешел работать в Театр детских кукол в Замоскворечье. Подобный театр в том районе столицы действительно существовал. Конечно, без Римского. Под названием «Московский передвижной кукольный театр» он находился

вблизи Ордынки, во 2-м Казачьем переулке, дом 11. Степа Лиходеев с московской Садовой был переброшен в Ростов заведующим большим гастрономическим магазином. Думается, что этот южный город выбран Булгаковым неспроста. Он бывал там неоднократно. И самый крупный ростовский гастроном находился также на Садовой улице (теперь Фридриха Энгельса – главная улица города). Нынешние ростовчане знают этот старый и хорошо оборудованный магазин (вроде московского «Елисейского») на том же месте, но под иным названием...

Вот и вся история с булгаковским Варьете, история, иногда веселая, иногда и не очень, но всегда поучительная. Здесь придется поставить точку и отправиться в другой район московской булгаковской топографии...

Глава восьмая

Кто вы, профессор Стравинский?

Где находилась знаменитая клиника профессора Стравинского, кто из реальных людей мог быть прототипом этого яркого и выпукло показанного врача-психиатра? Этот вопрос интересовал и читателей «Мастера и Маргариты», и исследователей. Попробуем на него ответить, найти ключ к топографическому шифру тех страниц романа, которые автор писал с особым удовольствием и лукавством, – страниц медицинских, наиболее близких Булгакову, как профессионалу в этой области.

Место психиатрической клиники, «дома скорби», во главе с его директором, знамени-тым психиатром Александром Николевичем Стравинским является действительно одним из самых топографически «зашифрованных» адресов романа. Начнем этот поиск с портретов. Какие факты предоставляет Булгаков в своей книге для осуществления нашего литера-турно-детективного эксперимента?

Профессор Стравинский. «Тщательно, по-актерски обритый человек лет сорока пяти, с приятными, но очень пронзительными глазами и вежливыми манерами» – так дается его портрет автором романа. Сама же «знаменитая психиатрическая клиника, недавно отстроенная под Москвой на берегу реки», где за «широкопетливой и легкой решеткой... открывается балкон, за ним берег извивающейся реки и на другом ее берегу – веселый сосновый бор», клиника с роскошным и фантастическим по тем временам оборудованием, которого «нет нигде и за границей», клиника в «дивно оборудованном здании», куда «ученые и врачи специально приезжают» для осмотра и «каждый день интуристы бывают»¹⁷⁹, – словом, эта клиника играет в книге определенную смысловую, и даже узловую роль. Здесь происходит «явление героя»: помещенный в лечебницу поэт Иван Бездомный знакомится (а с ним и читатель) с таинственным его гостем – Мастером. Сюда «стекаются» все герои, так или иначе встретившиеся в Москве с сатаной Воландом и его присными: управдом Ника-нор Босой, финдиректор Римский, конферансье Жорж Бенгальский, служащие театрального учреждения, «увлеченные» песней «Славное море». Проститься с Иваном Бездомным перед последним полетом к вечному приюту и покою прилетают сюда уже из астрального мира главные герои: Мастер и Маргарита.

Да интересен по-своему и сам Стравинский. Описание его работы, методов его лечения («клинические» главы, особенно «Поединок между профессором и поэтом») показаны Булгаковым с великолепной точностью и знанием дела. И это не случайно. Именно прототип Стравинского был хорошим знакомым, если не близким другом писателя.

Попробуем ответить на вопрос: а мог быть человек с такой фамилией в московских медицинских кругах? Оказывается, был. В справочнике «Лечебные учреждения и медицин-ский персонал Москвы» указан врач, специалист по внутренним болезням Анатолий Мечи-славович Стравинский. Но не с него был «списан» Булгаковым образ знаменитого психи-атра.

А с кого же? Может быть, его и вовсе не было, как не существовало и подобной боль-ницы? Для ответа на эти и другие вопросы... отправимся на поиски, и нам придется пере-нести в медицинскую область московской психиатрии 1920–1930-х годов, где в одной из клиник Булгаков усмотрел «адрес» для своего романа.

---

¹⁷⁹ Булгаков М. Избранные произведения в 2 т. Т. 2. Киев: Днипро, 1989. С. 394–400, 412–421. Фрагменты цитат даются из глав романа на указанных страницах.

В Москве было (и есть сейчас) несколько психиатрических лечебниц, возглавляемых известными врачами-психиатрами, чьи имена они носят и поныне. Уже использованный нами справочник «Лечебные учреждения и медицинский персонал Москвы», изданный в 1928 году, ко времени начала работы над романом, указывал эти адреса: психиатрическая клиника в Большом Божениновском переулке с директором профессором Б. П. Ганнушкиным (в настоящее время на Потешной улице), клиника на Донской улице, 55 (директор профессор В. А. Гиляровский), клиническая больница имени П. П. Кашенко (Загородное шоссе, 2, рядом со станцией «Канатчиково» Окружной железной дороги; поэтому старое название больницы «Канатчикова дача» – по загородному дому ее владельца, купца Канатчикова), больница на Матросской Тишине в Сокольниках, лечебница в районе станции Столбовая Курской железной дороги. Это самая крупная в Московской области больница-стационар носит имя видного русского психиатра В. И. Яковенко (бывшая Покровско-Мещерская псих-больница – по названию села Мещерского и Покровской церкви). Уже издавна в народе, да и в городском песенном фольклоре¹⁸⁰ ее и рядом расположенную Троицкую психиатрическую лечебницу называют «Белыми Столбами», по станции Павелецкой железной дороги, до которой от нее около 25 километров, то есть значительно больше, чем до Столбовой. Видимо, раньше ездили до нее более длинным путем, да так и осталось это название, превратившееся, как и «Канатчикова дача», в синоним сумасшедшего дома вообще. Странные бывают превращения... «Столбовая» превратилась в «Белые Столбы», и так называется издавна этот район Подмоскovie, где находятся эти две больницы...

Почему же именно фамилия Стравинского выбрана для психиатра? Может быть, по той же аналогии, что и председатель МАССОЛИТа Берлиоз и финдиректор варьете Римский носят фамилии знаменитых композиторов и музыкантов. Может, в булгаковском представлении они как-то ассоциировались с героями романа? Это решать музыковедам¹⁸¹, но ясно одно, что у Булгакова в его произведениях постоянно «участвуют в действии» те или иные сочинения известных композиторов^[11]. И роман «Мастер и Маргарита» не исключение.

Среди ведущих психиатров Москвы три имени выделяются особенно: профессора П. Б. Ганнушкин, В. А. Гиляровский, Г. И. Россолимо – директора основных психиатрических клиник. Но и не они явились прототипами профессора Стравинского.

А кто же наиболее вероятный кандидат? По многим приметам наиболее вероятный прототип Стравинского – уже достаточно тогда известный московский психиатр Евгений Константинович Краснушкин. Булгаков познакомился с ним, видимо, еще в начале 1920-х годов в мастерской своего соседа по дому на Большой Садовой художника Г. Якулова, с которым дружил Е. К. Краснушкин. Последующие с ним встречи нашли отражение и в романе писателя, а род его деятельности, некоторые черты внешности и характера «перешли» к профессору Стравинскому.

Расскажем о профессоре Е. К. Краснушкине подробнее, потому что он заслуживает этого и как выдающийся психиатр, и как знакомый Булгакова по театральнo-литературному миру, и как прообраз профессора Стравинского. Е. К. Краснушкин (1885–1950)¹⁸², как пишут

¹⁸⁰ Имеется в виду песня известного поэта и барда Александра Галича (1918–1978) «Психи, или Право на отдых». Забегая несколько вперед, скажем, что автор строк о «Белых Столбах» знал эти места не понаслышке, а описывал их с натуры.

¹⁸¹ Магомедова Д. «Никому не известный композитор-однофамилец...» (О семантических аллюзиях в романе М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита») // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. Т. 44. 1985, № 1. С. 83–86; Платек Я. Мастер и музыка. Перечитывая М. А. Булгакова // Платек Я. Под сенью дружных муз. М.: Советский композитор, 1987. С. 195–218; Гаспаров Б. Из наблюдений над мотивной структурой романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» // Даугава, 1988, № 11. С. 88–91.

¹⁸² Столетие со дня рождения Е. К. Краснушкина исполнилось 17 апреля 1985 года. Скончался он, будучи заслуженным деятелем науки, профессором, почетным членом общества невропатологов и психиатров, доктором медицинских наук, 3 марта 1951 года и похоронен на Ваганьковском кладбище в Москве.

о нем Большая советская и Большая медицинская энциклопедии, – советский психиатр, ученик П. Б. Ганнушкина. Сын донского казака, родился и воспитывался в Москве, в 1910 году окончил медицинский факультет Московского университета, потом работал в Преображенской психиатрической больнице, Центральном приемном покое для душевнобольных. Во время Первой мировой войны – врач в войсках Донского казачьего полка, а с 1918-го он работает в психиатрической клинике 1-го МГУ, одновременно врачом-психиатром московских мест заключения, заведующим кафедрой судебной психиатрии МГУ При ближайшем сотрудничестве и активном участии Краснушкина был организован Институт судебной психиатрии имени В. П. Сербского в Москве, где он был председателем экспертной комиссии. Большой научный и практический опыт ставит Краснушкина в первые ряды советских психиатров. С 1931 года до конца жизни он – заведующий психиатрической клиникой (вот истоки должности Стравинского!) Московского областного клинического института (МОНИКИ). Эта лечебница существует и сейчас – улица 8-го Марта, 1; на фасаде главного здания – мемориальная доска с барельефом ее основателя^[12]. Краснушкин был также заведующим кафедрой психиатрии 4-го медицинского института, председателем Московского общества невропатологов и психиатров, консультировал в Центральном психоприемнике и в уже известной нам Московской областной психиатрической больнице-стационаре имени В. И. Яковенко, в 70 километрах от Москвы, где проводил и конференции. Во время суда над фашистскими преступниками в Нюрнберге в 1945 году он возглавлял советскую делегацию врачей-психиатров по проведению судебно-психиатрической экспертизы и был единственным, кто разоблачил симуляцию нацистского главаря Р. Гесса, экспертировал военных преступников Г. Круппа, Ю. Штрейхера и других. Научные труды доктора медицинских наук, профессора Краснушкина (им написаны 86 статей и несколько книг) посвящены в основном вопросам судебно-психиатрической экспертизы и психическим расстройствам при заболеваниях внутренних органов. Книги его «Судебно-психиатрические очерки» и «Преступники-психопаты» стали первыми учебниками по этой теме для будущих советских юристов. Среди направлений его исследований было изучение биологических основ психоза, клинические проблемы психических расстройств с их лечением методом активной терапии. Особенно много Краснушкин занимался лечением различных форм шизофрении, применяя и шоковые инсулиновые вливания, и изобретенную им комбинацию успокаивающих лекарств – барбитуратов, которая и сейчас с успехом применяется под названием «смесь профессора Краснушкина». (Вспомним, что булгаковский профессор Стравинский также лечил «путем каких-то впрыскиваний под кожу».)

О практических методах лечения Краснушкиным рассказывал профессор В. М. Банщиков во вступительной статье к избранным трудам психиатра, вышедшим в 1960 году: «... тонкий психопатолог, он отличался исключительным мастерством в области диагностики психических больных. У тех, кто присутствовал и участвовал в его клинических разборах больных, навсегда осталось в памяти тонкое искусство большого мастера, без преувеличения можно сказать – художника, талантливого клинициста. Его заключения о разбираемом больном отличались полнотой, ясностью, строгостью, были красивы по форме, увлекательны и убедительны. Особый интерес представлял его расспрос больного, он всегда знал, в каком направлении надо вести расспрос, у него отсутствовал шаблон. С одним он беседовал час, два, другому больному задавал три – пять вопросов, у третьего обращал все внимание на его статус – словом, всегда была простая, задушевная и глубокая беседа с больными, носящая целенаправленный и продуктивный характер. Его особенностью было мастерство в постановке „мгновенного“ диагноза...»

Если вспомнить беседу профессора Стравинского с Иваном Бездомным, где он особенно «упирает» на статус пациента: нормален он или нет, то многое узнается из приведенного рассказа. Кто-то, а может, и сам коллега Краснушкина В. М. Банщиков, был в числе

свиты профессора при осмотрах, и не его ли вывел Булгаков как остробородого доктора Федора Васильевича, производившего первичный опрос Ивана?

В своей книге «Судебно-психиатрические очерки» (1926) Краснушкин писал: «Современная психиатрическая больница стремится быть домом с открытыми окнами и дверьми без насилия над личностью больного, с внутренним уютом, который делает психиатрическое учреждение для больного настоящим домом его, с лечением, которое перестраивает больную психику так, чтобы сделать возможной жизнь больного... это путь практической психиатрии от тюрьмы к свободному лечебному учреждению, возвращающему к жизни заболевшего душевной болезнью»¹⁸³.

В романе Булгакова это своего рода кредо профессора Краснушкина воплощено в роскошной клинике-мечте. Вот как описано в книге пробуждение Ивана Бездомного в отдельной семнадцатой палате.

«...Полежав некоторое время неподвижно в чистой, мягкой и удобной пружинной кровати, Иван увидел кнопку звонка рядом с собой. По привычке трогать предметы без надобности Иван нажал ее. Он ожидал какого-то звона или явления вслед за нажатием кнопки, но произошло совсем другое. В ногах Ивановой постели загорелся матовый цилиндр, на котором было написано „Пить“. Постояв некоторое время, цилиндр начал вращаться до тех пор, пока не выскочила надпись: „Няня“. Само собой разумеется, что хитро-умный цилиндр поразил Ивана. Надпись „Няня“ сменилась надписью „Вызовите доктора“.

...Иван нажал на кнопку второй раз на слове „фельдшерица“. Цилиндр тихо прозвенел в ответ, остановился, потух, и в комнату вошла полная симпатичная женщина в чистом белом халате и сказала Ивану:

– Доброе утро!.. Пожалуйста, ванну брать, – пригласила женщина, и под ее руками раздвинулась внутренняя стена, за которой оказалось ванное отделение... Иван... не удержался и, видя, как вода хлещет в ванну широкой струей из сияющего крана, сказал с иронией:

– Ишь ты! Как в „Метрополе“!..

– О нет, – с гордостью ответила женщина, – гораздо лучше. Такого оборудования нет нигде и за границей. Ученые и врачи специально приезжают осматривать нашу клинику. У нас каждый день интуисты бывают»¹⁸⁴.

Вымытого и облаченного в пунцовую байковую пижаму Ивана «привели в громаднейших размеров кабинет...», где «были кресла необыкновенно сложного устройства... множество склянок, и газовые горелки, и электрические провода, и совершенно никому не известные приборы».

Возраст Стравинского – 45 лет – точно соответствует возрасту Е. К. Краснушкина в 1929–1930 годах, когда были созданы главы о «знаменитой психиатрической клинике». Владел Краснушкин гипнозом (у него был сильный гипнотический взгляд), как и Стравинский Ивана Бездомного, он успокаивал своих пациентов, применяя гипнотические пассы. (Ирония романиста вторглась и в эту сферу. Больной Иванушка сравнивает Стравинского с героем рассказа Воланда: «Говорит по-латыни, как Понтий Пилат». И беседа психиатра с ним пародийно ассоциируется с допросом Иешуа Га-Ноцри Пилатом). А в уже упомянутом сборнике-учебнике «Судебно-психиатрические очерки» в главе «Шизофрения» имеется описание больного, поразительно похожего на Ивана Бездомного. Судите сами. «Литератор, поэт, 23 лет, летом 1924 года у себя в комнате однажды увидел черта, который назвал себя по фамилии (интересно какой? – *Б. М.*), вел с ним беседу; черт уговаривал его бежать по улице с топором... Больной взял топор и побежал по Тверской, был остановлен и арестован. В камере в тюрьме ему явился черт... Себя он считает Савонаролой, в нем три лица, потому

---

¹⁸³ Краснушкин Е. Избранные труды. М.: Медгиз, 1960. С. 93.

¹⁸⁴ Булгаков М. Избранные произведения в 2 т. Т. 2. Киев: Днипро, 1989. С. 412–413.

что ему являлся черт; у него в космическом масштабе анархия, победа духа над плотью, прийти к небытию, чтобы не было однообразия и пошлости, суеты сует, это – трагедия века, надо находить формулу, истину, необходим новый Магомет-Христос... Сам он пережил уже все, он уже в прошлом, он уже был рожден римским императором... Большой этот, – пишет Краснушкин, – ведет себя манерно, закатывая глаза, поднося руку к голове, как бы отдавая честь... здесь происходит расщепление психических процессов. По этой характерной для описываемой болезни черте она носит название шизофрении: „шизо“ – означает расщепле-ние, „френос“ – душа, ум»¹⁸⁵.

Как видим, достаточно много совпадений: герою-поэту тоже ровно 23 года, но его приключения на московских улицах в последней редакции романа изменились. А в ранних по времени написания главах погоня Иванушки с Патриарших велась по Садовой и далее вниз по Тверской (!) до Центрального телеграфа. В клинике Стравинского (она была именно такой с самого начала, что весьма показательно) в палате ночью ему явился таинственный незна-комец (черт, назвавшийся Фаланд, потом, как мы знаем, это Воланд) и поведал всю историю про Понтия Пилата от начала до конца. А «раздвоение Ивана» – типичный признак шизо-френии по Краснушкину-Стравинскому, «мании фурибунда» (мании ярости), как раньше называл Булгаков «больничную» главу романа.

Профессор Краснушкин был не только настоящим мастером своего дела. Он был чело-веком широкой культуры: любил литературу, искусство, поддерживал постоянные друже-ские связи с писателями, художниками. По воспоминаниям его сына, профессора физики Петра Евгеньевича, там, где жил психиатр (Старый Петровско-Разумовский проезд, 25) был своего рода клуб людей творческих. Здесь часто бывали скульптор Меркуров, художники Фаворский, Альтман, Крылов и Якулов, писатель Лев Шейнин, поэты Михалков, Югов, Сосюра, Мандельштам, артисты Москвин, Качалов, Ершов, Журавлев, тогда молодые мха-товцы Массальский, Яншин, Кторов, Прудкин, режиссер Эфрон. Бывал здесь, конечно, и близкий к МХАТу Булгаков. А Краснушкин не раз приходил на спектакли по пьесам драма-турга «Дни Турбиных», «Зойкина квартира», «Багровый остров» и отзывался о них с боль-шим восхищением.

Как мы уже знаем, с Булгаковым этот уже известный врач познакомился в мастерской художника Г. Якулова. А в 1923 году они каждый по-своему описали одно довольно известное событие в Москве: суд над убийцей-маньяком извозчиком Комаровым-Петровым. Краснушкин анализировал поступки преступника-психопата в юридическом журнале «Право и жизнь», а Булгаков опубликовал свой очерк «Комаровское дело» в газете «Накануне». В зале же суда над Комаровым они могли сидеть рядом...

Вернемся к страницам романа. Где же могла быть клиника профессора Стравинского? Для этого в первую очередь надо знать, где работал профессор Краснушкин. Булгаков и здесь, как мы вскоре убедимся, был верен своему принципу вовлечения в ткань произведе-ния реальных мест и лиц. Одно из этих мест нам уже известно: улица 8-го Марта, 1 (бывший Истоминский проезд, 8) на углу со Старым Петровско-Разумовским проездом. У област-ной психоневрологической «Клиники Краснушкина» (хотелось, чтобы эта больница носила имя своего основателя, как присвоены имена выдающихся психиатров П. Б. Ганнушкина, П. П. Кащенко, З. П. Соловьева другим психиатрическим клиникам Москвы) было два фили-ала, где также врачевал Евгений Константинович. Назывались они санаториями, и обору-дование, и лечение там было лучше: «Имени Воровского» на ПО коек (Всехсвятское, 12-й километр Ленинградского шоссе) и «Стрешнево» на 76 коек в Покровско-Стрешневском парке по Волоколамскому шоссе.

¹⁸⁵ Краснушкин Е. Указ. соч. С. 119–120.

Бывшее село Всехсвятское сейчас застроено многоэтажными домами по Ленинградскому проспекту, в районе метро «Сокол» и «Аэропорт». А вот здание санатория «Стрешнево» прекрасно сохранилось и выполняет те же функции, что раньше. Это корпус 2 современной психиатрической больницы № 12 (Волоколамское шоссе, 47), где находятся Всероссийский центр по психотерапии и клиника психотерапии Центрального института усовершенствования врачей. (Эту больницу в медицинских кругах порой называют и по-старому – лечебница «Стрешнево», проводят там конференции, как и при Краснушкине).

Внешний и внутренний вид старого корпуса поражает воображение. Это небольшой псевдоготического стиля двухэтажный замок с множеством башенок, выступов, островерхих крыш, узких окон, фигурных наличников, где изображены щиты с гербами, с лабиринтом узких лестниц внутри. Невольно напрашивается мысль, не этот ли особняк послужил одним из «прообразов» жилища главной героини романа – Маргариты? Все может быть, но сначала немного расскажем об истории этого удивительного дома, в чем нам помогут московские справочники и путеводители и беседы с главным врачом этой больницы Амалией Семеновной Каландаришвили.

Старинный район волоколамского направления Покровское-Стрешнево и Покровское-Глебово издавна принадлежал древнему княжескому роду Шаховских, которым была не чужда благотворительная и культурно-просветительская деятельность. До сих пор сохранился в начале Покровско-Глебовского парка старинный загородный дом-дворец Шаховских, окруженный краснокирпичной, похожей на крепостную, стеной с башенками и внушительными въездными воротами¹⁸⁶. Одной из последних наследниц рода принадлежали в конце прошлого века эти места – княгине Евгении Федоровне Шаховской-Глебовой-Стрешневой. Сама она жила в Москве, в Калашном переулке, а обширное поместье сдавала частным предпринимателям. Покровско-Стрешневский парк снял богатый сахарозаводчик Михаил Францевич Зегер, который в 1881 году построил для себя этот загородный замок.

Время шло, и к началу Первой мировой войны дела его пошли на убыль: в 1913 году он был уже не хозяином сахарного дела, а помощником по хозяйственной части на Даниловском сахарном заводе. Дом пришлось отдать за долги богатой княгине Шаховской, а вскоре, с началом войны, и вовсе уехать из России. А для модернистского особняка началась совсем другая жизнь. Он стал частной психиатрической лечебницей, и владела им, арендуя у Шаховской, молодая врач-психиатр Софья Абрамовна Лиознер (1873–1965); окончившая медицинский факультет Сорбонны, стажировавшаяся в Москве у П. Б. Ганнушкина. Она со своим мужем, известным психиатром Ю. В. Каннабихом (выпустил в 1929 году монографию «История психиатрии») работала там до самой революции. В 1918 году ее оставили, за заслуги в области медицины, главным врачом уже национализированной больницы, которая позже перешла в ведение МОНИКИ, где работал ее бывший учитель Краснушкин. Дальнейшая судьба особняка нам уже известна: там разместился психиатрический санаторий «Стрешнево».

Итак, зная (по местам работы Краснушкина) направление, попытаемся найти литературно-топографический адрес клиники профессора Стравинского. Нам помогут и приметы дороги, там и сям рассыпанные Булгаковым в тексте романа¹⁸⁷. Это направление, если ехать из центра, в сторону Волоколамского и Ленинградского шоссе. Путь проходит через площадь Белорусского вокзала – бывшую Тверскую заставу Камер-Коллежского вала. В романе отмечено, что в четырех километрах от нее замерзающего ночного пешехода – Мастера –

¹⁸⁶ Среди владельцев отметим писателя и драматурга карамзинско-пушкинских времен А. А. Шаховского (1777–1846), его племянницу, писательницу Е. А. Шаховскую (1832–1873), сочинительницу исторических романов Л. А. Шаховскую. В настоящее время усадьба Покровское-Глебово-Стрешнево является памятником архитектуры конца XVIII – первой половины XIX века.

¹⁸⁷ Булгаков М. Избранные произведения в 2 т. Т. 2. Киев: Днипро, 1989. С. 399.

подобрал морозной январской ночью направляющийся в клинику Стравинского грузовик. (Не ехал ли он от основного здания больницы с Истоминского проезда – нынешнего района между метро «Динамо» и «Аэропорт» – в один из санаториев?)

Вот и развилка Ленинградского и Волоколамского шоссе. Куда повернуть? И вновь обратимся за помощью к роману. Помимо описания внешнего и внутреннего вида здания из книги известно, что милиционер и Пантелей из буфетной ресторана, также сопровождавшие Ивана Бездомного в клинику, уехали на троллейбусе...

Эта совокупность деталей приведет нас к одному из адресов лечебницы Стравинского. Им оказался старый (первый) корпус Клинической центральной больницы № 1 Министерства путей сообщения. Современный адрес: Волоколамское шоссе, 84, в Покровском-Глебовом, перед главным из рукавов канала имени Москвы. Строительство ее велось в годы первых пятилеток, и в середине 1930-х годов, когда были приняты первые больные, она так и называлась: «Больница для рабочих железнодорожного транспорта» (номер по Волоколамскому шоссе был, правда, другой – 146, затем заменен на нынешний). В этом прекрасно сохранившемся корпусе есть и сплошные балконы, с которых была видна излучина Москвы-реки, теперь загороженная высоко поднятым руслом канала... Раньше здесь прихотливо извивалась река Химка¹⁸⁸, за которой был густой лес с преобладанием сосен (возможный булгаковский «сосновый бор»), сейчас уже отсутствующий.

Больница железнодорожников – новостройка в этом перспективном для строительства новых больниц и клиник районе столицы – безусловно, была известна Булгакову и по старым связям с газетой «Гудок», где он работал в течение 5 лет, и с журналом «Медицинский работник», где печатались его «Записки юного врача». Газета и журнал, естественно, освещали на страницах всю историю строительства больницы.

А троллейбус? И тогда, и сейчас один и тот же номер 12-й его маршрута из центра (а значит, и от Тверского бульвара и памятника Пушкину) доставит до Покровского-Глебова, до самой больницы МПС. Раньше, еще и при Булгакове, этот двенадцатый троллейбус кончал свой путь чуть ближе, как раз недалеко от Покровско-Стрешневского парка с психиатрическим санаторием-особняком. Маршрут этот, видимо, не раз использовал писатель, возвращаясь от Краснушкина...

Возможен вопрос: было ли в этой железнодорожной больнице что-либо, связанное с психолечением, был ли местный Стравинский? Нет. Только внешний вид здания (его расположение, балкон) и троллейбус придется оставить Покровско-Глебовской клинике. Так мечту Краснушкина об идеальном психолечебном учреждении воплотил Булгаков на страницах романа, сохранив при этом знакомые ему покровско-стрешневские и покровско-глебовские адреса.

Что же «веселый сосновый бор» на противоположном берегу реки, которым любовался Иванушка? Куда делась эта немаловажная примета? Ведь за Химкой было и есть низкое пойменное русло, и именно поэтому пришлось поднять трассу канала над Волоколамским шоссе, когда строили одноименное с рекой водохранилище. Как мы уже отмечали, лес там был, ликвидированный при строительстве канала и аэродрома. Но были ли на берегах Химки и другие лесные массивы?

Да, такое место было и есть и сейчас. Для этого придется «перенестись» вверх по каналу имени Москвы (а значит, по бывшей Химке) за Химкинское водохранилище и Ленинградское шоссе. Начнем с места. Правый берег канала, улица Правобережная, 6. Сейчас здесь в здании, похожем на старинный замок с видом на «веселый сосновый бор» за водной

---

¹⁸⁸ Часть ее русла сохранилась и до сих пор. Только теперь это не река, а скорее большой ручей. Вытекая из-под дамбы южного края Химкинского водохранилища, он протекает между погибающей деревенькой Иваново и Покровско-Глебовским парком, ныряет в тоннеле под канал, шоссе и железную дороги и впадает в Москву-реку в районе Тушинского аэродрома напротив современных корпусов Строгина.

гладью, находится Химкинская городская больница № 1. Что же это за дом? Поиски привели к однозначному ответу: бывшая, так называемая дача Патрикеева, построенная в начале века академиком архитектуры Ф. О. Шехтелем...

Московский купец С. П. Патрикеев занимался привозом белого камня с севера в интенсивно строящийся город, разбогател и решил в приглянувшемся ему месте на берегу реки Химки (по ее руслу пошел здесь канал с волжской водой) построить больницу, да не простую, а самую лучшую, оригинальную. Для этого были призваны архитекторы, которые и получили заказ на постройку замка-крепости рыцарских времен. Им удалось лишь начать строительство, как меценату Патрикееву что-то не понравилось, и завершилось строительство в 1908 году по проекту знаменитого Федора Шехтеля, автора московских особняков для Морозова и Рябушинского в стиле русского модерна. Оборудование больницы заказывалось на лучших заводах Германии и Швейцарии. Обставленное с небывалой даже для того времени роскошью (люстры, большие зеркала, цветные витражи), здание недолго просуществовало в виде больницы. Настроение капризного купца снова переменилось, и в экзотическом здании сделали загородный ресторан, затмивший славу легендарного «Яра». Соседство небольшого женского монастыря сделало это заведение еще более привлекательным...

Но всему приходит конец. Патрикеев умер, ресторан захирел, и вновь купеческая дача стала больницей (так она и значится в «Путеводителе по Москве» за 1913 год). А вскоре началась война, и здесь обосновался госпиталь.

Годы революции и разрухи счастливо миновали это место. И в начале 20-х годов здесь был размещен санаторий, использовавший все прежнее медицинское оборудование.

Это лечебное учреждение (уже новое) ведет счет своих лет с 1928 года, когда было принято решение сделать больницу областного масштаба, с многими отделениями, включая нервно-психиатрическое. Так и случилось, и именно сюда приезжал для консультации Е. К. Краснушкин. Не исключено, что вместе с автором романа...

Интересен, на наш взгляд еще один ассоциативный ход писателя. «Белые Столбы», о которых уже было сказано, – известная психиатрическая лечебница, расположенная по Курской дороге? Не только. «Белыми Столбами» называлась раньше остановка транспорта вблизи Патрикеевой дачи. До недавнего времени были в действительности массивные столбы из белого камня, на продаже которого разбогател купец. Он поставил эти столбы при постройке дома, как въездной памятный знак. Сейчас и название автобусной остановки не напоминает об этом (ее нет), а Химкинская горбольница № 1 продолжает функционировать в прекрасном по архитектуре доме. Есть там и неврологическое отделение на втором этаже. И не один десяток лет больницей руководила Ольга Стефановна Бесчастная, сделавшая очень много в своей хлопотной и нелегкой должности главного врача. Шехтелевский особняк нуждается в государственной охране, ремонте, реставрации. Это дело ближайшего будущего.

А пока за широкой полосой водной глади по-прежнему радуют глаз сосновые мачты «радостного и весеннего бора» на левом противоположном берегу... Как и из окон палаты Иванушки в клинике Стравинского, откуда был «извлечен» главный герой романа. И встрече с ним и его подругой посвящена следующая глава.

Глава девятая

Где жили Мастер и Маргарита?

Наш путь (или «экскурсионный спектакль») по страницам романа Михаила Булгакова следовал в основном за Иваном Бездомным. В клинике профессора Стравинского, встретившись с ночным гостем – Мастером, поэт преображается, и в эпилоге он уже ученый – историк Иван Николаевич Понырев.

А его ночной гость, написавший роман о Понтии Пилате? И его таинственная возлюбленная? Кто были они? Где жили, как познакомились, где гуляли, любили? Где был романтический подвал Мастера и «готический особняк» Маргариты? Кто были прообразами этих главных героев романа?

Первые главы романа посвящены в основном больше второстепенным (деление условное) персонажам, а ее главный герой – Мастер – появляется только в 13-й главе, так и названной: «Явление героя». Там же (пока таинственно и немного) рассказывается и о будущей героине, но непосредственное знакомство с ней – Маргаритой – происходит лишь во второй части повествования. К тому времени многие действующие лица (Берлиоз, Стравинский, Поплавский, Семплеяров, Лиходеев, Римский, Варенуха и другие) уже сыграли свои роли, и разговор о них будет идти только уже в самом конце книги и в эпилоге.

«Трижды романтический мастер...» Трагическая и символическая фигура в романе. А был ли у него прототип, а если да, то кто? Попробуем разобраться.

Многие исследователи истоков и истории создания романа (из них назовем только главные имена: М. О. Чудакова, В. Я. Лакшин, И. Ф. Бэлза) вполне обоснованно считают прообразом историка и переводчика, написавшего роман о Понтии Пилате, – самого Булгакова. Действительно автор наталкивает нас на эту мысль. Вспомним место в книге, где появляется главный герой (но мы еще про это не знаем) и дается его портрет: «...с балкона острожно заглядывал в комнату бритый, темноволосый, с острым носом, встревоженными глазами и со свешивающимся на лоб клоком волос человек примерно лет тридцати восьми»¹⁸⁹. Это практически автопортрет создателя романа, а уж в возрасте абсолютная точность: когда начинали создаваться первые редакции этих глав, в 1929 году, Булгакову было именно 38 лет.

Исследователи убеждают и в другом: одним из прообразов Мастера может служить фигура, им самим созданная, – бродячего философа Иешуа Га-Ноцри – как своего рода alter ego творца романа о Понтии Пилате. Безусловно, здесь главную роль играет родство духовное. Есть аргументированное мнение, что прототипом был и любимый писатель самого автора – Н. В. Гоголь, по той причине, что Мастер, как и тот «Мертвые души», сжег рукопись своего романа (Булгаков сжег черновики ранних редакций «Мастера и Маргариты»). Гоголь по образованию был, как и Мастер, историком; у обоих авторов в творчестве есть ряд несомненных тематических и стилистических совпадений. Есть совпадение и портретное: острый нос и спадающий на лоб клочок волос, как на известном портрете Гоголя¹⁹⁰.

Также небезынтересно, хотя и спорно, предположение, что трагические эпизоды жизни соседа писателя по дому на улице Фурманова, поэта Осипа Эмильевича Мандельштама, которого арестовали в этом доме в мае 1934 года и сослали на Северный Урал, вызвал к жизни рассказ Мастера о своем аресте. С О. Э. Мандельштамом Булгаков был знаком еще по владикавказско-батумским временам 1920-х годов, но потом судьбы их разошлись, и они

---

¹⁸⁹ Булгаков М. Избранные произведения в 2 т. Т. 2. Киев: Днипро, 1989. С. 459.

¹⁹⁰ Чудакова М. Булгаков и Гоголь // Русская речь, 1979. № 2. С. 38–48; № 3. С. 55–59; Она же. Гоголь и Булгаков // Гоголь: история и современность. М.: Советская Россия, 1985. С. 688

встретились только соседями по кооперативной писательской надстройке в 1934 году. Мар-гарите снится ее бедный возлюбленный на фоне явно не южного пейзажа. Елена Сергеевна отдала последние деньги Н. Я. Мандельштам, уезжающей в ссылку вместе с мужем... По предположению М. О. Чудаковой, само имя героя – Мастер – было избрано после известия о разговоре Б. Пастернака со Сталиным, смягчившим судьбу ссыльного поэта. Генсек назвал Мандельштама Мастером, что подтвердил его собеседник. Впрочем, мастером называли своего учителя ученики В. Э. Мейерхольда. Есть и иные версии происхождения этого имени героя романа¹⁹¹.

Другие литературоведы находят общие черты в поступках Мастера и Дон-Кихота, зная, что герой Сервантеса был небезразличен Булгакову, сделавшему по роману великого испанского прозаика свой вариант инсценировки. Находят близость характеров поведения булгаковского героя с гофмановским Иоганнесом Крейслером из романа «Житейские воззрения кота Мурра».

А филолог И. Л. Галинская считает, что «прототипом Мастера был не кто иной, как украинский философ XVII века Григорий Саввич Сковорода: он и одного из своих сочинений не смог напечатать (а они о философии „трех миров“ – земного, библейского и космического, теория которых была своеобразным художественным образом воплощена в булгаковском романе). Г. Сковорода однажды из-за жизненных обстоятельств притворился сумасшедшим (Мастер сам пришел в клинику душевнобольных) и, недовольный своей книгой „Асхань“, ожесточился и спалил ее»¹⁹².

Но этими гипотезами и предположениями литературоведов не исчерпывается список прообразов главного героя. Кто же может быть еще?

Ответ найдем и постоянно будем находить в самой биографии писателя: ведь практически все московское действие романа так или иначе автобиографично. Поможет нам и находка самого жилища Мастера, его «подвальной квартирki в арбатских переулках», этого определяющего литературно-топографического образа, так ярко и детально описанного Булгаковым. И это необходимо: ведь место действия, как литературный прием, создает эмоциональную и этическую окраску произведения, – это как влияющее на поступки его героев, так и вспомогательное художественное средство, используемое для характеристики персонажа.

Где подвал Мастера? В каких околоарбатских переулках, в каких «маленьких домиках с садиками» будем его искать?.. Примет, названных в романе, казалось бы, более чем достаточно: и оконца, выходящие на дорожку от калитки, сквозь которые видны только ноги редких прохожих, и липы, клен, сирень и ветла в четырех шагах от них у заборчика... В подвале (вернее же – в полуподвале) – отдельная квартирка, с раковинкой в передней, с печкой, согревавшей ее жильцов холодными ночами и поглотившей рукопись книги. И, наконец, – важная деталь! – по улице, куда выходил переулок с этим домиком, грохотали (в 1930-е годы – время написания и действия романа) в зимнюю пору «ледяные ящики» трамвая, под который хотел броситься отчаявшийся, полубезумный Мастер.

Налицо достаточно ясное описание, но точно такого места в переулках вблизи Арбата мы не найдем. И главное: не будет точных доказательств – почему именно этот дом, а не другой.

Это немаловажное обстоятельство уводило от правильного ответа многих исследователей-москвичей, но и не только их. Они пытались, основываясь на вроде бы конкретных, но все-таки недостаточных признаках, рассыпанных в книге, разыскать адрес таинственного

---

¹⁹¹ Лакшин В. Вторая встреча. М.: Советский писатель, 1984. С. 331; Кушлина О., Смирнов Ю. Магия слова // Памир, 1986, № 5. С. 160–161; Чудакова М. Неоконченное сочинение Михаила Булгакова // Новый мир, 1987, № 8. С. 200–201.

¹⁹² Галинская И. Загадки известных книг. М.: Наука, 1986. С. 75–84.

и именно арбатского подвала. Так возникли и продолжают жить до сих пор легенды, легко смешивающие правду с фантазией.

Одна из них переносит нас во двор дома 4 по Чистому переулку, где, как известно, жил Булгаков. Строение 2, рядом со спортплощадкой: там раньше действительно был садик с липами, кленами, сиренью, есть и тропинка в проходном дворе мимо полуподвальных окошек. Но ничем, кроме этого мимолетного сходства, этот адрес не подтверждается.

Автор другой топографической гипотезы – арбатский художник Г. Ш. Басыров. Московскую легенду, что именно здесь, а не где-то обитает Мастер, «у застройщика, в переулке близ Арбата, две комнаты в подвале маленького домика в садике», – он реализовал в серии картин на булгаковскую тему. На одной из них «позировал» дом 45/26 (строение 2) на углу Сивцева Вражка и улицы Веснина (бывш. Денежный переулок) во дворе. Но и этот адрес может быть подкреплён только той же легендой.

Иной, уже более биографический адрес предлагала Л. Е. Белозерская, вторая жена Булгакова: Плотников переулок, 10, квартира 35. В этой теперь уже не существующей полуподвальной (слева от арки дома) квартире жил друг и первый биограф писателя, филолог Павел Сергеевич Попов с женой Анной Ильиничной, внучкой Л. Н. Толстого. Конечно, ряд примет, обозначенных в романе, вполне подходят к этому адресу: вблизи Арбата, и Плотников переулок, выходящий на Арбат, по которому в те годы действительно грохотали железные ящики – трамваи. И эпизод биографии П. С. Попова – одного из прототипов Мастера, – когда его репрессировали и удалили из Москвы. И внутреннее расположение, обстановка полуподвальной квартиры, где бывал Булгаков достаточно часто. Но сам дом, конечно, не похож на маленький особнячок в садике: шестиэтажная громадина постройки начала века.

Теперь мы вполне убедились, что примет описанного в романе дома Мастера в приарбатских переулках достаточно, но точно такого места мы вблизи Арбата не найдем. И главное: не будет достоверных доказательств, почему на этот, а не другой адрес пал выбор.

А ведь «настоящий» же дом, соответствующий описанию, отыщется уж не так далеко, но в совершенно другом месте, в районе Пречистенки, которую так хорошо знал и любил Булгаков. Еще бы! Он и его родственники и друзья жили в прилегающих переулках, а в ранней редакции романа адрес подвала Мастера так и назван: «где-то в районе Пречистенки», и лишь в окончательном тексте автор перенес его в район Арбата.

В поисках этого и других адресов романа нам помогли встречи и беседы с тем, кто хорошо знал писателя и до недавнего времени сохранил в памяти все, связанное с его именем. Среди них, в первую очередь, женщины, бывшие в разные годы спутницами жизни Булгакова: Татьяна Николаевна Кисельгоф (урожденная Лаппа) и Любовь Евгеньевна Белозерская. Много интересного рассказали о беседах с Еленой Сергеевной Булгаковой писатель и критик В. Я. Лакшин и заслуженная артистка РСФСР С. С. Пилявская. Много полезного удалось узнать из воспоминаний Виктора Ардова, Е. В. Калужского, Г. Г. Конского, А. А. Раабен, П. А. Маркова, Э. Л. Миндлина, Ф. Н. Михальского, В. А. Каверина, В. П. Катаева, Ивана Пырьева, Евгения Габриловича, П. С. Попова, В. О. Топоркова, М. С. Шапиро, С. А. Ермолинского и других.

Проследуем в «пречистенский» район столицы. Здесь Остоженку и Пречистенку соединяют около десятка небольших переулков. В один из них, Мансуровский, привел нас рассказ Н. А. Ляминой-Ушаковой, а точный адрес сообщила Мария Артемьевна Чемишкиан, бывшая в те годы женой драматурга и сценариста Сергея Александровича Ермолинского, который опубликовал воспоминания о писателе, где есть описание встреч с автором романа и в Мансуровском переулке¹⁹³.

---

¹⁹³ Ермолинский С. Драматические сочинения. М.: Искусство, 1982. С. 565.

Что же мы узнаем? Супруги Ермолинские снимали комнату у братьев Топлениновых, владельцев существующего и ныне дома 9 по Мансуровскому переулку. Здесь Ермолинский мог встречаться с романистом. Но не это главное. Еще до знакомства с Ермолинским Булгаков часто бывал в этом очень гостеприимном для него доме, у одного из своих «пречистенских» друзей – Сергея Сергеевича Топленинова, который вместе со своим старшим братом Владимиром был владельцем этой старинной маленькой московской усадьбы. А некоторые эпизоды биографии Сергея Топленинова и главное – его жилище писатель воспроизвел на страницах романа. Действительно, если мы откроем скрипучую деревянную дверь у левых ворот одноэтажного домика и войдем в узкий проход двора и дальше, мы увидим воочию, до мельчайших деталей описанное в романе (но не сгоревшее) жилище главного героя и московский уют влюбленных.

Прежде чем рассказать подробнее о братьях Топлениновых, вспомним историю этого старинного московского владения.

Первое упоминание о его строительстве по документам Историко-архитектурного архива относится к 29 марта 1834 года, когда мещанка Прасковья Федоровна Емельянова подала прошение о застройке участка купленной ею земли в Мансуровском (бывшем Масальском) переулке. Прошение сохранилось вместе с планом участка и рисунком того дома, который мы видим и сейчас. В конце XIX века домом владел поручик Иван Петрович Полетаев, а затем его приобрел купец первой гильдии Сергей Владимирович Топленинов. А после его смерти незадолго до революции владельцами дома оказались два его сына Владимир и Сергей.

Братья Топлениновы принадлежали к миру театра. Старший, Владимир Сергеевич, долгое время выступал на разных сценах, был актером московских, периферийных и разъездных театров, сочинял пьесы под псевдонимом Владимир Ветиллов, а в конце жизни работал в Театре транспорта (ныне Московский драматический театр имени Н. В. Гоголя). Он был знаком и дружил с наркомом просвещения А. В. Луначарским, и именно Анатолий Васильевич помог сделать так, чтобы братьям Топлениновым вернули реквизированный в 1918 году, как и все частные владения, их скромный домик. Младший из братьев, Сергей Сергеевич, был художником-декоратором, макетчиком-исполнителем Малого театра, МХАТа, других театров и работал одно время с такими выдающимися художниками театра, как В. В. Дмитриев и П. С. Вильямс. Старший брат жил с семьей наверху, а младший поселился в нижнем полуподвальном этаже. Сюда-то и ходил Булгаков, зачастую тут и ночевал в специально отведенной для него отдельной комнатке с печкой, в правой части, со стороны выходящего в переулок фасада дома. (При реставрации дома силами ныне покойного художника В. А. Курского (1917–1985) эта комната была сохранена как булгаковский уголок топлениновского особняка. И именно В. А. Курскому мы обязаны спасением и восстановлением этого здания.)

Из воспоминаний Ермолинского известно, что в трудные для Булгакова времена тот чуть ли не каждый день приходил к ним, их дом был своего рода убежищем, пристанищем от житейских бурь. Часто позировал он С. Топленинову: в архиве Булгакова сохранились два его портрета работы этого художника. А вдова старшего брата Евгения Владимировна Власова, хорошо знавшая писателя, рассказывала, как тот, гостя у Сергея Топленинова, сочинял свой роман при свете свечей и под треск дров в печи – совсем как Мастер. Помнила она и росшие в садике у дома кусты сирени. А вот ветла и липы, упомянутые в романе, и по сей день шумят под ветром «в четырех шагах» от окошек полуподвала... (Кстати сказать, кухарка же, так испуганная в романе Аззелло, имела прототипом реальную женщину из топлениновского дома.)

Как мы уже знаем, Сергей Сергеевич Топленинов принадлежал в конце 20-х – начале 30-х годов, да и позднее, к кружку «пречистенских» друзей Булгакова, а тот, конечно, не мог

не знать о весьма печальном факте биографии хозяина, который в середине 30-х годов по ложному обвинению был арестован, был в ссылке в городе Вельске и вернулся к себе не так скоро. Не отсюда ли взят один из трагических эпизодов в жизни главного героя романа? О частых посещениях Булгаковым полуподвальной квартирки Сергея Топленинова сообщили и знавшие топлениновскую семью супруги Грызловы – Елена Владимировна и Сергей Арка-дьевич.

Но братья Топлениновы и Е. В. Власова сравнительно мало знали о прижизненной судьбе романа. Этот период хорошо помнят уже известные нам супруги Ермолинские. В своей книге Сергей Александрович пишет подробно о визитах к ним на Мансуровский Бул-гакова, как они доставали лыжи и ходили на прогулку по льду Москвы-реки в Нескучный сад. А у Марии Артемьевны запечатлелся в памяти такой эпизод. Когда, много позднее, Михаил Афанасьевич читал им страницы романа, где было описано жилище Мастера, и она спросила его: «Не нашего ли это дома подвал, Миша?» – то писатель ответил ей утверди-тельно. Да, это было действительно так, тем более что не противоречат этим фактам и такие, указанные в романе топографические ориентиры Мансуровского переулка: раньше по Пре-чистенке и Остоженке ходил трамвай.

Так уж случилось в жизни создателя романа, что ему пришлось пережить практически все то, что и узнал в своей «подвальной жизни» Мастер. Недаром эти страницы так яркие и убедительны. Есть и такое небезосновательное мнение, что образы, рожденные пером Бул-гакова, становились не только героями его книг, но и, возможно, частью жизни самого писа-теля, влияя на дальнейший ее ход, определяя его собственную судьбу.

И можно также, забегая немного вперед, предположить, что с топлениновским уютным подвалом у писателя были связаны первые тайные встречи с его будущей женой Е. С. Шилов-ской – Маргаритой. Ведь так и названа обращенная к ней неоконченная рукопись «Тайному Другу». Возможно, что она писалась здесь. Чувства, подобные переживаниям и страхам Мастера, были пережиты и самим Булгаковым. В недобрую минуту конца декабря 1930 года он начинает писать там стихотворение «Похороны», развивающее тему исповеди и траги-ческого конца:

В тот же миг подпольные крысы
Прекратят свой флейтиный свист,
Я уткнусь головой белобрысою
В недописанный лист...

Почему ты явился непрошенный,
Почему ты молчал, не кричал,
Почему твоя лодка брошена
Раньше времени на причал...

«Лодка» эта из семейства тех «любовных лодок», которые «разбились о быт» – ведь самоубийство В. В. Маяковского произошло лишь за несколько месяцев до написания этого стихотворного наброска¹⁹⁴.

Писатель сжег свой роман. Так же поступает его будущий герой – Мастер. Да, Булгаков отчасти воплотил в его образе до знакомства с Маргаритой и свою мечту о независимом от условий быта свободном творческом труде: материально обеспечен (выиграл сто тысяч),

---

¹⁹⁴ Отдел рукописей Российской Государственной библиотеки. Ф. 562. К. 17. Ед. хр. 3. Опубликовано в печати вместе с незаконченными и выброшенными строками (Записки Отдела рукописей ГБЛ СССР. Вып. 37. Книга, 1976. С. 94–95).

бросил опостылевшую работу историка в музее, оставил нелюбимую жену и уединился с книгами, пусть и в подвале, для упорной работы над романом...

Известно, чем закончились его обращения в правительство. Телефонный разговор со Сталиным, где писатель заявил, что «не может жить без Родины». Затем прием его режиссером-ассистентом в любимый «Независимый Театр» – МХАТ, возобновление «Дней Турбиных». А через некоторое время Булгаков решил и личную жизнь: 4 октября 1932 года был заключен брак с Еленой Сергеевной, ушедшей от обеспеченного мужа к нищему Булгакову на Большую Пироговскую улицу, 356) квартира 6...

Так судьба писателя счастливо сложилась по-другому, чем у его героя, и без вмешательства потусторонних сил. И хоть унесены из горящего подвала его обитатели на волшебных черных конях, дух булгаковских героев жив в старом особнячке на Мансуровском. Правда, к счастью без доносчика и подлеца Алоизия Могарыча, пристроившего ванну. (Эта ванна, кстати, действительно была в полуподвале в топлениновские времена, когда внизу была кухня и жила прислуга – места хватало для всех...)

Итак, «Дом Мастера» в Мансуровском переулке. Посещаемое, может, не так активно (все-таки до сих пор частное владение наследников В. А. Курского), как дом на Большой Садовой, место, но все же известное в Москве и тем, что здесь кончается литературная экскурсия по адресам Михаила Булгакова. И как тут не помечтать, не представить себе музей литературного булгаковского героя – Мастера, с воспроизведением в экспозиции всех топографических реалий, а может, и сцен романа. Ведь есть же музеи восковых фигур и не только на Западе. В Киеве, в Музее истории медицины, например...

Дом Мастера в булгаковском романе неразрывно связан с другим топографическим адресом – особняком Маргариты, так же, как связаны между собой эти главные герои книги.

Булгаковская Маргарита – это символ женственности, красоты, верности любимому человеку, самопожертвования во имя всепоглощающей любви. Недаром вторая часть книги начинается с прямого обращения: «За мной, читатель! Кто сказал тебе, что нет на свете настоящей, верной, вечной любви? Да отрежут лгуну его гнусный язык! За мной, читатель, и только за мной, и я покажу тебе такую любовь!»¹⁹⁵

Следуя этому призыву, мы простимся с районом Пречистенки, связанным, как мы убежились, с жилищем главного героя романа, и перейдем в другой район столицы, на те страницы произведения, где рассказывается о героине, возлюбленной и «тайной жене» Мастера, ради него ставшей ведьмой. Речь пойдет о Маргарите. Из истории создания романа известно, что в ранних его редакциях эта героиня отсутствовала. А началась эта линия, как мы уже знаем, с появления в жизни писателя Елены Сергеевны Шиловской, основного прообраза булгаковской Маргариты.

Познакомились Михаил Афанасьевич и Елена Сергеевна на масленицу в конце февраля 1929 года на квартире супругов Моисеенко в доме Большого Гнездиновского переулочка. Встретились, понравились друг другу и сбежали от довольно скучного застолья, бродили по Москве... С этого дня началась их вначале трудная и чуть ли не трагическая, а потом такая счастливая взаимная любовь...

И в этом переулочке у Тверской автор романа знакомит своих героев. Вот как об этом рассказывает сам Мастер: «...она несла отвратительные желтые цветы... повернула с Тверской в переулочек и тут обернулась... И меня поразила не столько ее красота, сколь необыкновенное, никем не виданное одиночество в глазах! Повинуясь этому знаку, я тоже свернул... и пошел по ее следам. Мы шли по кривому, скучному переулочку... Любовь выскочила перед

---

¹⁹⁵ Булгаков М. Избранные произведения в 2 т. Т. 2. Киев: Днипро, 1989. С. 542.

нами, как из-под земли выскакивает убийца... и поразила нас обоих! Так поражает молния, так поражает финский нож!..И скоро, скоро эта женщина стала моею тайною женой...»¹⁹⁶

Так и Елена Сергеевна, оставив своего мужа, Евгения Александровича Шиловского, видного военного деятеля^[13], стала женой не очень благополучного писателя Михаила Булгакова и прототипом главной героини. Здесь роман, жизнь – все так переплелось, вросло друг в друга, когда как бы одни кровеносные сосуды соединили жизнь и мечту, и уже не в романе, а в жизни Михаил Афанасьевич говорил Елене Сергеевне: «Против меня был целый мир, – и я один. Теперь мы вдвоем, и мне ничего не страшно»¹⁹⁷.

Все исследователи творчества писателя сходятся на том, что у булгаковской Маргариты могло быть несколько прототипов, возможно, так же таинственно зашифрованных, как и ее адрес, – где-то в приарбатских переулках.

Хотя сам автор любезно приглашает нас показать этот особняк. Вспомним: «...Маргарита Николаевна со своим мужем занимала весь верх прекрасного особняка в одном из переулков близ Арбата. Очаровательное место! Всякий может в этом убедиться, если пожелает направиться в этот сад... Пусть обратится ко мне, я скажу ему адрес, укажу дорогу – особняк цел еще до сих пор...»¹⁹⁸

Этот особняк с пятикомнатной верхней квартирой назван «готическим», а спальня Маргариты выходила «трехстворчатым окном-фонарем в башню особняка». В пышном саду за решеткой росли акации, липы и клены, и мимо скамеек вела из дома к воротам и калитке дорожка, выложенная кирпичами. Какие еще приметы и ориентиры? По маршруту полета Маргариты (забегая вперед) можно установить, что этот переулок, где был особняк, расположен третьим от Арбата... Более того, по театру на Арбате (несомненно, Театру имени Евг. Вахтангова, где, кстати сказать, в 1926–1929 годах шла пьеса Булгакова «Зойкина квартира») можно определить, что переулок этот находится с левой стороны (противоположной театру) этой улицы и был третьим по счету.

«Готический особняк» Маргариты? Самый таинственный адрес романа...

И почему же именно готика, практически отсутствующая на Арбате, привлекла внимание романиста при описании жилища главной героини? Почему именно Арбат, арбатские переулки, а не где-либо?

Видимо, не случайно. И здесь следует искать исторические и биографические корни. Вспомним, что Маргарита вела свое происхождение от французских королей и поэтому удовлетворяла трем условиям той традиции, которая установлена сатаной Воландом при устройстве ежегодного «весеннего бала полнолуния или бала ста королей». Хозяйка этого бала должна непременно носить имя Маргарита, быть местной уроженкой и быть королевской крови. Об этом не раз сказано в романе: летящая на борове Николае Ивановиче домра-ботница Наташа называет свою хозяйку «королева моя французская», толстяк-бакенбардист величает ее как «светлую королеву Марго», и, наконец, черт Коровьев, распорядитель бала, так говорит о ней: «Намекну: одна из французских королей, жившая в шестнадцатом веке, надо полагать, очень изумилась бы, если бы кто-нибудь сказал ей, что ее прелестную пра-праправнучку я по прошествии многих лет буду вести под руку в Москве по бальным залам»¹⁹⁹.

Да и сам Мастер называет свою возлюбленную не иначе, как Марго. Все это приводит к мысли, что здесь несомненны и литературно-исторические традиции, использованные автором романа. Тезки-предшественницы, а может, и дальние родственницы (прапрапра-

---

¹⁹⁶ Булгаков М. Избранные произведения в 2 т. Т. 2. Киев: Днипро, 1989. С. 466–468.

¹⁹⁷ Лакин В. Закон палаты. М.: Советский писатель, 1988. С. 244.

¹⁹⁸ Булгаков М. Избранные произведения в 2 т. Т.2. Киев: Днипро, 1989. С. 543.

¹⁹⁹ Булгаков М. Избранные произведения в 2 т. Т.2. Киев: Днипро, 1989. С. 579–579.

бабушки!) нашей московской героини – Маргарита Наваррская и Маргарита Валуа (прямые литературные ассоциации с известными французскими историческими романами здесь без-условны). К ним примыкает и третья, уже чисто литературная Маргарита из любимого Булгаковым «Фауста». Эти имена переносят нас во французское и немецкое Средневековье и, следовательно, в готику.

Гетевская Маргарита заставляет нас вспомнить о Елене Сергеевне, прообразе, как мы уже знаем, Маргариты булгаковской. Девичья ее фамилия была Нюренберг, предки ее были выходцами из Северной Германии и долго жили на территории современной Латвии. Сама же Елена Сергеевна родилась в Риге, чья готика и по сей день внушает восхищение каждому, кто приезжает в этот древний город.

Отметим кстати, что само имя героини романа – Маргарита – имеет определенное завуалированное значение, особый символ и смысл. Оно также перекликается с философским учением уже известного нам по прообразу Мастера Григория Саввича Сквороды. Слово «Маргарит» встречаем в его сочинениях. В русском же языке оно означало в XVIII веке жем-чуг, жемчужину (по В. И. Далю), и Г. Сквородой метафорически употреблялось в контексте рассуждений о женственной сущности мира, что мог использовать Булгаков в развитии образа героини²⁰⁰.

Так где же этот загадочный особняк? Увы, точно такого места и такого дома в приарбатских переулках сейчас нет. И хотя однажды журналист Лев Колодный зашел в поисках этого особняка в Староконюшенный переулок, где сооружение под номером 14 показалось ему наиболее подходящим («Московская правда», 1976, 30 июля), при внимательном рассмотрении примет дома оказывается, что это предположение несостоятельно. «Соблазнительные» двухэтажные особняки, близкие к «готическому» стилю, есть и на улице Луначарского (бывш. Глазовский переулок), 8, и на улице Веснина (бывш. Денежный переулок), 16, и на других улицах, в других переулках по обеим сторонам Арбата, но именно такой точно дом решительно отсутствует.

В зону поисков было привлечено и ближнее Подмосковье. В частности, готический замок баронессы Мейендорф в Барвихе, где отдыхал не раз и сам Булгаков. Архитектурно он достаточно убедителен, и вполне можно предположить, что эта копия древнего замка Инскуль, руины которого сохранились на берегу Даугавы в 25 километрах от Риги (см. «Огонек», 1986, № 19. С. 30–31), могла натолкнуть писателя на описание жилища героини. Про еще один замок мы уже рассказывали в предыдущей главе: санаторий «Стрешнево» на Волоколамском шоссе. Есть и другие, не менее убедительные примеры...

Так что же, может, этот особняк – плод фантазии писателя, литературная мистификация? Нет. Здесь еще и еще раз на помощь приходит биография писателя, тот период его жизни, когда он особенно тесно сблизился с актерами Художественного театра. Среди тогдашних друзей Булгакова, уже автора знаменитых «Дней Турбиных», была артистическая семья Калужских. Ее основатель – Василий Васильевич, носивший сценическое имя Лужский, был одним из зачинателей театра, сподвижник К. С. Станиславского и В. И. Немировича-Данченко. Сын его – Евгений Васильевич Калужский – был актером и заврепертуаром МХАТа, он играл офицера Студзинского в булгаковской пьесе. Еще с начала века гостеприимный дом Калужских славился широким хлебосольством и был своего рода артистическим клубом для всех актеров театра и их друзей.

Евгения Калужского и Михаила Булгакова, помимо всего прочего, стали связывать и родственные узы. После женитьбы Булгакова на Елене Сергеевне актер и писатель стали свояками, то есть мужьями родных сестер: сестра Елены Сергеевны Ольга, по первому

---

²⁰⁰ Галинская И. Указ. соч. С. 85–94.

мужу Бокшанская, была женой Евгения Васильевича. Работала она секретарем В. И. Неми-ровича-Данченко во МХАТе.

Издавна Калужские жили в Малом Власьевском переулке (бывшая улица Танеевых). Что же это был за дом? Был, потому что сейчас между многоэтажной желто-кирпичной новостройкой (дом 7) и зданием ателье (дом 9), постройкой 50-х годов, расположен пустырь с детской площадкой, и только по следам на стенах стоящих в глубине домов можно догадываться, что здесь было довольно крупное сооружение, а остатки деревьев (липы, ясени, акации, каштаны) напоминают о бывшем зеленом дворе.

На этом месте стоял дом Калужских. Но готическим особняком, описанным в романе он, увы, не был. Снесенный в 1964 году, по фотографиям, сохранившимся у сына Е. В. Калужского Александра Евгеньевича, тоже театрального работника, и его воспоминаниям, он представлял собой одноэтажный, перестроенный из старых конюшен продолговатый дом, к которому был добавлен на половину его длины второй этаж и сделаны пристройки типа сараев и гаражей (подобную бывшую конюшню можно было увидеть во дворе дома-музея А. И. Герцена на Сивцевом Вражке, 27: ее задняя стена граничила с усадьбой Калужских. В прошлом веке они составляли единое целое с перестроенным в 1900-х годах В. В. Лужским боковым крылом, который получил его в счет наследства от своей матери Александры Иосифовны. В ее владении была вся территория угловой части земли по Сивцеву Вражку и Малому Власьевскому переулку).

Строил В. В. Лужский свой дом в то же время, когда возводилось известное здание Художественного театра в Камергерском переулке по проекту Ф. Шехтеля, перенесшего свое мастерство и на дом Лужского. Чертежи и старые фотографии позволяют зрительно восстановить этот дом с элементами архитектурного псевдоготического стиля, описанными у Булгакова, который в романе явно дофантазировал черты этого в общем-то скромного серого особняка, используя, возможно, «настоящую» готику с Остоженки, с Ермолаевского и Большого Ржевского переулков, с 3-й Мещанской улицы, где жила Маргарита Петровна Смирнова²⁰¹, или других знакомых ему мест. В этом убеждают и материалы проекта строительства этого дома, сохранившиеся в фондах Историко-архитектурного архива. В самом доме Калужских были похожие на описанные в романе «готические» архитектурные детали: трехстворчатое окно, фонарь-терраса на первом этаже, витая лестница.

У дома Лужского в Малом Власьевском переулке был обширный и прекрасный сад, о котором, а также о самом доме и его обитателях подробно рассказал народный артист Олег Николаевич Ефремов в статье «Был дом в яблоневом саду...» (Пионерская правда. – 1981, 2 июня). Калужские в этом доме занимали нижний этаж (их было двое: Перетта Александровна, вдова В. В. Лужского и ее сын Женя Калужский), у них была большая остроухая овчарка Геро (не отсюда ли описание собаки Понтия Пилата – «остроухого пса» Банги?) В верхнем, надстроенном этаже жила семья коллеги Е. В. Калужского по театру артиста Кон-стантина Михайловича Бабанина. Поэтому часто в этом доме артисты импровизировали, разыгрывали сцены спектаклей. Бывал на них и Булгаков с женой.

Поэтому можно с достаточной точностью предположить, что именно это место было «облюбовано» писателем для особняка Маргариты. Такое предположение подтверждает и свидетельство самой Маргариты – Елены Сергеевны. Так, незадолго до своей кончины она рассказывала о «географических прообразах» своих адресов в романе и называла именно это место.

Что ж, в пользу такого мнения говорит и фантастический полет ставшей ведьмой главной героини... Вот он. Маргарита «... между ветвями клена, хлестнувшими ее по лицу, перелетев ворота, вылетела в переулок... Пролетев по своему переулку, Маргарита попала в дру-

²⁰¹ Чудакова М. Жизнеописание Михаила Булгакова. М.: Книга, 1988. С. 452–458.

гой, пересекавший первый под прямым углом. Этот заплатанный, заштопанный, кривой и длинный переулок с покосившейся дверью нефтелавки, где кружками продают керосин и жидкость от паразитов во флаконах, она перерезала в одно мгновение... полетела помедленнее... Третий переулок вел прямо к Арбату...»²⁰².

Каким же маршрутом она летела? «Перелетев ворота», Маргарита «своим» (будем считать Малым Власьевским) переулком попадает «в другой... кривой и длинный переулок», где была нефтелавка. Зная направление ее полета к Арбату, к Театру имени Евг. Вахтангова, логично предположить, что этот переулок – Сивцев Вражек. Так оно и есть, адрес несуществующей теперь нефтелавки сохранили старые московские справочники и память старо-жилов тех мест: Сивцев Вражек, дом 22 (сейчас на этом месте новое здание). А дальше? Перерезав «в одно мгновение» на стремительной щетке этот «другой» переулок (то есть Сивцев Вражек), «невидимая и свободная» ведьма-летунья попадает в «третий переулок», ведущий «прямо к Арбату». Название его – Калошин – определяется совершенно однозначно: он самый ближайший к выходу улицы Танеевых в Сивцев Вражек, он выводит «прямо к Арбату» и к зданию Театра имени Евг. Вахтангова.

Но прочтем в романе, что же было дальше. «...Третий переулок вел прямо к Арбату... Она пересекла Арбат, поднялась повыше, к четвертым этажам, и мимо ослепительно сияющих трубок на угловом здании театра проплыла в узкий переулок с высокими домами...» Этот переулок легко узнаваем: улица Вахтангова (бывший Большой Николопесковский переулок). «...В конце его ее внимание привлекла роскошная громада восьмизэтажного, видимо, только построенного дома...», у которого «фасад... выложен черным мрамором...», а «... над дверьми золотом выведена надпись „Дом Драмлита“»²⁰³.

Но до столь роковой для этого сооружения встречи Маргарита побывала в кухне одного из зданий (скорей всего под номером 4) этого переулочка, где немало поразила скандалящих хозяек. Наверняка писатель бывал в этом или похожем доме и сам мог убедиться, что такое старая коммунальная кухня.

Поискем другой, более современный дом. Где она может быть, эта «роскошная восьмизэтажная громада»? На этой тихой улочке, раньше выходившей на Собачью площадку, а сейчас упирающейся в лестницу на оживленную магистраль Нового Арбата, нет и не было «только что построенных домов». «В конце его...», то есть в угловых с Собачьей площадкой домах до их сноса при строительстве нового проспекта, мы не найдем сходства с булгаковским «Домом Драмлита». В чем же дело?

В этот переулок Булгаков как бы «перенес по воздуху» из Замоскворечья реальный «писательский» дом в Лаврушинском переулке, 17. Здесь все совпадает: и черный камень фасада и цоколя, и 84-я (а точно под ней 82-я и 80-я, как и в вымышленном «Доме Драмлита»!) квартира в восьмизэтажном его крыле, что ближе к входу в Третьяковскую галерею. Дом в Лаврушинском был построен в 1935 году, когда Булгаков успел поселиться в одном из первых кооперативов на улице Фурманова, 3–5, квартира 44. Он вынужден был довольствоваться скромной писательской надстройкой (в бывшем Нащокинском переулке) в строительном кооперативном товариществе «Советский писатель». А в романе превратил этот реальный замоскворецкий дом в дом-символ с ярко описанной сценой разгрома ведьмой Маргаритой квартиры критика О. Латунского не случайно. К тому были и личные причины: автору романа, ввиду его «особого» положения в советской литературе, не удалось попасть в кооператив писателей-«генералов», как и не удалось получить писательскую дачу в Переделкине (или в Перельгине на Клязьме, как в романе, где легко узнается писательский дачный поселок Болшево, расположенный, как известно, именно на этой реке).

---

²⁰² Булгаков М. Избранные произведения в 2 т. Т. 2. Киев: Днипро, 1989. С. 560–561.

²⁰³ Булгаков М. Избранные произведения в 2 т. Т. 2. Киев: Днипро, 1989. С. 561–562.

Но зато булгаковская Маргарита продолжает летать и по-своему мстить за поруганную честь героя.

...Все-таки как же быть с «готическим» особняком за решеткой в саду? Неужели его нет в Москве и его следует искать в другом месте? И опять, в который уже раз, нам на помощь приходят биографические сведения. В данном случае – факты из жизни Елены Сергеевны.

До ухода к Булгакову в 1932 году она жила в квартире Е. А. Шиловского в Большом Ржевском переулке, а по соседству с этим домом, за Поварской, на перекрестке бывшего Малого Ржевского и Хлебного переулков, стоят привлекающие внимание своей архитектурой, «под модерн», вычурностью два угловых здания. Одно из них (его прежний адрес – улица Палиашвили, дом 6), с трехстворчатыми готическими окнами, башенкой, внутренней винтовой лестницей, и явился, по всей видимости, прообразом особняка Маргариты: прово-жая свою будущую жену после прогулок по Москве в Большой Ржевский переулок, Булгаков наверняка часто проходил мимо этого особняка.

Дом номер 6 по Малому Ржевскому переулку относится по стилю к поздней русской псевдоготике. Построил его архитектор С. У. Соловьев в 1900-х годах нашего века. Сохранившийся до нашего времени готический особняк несет некоторые признаки, описанные в романе. А за то, что автор видел его не только снаружи, говорит и тот факт, что в нем с 1922 года было представительство Закавказской Федерации (потом и до сих пор – Грузии), а Булгаков, печатавшийся в бакинских и тбилисских газетах, передавал здесь свои рассказы журналистам из Закавказья. И в романе он как бы перенес его также «по воздуху» в «пышный сад за решеткой» дома Калужских в Малом Власьевском переулке. А улица Танеевых находится, как мы знаем, вблизи Арбата. И Маргарита, сев на арбатский троллейбус 2-го маршрута, благополучно приехала к Александровскому саду. И сейчас можно это сделать, хотя уже с Нового Арбата. Невольно возникает вопрос: если прототипов главного героя – Мастера несколько, то нет ли соответствующих двойных-тройных прообразов у героини романа – Маргариты? Оказывается, у одного из прототипов Мастера – Сергея Топленинова была «своя Маргарита» с не менее романтической историей, связанной с «готическим особняком». Звали ее Мария Кекушева, дочь известного архитектора, Льва Кекушева, чей вычурный двухэтажный дом-особняк псевдоготического стиля до сих пор красуется совсем близко от «Дома Мастера» (как и в романе!) – на Остоженке, 21.

В начале их отношения складывались трудно – ее домашние были против этой связи, и прибежищем влюбленных было скромное топлениновское жилье. Мария убежала из своего благополучного «готического» особняка в подвал к Сергею. Прошло несколько лет, ситуация изменилась, они поженились, и Сергей Топленинов перебрался к своей возлюбленной в особняк, где жил до самой смерти...

Вернемся к Маргарите булгаковского романа и вспомним, что же случилось с ней после приключения в «Доме Драмлита». Выполнив напутствие Азazelло («...полетайте над горо-дом... затем на юг... прямо на реку...»), ведьма-летунья устремилась дальше.

«...Прицелившись, чтоб не задеть за какой-нибудь провод, она покрепче сжала щетку и во мгновение оказалась выше злополучного дома. Переулок под ней покосился набок и провалился вниз. Вместо него одного под ногами у Маргариты возникло скопище крыш, под углами перерезанное сверкающими дорожками... Маргарита сделала еще один рывок, и тогда все скопище крыш провалилось сквозь землю, а вместо него появилось внизу озеро дрожащих электрических огней... Маргарита... обернувшись, увидела, что и озера уже нет, а что там, сзади за нею, осталось только розовое зарево на горизонте. И оно исчезло через секунду»²⁰⁴.

---

²⁰⁴ Булгаков М. Избранные произведения в 2 т. Т. 2. Киев: Днипро, 1989. С. 567.

По южному направлению полета и месту возвращения на «буланой открытой машине» с «длинноносим грачом» вместо шофера, который посадил машину в районе Дорогомилова, то есть вблизи Киевского вокзала, можно предположить, что принимали ведьму-королеву лесные черти и русалки где-то под Киевом, на Днепре или Десне, ближе к родине писателя. Затем путь нашей героини лежал в резиденцию Воланда – в известную нам «нехорошую квартиру дома 302-бис» на весенний бал полнолуния... Для главных героев романа – Мастера и Маргариты – бал Сатаны и квартира Воланда оказались местом встречи после долгой разлуки. Читатель уже знает, что случилось потом: возвращение любовников с вос-крешей рукописью в «арбатский подвал», решение судьбы героев с посланцем от Иешуа Левием Матвеем «на каменной террасе одного из самых красивых зданий в Москве», в котором узнается знаменитый Дом Пашкова, бывший Румянцевский музей.

Построенный великим зодчим Баженовым на вершине Ваганьковского холма, он воз-нес к небу свои старинные колонны, ротонду, купол со шпилем, как форпост расположенной за ним старой дворянской Москвы. Есть предание: прусский король, побывавший в России в 1818 году, поднялся на его вышку, встал на колени и земно поклонился Москве за спасение Пруссии от Наполеона. А один из немецких путешественников назвал этот дом «волшебным замком».

Полет фантазии романиста поместил на площадке у балюстрады вокруг ротонды одну из финальных сцен. И это оказалось символичным: во флигеле Пашкова дома расположен Отдел рукописей Российской государственной библиотеки, где хранится подавляющее большинство рукописей Булгакова, его письма и все редакции «Мастера и Маргариты».

Один из читателей романа, В. А. Молодцов, едва ли не первый начавший практическое изучение био-библиографических фактов творчества писателя, задался целью установить по возможности точно, в каком месте наверху Пашкова дома находились герои книги. Исходя из разбросанных в этой сцене астрономических и топографических примет, местоположение определено им в северо-западной части ротонды: с запада – заходящее солнце и гроза, а при взгляде с этой точки на Москву видны пожары, устроенные Коровьевым и Бегемотом на Большой Садовой, в «Торгсине», в «Грибоедове».

Сцена в магазине «Торгсин» на Смоленском рынке (в нем узнается действительно существовавшее там такое торговое заведение: Арбат, 54/2, нынешний гастроном «Смоленский») выписана автором с особенным удовольствием, даже с некоторым смаком. А тип людей, подобных «сиреневому иностранцу», мигом «выучившемуся» русскому после купания в селедочной бочке, дожил наверняка и до наших дней.

Почему же именно арбатский «Торгсин», а не аналогичные магазины в Столешниковом переулке или на Кузнецком мосту? Рисуем предположить, что не случайно. Булгаков бывал в этом «Торгсине», как и у знакомых поблизости. В доме $\frac{2}{3}$ Шубинского переуллка, что сразу за Смоленской улицей, ведущей к Бородинскому мосту, жил В. В. Вересаев, с которым неоднократно встречался писатель. В полуподвальной квартирке 15 этого дома обитали знакомые романиста супруги Дроздовские: Валентина Федоровна и Николай Ильич. Старые москвичи, они много рассказывали Булгакову об истории города, а одна из их дочерей, Кира, помогала писателю и в машинописных делах.

Булгаков подружился с Кирой Николаевной, бывал с ней в театре, заходили они по соседству и в «Торгсин». В шутку писателя даже звали «хвостиком» и «дневным мужем» Киры, но было бы неверным проводить здесь аналогии с романтической историей Маргариты Петровны Смирновой. Наблюдения за жителями Шубинского переуллка – посетителями «Торгсина» были, возможно, использованы в книге, как и один из пожаров, случившийся в этом доме...

Но вернемся к Дому Пашкова, точнее, к библиотеке Румянцевского музея. Булгаков был ее прилежным читателем, и поэтому, видимо, в ранних редакциях романа в этом здании приключения Воланда и свиты были написаны более развернуто.

Московское путешествие булгаковских героев закончилось на Воробьевых горах, где они перед последним полетом к вечному приюту и покою прощаются с Москвой. Перед их глазами «пряничные башни Девичьего монастыря». И так случилось в судьбе сочинившего эти строки романа, что ему пришлось найти свой последний приют и покой вблизи этих древних монастырских стен XVII века.

Булгаков скончался 10 марта 1940 года, несмотря на все усилия известных врачей про-длить ему жизнь²⁰⁵.

В многочисленных соболезнованиях, пришедших вдове писателя, Е. С. Булгаковой, был слышен и голос из Ленинграда из Фонтанного дома, голос А. А. Ахматовой:

Вот это я тебе взамен могильных роз,
Взамен кадильного куренья,
Ты так сурово жил и до конца донес
Великолепное презренье.

Ты пил вино, ты, как никто, шутил,
И в душных стенах задыхался,
И гостью страшную ты сам к себе впустил,
И с ней наедине остался.

И нет тебя, и все вокруг молчит
О скорбной и высокой жизни,
Лишь голос мой, как флейта, прозвучит
И на твоей безмолвной тризне.

О кто подумать мог, что полоумной
мне, Мне – плакальщице дней не
бывших, Мне – тлеющей на медленном
огне, Всех пережившей, все забывшей,

Придется поминать того, кто полный сил
И светлых замыслов и воли,
Как будто бы вчера со мною говорил,
Скрывая дрожь в смертельной боли²⁰⁶.

Прах Булгакова был захоронен в вишневом саду старого участка кладбища вблизи могил своих учителей и соратников: Н. В. Гоголя, А. П. Чехова, К. С. Станиславского...

Сейчас на могиле установлен большой черный камень. На нем – золотыми буквами имена усопших. Но он был поставлен не сразу. Как это произошло, узнаем из письма Е. С. Булгаковой брату писателя: «Мишина могила часто вызывает такое восхищение, что ко мне звонят незнакомые и говорят об этом. Я долго не оформляла могилы, просто сажала цветы на всем пространстве, а кругом могилы посажены мной четыре грушевых дерева кото-

---

²⁰⁵ Виленский Ю. «Скрывая дрожь смертельной боли...» // Медицинская газета, 1988, 23 сентября. С. 4; Скорбилина Т. Они выхаживали М. А. Булгакова // Медицинская газета. 1989, 1 марта. С. 4; Булгаков М. Письма. Жизнеописание в документах. М.: Современник, 1989. С. 553–556.

²⁰⁶ Воспоминания о Михаиле Булгакове. М.: Советский писатель, 1988. С. 1.

рые выросли за это время в чудесные высокие деревья, образующие зеленый свод над могилой. Я никак не могла найти того, чтобы я хотела видеть на могиле Миши – достойного его.

И вот однажды, когда я, по обыкновению, зашла в мастерскую при Новодевичьем кладбище, я увидела глубоко запрятавшуюся в яму какую-то гранитную глыбу. Директор мастерской на мой вопрос объяснил, что это – Голгофа с могилы Гоголя, снятая, когда ему поставили новый памятник. По моей просьбе, при помощи экскаватора подняли эту глыбу, подвезли к могиле Миши и водрузили. С большим трудом, так как этот гранит труден для обработки, как железо, рабочие вырубили площадочку для надписи: Писатель Михаил Афанасьевич Булгаков. 1891–1940 (4 строчки золотыми буквами.) Вы сами понимаете, как это подходит к Мишиной могиле – Голгофа с могилы его любимого писателя Гоголя. Теперь каждую весну я сажаю только газон. Получается изумительный густой ковер, на нем Голгофа, над ней купол из густых зеленых ветвей. Это поразительно красиво и необычно, как был необычен и весь Миша – человек и художник... Эту глыбу – морской гранит привез Аксаков специально для могилы Гоголя...»²⁰⁷

«Голгофа», о которой пишет Е. С. Булгакова, – это основание креста перед надгробием Н. В. Гоголя, бывшее на его могиле в некрополе Свято-Данилова монастыря. Оно имело вид Лысой горы – Голгофы, на которой, по преданию, распяли Иисуса Христа. При переносе праха Гоголя на Новодевичье кладбище в 1930-х годах был сооружен новый памятник, а прежнее надгробие оказалось нужным уже для могилы Булгакова.

В. Я. Лакшин так писал об этом символическом камне: «Известно, что Булгаков благоговел перед Гоголем. Судьба связала его с ним и по смерти. Думая о Гоголе, Булгаков как-то воскликнул, обращаясь к нему, как к учителю, в одном из своих писем: „... Укрой меня своей чугунной шинелью...“»²⁰⁸

Теперь на надгробии два имени. С августа 1970 года под этим могильным камнем лежит и прах Елены Сергеевны Булгаковой, выполнившей последнюю волю мужа: сохранить и передать людям посвященный ей роман. И на камне выгравирована единая надпись:

ПИСАТЕЛЬ

МИХАИЛ АФАНАСЬЕВИЧ

БУЛГАКОВ

1891–1940

---

²⁰⁷ Булгаков М. Письма. Жизнеописание в документах. М.: Современник, 1989. С. 556.

²⁰⁸ Лакшин В. Открытая дверь. М.: Московский рабочий, 1989. С. 437.

ЕЛЕНА СЕРГЕЕВНА

БУЛГАКОВА

1893–1970

С уходом Елены Сергеевны дело возвращения Михаила Булгакова к читателю и зрителю после долгих лет замалчивания и торможения продолжалось и продолжается все более успешно. Он по праву считается теперь одним из самых издаваемых авторов, но его книги даже при современных фантастических тиражах (только за 1985–1988 годы в нашей стране выпущено 55 изданий общим тиражом 15 млн. 836 тыс. экземпляров²⁰⁹) по-прежнему не лежат на библиотечных и магазинных полках, а спектакли, инсценировки и кинотелеверсии неизменно привлекают зрителя.

В Киеве, на родине писателя, создан Булгаковский музей, его именем названа улица и установлена мемориальная доска на известном доме. Есть такие доски и памятные знаки в Москве, во Владикавказе и в Лебедяни. Дело за остальными городами, связанными с жизнью и творчеством Булгакова. Исполкомом Моссовета принято решение об образовании Булгаковского центра. И реализация этого постановления – лучший подарок Москвы и москвичей писателю Михаилу Афанасьевичу Булгакову.

---

²⁰⁹ Книжное обозрение, 1989, 15 сентября. С. 4.

Дополнения и примечания

Основная часть нашего путешествия по Булгаковской Москве завершена, но наверняка найдется такой поклонник творчества писателя, который захочет познакомиться с «пройден-ными» адресами подробнее – получить дополнительную информацию по истории создания того или иного сооружения.

Именно ему предназначены отдельно составленный список московских адресов жизни и творчества Булгакова, а также примечания к сносам в тексте.

Часть из них уже известны читателю, часть будут названы здесь впервые.

Булгаковские адреса Москвы

1. *Киевский* (бывш. Брянский) *железнодорожный вокзал*. Сюда неоднократно приезжал Булгаков из Киева. Описан в «Записках на манжетах» (часть вторая), в очерках «Сорок сороков», «Путевые заметки», «Бенефис лорда Керзона», упоминается в «Мастере и Маргарите». Построен в стиле неоклассицизма в 1913–1917 годах архитектором И. Рербергом и инженером В. Шуховым. Окрестности вокзала также обозначены в произведениях писателя: Дорогомиловский, или Бородинский, мост («Сорок сороков»), Дорогомиловское кладбище («Мастер и Маргарита»).

Менее отражены другие московские железнодорожные вокзалы, которыми пользовался Булгаков: Курский (при поездках на юг – упомянут в очерках «Путешествие по Крыму»), Белорусский (бывш. Александровский) поездки в Звенигород и откуда путь писателя лежал на Смоленщину, Павелецкий (поездки в Саратов), Ленинградский (многочисленные творческие командировки).

2. *Чистый* (бывш. Обухов) *переулок, дом 1* (по Пречистенке, дом 24), *квартира 12*. Здесь Булгаков останавливался и гостил у своего дяди, брата матери, Н. М. Покровского, еще до своего постоянного приезда в Москву. Дом и квартира описаны в повести «Собачье сердце» с прототипами их реальных обитателей. Есть намек на Н. М. Покровского в очерке «Москва 20-х годов». Здание построено в 1904 году архитектором-домовладельцем С. М. Калугиным для сдачи под квартиры.

3. *Воротниковский переулок, дом 1, квартира 2*. Останавливался и бывал в гостях у родственников сестры, Н. А. Земской, – Б. М. и М. Д. Земских. Тогда там был детский сад печатников «Золотая рыбка», которым заведовала М. Д. Земская. Дом-особняк построен в 1870-х годах по проекту архитектора М. И. Никифорова.

4. *Малая Пироговская улица, дом 18*. Бывал в 1920-х годах в находившемся там Тихомировском студенческом общежитии Первого медицинского института у друга по Киеву, врача Н. Л. Гладыревского.

5. *Большая Садовая улица, дом 10, квартиры 50 и 34*. Жил в 1921–1924 годах (сначала – в квартире 50-й, с сентября 1921 года по август 1924 года, во второй комнате справа с окном во двор, потом, в августе – ноябре 1924 года, в квартире 34-й, в комнате также с окном во двор). Дом и квартиры многократно отражались в творчестве: фельетоны и рассказы «№ 13. – Дом Эльпит-Рабкоммуна», «Воспоминание...», «Псалом», «Самогонное озеро», «Три вида свинства», «Бурнаковский племянник», «День нашей жизни» и др., пьеса «Зойкина квартира», «Театральный роман». В «Мастере и Маргарите» – это «дом 302-бис» с «нехорошей квартирой № 50». Здание построено в стиле московского модерна в 1903 году архитекторами 9. Юдицким и А. Милковым табачному фабриканту И. Д. Пигиту для сдачи в поднаем художникам. В начале 1920-х годов здесь была одна из первых в Москве рабочих коммун.

6. *Сретенский бульвар, дом 6, квартира 65* (вход с Юшкова, бывшего Боброва переулка). Осенью 1921 года М. А. Булгаков работал в Литературном отделе (Лито) Главполит-просвета. Адрес описан в «московской части» повести «Записки на манжетах», в «Дьяво-лиаде». Дом для страхового общества «Россия» построен в 1899–1902 годах архитектором Н. М. Проскуриным в стиле позднего итальянского ренессанса.

7. *Третьяковский проезд, дом 11, помещение 9*. Работал в конце 1921 года в находившейся там редакции журнала «Торгово-промышленный вестник».

8. *Ленинградский проспект* (бывш. Петроградское шоссе), *дом 40*. Работал весной 1922 года в Научно-техническом комитете Военно-воздушной инженерной академии имени Н. Е. Жуковского. Комплекс зданий бывшего Путевого дворца для отдыха императорской семьи перед въездом в Москву, 1775–1782 годы, архитектор М. Ф. Казаков.

9. *Малая Бронная улица, дом 32, квартира 24*. В 1921–1922 годах бывал в гостях у своих знакомых – супругов В. Ф. и И. П. Крешковых. Квартира, ее обитатели изображены в рассказах «Спиритический сеанс» и «Трактат о жилище». Расположение дома на Малой Бронной улице рядом с Патриаршими прудами повлияло на топографию начала романа «Мастер и Маргарита». Бывал Булгаков здесь и позже с Е. С. Булгаковой. Здание в стиле позднего русского модерна построено в 1912 году архитектором И. Кондратенко.

10. *Большой Путинковский переулок* (бывший проезд *И. И. Скворцова-Степанова*), *дом 3*. – Сотрудничал в 1922 году в находящейся там газете «Рабочий» («Рабочая газета»). Дом построен в 1909 году архитектором Ф. О. Шехтелем для типографии газеты «Утро Рос-сии».

11. *Улица Солянка, дом 12* (вход с Москворецкой набережной); *Большой Чернышевский переулок* ((бывшая *улица Станкевича*), *дом 7*. Редакция газеты «Гудок»: место работы в 1922–1926 годах. Дом на Солянке, выходящий главным фасадом на Москву-реку, – в 1920-х годах «Дворец труда», описанный в повести «Дьяволиада», – занимает сейчас Военная академия имени Ф. 9. Дзержинского. Это здание на бывшем Васильевском лугу построено в 1764–1770 годах архитектором К. И. Бланком при участии М. Ф. Казакова. До 1917 года в нем находился Воспитательный дом – приют для новорожденных и сирот и «Классы изящных искусств» – будущее хореографическое училище Большого театра. (Булгаков также сотрудничал в находившихся там журналах «Рупор», «Красный журнал для всех» и др.)

В зданиях на Большом Чернышевском переулке с 2000 года уже не расположены редакция и типография газеты «Гудок». Но там с 1886 по 1918 год находилась газета «Русские ведомости». При типографии было общежитие (дом 7а), где в начале 1920-х годов жили известные «гудковцы» И. Ильф и Ю. Олеша. Их жилище «попало» в очерк Булгакова «Москва 20-х годов».

12. *Малый Козихинский переулок, дом 12, квартира 12*. Бывал у своих друзей, супругов З. В. и В. Е. Коморских в начале 1920-х годов, где устраивались литературные вечера с участием Б. Пильняка, И. Соколова-Микитова, А. Соболя, Ю. Слезкина, А. Эфроса, В. Лидина. Был вечер, посвященный возвращению из Берлина А. Н. Толстого, что нашло отражение в «Театральном романе». Квартира и ее владельцы попали в рассказ «Четыре портрета» («На передовых позициях») и очерк-фельетон «Москва 20-х годов». Дом сооружен в 1914 году по проекту архитектора В. Д. Глазова.

13. *Скатертный переулок, дом 25, квартира 2*. Бывал у знакомого адвоката Д. А. Кисельгофа. Нашло отражение в фельетоне «Четыре портрета» («На передовых позициях»). Д. А. Кисельгоф впоследствии стал мужем Т. Лаппа.

14. *Трехпрудный переулок, дом 3/16, квартира 7*. Бывал у жившего здесь, неподалеку от Коморских, писателя Ю. Л. Слезкина, прототипа Ликоспастова в «Театральном романе».

15. *Большой Гнездииковский переулок, дом 10*. Сотрудничал в 1922–1924 годах в находившейся здесь Московской редакции берлинской газеты «Накануне», позже посещал

художников Моисеенко. Дом и переулок отражен в очерке «Сорок сороков», повести «Дьяволиада», романе «Мастер и Маргарита». Здание – первый московский небоскреб – построено в 1912 году архитектором-инженером Э. К. Нирнзее.

16. *Улица Маросейка, дом 7, квартира 14.* Бывал у своего знакомого по газете «Нака-нуне» журналиста Ю. Н. Потехина. Нашло отражение в рассказе «Трактат о жилище». Здание построено в 1913–1914 годах по проекту архитектора А. Э. Эрихсона.

17. *Улица Воздвиженка, 10.* Бывал в редакции журнала «Голос работника просвещения», где печатались его очерки о школе.

18. *Улица Пушкинская (бывш. Софийка), дом 4.* Здание бывшего ресторана «Альпийская роза». Место действия повести «Дьяволиада». Правая часть этого сдвоенного, под одним номером 4, дома восходит историей к XVIII веку. В 1912 году это двухэтажное каменное здание было перестроено с новым оформлением фасада (архитектор П. П. Висневский). С 1935 года здесь московский Дом учителя.

19. *Большая Садовая улица, дом 20.* Бывал в находящемся тогда на этом месте Театре имени Вс. Мейерхольда (ТИМе), где также устраивались обсуждения пьес Булгакова. Упоминается в очерке «Столица в блокноте» и повести «Роковые яйца». В этом же доме жила машинистка И. С. Раабен, печатавшая раннюю прозу писателя и роман «Белая гвардия». Старое здание театра Шарля Омона (постройки 1901 года) было разрушено в конце 1930-х годов, и в 1940 году возведено современное здание Концертного зала имени П. И. Чайковского (архитекторы Д. Н. Чечулин и К. К. Орлов).

20. *Большая Никитская (бывшая улица Герцена), дом 6.* Здание Зоологического музея Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. Место действия повести «Роковые яйца», прототипы главного героя которой – ученые А. И. Абрикосов и А. Н. Северцов работали в этом музее. Постройка 1896–1902 годов по проекту архитектора К. М. Быковского.

21. *Тверская улица, дом 18.* В первые годы Советской власти – редакция и типография газеты «Известий ВЦИК». Здание описано в повести «Роковые яйца». Дом – памятник архитектуры, сооружен по проекту А. Э. Эрихсона в 1904–1905 годах для типографии газеты «Русское слово» (издатель – И. Д. Сытин).

22. *Староконюшенный переулок, дом 5* (полуподвальное помещение в цокольном этаже). Здесь писатель выступал с чтением повестей на литературном кружке П. Н. Зайцева, участвовал в работе издательского содружества «Узел».

23. *Газетный переулок (бывшая улица Огарева), дом 3, квартира 7; Вспольный переулок, 14.* Бывал на заседаниях литературного общества «Никитинские субботники», руководимого филологом Е. Ф. Никитиной, где читал свои произведения.

24. *Улица Большая Полянка, дом 15.* Находилась редакция журнала «Россия», где печатались «Записки на манжетах» и «Белая гвардия».

25. *Малый Знаменский переулок, дом 7, квартира 30.* У писателя С. С. Заяицкого Булгаков выступал с чтением ранних глав «Белой гвардии». Дом построен в 1912 году (архитектор Г. Ф. Ярцев).

26. *Большой Кисловский переулок, дом 4, квартира 15.* Бывал у журналиста Л. В. Саянского (Попова), редактора «Красного журнала», читал свою прозу.

27. *Большая Никитская, дом 46, квартира 12.* Здесь Булгаков жил в ноябре 1924 года в служебных помещениях (на антресолях бывшей там школы, которой заведовала сестра, Н. А. Земская). Дом, памятник допозарной Москвы, постройки XVIII века, представляет интерес как городская дворянская усадьба того времени. До революции здесь была небольшая частная гимназия.

28. *Чистый (бывш. Обухов) переулок, дом 9, квартира 4* (двухэтажный флигель во дворе дома). Жил с декабря 1924 года по июнь 1926 года. Флигель не сохранился.

29. *Малый Могильцевский переулоч, дом 3.* В находившемся здесь в 1920–1940-е годы Хамовническом отделении загса Булгаковым были оформлены браки с Л. Е. Белозерской (позже – развод с ней) и с Е. С. Шиловской. Здесь же последней было выдано свидетельство о смерти мужа.

30. *Кузнецкий мост, дом 20.* Редакция альманаха и издательство «Недра» и «Мосполиграф», где печатались отдельные произведения и сборник «Дьяволиада». Название издательства «повлияло» на выбор имени одного из героев «Собачьего сердца» – Полиграфа Полиграфовича Шарикова.

31. *Малый Левшинский переулоч, дом 4, квартира 1.* Жил писатель с июня 1926 года по июль 1927 года. Дом не сохранился.

32. *Камергерский переулоч, дом 3.* Здание МХАТ, где с 1926 года шли пьесы Булгакова «Дни Турбиных», «Мертвые души», «Кабала святош», «Последние дни». Там он работал ассистентом режиссера, был и актером: Театр описан в романе «Записки покойника» («Театральный роман»), в рассказе «Был май...»

Здание построено в начале XIX века. В 1882 году перестроено архитектором М. Н. Чичаговым под частный театр купца Лианозова. С 1902 года дом в аренде Художественного театра, который еще раз перестраивает его (архитектор Ф. О. Шехтель), придавая ему уже современный облик. Здание Второй студии театра на Тверской, 22, не сохранилось. На этом месте теперь построенный в 1940 году (архитектор А. Г. Мордвинов) жилой дом (улица Тверская, 8) с книжным магазином «Москва».

33. *Сивцев Вражек, дом 41, квартира 14.* Булгаков бывал у артиста МХАТ Вл. А. Степуна. Во дворе этого дома состоялся памятный банкет в честь премьеры «Дней Турбиных».

34. *Улица Большая Лубянка, дом 20.* Находилась редакция журнала «Медицинский работник», где печатались «Записки юного врача». Здания ВЧК и ГПУ на этой улице (дома 11 и 13) и Лубянской площади имеют отношение и к биографии, и к творчеству писателя. Они присутствуют в повестях «Роковые яйца» и «Собачье сердце», в романе «Мастер и Маргарита». Дом на Лубянке в основе своей имеет построенное в 1897–1898 годах по проекту архитектора А. В. Иванова здание для страхового общества «Россия», позже надстроенное и окруженное такими же монументальными домами административного назначения.

35. *Улица Арбат, дом 26.* Театр имени Евг. Вахтангова. Здесь в 1926–1929 годах шла пьеса «Зойкина квартира». Упоминается в романе «Мастер и Маргарита». Театральное здание тогдашней студии было переоборудовано в 1921 году из старого особняка. Прежнее здание не сохранилось – разрушено при налете фашистской авиации в июле 1941 года. Современное здание построено в 1947 году (архитектор П. В. Абросимов).

36. *Тверской бульвар, дом 23.* Находился Московский Камерный театр, где в 1928–1929 годах ставилась пьеса «Багровый остров». Театральное здание построено в начале 1910-х годов из особняка домовладельцев Паршиных для режиссера театра А. И. Таирова и неоднократно капитально перестраивалось в 1930-х, 1950-х и в конце 1970-х годов. Сегодня это Драматический театр имени А. С. Пушкина.

37. *Никитский бульвар, дом 8а.* Бывший Дом печати, где бывал и выступал Булгаков. Связан с прототипами пьесы «Багровый остров». Постройка дома относится к 1877 году (архитектор А. И. Вивьен). Теперь здесь Центральный Дом журналиста.

38. *Пречистенская набережная, 37.* – Стоял памятник Отечественной войны 1812 года – храм Христа Спасителя. Упоминается в ранней прозе писателя. Здание храма возведено в середине прошлого века по проекту архитектора К. Тона. Разрушен в 1931 году, восстановлен в 1995 году.

39. *Савельевский переулоч, дом 12, квартира 6б.* Писатель бывал у своих друзей – «пречистенцев», супругов Н. Н. Лямина и Н. А. Ушаковой. Здесь в 1920–1930-х годах проходили известные «ляминские чтения» Булгаковым своих произведений. Квартира Лямина нашла

отражение в одном из эпизодов «Мастера и Маргариты». Дом построен в 1898 году для Вар-варинского страхового общества архитектором А. В. Ивановым.

40. *Улица Пречистенка, дом 9.* Бывал у жившего там одно время искусствоведа Б. В. Шапошникова. К этому времени относятся многие фотографии Булгакова, сделанные хозяином дома и Н. А. Ушаковой. На первом этаже дома был продовольственный магазин. Когда-то он назывался «Колбаса», а еще раньше здесь находился кооперативный магазин Центрохоза, попавший в повесть «Собачье сердце». Это бывший доходный дом постройки 1910 года известен еще и тем, что одну из его квартир снимал знаменитый пианист А. Б. Гольденвейзер, у которого собирались композиторы С. И. Танеев, С. В. Рахманинов, Н. К. Мет-нер.

41. *Улица Пречистенка, дом 13.* Бывал в гостях у пречистенцев – художников группы «Бубновый валет» Б. А. Тэкке, И. И. Захарова, режиссера А. А. Муата и других. Интерьеры этого дома описаны в «Собачьем сердце» и «Мастере и Маргарите». Здание построено в 1911 году по проекту архитектора Г. А. Гельриха.

42. *Улица Пречистенка, дом 16.* Бывал на литературных вечерах в бывшем здании ЦЕКУБУ. Позже и до настоящего времени – московский Дом ученых. Ворота дома описаны в «Собачьем сердце». Его строительство восходит к екатерининским временам XVIII века. Современный вид ему придала капитальная перестройка 1910 года (архитектор А. О. Гунст) по заказу владельцев – фабрикантов Коншиных.

43. *Улица Пречистенка, дом 22.* Здание Пречистенской пожарной части. Рядом с домом Калугина, где останавливался Булгаков; упоминается в «Собачьем сердце». Возведено в конце XVIII века, в 1830-х годах перестроено в пожарную часть.

44. *Улица Пречистенка, дом 32, квартира 2.* Писатель бывал у Б. В. Шапошникова, жившего здесь с середины 1920-х годов. Этот огромный барский дом конца XVIII века, перестроенный в 1822 году в стиле ампир, известен как здание бывшей частной гимназии Л. И. Поливанова, связанной с именами Л. Н. Толстого, А. Н. Островского, поэтов В. С. Соловьева, В. Я. Брюсова, М. А. Волошина, А. Белого. В 1920-х годах здесь находилась Государственная академия художественных наук (ГАХН), где и работал Б. В. Шапошников.

45. *Померанцев переулок, дом 8, квартира 1.* Бывал с чтениями литературных произведений у искусствоведов В. Д. и С. В. Шервинских. В квартире 2 жил его знакомый В. Мориц, фамилия которого использована в одной из редакций повести «Собачье сердце».

46. *Воротниковский переулок, дом 7, корпус 3* (бывший адрес: Старопименовский переулок – улица Медведева, 7б), подвальное помещение. В находившемся здесь в конце 1920-х годов Клубе театральных работников Булгаков встречался с мхатовцами, Маяковским, другими писателями и актерами. Дом был построен для артистического кооператива «Труженик искусства» в 1927 году архитектором В. С. Кузнецовым.

47. *Большая Пироговская улица, дом 35б* (позднее 35а), *квартира 6.* Жил с августа 1927 года по февраль 1934 года. Снимал трехкомнатную квартиру с кухней и ванной у архитектора-застройщика А. Ф. Стуй. Дом до нашего времени не сохранился. Теперь, с 1960-х годов, на этом месте новое здание. А как было при Булгакове? Из воспоминаний Л. Е. Белозерской и С. А. Ермолинского узнаем, что, войдя с торца этого в прошлом двухэтажного с антресолями и лепниной дома, можно было попасть сначала в прихожую, затем в столовую, откуда две ступеньки вверх вели в кабинет писателя, а рядом была еще комната его жены. Квартира была угловая, с окнами по главному фасаду и во двор. Сам дом примыкал к трехэтажному строению 35а, а то, в свою очередь, к сохранившемуся до наших дней в неприкосновенности дому 35.

В 1920-х годах частичной перестройкой и ремонтом этих домов занимался архитектор-застройщик А. Ф. Стуй. Одна из таких перестроек улучшила условия работы Булгакова: с апреля 1929 года общая площадь в квартире увеличилась более чем на 40 квадратных

метров – освободилась соседняя комната, и смежную стену сломали. Квартирная ситуация осложнилась, когда Булгаков в октябре 1932 года развелся с Л. Е. Белозерской и женился на Е. С. Шиловской. Занятую площадь пришлось еще раз перестроить, выделив однокомнатную квартиру для разведенной жены. В ней Л. Е. Белозерская дожила до начала 1960-х годов, когда оба дома, 35а и 35, были разрушены до основания стен и на их фундаменте (после его усиления) был выстроен новый шестиэтажный корпус (архитекторы А. Батурин и Б. Ризвалов), вплотную к старому дому 35. При этом оба номера были заменены одним – 35а, существующим в настоящее время.

На том месте, где была квартира Булгакова, и рядом теперь находятся комнаты, конторы с лифтовой диспетчерской и вспомогательными службами, помещения для которых строились специально и не повторяли конфигурацию квартир первого этажа (в том числе и булгаковской) в прежнем разрушенном доме 35б.

48. *Улица Малая Дмитровка, дом 6.* Здесь в начале 1930-х годов Булгаков работал в Центральном театре рабочей молодежи (ТРАМЕ). Здание построено для Купеческого собрания в 1907–1909 годах архитектором И. Ивановым-Шицем. Теперь это театр «Ленком».

49. *Большой Ржевский переулок, дом 11, квартира 1.* В начале 1930-х годов здесь жила Е. С. Шиловская до выхода замуж за Булгакова. Здание с колоннадой, объединяющей нижние два этажа, известно как «дом Гамарника». Построено в 1914 году (архитектор М. А. Мухин).

50. *Нащокинский переулок, дом 3–5, квартира 44.* Здесь Булгаков жил с 18 февраля 1934 года до самой кончины (10 марта 1940 года). Здание сооружено в 1933–1934 годах способом надстройки на 2 и 3 этажа бывших старинных каменных Нарышкинских палат и их капитальной реконструкции Российским жилищно-строительным кооперативным товариществом «Советский писатель». Председателем правления был А. А. Жаров, в Комиссии по надзору за строительством – Матэ Залка. В начале февраля Булгаков подал в правление кооператива заявление с просьбой о досрочном вселении. Его просьбу удовлетворили.

В этой «писательской» надстройке жили также известные литераторы и общественные деятели: Матэ Залка, Антал Гидаш, В. Б. Шкловский, К. А. Тренев, В. Н. Билль-Белоцерковский, В. А. Ардов, О. Э. Мандельштам, С. В. Кирсанов, Е. Габрилович, Ю. Нагибин и другие. Дом разрушен в 1976 году.

51. *Шубинский переулок, дом 2, квартира 14.* Бывал у писателя и литературоведа В. В. Вересаева во время их совместной работы над пьесой «Александр Пушкин» («Последние дни»).

52. *Театральная площадь, дом 2.* Большой театр, где Булгаков работал с середины 1936 года до конца жизни либреттистом и консультантом. Современное здание построено в 1856 году архитектором А. К. Кавосом. В него вошли капитальные стены и колоннада предшествующего, но пострадавшего от пожара здания архитекторов О. И. Бове и А. А. Михайлова.

53. *Проезд Девичьего поля, дом 8а, квартира 2.* Писатель бывал у Л. М. Леонова (жившего у родителей его жены – Т. М. Сабашниковой) на литературных чтениях. Одно из них описано в «Театральном романе».

54. *Улица Арбат, дом 44, квартира 5.* Бывал у беллетриста Кржижановского. Описано в «Театральном романе».

55. *Сивцев Вражек, дом 27. Музей А. И. Герцена.* Предполагаемое место дома, где жил Иван Васильевич из «Театрального романа». Сюда автор, возможно, «перенес» особняк с Леонтьевского переулка, 6, где в течение последних семнадцати лет жил великий режиссер, прототип героя романа. Дом этот – памятник архитектуры в стиле русского ампира середины XVIII – начала XIX века. Сейчас здесь Дом-музей К. С. Станиславского где открыта мемо-риальная комната М. А. Булгакова.

56. *Поварская, дом 50.* Булгаков посещал дом, когда там находились писательские организации, позже Центральный Дом литераторов. Здание построено в 1890-х годах архитектором П. С. Бойцовым для князя Святополк-Мирского, позже им владел граф Олсуфьев.

57. *Поварская, дом 52.* Бывал в этом доме, где находились различные писательские организации: с 1920 года – Дом искусств, в 1925–1932 годах – Федерация объединений советских писателей (ФОСП), позже и до наших дней – правление Союза писателей. В марте 1940 года здесь состоялась гражданская панихида по скончавшемуся Булгакову.

Здание с флигелями-крыльями – бывшая городская усадьба князя А. Н. Долгорукова, затем Соллогубов (постройка XVIII–XIX веков). Известно как «Дом Ростовых» из романа «Война и мир».

58. *Лужнецкий проезд, дом 2.* Новодевичье кладбище, старая часть. Могила М. А. Булгакова на участке, принадлежащем МХАТу. Камень «Голгофа» с памятной надписью установлен в конце 1950-х годов; раньше он был постаментом могильного креста у надгробия Н. В. Гоголя в некрополе Свято-Данилова монастыря.

59. *Никитский бульвар, дом 25, квартира 23-* По этому адресу жила Е. С. Булгакова с июля 1952 года до самой своей кончины (18 августа 1970 года), переехав из дома в Нащокинском переулке (№ 3/5, квартира 44). Здесь (как и по прежнему адресу) хранился весь булгаковский архив до передачи его в Российскую государственную библиотеку самой Е. С. Булгаковой и ее наследниками. Был фактически штаб по восстановлению литературного имени Булгакова.

60. *Патриаршие пруды* – водоем со сквером вокруг, ограниченный улицами Малой Бронной, Большим Патриаршим, Ермолаевским и Малым Патриаршим переулками. Место завязки романа «Мастер и Маргарита». Район традиционных (с сентября 1989 года) московских Булгаковских праздников-гуляний, где разыгрываются сцены из романа, выступают артисты, продаются книги, специально выпущенная разовая газета. Этот участок города сформировался в конце XIX – начале XX века под названием Козиха.

61. *Пречистенская набережная, район домов 19 и 21.* Возможное место купания Ивана Бездомного в «Мастере и Маргарите». До середины 1930-х годов здесь был гранитный двухлестничный спуск к воде (часть сооружений Бабьегородской плотины), которым пользовался и Булгаков.

62. *Тверской бульвар, дом 25.* Здесь бывал писатель в 1920-х годах на заседаниях литературных объединений тогдашнего «Дома Герцена». Описан в «Мастере и Маргарите» как один из адресов МАССОЛИТа с рестораном «Грибоедов». Здание – памятник допожарной Москвы; здесь родился А. И. Герцен. Ныне это Литературный институт имени А. М. Горького.

63. *Большая Садовая улица, дома 1 и 3.* По этим адресам располагались аптека Рубановского (дом 1) и жилой особнячок, где (дом 3, квартира 2) жила в конце 1920-х годов Е. С. Шиловская, будущая жена Булгакова. Адреса описаны в романе «Мастер и Маргарита».

64. *Большая Садовая улица, дом 16.* Бывший сад «Аквариум», упоминается в «Мастере и Маргарите». Открыт как увеселительный сад «Чикаго» в 1893 году братьями Малки-ели, позже переименован в сад «Аквариум» антрепренером Шарлем Омоном. Неоднократно перестраивался. Теперь – сквер перед Театром имени Моссовета.

65. *Большая Садовая улица, дом 18.* Здание бывшего цирка братьев Никитиных, постройки 1911 года (архитектор Б. М. Нилус), позже – Московский мюзик-холл, а с 1965 года в значительно перестроенном здании (архитектор В. В. Степанов) – Московский театр сатиры. Цирк упомянут в повестях «Роковые яйца» и «Собачье сердце», а в романе «Мастер и Маргарита» это здание Варьете.

66. *Страстной бульвар, дом 11.* В тогдашнем доме «Жургаза» (Журнально-газетное объединение) часто бывал Булгаков, посещал и летний ресторан, который изобразил

в «Мастере и Маргарите» вместе с прототипом его заведующего Я. Д. Розенталем. Дом постройки 1890-х годов по проекту архитектора А. А. Драницина.

67. *Чистопрудный бульвар, дом 6*. Здесь находилась «Акустическая комиссия», где председательствовал А. А. Семплеяров из «Мастера и Маргариты». В конце 1921 года дом посещал и Булгаков по делам Лито Главполитпросвета и позже по театральным делам в Главреперткоме. Дом перестроен из старого дворца графов Мусиных-Пушкиных в 1890-х годах архитектором Соколовым для правления Московско-Киевско-Воронежской железной дороги.

68. *Улица Серафимовича* (бывш. Всехсвятская улица), *дом 2*. Дом у Каменного моста, где жил Аркадий Аполлонович Семплеяров, описан в романе «Мастер и Маргарита». Этот огромный комплекс зданий, включающий театр, кинотеатр, универсальный и гастрономи-ческий магазины, построен в 1928–1931 годах по проекту Б. М. Иофана. В названиях «2-й Дом Совнаркома СССР», «Дом правительства», «Дом на набережной» отражены этапы его бурной истории.

69. *Волоколамское шоссе, дома 47* (бывш. психосанаторий «Стрешнево» на территории современной психиатрической больницы № 12), и 84 (первый корпус Центральной клини-ческой больницы МПС); *Правобережная улица, дом 6* (бывший санаторий в особняке «Пат-рикеева дача» – теперь Химкинская горбольница № 1). Возможные адреса «клиники Стра-винского» из «Мастера и Маргариты», в которой Булгакову был знаком заведующий и врач-психиатр Е. К. Краснушкин.

70. *Мансуровский переулок, дом 9*. Дом братьев Топлениновых, где Булгаков гостил у С. С. Топленинова и жившего там С. А. Ермолинского в начале 1930-х годов. Один из пря-мых «прототипов» дома, где поселился Мастер из романа «Мастер и Маргарита». Постройка восходит к 30-м годам XIX века. Реконструкция дома произведена в середине 1980-х годов художником-реставратором В. А. Курским. В настоящее время имеет статус частного владе-ния и поставлен на продажу (май 2007 г.)

71. *Плотников переулок, дом 10* (бывшая квартира 35, в полуподвале). Бывал у своего друга и первого биографа П. С. Попова. По одной из версий, этот подвальчик нашел отра-жение в «Мастере и Маргарите» как жилище главного героя.

72. *Малый Власьевский переулок* (бывшая улица Танеевых), *дом 9а, квартира 1*. Дом театрального деятеля В. В. Лужского. Здесь писатель бывал у актера МХАТ Е. В. Калужского. Одно из реально существовавших мест особняка главной героини романа «Мастер и Маргарита». Был построен в начале 1900-х годов с участием Ф. О. Шехтеля. Разрушен в середине 1960-х годов.

73. *Улица Остоженка, дом 21*. Один из возможных «прототипов» здания особняка, где жила героиня «Мастера и Маргариты». Постройка в стиле модерн архитектора Л. Кекушева (1901). Некогда фасад венчала большая фигура льва – эмблема архитектора-домовладельца по его имени.

74. *Малый Ржевский переулок* (бывшая улица Палиашвили), *дом 6*. Здесь в 1920-х годах в помещении Закавказского представительства бывал Булгаков. Одно из возможных мест расположения особняка Маргариты. Здание в стиле поздней московской псевдоготики построено в 1901–1902 годах архитектором С. У. Соловьевым.

75. *Большой Николопесковский переулок* (бывшая улица Евг. Вахтангова), *дом 12*. Здесь, на углу переулка с несохранившейся Собачьей площадкой, «помещен» в «Мастере и Маргарите» «Дом драматурга и литератора». Изображенным в романе зданием является писательский дом в Замоскворечье (Лаврушинский переулок, 17), построенный в 1937 году по проекту архитектора И. И. Николаева. На улице Вахтангова похожий дом (№ 12) строился для театральных работников одновременно с возведением в 1930-х годах примыкающего к нему театрального училища имени Б. В. Шукина (№ 12а), архитектор Н. А. Круглов.

76. *Улица Арбат, дом 54/2.* – Бывшее здание «Торгсина» на Смоленском рынке. Описано в «Мастере и Маргарите». Здание построено в 1928 году (архитектор В. М. Маят). Смоленский рынок изображен в рассказе «Таракан».

77. *Шубинский переулок, дом 2/3, квартира 15.* Бывал у своей знакомой К. Н. Дроздовской, чьи родственники и соседи послужили прототипами покупателей в сцене в «Торгсине» из «Мастера и Маргариты».

78. *Моховая улица, дом 26.* Здание бывшего Румянцевского музея, теперь – один из корпусов Российской Государственной библиотеки (Новый Арбат, 3). Читателем ее был Булгаков. На крыше здания происходит одна из сцен романа «Мастер и Маргарита». Во флигеле дома, выходящем на улицу Знаменку (№ 6), расположен Рукописный отдел библиотеки, где хранится большая часть литературного наследия писателя. Это здание, известное как Пашков дом, создано знаменитым зодчим В. И. Баженовым в 1784–1786 годах.

79. *Воробьевы горы, над Новодевичьим монастырем.*

Место одного из заключительных эпизодов романа «Мастер и Маргарита»: «На высоте, на холме, между двумя рощами виднелись три темных силуэта... глядя на раскинувшийся за рекой город с ломаным солнцем, сверкающим в тысячах окон, обращенных на запад, на пряничные башни Девичьего монастыря...»

80. *Новодевичий проезд, дом 1.* Новодевичий монастырь. Упомянут в ряде произведений. Архитектурный ансамбль сложился в конце XVIII века. В настоящее время здесь расположен филиал Исторического музея. Комплексные реставрационные работы были произведены в 1970–1980-е годы.

Кладбище при Новодевичьем монастыре, возникшее в конце прошлого века, известно как усыпальница политических деятелей, писателей, поэтов, художников, артистов, ученых, видных военачальников, героев Гражданской и Великой Отечественной войн...

И, как мы уже знаем, там покоится прах Михаила Афанасьевича Булгакова.

Михаил Булгаков: дни и события *краткая биохроника*²¹⁰ (1891–1940)

1891 г.

15 (3 по старому стилю)²¹¹ мая 1891 г. в семье преподавателя (сначала доцента, потом профессора) Киевской духовной академии Афанасия Ивановича Булгакова (1859–1907) и его жены Варвары Михайловны (в девичестве – Покровской; 1869–1922) первым ребенком родился сын Михаил. Место рождения – Киев, улица Воздвиженская, 28 (теперь 10-В), дом священника Матвея Бутовского.

18 мая – крещен в Крестовоздвиженской церкви (на Подоле) священником М. Бутовским. Имя дали в честь хранителя города Киева архангела Михаила.

В семье Булгаковых Михаил не был единственным ребенком: в 1892 г. родилась сестра Вера, в следующем – Надежда. Позже – еще четверо детей: Варя (1895), Коля (1898), Ваня (1900), Лена (1902).

1892–1899 гг.

Разраставшаяся семья Булгаковых не жила в Киеве на одном месте, а переезжала в поисках более удобного, просторного жилища, снимая квартиры у разных домовладельцев: в районе Печерска на Госпитальной улице, 4; в Кудрявском переулке, 9.

1900 г.

Миша Булгаков поступает (18 августа) в подготовительный класс Второй киевской гимназии (Бибиковский бульвар, 18).

1901 г.

Поступление (22 августа) в Первую киевскую гимназию на Бибиковском (теперь Тараса Шевченко) бульваре, 14. Здесь Михаил Булгаков будет обучаться около восьми лет. Гимназические впечатления войдут потом в роман «Белая гвардия».

1902–1908 гг.

Булгаковы продолжают менять киевские адреса. С 1902 г. живут на Прозоровской (ныне Эспланадной) улице, 10; с 1904 г. – на Ильинской улице, 5/8; в 1905 г. – в Кудрявском переулке, 10; в 1906 г. – в Дионисьевском (ныне Бехтеревском) переулке, 4. Наконец нашлось место, удовлетворявшее всех: это и был последний адрес булгаковской семьи – Андреевский спуск, 13; теперь знаменитый «дом Турбиных», где помещается музей писателя. Многие сцены романа «Белая гвардия» и пьесы «Дни Турбиных» происходят по воле автора именно в этом доме.

Летние месяцы семья Булгаковых проводила на выстроенной в 1902 г. под Киевом в поселке Буча собственной даче. Отдых был трудовой (обработка участка) и веселый. Дава-лись концерты, домашние спектакли, где Михаил был главным и сочинителем, и исполни-телем.

---

²¹⁰ Составление: Б. С. Мягков (1938–2003). Дополнения: И. Я. Горпенко (по материалам библиографии и архива Б. С. Мягкова).

²¹¹ Далее даты до февраля 1918 г. приводятся по старому стилю.

14 марта 1907 г. – умирает отец, А. И. Булгаков. Он похоронен на киевском Байковом кладбище; позже там похоронят и В. М. Булгакову.

Лето 1908 г. – знакомство с саратовской гимназисткой Татьяной Лаппа, дочерью управ-ляющего Казенной палаты.

1909 г.

В мае Михаил оканчивает Первую гимназию. Аттестат зрелости выдан 8 июня.

17 июля Михаил подает прошение ректору Киевского университета о зачислении студентом медицинского факультета; 21 августа просьба была удовлетворена.

1910–1915 гг.

В декабре 1911 г. и летом 1912 г. – поездки вместе с Татьяной Лаппа к ее родителям в Саратов.

26 апреля 1913 г. Михаил Афанасьевич Булгаков и Татьяна Николаевна Лаппа обвенчались в Киево-Подольской церкви Николы Доброго. Венчал их священник Александр Глаголев, друг покойного отца.

Молодые снимают комнату на Рейтарской улице, 25, но вскоре снова переезжают на Андреевский спуск, поселяясь в доме 38 (вблизи родительского дома), где живут с перерывами почти три года: с осени 1913 по сентябрь 1916 г.

Лето 1914 г. Начало Первой мировой войны. Булгаков в Саратове помогает организо-вать при Казенной палате лазарет для поступающих с фронта раненых, где работает и сам. Возвращается в Киев 18 мая 1915 г. для продолжения образования. По разрешению ректора университета направляется в Киевский военный госпиталь на Печерске для своего рода доб-ровольной преддипломной практики; при этом все лето, осень и зиму готовится к выпуск-ным экзаменам.

1916 г.

В феврале – марте Михаил Булгаков успешно сдает университетские выпускные экза-мены на звание врача. Из-за трудностей военного времени он сначала получает «Времен-ное свидетельство» от 6 апреля 1916 г., № 142. В выданном позже (31 октября) дипломе (№ 39665/5540) указано, что Булгаков Михаил Афанасьевич «утвержден в степени лекаря с отличием со всеми правами и преимуществами, законами Российской империи сей степени присвоенными».

Май – август: работает в прифронтовых госпиталях Каменца-Подольского и Чернов-цов. Вместе с ним была и жена – Татьяна Булгакова, помогавшая при операциях.

16 июля Михаил Булгаков был отозван с театра военных действий и направлен в рас-поряжение Смоленской врачебной управы для работы в губернских земских больницах. Служба эта началась только осенью – с 27 сентября, как сообщалось в письме губернской управы. Место работы – Никольская земская больница Сычевского уезда. В одной из своих автобиографий Булгаков пишет: «В 1916—17 годах служил в качестве врача в земстве Смо-ленской губернии».

К этому (и более раннему) времени относятся первые литературные опыты М. А. Бул-гакова.

Октябрь – ноябрь: поездка в Киев за дипломом «лекаря с отличием».

1917 г.

Февраль – поездка в Саратов к родителям жены. Там застало их известие о свержении царизма.

Март – поездка в Киев и снова возвращение в Никольскую больницу.

Летом произошло событие, едва не стоившее Булгакову жизни. Заразившись дифтеритом и испытывая сильные боли, он начал колоться морфием, что вошло в пагубную при-вычку. От гибели его спасала жена, давая все меньшие дозы. Впечатления от пережитого Булгаков описал в романе «Недуг» (не сохранился), переработанном позже в рассказ «Мор-фий».

18 сентября Булгаков добивается перевода в Вяземскую городскую земскую больницу и в начале октября приступает к своим обязанностям заведующего инфекционным и венерологическим отделением. В это же время начинает писать цикл рассказов, в которых отражены реальные события работы в Никольской больнице.

Декабрь – поездка в Москву и в Саратов, оставившая тяжелое впечатление. «Недавно в поездке... – писал Булгаков сестре Наде 31 декабря, – мне пришлось видеть воочию то, что больше я не хотел бы видеть. Я видел, как толпы бьют стекла в поездах, видел, как бьют людей. Видел разрушенные и обгоревшие дома в Москве. Видел голодные хвосты у лавок, затравленных и жалких офицеров. Мучительно тянет меня вон отсюда в Москву или Киев... В особенности мне хотелось бы быть в Киеве!...»

1918 г.

Февраль – приезд в Москву. Освобождение от военной службы по болезни. 22 февраля²¹². Вяземская уездная земская управа выдает ему удостоверение в том, что он в больнице «выполнял свои обязанности безупречно».

Март – Булгаковы возвращаются в Киев и поселяются в старой родительской квартире (№ 2) по Андреевскому спуску, 13. Михаил Афанасьевич открывает частную практику как врач-венеролог, но вскоре Киев оказывается в гуще гражданской войны.

1919 г.

Февраль – весна: Булгакова как военврача мобилизуют в различные войска власти, поочередно занимающие город. Это время Булгаков вспоминал в очерке «Киев-город»: «... по счету киевлян у них было 18 переворотов. Некоторые из теплушечных мемуаристов насчитали их 12; я точно могу сообщить, что их было 14, причем 10 из них я лично пере-жил...»

Лето – начало осени: пишет «Наброски земского врача (ранние редакции цикла „Записки юного врача“), „Недуг“, „Первый цвет“».

Сентябрь – октябрь: в городе деникинцы. 27 октября по приказу их главнокомандующего был объявлен призыв на военную службу офицеров и «...медицинских и ветеринарных чинов... Неявившиеся... будут привлечены к ответственности по законам военного времени». Так был втянут врач Михаил Булгаков в вихрь Гражданской войны вопреки не раз отмеченному желанию «устроить нормальную мирную жизнь».

Мобилизованный белыми Булгаков направляется во Владикавказ. В рассказе «Необыкновенные приключения доктора» можно узнать реальные переживания его автора.

А вот строки из автобиографии: «Как-то ночью в 1919 году, глухой осенью, едучи в расхлябанном поезде, при свете свечи, вставленной в бутылку из-под керосина, написал первый маленький рассказ. В городе, в который затащил меня поезд, отнес рассказ в редакцию газеты. Там его напечатали. Потом напечатали еще несколько фельетонов...»

Этим городом оказался Грозный, где в одноименной газете (№ 47 от 26 ноября 1919 г.) была опубликована статья-памфлет «Грядущие перспективы» под псевдонимом «М. Б.» Это была первая из найденных публикаций Булгакова. Разыскать «еще несколько фельетонов» пока не удалось.

---

²¹² Эта и все последующие даты – по новому стилю.

Зима 1919/20 г.: Булгаков живет во Владикавказе, выезжая по делам службы в города Северного Кавказа, Ставрополя, Прикубанья. Продолжает печататься. В письме к брату от 1 февраля 1921 г. читаем: «...около года назад я... начал печататься.

Фельетоны мои шли во многих кавказских газетах». Отметил это в своем дневнике и писатель Ю. Слезкин: «Встретились мы во Владикавказе при белых. Он был военным врачом и сотрудничал в газете». Из этих фельетонов «во многих кавказских газетах» пока известен один, сохраненный самим Булгаковым в трех небольших вырезках. Достоверен только его подзаголовок «Дань восхищения», остальное предположительно: как его заглавие «Юнкер», так и источник публикации – «Кавказская газета» (г. Владикавказ) за 5 февраля 1920 г. Рассказ посвящен киевским событиям конца октября 1917 г. и связан с матерью Булгакова Варварой Михайловной и братом Николаем, в то время юнкером Константиновского училища.

1920 г.

28 февраля во Владикавказе вышел первый номер ежедневной газеты «Кавказ»; в списке сотрудников значится и М. Булгаков. Он писал об этом времени в автобиографии: «В начале 1920 года я бросил звание лекаря с отличием и писал». Так совершился переход Булгакова из медицины (он больше никогда не возвращался к этому занятию профессионально) в литературу.

Февраль – март: Булгаков заразился возвратным тифом. Его выходила жена, самоотверженная Татьяна Николаевна. Встав с постели, он узнал, что белые войска ушли и в городе установилась советская власть. Теперь было весьма опасно заявлять о себе как о медике: сведения о службе в деникинской армии даже врачом могли привести к трагическому результату. И Булгаков утверждает в принятом ранее решении: при новой власти начинает пробовать себя в другом качестве. Подотделом искусств местного Наробраза руководил знакомый ему писатель Ю. Слезкин. Он предложил Булгакову должность заведующего литературным отделом (ЛИТО).

Весна – лето: Булгаков помимо службы в ЛИТО занимается журналистской работой, читает вступительные лекции перед спектаклями оперной и драматической труппы образцового Русского театра. С конца мая заведует театральной секцией подотдела искусств, пробует себя в драматургии.

4 июня – премьера первой пьесы Булгакова (юмореска в одном действии «Самооборона») на сцене Первого Советского театра. Эта пьеса, как и три последующие, до нас не дошла, но, судя по списку действующих лиц (Обыватель Иванов, Гимназист Петька, Председатель домового комитета, Господин) и ремарке «действие происходит в наши дни в губернском городе», можно догадаться, что автор использовал свои недавние впечатления о революционных событиях в Киеве и на Северном Кавказе.

Июль – август: пишет большую четырехактную драму «Братья Турбины (Пробил час)».

Сентябрь – преподает в Народной драматической студии.

21 октября – премьера пьесы «Братья Турбины (Пробил час)» в Первом Советском театре. «Братья Турбины», как сообщал в одном из писем Булгаков, «четыре раза за месяц шли с треском успеха», но сам автор считал эту пьесу «наспех сделанной, незрелой вещью» и впоследствии ее уничтожил.

28 октября – в «Докладе комиссии по обследованию деятельности подотдела искусств» содержалась резкая критика этого подразделения. В резолюции комиссии указано, что наряду с другими изгнан Булгаков (его фамилия записана с пометкой «бел.» – белогвардеец).

Ноябрь – декабрь: написана комедия-буфф «Глиняные женихи» («Вероломный папаша»), которая поставлена не была. Живут Булгаковы на Слепцовской (ныне Маяковского) улице, 9, кв.2.

1921 г.

Январь – февраль: пишет за 10 дней пьесу «Парижские коммунары», принятую к постановке в местном театре. Эту пьесу вместе с «Самообороной» и «Братьями Турбиными» посылает в Москву на конкурс в Мастерскую коммунистической драматургии, но все три отклонены. Одновременно пишет большой роман по канве «Недуга» («...единственная за все это время продуманная вещь», – сообщает Булгаков в письме).

Середина марта – премьера пьесы «Парижские коммунары» в Первом Советском театре г. Владикавказа.

1 апреля – публикация в газете «Коммунист», № 296 фельетона «Неделя просвещения».

13 апреля – в газете «Коммунист» опубликована рецензия Булгакова на трагедию А. К. Толстого «Смерть Иоанна Грозного».

Апрель – май: пишет пьесу «Сыновья муллы» (о революционных событиях в ингушской деревне). Помогает ему в этом местный юрист Туаджин Пейзулаев (в 1930 г. пьеса опубликована на осетинском языке под одной фамилией Булгакова). Назначается деканом театрального отделения Народного художественного института. Читает лекции по истории драматической литературы.

15 мая – премьера пьесы «Сыновья Муллы» на сцене Первого Советского театра в исполнении актеров-любителей. История создания пьесы и ее постановка ярко описаны впоследствии в повести «Записки на манжетах» и рассказе «Богема». Выступление на открытии Народного художественного института во Владикавказе.

18 мая – публикует в газете «Коммунист» статью «С. П. Аксенов» – о 35-летнем творческом юбилее владикавказского актера.

26 мая – выезжает в Тифлис (Тбилиси) через Баку.

Июнь – живет в Тифлисе; безуспешно пытается поставить свои пьесы на местной сцене; вместе с женой переезжает в Батум (Батуми).

Июль – август: попытки уехать из Батума в Константинополь, найти журналистскую и литературную работу. Т. Н. Булгакова уезжает через Одессу – Киев в Москву.

Сентябрь – отъезд из Батума через Одессу в Киев. 17 сентября – в Киеве; 26 сентября – выезжает в Москву; приезжает туда ночью 28 сентября. Все это путешествие и первые часы и дни в Москве описаны в «Записках на манжетах».

Первые московские пристанища Булгаковых: Тихомировское студенческое общежитие Первого медицинского института (Малая Пироговская улица, 18); у родственников мужа сестры Надежды – А. М. Земского в квартире детского сада печатников «Золотая рыбка» (Воротниковский переулок, 1); наконец, и уже надолго, в комнате того же А. М. Земского – сначала временно, потом постоянно (Большая Садовая, 10, кв. 50). Детали московского быта той поры отражены в рассказах и фельетонах, пьесе «Зойкина квартира», романе «Мастер и Маргарита».

30 сентября – подает заявление о зачислении в Литературный отдел Главполитпросвета Наркомпроса.

1 октября – зачисляется в ЛИТО на должность секретаря. Адрес первой работы Булгакова в Москве: Сретенский бульвар, 6, кв. 65. Написана первая краткая автобиография.

Октябрь – ноябрь: работа секретарем ЛИТО (протоколирование заседаний, составление агитлозунгов о помощи голодающим Поволжья, выпуск сборников поэтов-классиков).

Пишет фельетоны «Евгений Онегин», «Муза мести» (о Н. А. Некрасове), задумывает историческую драму о Николае II и Распутине.

23 ноября – расформирование ЛИТО (в приказе от этого числа Булгаков был объявлен уволенным с 1 декабря).

Конец ноября – декабрь: поступает заведующим отделом хроники в «Торгово-промышленный вестник» (Третьяковский проезд, 11, помещение 9).

Осенью и зимой диктует машинистке И. С. Раабен первую часть «Записок на манжетах».

1922 г.

13 января – пишет очерк «Торговый ренессанс (Москва в начале 1922 года)».

В середине января закрылся «Торгово-промышленный вестник».

1 февраля – от тифа в Киеве умирает мать Булгакова Варвара Михайловна. Это печальное событие послужило толчком к возникновению замысла романа «Белая гвардия».

Февраль – март: кратковременная служба в Военно-редакционном совете Научно-технического комитета Военно-воздушной академии им. Н. Е. Жуковского. Поступает репортером в газету «Рабочий» («Рабочая газета»).

1 марта – первый репортаж в газете «Рабочий», № 1: «Когда машины спят. 1-я ситцевая фабрика в Москве» под псевдонимом Михаил Булл. С марта по сентябрь было опубликовано 29 его репортажей и статей под разными псевдонимами (М. Б., М. Булл, Михаил Булл и др.).

Начало марта – пишет рассказ «Необыкновенные приключения доктора», тематически близкий к «Запискам на манжетах».

Супруги Булгаковы сближаются со знакомыми Земских – Верой Федоровной и Иваном Павловичем Крешковыми, бывают у них в доме на Патриарших прудах (Малая Бронная, 32, кв. 24), устраивают шуточные спиритические сеансы.

Середина марта – узнает о судьбе эмигрировавших за рубеж братьев: Николая и Ивана (оба в Париже).

Начало апреля – поступает обработчиком писем в газету «Гудок». Содействовал этому его бывший коллега по ЛИТО А. И. Эрлих. Работа Булгакова в «Гудке» сначала в отделе писем, потом фельетонистом на знаменитой «Четвертой полосе» с В. Катаевым, Ю. Олешей, И. Ильфом, Е. Петровым, И. Овчинниковым, А. Потоцким, А. Явичем, М. Штихом и другими отразилась в его повести «Тайному другу» (1929) и в ряде воспоминаний мемуаристов.

12 апреля – первый репортаж в газете «Гудок», № 575: «У курян» с подписью М. Б. Всего в «Гудке» за 1922–1926 гг. Булгаковым было напечатано 118 репортажей, рассказов, фельетонов.

В мае Булгаков начинает сотрудничать в берлинской газете «Накануне» и ее «Литера-турном приложении», которое редактировал А. Н. Толстой. В начале мая Булгаков упомянут в числе предполагаемых авторов этого издания, московскую редакцию которого (Большой Гнезниковский переулок, 10) он посетил еще в апреле.

Конец мая – начало июня: опубликован в журнале «Рупор», № 2, рассказ «Необыкновенные приключения» (впервые под полной фамилией автора); продолжает знакомиться с московским литературным миром, посещает литературные кружки в «Доме Герцена» (Тверской бульвар, 25), «Никитинские субботники» (Газетный переулок, 3, кв. 7) и др.

18 июня – печатает главы из 1-й части «Записок на манжетах» в «Литературном приложении» (№ 8) к газете «Накануне», № 68 (те же главы публиковались позже с разночтениями в альманахе «Возрождение» (1923, № 2) и в «Бакинском рабочем» (1924, № 1).

30 июля – очерк «Москва краснокаменная. 1. Улица» в газете «Накануне», № 94. Июль – рассказ «Спиритический сеанс» в журнале «Рупор», № 4. В числе прототипов главных героев были супруги Крешковы; публикация рассказа привела к разрыву их отношений с Булгаковым.

Летом посещает подмосковное имение «Архангельское», что повлекло за собой возникновение замысла рассказа «Ханский огонь».

22 октября – рассказ «Красная корона (Historia morbi²¹³)» в «Литературном приложении» (№ 23) к «Накануне», № 166, связанный с впечатлениями Гражданской войны на юге России.

Участие в заседаниях литературного кружка Л. В. Кирьяковой «Зеленая лампа» (на Малой Дмитровке): чтение рассказов, позже – романа «Белая гвардия», повестей и пьес.

7 декабря – газета «Накануне» сообщает, что 13 писателей (в числе которых М. Булгаков) пишут большой коллективный роман о гражданской войне в России. Роман написан не был. Результатом этой работы для Булгакова стали роман «Белая гвардия» и серия рассказов.

10 декабря – рассказ «В ночь на 3-е число». Из романа «Алый мах» в «Литературном приложении» (№ 30) к «Накануне», № 207. Этот рассказ – из ранних редакций «Белой гвардии».

21 декабря – начало печатания цикла очерков под общим названием «Столица в блок-ноте» в «Накануне», № 216. Продолжение цикла было опубликовано 20 января (№ 239), 9 февраля (№ 256), 1 марта (№ 273) 1923 г.

Рассказ «№ 13 – Дом Эльпит-Рабкоммуна» в издававшемся в Петрограде «Красном журнале для всех», № 2.

Критическая статья «Юрий Слезкин: Силуэт» в берлинском журнале «Сполохи», № 12.

31 декабря – в «Литературном приложении» (№ 33) к «Накануне», № 223, напечатан фельетон «Чаша жизни. Веселый московский рассказ с печальным концом».

Знакомство с адвокатами Д. А. Кисельгофом и В. Е. Коморским (семья Коморских жила в Малом Козихинском переулке, 12, кв. 12).

1923 г.

Январь – публикация 2-й части «Записок на манжетах» в журнале «Россия», № 5.

14 января – чтение «Записок на манжетах» на заседании «Никитинских субботников». Январь

– февраль: работа над первой частью романа «Белая гвардия» (под названием «Желтый прапор»), выступления в литературных кружках. Попытка создания сатирического журнала «Ревизор» с привлечением коллег – журналистов из «Гудка» и «Накануне». Журнал разрешен не был.

19 февраля – вступление в профсоюз работников просвещения (секция работников печати, место работы – «Гудок», обработчик).

15 марта – очерки «КАЭНПЕ и КАПЕ» и «В школе городка III Интернационала» в журнале «Голос работника просвещения», № 4.

Вступает во Всероссийский союз писателей.

15 апреля – очерки «Сорок сороков» в «Накануне», № 310 и «1-я детская коммуна» в «Голосе работников просвещения», № 5–6.

21 апреля – выезжает по командировке газеты «Накануне» в Киев и остается там до 10 мая. Пишет очерк «Киев-город», собирает материал для завершения «Белой гвардии».

6 мая – рассказы «Китайская история» в «Иллюстрациях „Петроградской правды“», № 7 и «Московские сцены. На передовых позициях» в «Литературном приложении» (№ 51) к газете «Накануне», № 327 (последний рассказ позже переиздавался под названием «Четыре портрета»).

12 мая – возвращается из Киева в Москву и участвует в демонстрации против

Керзона. 19 мая – очерк «Бенефис лорда Керзона» в «Накануне», № 337.

---

²¹³ История болезни (лат.).

25 мая – очерк «Путевые заметки. Скорый № 7 „Москва – Одесса“» в «Накануне», № 341.

30 мая – участвует в литературном вечере, устроенном на квартире Коморских в честь приехавшего из Берлина А. Н. Толстого. Этот вечер описан в «Театральном романе».

15 июня – очерк «Птицы в мансарде» в «Голосе работника просвещения», № 7–8.

20 июня – очерк «Комаровское дело» в «Накануне», № 363. 6 июля – очерк «Киев-город» в «Накануне», № 377.

15 июля – цикл фельетонов и сатирических миниатюр под общим названием «Самочетный быт. Из моей коллекции» в «Литературном приложении» (№ 61) к «Накануне», № 385.

29 июля – фельетон «Самогонное озеро» в «Накануне», № 397, рубрика «Литературная неделя».

16 августа – очерк «Шансон д'Этэ»²¹⁴ в «Накануне», № 409. 31 августа – в письме Ю. Л. Слезкину Булгаков сообщает об окончании повести «Дьяволиада». О «Белой гвардии» написано: «Роман я кончил, но он еще не переписан, лежит грудой, над которой я много думаю. Кое-что исправляю».

2 сентября – фельетон «День нашей жизни» в «Накануне», № 424.

23 сентября – рассказ «Псалом» в «Накануне», № 442.

30 сентября – начало печатания в «Накануне» (№ 448) цикла очерков о Всероссийской сельскохозяйственной выставке в Москве под общим названием «Золотистый город». Продолжение было напечатано в «Накануне» 6-го (№ 453), 12-го (№ 458) и 14-го (№ 460) октября.

Середина октября – знакомство с ответственным секретарем альманаха «Недра» Н. С. Ангарским и его помощником П. Н. Зайцевым (оставившим воспоминания о Булгакове).

17 октября – первый фельетон в газете «Гудок», № 1026: «Беспокойная поездка. Моно-лог начальства (Не сказка, а быль)» за подписью: Герасим Петрович Ухов.

1 ноября – фельетон «Тайны Мадридского двора» в «Гудке», № 1039 за подписью Г. П. Ухов (прочтение этой подписи «гепеухов», ассоциирующейся с известным учреждением ГПУ – Главным политическим управлением НКВД – вызвало в редакции газеты пере-полох).

22 декабря – на литературном кружке «Никитинские субботники» художник А. А. Куренной рисует портрет М. А. Булгакова.

1924 г.

Начало января – участие в вечере «сменовеховцев» (издателей «Накануне»). Вечер про-водился в Бюро обслуживания иностранцев (Бюробин) в одном из особняков в Денежном переулке. Знакомство там с Л. Е. Белозерской, будущей второй женой.

21 января – смерть В. И. Ленина. 24 января – Булгаков прощается с телом В. И. Ленина в Колонном зале Дома союзов.

Рассказ «Воспоминание...» в журнале «Железнодорожник», № 1–2. Чтение «Белой гвардии» в московских литературных кружках.

25 февраля – выход повести «Дьяволиада» в альманахе «Недра», № 4 (мартовский выпуск).

Февраль – выход рассказа «Ханский огонь» в «Красном журнале для всех», № 2.

---

²¹⁴ Песня лета (фр.).

Март – продолжение чтений «Белой гвардии» в московских литературных кружках. Знакомство с писателем С. С. Заяицким, филологом Н. Н. Ляминим, художницей Н. А. Ушаковой, на квартирах которых также были чтения романа.

11–12 марта – надписывает повесть «Дьяволиада» машинистке И. С. Раабен и супругам Коморским.

26 марта – рассказ «Белобрысова книжка: Формат записной» в газете «Накануне», № 71.

30 марта – рассказ «Бурнаковский племянник» в газете «Бакинский рабочий», № 70.

6 апреля – цикл фельетонов «Золотые документы: Из моей коллекции» в «Накануне», № 81.

9 апреля – рассказ «Площадь на колесах: Дневник гениального гражданина Полосухина» в журнале «Заноза», № 9 за подписью М. Олл-Райт.

15–19 апреля – участие во Всероссийском съезде железнодорожников.

20 апреля – фельетон «Багровый остров. Роман тов. Жюль Верна. С французского на эзоповский перевод Михаил А. Булгаков» в «Накануне», № 90 (в рубрике «Литературная неделя»).

Развод с Татьяной Николаевной Булгаковой (Лаппа).

Участие в литературных кружках П. Н. Зайцева (Староконюшенный переулочек, 5), М. Я. Козырева, Л. М. Леонова (Девичье поле).

27 мая – начало публикации очерка «Москва 20-х годов» в «Накануне», № 119, окончание – там же, 12 июня, № 131. Под названием «Трактат о жилище» в сокращенном виде очерк включался в одноименный сборник (Л.: Земля и фабрика, 1925, 1926).

31 мая и 3 июня – публикация в «Накануне» (№ 122, № 124) главы из «Белой гвардии» под названием «Вечерок у Василисы».

Публикация отрывка из «Белой гвардии» («Конец Петлюры») в одесском журнале «Шквал», № 5 (позднее, 2 ноября, его перепечатает тифлисская «Заря Востока»).

Июнь – глава из «Белой гвардии» («Петлюра идет на парад») в «Красном журнале для всех», № 6.

Начало августа – выход альманаха «Возрождение», № 2 с 1-й частью «Записок на ман-жетах».

18 августа – фельетон «Три застенка» в «Бакинском рабочем», № 185.

Переезд из кв. 50 в кв. 34 дома № 10 по Большой Садовой улице.

Неудача с намерением опубликовать роман «Белая гвардия» в «Недрах».

Сентябрь – рассказ «Египетская мумия» в журнале «Смехач», № 16. Написана повесть «Роковые яйца»; предложена альманаху «Недра».

Октябрь – декабрь – публикация рассказов «Обмен веществ. Записная книжка» в журнале «Смехач», № 19 и «Три вида свинства» в журнале «Красный перец», № 21. Написана вторая автобиография. Закончен роман «Белая гвардия». Знакомство с В. В. Вересаевым.

Выезд из квартиры № 34 по Большой Садовой, 10; начало семейной жизни с Л. Е. Бело-зерской. Булгаковы поселяются сначала в деревянном особнячке в Арбатском переулочке, потом на антресолях служебных помещений школы на ул. Герцена (Большая Никитская, дом 46, кв. 12), которой заведовала сестра Михаила Афанасьевича – Н. А. Земская; затем снимают комнату на втором этаже флигеля во дворе дома 9 (кв. 4) по Чистому (Обухову) пере-улку, вблизи места, где квартировали Н. М. и М. М. Покровские, братья матери Булгакова. Начинается «пречистенский» период жизни Булгакова.

Во время жизни в Арбатском переулочке совместно с Л. Е. Белозерской начинает писать светскую комедию из французской жизни – «Белая глина». Из воспоминаний Л. Е. Белозерской следует, что было написано два действия, после чего их знакомый литератор А. Н. Тихонов (Серебров) отсоветовал продолжать эту работу. Никаких следов пока не обнаружено.

Знакомство с «гахновцами» (Государственная академия художественных наук) – Б. В. Шапошниковым, А. Г. Габричевским, В. Э. Морицем, С. В. Шервинским и другими, с зоологом А. Н. Северцовым, писателем В. Н. Долгоруковым (Владимировым).

1925 г.

4 января – рассказ «Богема» в журнале «Красная нива», № 1.

Выход журнала «Россия» (№ 4, по новой нумерации «толстых» двухмесячников) с первой частью «Белой гвардии».

16 января – был на вечере А. Белого (чтение «Воспоминаний о В. Брюсове») на квартире П. Н. Зайцева.

19 января – начал набрасывать пьесу «Белая гвардия» (процесс сочинения изображен в «Театральном романе»).

Январь – март: работа над повестью «Собачье сердце. Чудовищная история» с намерением опубликовать в альманахе «Недра». Первая редакция закончена в начале февраля.

15 февраля – чтение повести «Собачье сердце» на квартире у Н. С. Ангарского. Февраль – повесть «Роковые яйца» в альманахе «Недра», № 6. Позднее в сокращенном виде повесть публиковалась в журнале «Красная панорама» 10 мая (№ 19), 17 мая (№ 20) и 24 мая (№ 21) под названием «Луч жизни»; 30 мая (№ 22) и 13 июня (№ 24) – под названием «Роковые яйца».

7 марта – чтение 1-й части «Собачьего сердца» на «Никитинских субботниках».

Март – апрель: подготовка сборников рассказов и фельетонов, начатая осенью 1924 г. Корректур «Белой гвардии» для журнала «Россия», № 5 (23–28 марта); корректур сборника «Дьяволиада» в издательстве «Недра». Поэт Максимилиан Волошин, живущий в Коктебеле (Крым), одобряет прозу Булгакова и выражает желание с ним познакомиться.

3 апреля – получает приглашение режиссера МХАТа Б. И. Вершилова с последующим предложением написать пьесу на основе «Белой гвардии».

6 апреля – принимает участие в вечере, посвященном трехлетию журнала «Россия» (в Колонном зале Дома союзов).

Конец апреля – выход пятого номера журнала «Россия» с продолжением «Белой гвардии». Переговоры о публикации окончания этого романа и об отдельном его издании. Начало публикации цикла из двух фельетонов под общим названием «Золотые корреспонденции» в ленинградской «Красной газете», № 102, № 127.

30 апреля – регистрация брака с Л. Е. Белозерской.

10 мая – письмо М. А. Волошину в Коктебель с ответным выражением желания познакомиться с ним.

1 июня – получил письмо от М. А. Волошина с конкретным предложением приехать к нему в Коктебель.

12 июня – приезд в Коктебель к Волошину.

Художница Остроумова-Лебедева пишет портрет М. А. Булгакова, о чем впоследствии упоминает в своих мемуарах.

5 июля – М. А. Волошин дарит Булгакову свою книгу «Иверни» и акварель.

7 июля – отъезд из Коктебеля морем в Ялту, далее на автомобиле в Севастополь и поездом до Москвы. Впечатления от поездки нашли отражение в цикле очерков «Путешествие по Крыму».

Статья «Караул!!!» в журнале «Журналист», № 6–7. Выход в свет сборника «Дьяволиада», состоящего из двух повестей («Дьяволиада», «Роковые яйца») и трех рассказов («№ 13» – «Дом Эльпит-Рабкоммуна», «Китайская история», «Похождения Чичикова»).

27 июля – 31 августа: публикация цикла очерков «Путешествие по Крыму» в «Красной газете» (№ 184, 190, 195, 202, 206, 212).

Июль – начало августа: написание пьесы «Белая гвардия» (1-я редакция: в 5 актах, 12 картинах).

15 августа – рассказ «Стальное горло» в журнале «Красная панорама», № 33 (первый из цикла «Записки юного врача»).

Представляет во МХАТ пьесу «Белая гвардия» (1-я редакция).

17 августа – сдает третью часть (окончание) романа «Белая гвардия» в журнал «Россия» (публикация не состоялась, так как журнал был закрыт).

23 августа – рассказ «Таракан» в газете «Заря Востока» (Тифлис), № 958.

Август – фельетон «Ванькин – дурак» в журнале «Бузотер», № 19 (из цикла «Золотые документы» или «Золотые корреспонденции»); там же – рассказ «Шпрехен зи дейтч?». Рассказ «Угрызаемый хвост» в журнале «Бузотер», № 20.

Начало сентября – чтение пьесы «Белая гвардия» труппе МХАТа в присутствии К. С. Станиславского, а также на квартире поэта К. А. Липскерова.

Предложение Студии Е. Б. Вахтангова написать для них современную комедию.

Начало работы над пьесой «Зойкина квартира».

Сентябрь – начало октября: заканчивает вторую редакцию пьесы «Белая гвардия», представляет ее в репертуарный отдел Художественного театра.

15 октября – пишет резкое письмо руководству МХАТа (В. В. Лужскому) по поводу постановки пьесы «Белая гвардия». Условия, высказанные Булгаковым, принимаются.

Рассказ «Крещение поворотом» в журнале «Медицинский работник», № 41–42.

31 октября – читка пьесы «Белая гвардия» труппе Художественного театра.

Ноябрь – декабрь: продолжение работы над пьесами «Белая гвардия» и «Зойкина квартира». В книге Е. Ф. Никитиной «Русская литература от символизма до наших дней» опубликована «Автобиография. Октябрь 1924 г.» Возникновение замысла пьесы «Багровый остров».

1926 г.

1 января – заключение договора со Студией Е. Б. Вахтангова на пьесу «Зойкина квартира».

11 января – чтение пьесы «Зойкина квартира» труппе Студии Е. Б. Вахтангова (Театр им. Евг. Вахтангова).

18–25 января – рассказ «Вьюга» в журнале «Медицинский работник», № 2–3.

26 января – согласие руководства МХАТа на начало репетиций пьесы «Белая гвардия».

29 января – чтение 3-й редакции пьесы «Белая гвардия» новому составу исполнителей.

30 января – заключение договора с Московским Камерным театром на пьесу «Багровый остров».

Конец января – февраль: репетиции пьесы «Белая гвардия» во МХАТе.

12 февраля – выступление на диспуте «Литературная Россия» в Колонном зале Дома союзов.

21 февраля – чтение рассказа «Похождения Чичикова» на вечере литературного юмора в Политехническом музее.

2 марта – заключен с МХАТом договор на пьесу «Собачье сердце» по одноименной повести.

Начало – середина марта: первые репетиции пьесы «Зойкина квартира» в Театре им. Евг. Вахтангова. Продолжение репетиций «Белой гвардии» во МХАТе.

26 марта – показ первых двух актов спектакля «Белая гвардия» К. С. Станиславскому.

10 апреля – заключение договоров на постановку пьес «Белая гвардия» и «Зойкина квартира» в Ленинградском Большом драматическом театре.

24 апреля – первая генеральная репетиция «Зойкиной квартиры» в Театре им. Евг. Вах-тангова. Принято решение о перedelке пьесы.

26 апреля – вышло второе издание сборника «Дьяволиада».

Работа над пьесой «Багровый остров», встречи с режиссером Московского Камерного театра А. Я. Таировым.

7 мая – обыск в комнате Булгакова, произведенный работниками ОГПУ. Были взяты машинопись «Собачьего сердца» и три рукописные тетради под названием «Мой дневник» (возвращены лишь в 1929 году после ходатайства А. М. Горького. Булгаков уничтожил дневник, но следы его сохранились в архиве ОГПУ в виде сокращенной машинописной копии).

9 мая – уезжает в Ленинград.

10 мая – участвует в литературно-художественном вечере в Большом зале филармонии с чтением рассказа «Похождения Чичикова».

11–12 мая – пребывание в Ленинграде. Знакомство с А. А. Ахматовой, М. М. Зощенко и другими ленинградскими литераторами. Договоренность об издании сборника фельетонов в юмористической иллюстрированной библиотеке журнала «Смехач». Переговоры с ленинградскими театрами о написании и постановке пьесы.

13 мая – возвращение из Ленинграда; вызов к следователю ОГПУ для дачи показаний.

15 мая – фельетон «Акафист нашему качеству» в «Красной газете» (вечерний выпуск, № 113).

4 июня – письмо Совету дирекции МХАТа по поводу режиссуры и названия пьесы «Белая гвардия».

24 июня – первая закрытая генеральная репетиция с хором, оркестром и полной декорацией пьесы «Белая гвардия» («Перед концом»).

25 июня – разрешение Главреперткома на постановку «Белой гвардии».

26 июня – закрытие сезона в Московском Художественном театре. Перерыв в репетициях «Белой гвардии».

Конец июня – начало июля: Булгаковы переезжают по новому адресу: Малый Левшинский переулок, 4, кв. 1.

В 15-й книжке библиотеки журнала «Смехач» вышли рассказы и фельетоны Булгакова отдельным изданием.

20–27 июля – рассказ «Тьма египетская» в журнале «Медицинский работник», № 26–27.

Июль – август: переписка с режиссером Театра им. Евг. Вахтангова А. Д. Поповым. Перedelка пьесы «Зойкина квартира» (на даче у супругов Понсовых в Крюково под Москвой). Рассказ «Звездная сыпь» в журнале «Медицинский работник», № 29–30.

24 августа – совещание с руководством МХАТа о продолжении репетиций пьесы «Белая гвардия». Замена названия «Семья Турбиных» на «Дни Турбиных» («Белая гвардия»).

Конец августа – начало сентября: репетиция пьесы в Художественном театре.

10 сентября – завершение работы над текстом пьесы и утверждение ее окончательного названия – «Дни Турбиных».

Рассказ «Полотенце с петухом» в журнале «Медицинский работник», № 33–34.

15 сентября – читка нового варианта «Зойкиной квартиры» труппе Театра им. Евг. Вах-тангова.

17 сентября – первая открытая генеральная репетиция «Дней Турбиных» с приглашением Главреперткома.

22 сентября – вызов и допрос в ОГПУ (сотрудником Гендиным).

23 сентября – генеральная репетиция с публикой, приглашением правительства, высшего руководства театрами, прессы.

25 сентября – официальное разрешение «Дней Турбиных».

Конец сентября – начало октября: последние генеральные репетиции «Дней Турбиных» и окончательная доводка пьесы.

5 октября – премьера пьесы «Дни Турбиных» во МХАТе.

Рассказ «Пропавший глаз» в журнале «Медицинский работник», № 36–37.

Фотографирование в мастерской М. Наппельбаума с моноклем в глазу. Банкет по поводу премьеры «Дней Турбиных» в квартире актера МХАТа В. А. Степуна (Сивцев Вражек, 41). В октябре «Дни Турбиных» прошли 13 раз, в ноябре и в декабре – по 14 раз в месяц.

11 октября – диспут о «Днях Турбиных» в Доме печати: «Суд над „Белой гвардией“».

21 октября – разрешение Главреперткомом пьесы «Зойкина квартира».

28 октября – премьера «Зойкиной квартиры» в Театре им. Евг. Вахтангова.

10 ноября – отклонение президиумом коллегии Наркомпроса просьбы Булгакова о раз-решении к постановке в провинции пьесы «Зойкина квартира».

Декабрь – рассказ «Я убил» в журнале «Медицинский работник», № 44–45. Начало работы над пьесой, получившей название «Бег». Продолжение работы над «Багровым островом». Выход в издательстве «Земля и фабрика» сборника сатирических рассказов «Трактат о жилище». Разрешение пьесы «Зойкина квартира» к постановке в театрах Киева, Свердловска, Ростова-на-Дону, Баку, Саратова, Симферополя, Тифлиса, Риги. Выход «Автобиографии. Октябрь 1924 года» в сборнике «Писатели. Автобиографии и портреты современных прозаиков» (под редакцией В. Лидина). Знакомство с филологом П. С. Поповым, первым биографом Булгакова. Первые биографические записи.

1927 г.

14 января – 50-й спектакль «Дней Турбиных» во МХАТе.

7 февраля – выступление на диспуте «Дни Турбиных» и «Любовь Яровая» в Театре им. В. Э. Мейерхольда с резкой отповедью критику А. Орлинскому (стенограмма опубликована в 1969 г.).

Январь – февраль: завершение пьесы «Багровый остров». Встречи с М. А. Волошиным в Москве.

4 марта – сдача пьесы «Багровый остров» в Московский Камерный театр.

Март – апрель: завершение работы над первой редакцией пьесы «Бег», имевшей ранее название «Рыцарь Серафимы» («Изгой»).

19 апреля – расторгнут договор на инсценировку «Собачьего сердца» для МХАТа.

Май – лето: отдых в Крыму, в Судаче, на даче у композитора А. А. Спендиарова. Поездка в Ялту, посещение Дома-музея А. П. Чехова (13 мая – запись в альбоме памятных гостей музея).

1 августа – заключен договор с застройщиком А. Ф. Стуем на аренду трехкомнатной квартиры (Большая Пироговская, 35-Б₂₁₅, кв. 6). В конце августа – переезд на новую квартиру.

17 сентября – известие о снятии «Дней Турбиных». Вскоре это решение было отменено.

20 октября – возобновление «Дней Турбиных» в новом сезоне МХАТа 1927–1928 гг.

Октябрь – ноябрь: постановка пьесы «Семья Турбиных» в Рижском драматическом театре. Отдельное издание романа «Белая гвардия» в Риге с присочиненным редакцией концом.

9 ноября – снятие с репертуара пьесы «Зойкина квартира» в Театре им. Евг. Вахтангова.

---

²¹⁵ Иногда адрес указывался «дом 35-А».

Декабрь – рассказ «Морфий» в журнале «Медицинский работник», № 45–47. В Париже в издательстве «Конкорд» выходит «Белая гвардия» отдельной книгой (том 1; том 2 вышел в 1929 г). Борьба Булгакова с иностранными издателями (С. Каганским и др.) за авторские права на роман «Белая гвардия» и пьесу «Дни Турбиных».

1928 г.

2 января – договор с МХАТом на пьесу «Бег». Читка пьесы труппе.

Работа над статьей «Драматург и критик» («Премьера») для театрального альманаха Драмсоюза, готовившегося Е. И. Замятиным и А. Р. Кугелем.

Январь – февраль: работа над новой редакцией пьесы «Бег». Подает заявление о поездке за границу по вопросу авторских прав (разрешение дано не было). Дарит книгу «Дьяволиада» гостившей у Булгаковых М. П. Чеховой.

1 марта – еще один договор с МХАТом на пьесу «Бег».

16 марта – передает новый вариант пьесы «Бег» во МХАТ.

Апрель – поездка в Ленинград по поводу постановки пьесы «Бег» в Большом драматическом театре. Встречи с Е. И. Замятиным, Н. Э. Радловым, В. Я. Канторовичем. Возобновление пьесы «Зойкина квартира» в Театре им. Евг. Вахтангова.

21 апреля – середина мая: поездка на юг (Тифлис, Батум, Зеленый Мыс, Владикавказ).

18 мая – решение Главреперткома о запрещении пьесы «Бег».

17 июня – решение Главреперткома о снятии пьес «Зойкина квартира» и «Дни Турбиных».

Август – поездка в Одессу (19 августа – прибытие; 22 августа – чтение пьесы «Бег» художественному совету Театра русской драмы; 24 августа – договор на постановку «Бега» в Киевском Русском театре).

11 сентября – 200-е представление «Дней Турбиных» во МХАТе.

26 сентября – разрешение пьесы «Багровый остров» Главреперткомом.

9 октября – обсуждение пьесы «Бег» художественным советом МХАТа и членами Главреперткома в присутствии А. М. Горького.

11 октября – разрешение Главреперткомом пьесы «Бег». Начало репетиций во МХАТе и в Ленинградском Большом драматическом театре.

24 октября – окончательное запрещение пьесы «Бег».

9 декабря – закрытый просмотр спектакля «Багровый остров» в Московском Камерном театре.

11 декабря – премьера спектакля «Багровый остров».

Начало работы над первыми редакциями нового романа, позднее названного «Мастер и Маргарита».

1929 г.

25 января – последняя репетиция пьесы «Бег» во МХАТе.

2 февраля – письмо И. В. Сталина драматургу В. Н. Билль-Белоцерковскому с мнением по поводу «Дней Турбиных» и «Бега».

28 февраля – знакомство с Еленой Сергеевной Шиловской (на квартире художников Моисеенко: Большой Гнездиновский переулок, 10), будущей третьей женой писателя.

6 марта – публикация решения Главреперткома о снятии с репертуара всех пьес Булгакова.

17 марта – последнее, 198-е представление «Зойкиной квартиры», которая не возобновлялась уже при жизни автора.

Апрель – снятие с репертуара «Дней Турбиных».

8 мая – сдает в издательство «Недра» отрывок из нового романа – рукопись «Мания фурибунда» (глава из романа «Копыто инженера»).

Начало июня – последний спектакль «Багрового острова» в Московском Камерном театре.

Начало июля – пишет письмо-заявление И. В. Сталину, М. И. Калинину, начальнику Главискусства А. И. Свидерскому, А. М. Горькому о своем трудном положении с просьбой о выезде из СССР (ответа не последовало).

Лето – переписка с братом Н. А. Булгаковым, живущим в Париже, о судьбе зарубежных изданий и постановок.

3 сентября – пишет письмо секретарю ЦИК А. С. Енукидзе и А. М. Горькому с просьбой походатайствовать о выезде за границу (второе письмо А. М. Горькому было написано 28 сентября).

Сентябрь – работает над рукописью «Тайному другу », обращенной к Е. С. Шиловской. Впоследствии этот отрывок послужил основой для начала «Записок покойника» («Театраль-ного романа»).

2 октября – подает заявление о выходе из Всероссийского союза писателей.

14 октября – дирекция МХАТа расторгает договор на пьесу «Бег» и просит вернуть аванс.

Октябрь – начало работы над пьесой о Мольере.

6 декабря – закончена первая (рукописная) редакция пьесы о Мольере, названной «Кабала святош».

Перепечатка и чтение пьесы «Кабала святош» у Ляминых и на своей квартире. Обсуждение пьесы и ее доработка перед подачей в Главрепертком. Возникновение замысла пьесы «Блаженство» и начало работы над ней.

Написание первых глав романа «Театр» (по всей вероятности, переработанный и дополненный вариант наброска «Тайному другу»).

1930 г.

Январь – в письмах к брату Н. А. Булгакову в Париж сообщает о трудном литературном и материальном положении.

19 января – рассказывает о пьесе «Мольер» на совещании Литературно-репертуарного комитета МХАТа.

Конец января – начало февраля: встречи с Е. Замятиным и Б. Пильняком.

11 февраля – читает пьесу «Мольер» в Драмсоюзе.

18 марта – получение из Главреперткома письма о запрещении к постановке пьесы «Мольер».

28 марта – пишет письмо правительству СССР с просьбой определить жизненную и творческую судьбу. Сжигает часть рукописей романа «Театр», ранних редакций «Мастера и Маргариты» и пьесы «Блаженство».

14 апреля – самоубийство В. В. Маяковского. 17 апреля – Булгаков участвует в похоро-нах В. В. Маяковского. Фотографируется во дворе Клуба писателей с В. Катаевым, Ю. Оле-шей, И. Уткиным и другими.

18 апреля – телефонный разговор с И. В. Сталиным, решивший дальнейшую судьбу Булгакова.

Конец апреля – поступает в Театр рабочей молодежи (ТРАМ) консультантом.

10 мая – подает заявление во МХАТ с просьбой о приеме на работу. Тогда же зачисля-ется в труппу театра ассистентом режиссера.

Май – работа над первым вариантом инсценировки «Мертвых душ» по Н. В. Гоголю.

7 июля – Художественный совет МХАТа отвергает первый вариант инсценировки «Мертвых душ».

14 июля – уезжает с ТРАМом в Крым, в Мисхор, где живет до 3 августа, а затем возвращается в Москву.

Август – сентябрь: работа над «Мертвыми душами»; обсуждение с завлитчастью Ленинградского Красного театра Е. М. Шереметьевой будущей пьесы «Адам и Ева». Замысел инсценировки «Войны и мира» Л. Н. Толстого.

Октябрь – поездка в Ленинград, встреча с руководством Красного театра.

31 октября – чтение во МХАТе и обсуждение второго варианта инсценировки «Мертвых душ».

Ноябрь – доработка «Мертвых душ» по замечаниям художественного совета МХАТа.

2 декабря – первая репетиция «Мертвых душ» на сцене МХАТа.

28 декабря – датирует стихотворный набросок «Funerailles» («Похороны»).

Декабрь – начало января 1931 г.: встреча с Е. С. Шиловской в подмосковном доме отдыха; работа над «Мертвыми душами» и «Адамом и Евой».

1931 г.

Январь – февраль: репетиции «Мертвых душ».

25 февраля – разрыв отношений с Е. С. Шиловской по настоянию ее мужа.

14 марта – подает заявление в ТРАМ об отставке, которая была принята 15 марта.

18 марта – подает заявление во МХАТ с просьбой о зачислении в актерский состав театра.

17 апреля – подписано соглашение с Московским передвижным санитарно-просветительным театром Института санитарной культуры (Мясницкая, 42) о режиссерской работе над пьесой Н. А. Венкстерн «Одиночка».

30 мая – пишет письмо И. В. Сталину с размышлениями о своей творческой судьбе и просьбой о заграничном отпуске (письмо осталось без ответа).

Весна – лето: знакомство с М. П. Смирновой, повлиявшее на замысел романа «Мастер и Маргарита» и образ главной героини.

Начало переписки с П. С. Поповым (первое сохранившееся письмо датируется 26.10.31 г., последнее – 24.01.40 г.).

5 и 8 июля – подписывает договор на пьесу о войне для Красного театра и Театра им. Евг. Вахтангова.

10–22 июля: отдыхает на даче у Н. А. Венкстерн в г. Зубцове на Волге.

Июль – август: работа над пьесой «Адам и Ева» и поправками к пьесе «Мольер» («Кабала святош»).

22 августа – завершение рукописной редакции «Адама и Евы».

Август – сентябрь: поездка в Ленинград; заключение договора с Большим драматическим театром на инсценировку «Войны и мира» Л. Н. Толстого (26 августа).

24 сентября – начало работы над инсценировкой «Войны и мира».

Чтение пьесы «Адам и Ева» дирекции Красного театра и позже в Москве, в Театре им. Евг. Вахтангова. В обоих театрах эта пьеса не была принята.

3 октября – разрешение Главреперткомом пьесы «Мольер».

12 октября – договор на постановку «Мольера» с Ленинградским Большим драматическим театром. Позже такой же договор был заключен со МХАТом.

14 ноября – проводы Е. И. Замятина за границу.

1932 г.

Январь – решение правительства о возобновлении «Дней Турбиных». Из театра Булгакову позвонил об этом Ф. Н. Михальский 15 января.

11 февраля – генеральная репетиция (первый показ) «Дней Турбиных».

18 февраля – премьера «Дней Турбиных» для публики.

25 февраля – завершение инсценировки «Войны и мира». 14 марта – Большой драматический театр сообщил об отклонении пьесы «Мольер» и расторжении договора.

31 марта – начало репетиций «Мольера» во МХАТе.

9 мая – заключен договор с киностудией «Межрабпомфильм» о переделке диалогов в звуковой картине «Восстание рыбаков»; 18 мая сдает переписанные диалоги 1-й части сценария.

11 июля – заключен договор на книгу о Ж.-Б. Мольере для серии «Жизнь замечательных людей».

18 июля – заключен договор с Театром-студией Ю. Завадского на перевод пьесы Мольера «Мещанин во дворянстве».

Июль – август: работа над книгой о Мольере. Возобновление переписки и отношений с Е. С. Шиловской.

Сентябрь – начало работы над пьесой «Полоумный Журден» для Театра-студии Ю. Завадского.

1 октября – опубликован отрывок из пьесы «Бег» («Сон седьмой») в ленинградской «Вечерней Красной газете», № 226.

3 октября – расторгнут брак с Л. Е. Белозерской.

4 октября – заключен брак с Е. С. Шиловской.

15–28 октября: поездка с женой в Ленинград по вопросам постановки там «Мертвых душ» и «Бега». Чтение «Мертвых душ» в Красном театре. Возобновление работы над «Мастером и Маргаритой».

Конец октября – переезд Е. С. Булгаковой с младшим сыном Сергеем Шиловским в квартиру Булгакова на Большой Пироговской улице, 35-Б.

18 ноября – окончание пьесы «Полоумный Журден».

25 ноября – перерыв репетиций пьесы «Мольер» в Художественном театре.

28 ноября – премьера пьесы «Мертвые души» во МХАТе. Зима 1932–1933 гг.: работа над романом о Мольере.

1933 г.

5 марта – окончание работы над «Жизнеописанием господина де Мольера» и сдача в редакцию ЖЗЛ (8 марта).

Начало марта – переделка отдельных сцен пьесы «Бег» для МХАТа.

10 марта – возобновление репетиций пьесы «Бег» во МХАТе, продолжавшихся до 15 октября.

7 апреля – отрицательный отзыв редактора серии ЖЗЛ А. Н. Тихонова (Сереброва) на роман о Мольере.

12 апреля – Булгаков направляет ответ в редакцию ЖЗЛ с отказом переделывать книгу. 29 апреля – новый договор с МХАТом на пьесу «Бег». Май – предложение Ленинградского мюзик-холла написать трехактную эксцентрическую пьесу. 18 мая – заключен договор на будущую пьесу «Блаженство». Начало работы над пьесой – с 26 мая.

Июнь – начало июля: работа над новой редакцией пьесы «Бег».

10–22 июля: поездка с Е. С. Булгаковой в Ленинград по поводу пьесы «Бег». Встречи с А. А. Ахматовой у художника Н. Э. Радлова. Продолжение работы над романом «Мастер и Маргарита».

Лето – осень: переписка с братом Н. А. Булгаковым о постановке пьесы «Зойкина квартира» в Париже.

Сентябрь – продолжение работы над «Бегом». 9 сентября – беседа с А. М. Горьким; обсуждение пьесы во МХАТе. Чтение глав «Мастера и Маргариты» на квартире у Ляминых.

Октябрь – пишет ответы на анкету «Литературного наследства» о М. Е. Салты-ковец-Щедрина («Советские писатели о Щедрина»).

11 октября – обсуждение музыкально-шумового оформления пьесы «Бег» во МХАТе.

9 ноября – завершение работы над «Бегом» (датирован текст новой его редакции с пометкой «окончательный вариант»).

29 ноября – решение дирекции МХАТа об исключении пьесы «Бег» из планов работы театра.

8 декабря – наброски к пьесе «Блаженство» с вариантами названий: «Грезы Рейна», «Рейн грезит», «Острова блаженные».

9 декабря – играет роль Судьи на просмотре первых шести картин пьесы «Записки Пиквикского клуба» Н. А. Венкстерн (по Ч. Диккенсу). В дальнейшем (1934–1935) Булгаков играет эту роль регулярно.

16 декабря – начинает диктовать Е. С. Булгаковой пьесу «Блаженство».

23 декабря – читает пьесу «Мольер» во МХАТе новым исполнителям.

25 декабря – возобновление репетиций «Мольера».

1934 г.

4–22 января: возвращение к роману «Мастер и Маргарита».

18 февраля – переезд по новому адресу: улица Фурманова, дом 35, квартира 66 (ныне Нащокинский пер.).

Февраль – встречи с приехавшей из Ленинграда А. А. Ахматовой.

23 марта – заключен договор на пьесу «Блаженство» с Московским Театром сатиры.

28 марта – закончена первая рукописная редакция пьесы «Блаженство».

31 марта – заключен договор с киностудией «Союзфильм» на сценарий «Мертвые души».

11 апреля – завершение второй редакции пьесы «Блаженство»; 12 апреля – чтение ее друзьям.

23 апреля – окончание третьей машинописной редакции пьесы «Блаженство».

25 апреля – сдача пьесы «Блаженство» и чтение ее труппе театра.

Конец апреля – подает заявление секретарю ЦИК А. С. Енукидзе о двухмесячной заграничной поездке.

Начало мая – пишет экспозицию сценария «Похождения Чичикова, или Мертвые души» по поэме Н. В. Гоголя. 10 мая экспозиция обсуждается с И. А. Пырьевым и И. В. Вайс-фельдом, а 17 мая Булгаков заканчивает дополнение к экспозиции.

17 мая – заполняет с Е. С. Булгаковой анкеты на заграничные паспорта. Диктует набросок будущей книги «Был май...»

29 мая – подает заявление о приеме в Союз советских писателей.

4 июня – принят в Союз советских писателей.

7 июня – Булгаковым отказывают в выдаче паспортов для заграничной поездки.

10 июня – пишет письмо И. В. Сталину с объяснением трудной жизненной ситуации (письмо осталось без ответа).

13 июня – поездка в Ленинград с МХАТом на гастроли. Работа над киносценарием «Мертвые души».

20 июня – 500-й спектакль «Дней Турбиных».

Начало июля – читает пьесу «Блаженство» директору Красного театра В. Е. Вольфу (работа театра над пьесой не началась из-за ареста Вольфа).

4 июля – показывает кинорежиссерам черновую редакцию сценария «Мертвые души». 12

июля – начинает новую редакцию романа «Мастер и Маргарита». Завершает первую редакцию киносценария «Мертвые души». С 15 по 24 июля работает над второй редакцией киносценария.

19 июля – возвращение в Москву из Ленинграда.

Конец июля – начало августа: на даче в Звенигороде. Продолжение работы над киносценарием «Мертвые души».

12 августа – заканчивает и сдает на кинофабрику третий вариант сценария «Мертвые души».

15 августа – утверждение к постановке киносценария «Мертвые души».

16 августа – заключение договора с киностудией «Украинфильм» о либретто и сценарии «Ревизор» (по комедии Н. В. Гоголя).

17–23 августа – поездка в Киев с женой Е. С. Булгаковой. Переговоры о постановке «Мольера» в Театре русской драмы и о «Ревизоре» в кино. Встречи с М. Загорским, Н. Эрдманом, В. Нелли.

25 августа – в газете «За большевистский фильм» (многотиражка «Мосфильма») опубликовано интервью Булгакова (с портретом в монокле) о работе над сценарием к «Мертвым душам».

Начинает работу над киносценарием «Ревизор».

Конец августа – начало сентября: Первый Съезд советских писателей в Колонном зале. Булгаков не получил даже гостевого билета. Встреча с американскими исполнителями пьесы «Дни Турбиных».

8 сентября – беседа с режиссером МХАТа И. Я. Судаковым о возможности постановки пьесы «Бег».

10 сентября – возобновление работы над «Мастером и Маргаритой».

15 сентября – режиссер И. А. Пырьев посылает Булгакову экземпляр киносценария «Мертвые души» со своими поправками.

Сентябрь – октябрь: начал работу (первые наброски) над пьесой о Пушкине.

9 октября – заключение договора с Театром сатиры о переработке пьесы «Блаженство» в другую (получившую позднее название «Иван Васильевич»).

10–15 октября: работа над первой редакцией киносценария «Ревизор».

16 октября – возобновление репетиций «Мольера» во МХАТе.

17 октября – чтение «Ревизора» режиссерской группе.

18 октября – на даче у В. В. Вересаева (на Николиной горе) делает тому предложение писать вместе пьесу о Пушкине (по плану, разработанному Булгаковым). В. В. Вересаев соглашается.

24 октября – окончание второй редакции киносценария «Ревизор».

Конец октября – завершение работы над первым полным (37 глав) вариантом «Мастера и Маргариты»; 30 октября начата новая тетрадь рукописных дополнений к роману.

3 ноября – генеральная репетиция пьесы «Пиквикский клуб» с участием Булгакова в роли Судьи.

5 и 18 ноября – поправки к «Мертвым душам».

9 ноября – завершение окончательного варианта финальной сцены «Сон восьмой» пьесы «Бег».

21 ноября – сообщение о запрещении пьесы «Бег».

Конец ноября – знакомство и работа с режиссером М. С. Каростиним по сценарию «Ревизора». Начало работы над пьесой «Иван Васильевич» (переделкой пьесы «Блаженство»).

27 ноября – отказ Московской кинофабрики от поправок к «Мертвым душам» и возвращение киносценария на доработку.

1 декабря – премьера спектакля «Пиквикский клуб» с участием Булгакова.

17 декабря – договор с Театром им. Евг. Вахтангова на пьесу о Пушкине.

27 декабря – радиопремьера спектакля «Пиквикский клуб». В репетициях спектакля принимал участие Булгаков.

1935 г.

Январь – февраль: продолжение работы над пьесой о Пушкине, «Мертвыми душами», «Ревизором».

Середина февраля – начало интенсивных репетиций «Мольера» с участием К. С. Станиславского.

28 февраля – закончена новая редакция киносценария «Ревизор».

Март – апрель: продолжение репетиций «Мольера».

26 марта – возобновление работы над пьесой о Пушкине; 27 марта – завершение ее черновой редакции; 5 апреля – чтение у В. В. Вересаева двух последних картин пьесы.

7 и 13 апреля – встречается с приехавшей в Москву А. А. Ахматовой; 8 апреля – встреча с Б. Л. Пастернаком у К. А. Тренева.

22 апреля – пишет письмо К. С. Станиславскому об отказе переделывать пьесу «Мольер». Возражения Булгакова были приняты.

23 апреля – присутствует с Еленой Сергеевной на балу в американском посольстве, впечатление от которого повлияло на сюжет одной из сцен в «Мастере и Маргарите».

28–29 апреля: чтение дома друзьям 1-го акта нового варианта «Зойкиной квартиры».

2–10 мая: заканчивает вторую редакцию «Зойкиной квартиры».

7 мая – чтение отрывков пьесы «Иван Васильевич» актерам Театра сатиры.

18 мая и 2 июня – чтение пьесы о Пушкине актерам Театра им. Евг. Вахтангова. Лето – работа над пьесой «Пушкин» («Последние дни»). Переписка с В. В. Вересаевым о трактовке образа Пушкина в пьесе.

9 сентября – завершение работы над пьесой «Пушкин»; 20 сентября получено разрешение Главреперткома на постановку.

30 сентября – завершена пьеса «Иван Васильевич»; 2 октября читает пьесу актерам Театра сатиры; 7 октября сдает пьесу в театр.

29 октября – пьеса «Иван Васильевич» разрешена к постановке; 31 октября вносит последние поправки в пьесу; 1 ноября вновь читает пьесу в Театре сатиры; 18 ноября там начинаются репетиции.

30 октября – приход к Булгаковым А. А. Ахматовой с вестью об аресте ее мужа (Н. Н. Лунина) и сына (Л. Н. Гумилева). Помогает Ахматовой составить письмо Сталину. Арестованных выпустили 4 ноября.

5 ноября – начинает работу над переводом пьесы Мольера «Скупой» («Скряга»); 10 декабря заключает договор на этот перевод с издательством «Academia».

Конец года – работа над новой редакцией сценария «Ревизор» в соавторстве с режиссером М. С. Каростиним.

Выход совместного киносценария «Необычайное путешествие, или Ревизор» (по Гоголю) (М.: Цедрам, 1935). Продолжение репетиций «Мольера» во МХАТе. К. С. Станиславский отказывается от личной работы над постановкой, предложив выпускать спектакль режиссеру Н. Горчакову.

19 декабря – В. В. Вересаев снимает свое имя с пьесы «Александр Пушкин».

1936 г.

16 декабря – закончен перевод пьесы Мольера «Скупой».

Возникновение замысла оперы «Пушкин» по пьесе Булгакова с музыкой Д. Д. Шостаковича.

28 января – в газете «Правда» статья «Сумбур вместо музыки» об опере Шостаковича «Леди Макбет Мценского уезда».

5 февраля – первая генеральная репетиция «Мольера»; 9 февраля – вторая генеральная репетиция; 11 и 15 февраля – закрытые просмотры спектакля.

6 февраля – решает написать пьесу о Сталине.

15 февраля – в многотиражке МХАТа «Горьковец» публикуется ряд отзывов о пьесе и спектакле «Мольер». Среди них интервью с Булгаковым «Он был велик и неудачлив» – о личности Мольера.

16 февраля – премьера спектакля «Мольер».

21 февраля – общественный просмотр спектакля «Мольер»; 24 февраля – первый спектакль для публики (до 4 марта пьеса прошла семь раз).

Конец февраля – начало марта: продолжение репетиций спектакля «Иван Васильевич» в Московском Театре сатиры. Серия отрицательных рецензий на спектакль «Мольер» во МХАТе. Решение принять участие в конкурсе на учебник «История СССР». Прекращение съемок фильма «Ревизор» (режиссер М. С. Каростин).

5 марта – начало работы над «Курсом истории СССР».

9 марта – статья «Внешний блеск и фальшивое содержание» в «Правде». Снятие спектакля «Мольер» с репертуара.

16 марта – статья актера МХАТа М. М. Яншина «Поучительная неудача» о спектакле «Мольер» (газета «Советское искусство»). Разрыв отношений Булгакова с Яншиным.

Конец марта – апрель: поправки к пьесе «Иван Васильевич» по просьбе Театра сатиры. Нападки в прессе на репетирующийся в Театре им. Евг. Вахтангова спектакль «Пушкин». Работа над главами учебника «Курс истории СССР» (не был завершен).

11 мая – участвует в просмотре спектакля «Иван Васильевич»; 13 мая – генеральная репетиция, однако пьеса не допускается к представлению.

19 мая – начинает перевод пьесы Шекспира «Виндзорские проказницы» (по договору с МХАТом). Отказывается вносить исправления в пьесу «Пушкин».

31 мая – отъезд с Еленой Сергеевной в Киев на гастроли МХАТа.

4 июня – присутствует на спектакле «Дни Турбиных».

12 июня – возвращение из Киева в Москву.

16 июня – композитор Б. В. Асафьев предлагает написать либретто оперы «Минин и Пожарский» для Большого театра.

Конец июня – июль: работа над переводом «Виндзорских проказниц» и либретто «Минин и Пожарский». Живет на даче в Загорянке под Москвой. Начинает последнюю тет-радь дополнений к основному тексту рукописной редакции «Мастера и Маргариты».

27 июля – отъезд в Синоп под Сухуми с Еленой Сергеевной.

Август – продолжение работы над переводом пьесы «Виндзорские проказницы» и объединение ее с другой пьесой Шекспира «Генрих IV» (написание новой пьесы).

1 сентября – возвращение в Москву.

14 сентября – прекращает работу над переводом «Виндзорских проказниц». Предложение художественного руководителя и дирижера Большого театра С. А. Самосуда написать либретто оперы о Перекопе и перейти на постоянную работу в Большой театр.

15 сентября – подает во МХАТ заявление об увольнении и одновременно заявление в Большой театр о приеме на работу.

10 октября – поступает в Большой театр либреттистом и консультантом.

20 октября – заполняет анкетную карточку договора, где обязывается писать одно либретто в год.

Октябрь – ноябрь: работа над либретто оперы «Черное море».

23 ноября – наброски либретто оперы «О Владимире». Эта работа продолжение не получила.

26 ноября – начало работы над «Записками покойника» («Театральным романом»).

Декабрь – Елена Сергеевна записывает «Устные рассказы» Булгакова о Сталине и его приближенных.

1937 г.

Январь – февраль: запрет на постановку пьесы «Пушкин». Предложение композитора Е. Е. Петунина написать либретто оперы о Петре I.

18 марта – завершает либретто «Черное море».

20 марта – пишет новый вариант «Автобиографии».

Конец марта – завершение либретто оперы «Минин и Пожарский» (композитор Б. В. Асафьев); работает над ее постановкой в Большом театре.

2 апреля – Московский городской суд отклонил иск Харьковского драматического театра о взыскании с Булгакова денег за не вышедший там спектакль «Пушкин».

7 апреля – вызов в ЦК партии к М. А. Агарову для беседы о переделках пьесы «Пушкин» и либретто «Минин и Пожарский».

Апрель – май: чтение глав из «Записок покойника» друзьям. Наброски к либретто оперы «Рашель». Участие в репетициях «Минина и Пожарского» в Большом театре.

Весна – лето: возобновление переписки с братом Н. А. Булгаковым о постановке во французском театре пьесы «Зойкина квартира» и своих авторских правах за границей. Переписка с ленинградским композитором Б. В. Асафьевым (началась в июле 1936 г. и продолжалась почти два года) о написании либретто и постановке оперы «Минин и Пожарский».

16 июня – отъезд в деревню Богунью под Житомиром по приглашению отдохнувшего там у родственников (дача Тарасевича) актера МХАТа В. А. Степуна.

14 августа – возвращение в Москву.

Сентябрь – прекращение работы над «Записками покойника».

13 сентября – окончание либретто «Петр Великий».

28 сентября – 1 октября: работа над второй редакцией пьесы «Бег».

Октябрь – предложение написать либретто оперы о 1812 годе по роману Л. Н. Толстого «Война и мир».

8 декабря – начало работы над инсценировкой романа Сервантеса «Дон Кихот».

Продолжение работы над новой редакцией романа «Мастер и Маргарита».

1938 г.

29 января – присутствует на первом исполнении Пятой симфонии Д. Д. Шостаковича в консерватории.

4 февраля – пишет письмо И. В. Сталину с ходатайством о сосланном драматурге Н. Р. Эрдмане.

Зима – весна: продолжение работы над «Мининым и Пожарским». Интенсивная работа над романом «Мастер и Маргарита». Служба в Большом театре: составление отзывов, кон-сультации, участие в репетициях. Чтение глав романа «Мастер и Маргарита» друзьям и зна-комым.

2 мая – чтение романа Н. С. Ангарскому (видному издательскому работнику), который высказался о невозможности печатания романа.

22–23 мая: закончена последняя рукописная редакция «Мастера и Маргариты».

26 мая – Елена Сергеевна с сыном Сережей Шиловским уезжают на все лето в г. Лебедянь. Живут в доме счетовода В. И. Андриевского. М. А. Булгаков в письмах к жене сообщает о ходе работы над «Мастером и Маргаритой».

26 мая – 24 июня: перепечатка и правка романа.

25 июня – уезжает к семье в Лебедянь.

22 июля – возвращается в Москву.

Август – работа над инсценировкой «Дон Кихота».

4 сентября – читает актерам Театра им. Евг. Вахтангова вариант инсценировки «Дон Кихота».

10–19 сентября – начало работы над пьесой «Пастырь» (впоследствии названной «Батум»).

23 сентября – начало работы над либретто оперы «Мадемуазель Фифи» («Рашель») по новелле Мопассана.

8 октября – заканчивает инсценировку «Дон Кихота».

Середина октября – к юбилейным дням МХАТа пишет либретто шуточного приветствия от Большого театра – «Юбилейное заседание».

5 ноября – разрешение к постановке пьесы «Дон Кихот».

10 ноября – чтение пьесы «Дон Кихот» в Театре им. Евг. Вахтангова.

Конец года – продолжение работы над романом «Мастер и Маргарита» и либретто «Рашель». Трансляция по радио оперы «Минин и Пожарский».

1939 г.

2 января – в многотиражке Большого театра «Советский артист» печатает юмористический репортаж «Детский рассказ».

Январь – продолжение работы над либретто «Рашель».

16 января – работа над пьесой «Батум»; 25 января были готовы 3 картины пьесы.

Январь – весна: переписка с композитором И. О. Дунаевским о либретто оперы «Рашель».

26 марта – заканчивает либретто «Рашель».

26 апреля – 14 мая: читает друзьям полный текст «Мастера и Маргариты».

18 мая – замысел пьесы о Ричарде I («Ласточкино гнездо»). 28 мая – замысел либретто балета по сказке Г.-Х. Андерсена «Калоши счастья».

9 июня – беседа во МХАТе об условиях договора на пьесу «Батум».

2 июля – чтение артистам Художественного театра фрагментов пьесы «Батум»; 11 июля – чтение пьесы в Комитете по делам искусств. Июль

– завершает работу над пьесой «Батум».

24 июля – передает пьесу «Батум» руководству МХАТа.

27 июля – чтение пьесы «Батум» в Художественном театре.

14 августа – отъезд М. А. и Е. С. Булгаковых с постановочной бригадой МХАТа для работы над пьесой «Батум» в Грузию. Возвращение в тот же день в Москву из Тулы после телеграммы, отменяющей поездку.

Ухудшение состояния здоровья М. А. Булгакова.

10 сентября – отъезд с Еленой Сергеевной в Ленинград.

11 сентября – внезапное ухудшение зрения у Булгакова.

15 сентября – возвращение из Ленинграда в Москву. Консилиум врачей и подтверждение ранее поставленного диагноза: гипертонический нефросклероз.

4 октября – диктовка Елене Сергеевне поправок к «Мастеру и Маргарите». Работа эта продолжалась почти до самой кончины Булгакова.

10 октября – передача ведения всех дел Е. С. Булгаковой. 24 октября – заседание художественного совета МХАТа, одоббившего предстоящую постановку пьесы «Пушкин».

11 ноября – первый визит к Булгакову секретаря Союза писателей СССР А. А. Фадеева.

16 ноября – заключение договора с Ленинградским Большим драматическим театром на постановку пьесы «Дон Кихот».

18 ноября – 18 декабря: на лечении в подмосковном санатории «Барвиха». Временное улучшение здоровья, восстановление зрения.

Чтение романа «Мастер и Маргарита» друзьям, работа над дополнениями к нему.

1940 г.

6 января – записи к ранее задуманной пьесе «Ласточкино гнездо».

22 января – подписание договора с МХАТом на постановку пьесы «Александр Пушкин» («Последние дни»). Пьеса была поставлена в 1943 году.

13 февраля – последний раз диктует поправки к роману «Мастер и Маргарита».

Февраль – начало марта: дежурство у постели больного Булгакова его друзей и близких. Визиты А. А. Фадеева, планы поездки Булгакова на юг Италии для лечения.

4 марта – «Утро. Проснулся... Потом заговорил: „Я хотел служить народу... Я хотел жить в своем углу... (Сергею²¹⁶) Ты знаешь, что такое рублище? Ты слышал про Диогена? Я хотел жить и служить в своем углу... я никому не делал зла...“» (из дневника Е. С. Булгаковой, который она вела с октября 1939 г. до кончины М. А. Булгакова, о его последних днях).

Перед смертью просил П. С. Попова отслужить панихиду после его кончины, что и было тайно сделано.

10 марта в 16 часов 39 минут Михаил Афанасьевич Булгаков скончался.

11 марта – гражданская панихида в здании Союза писателей СССР (ул. Воровского, ныне Поварская, 52). Перед панихидой московский скульптор С. Д. Меркулов снял с лица Булгакова посмертную маску.

С прощальным словом на панихиде выступили Вс. В. Иванов, А. М. Файко, В. О. Топорков, Б. А. Мордвинов.

12 марта – кремация тела М. А. Булгакова. Урна с прахом захоронена на Новодевичьем кладбище.

15 марта – в «Литературной газете» появились фотография и некролог: «Умер Михаил Афанасьевич Булгаков – писатель очень большого таланта и блестящего мастерства...» за коллективной подписью «Президиум Союза советских писателей».

---

²¹⁶ Сергей Шиловский, сын Е. С. Булгаковой.

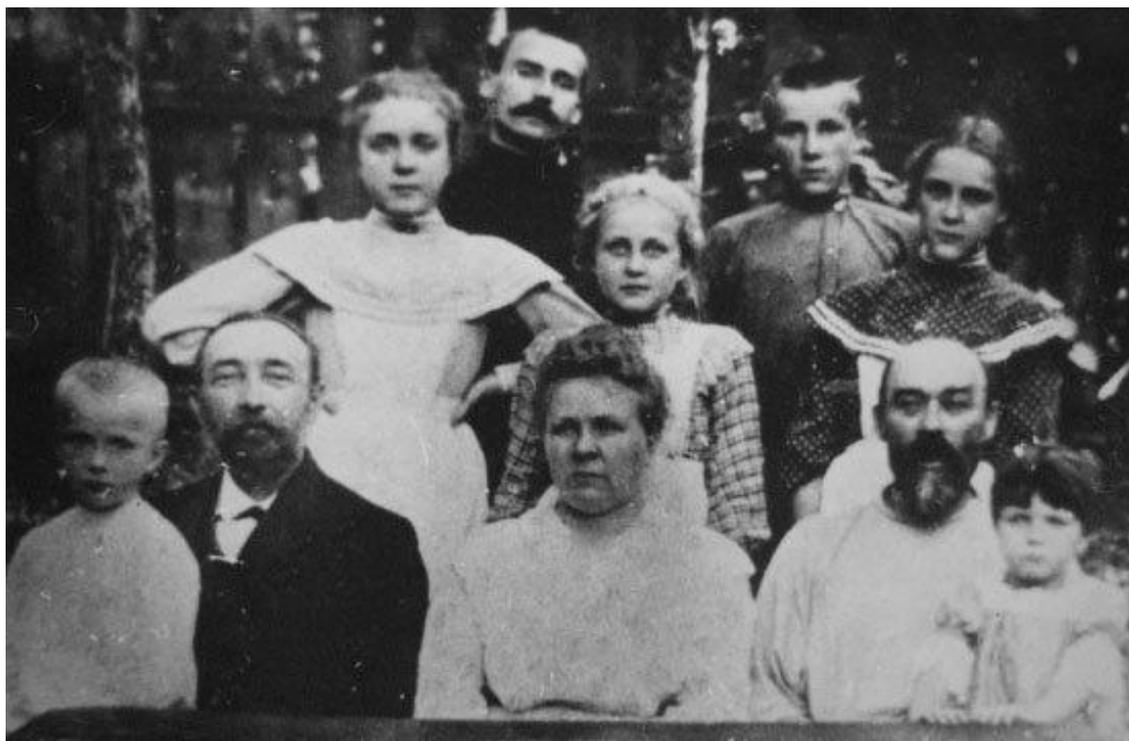
Фото

Афанасий Иванович Булгаков (1859–1907), отец М. А. Булгакова, профессор Киевской духовной академии. Около 1906

Варвара Михайловна Булгакова (1869–1922), урождённая Покровская, мать М. А. Булгакова. 1914

Семья Булгаковых со знакомыми. 1906. Слева-направо, в первом ряду: Коля, профессор Д. И. Богдашевский, Варвара Михайловна, Афанасий Иванович, Лёля. Стоят: Вера, Сергей Язев, Варя, Миша, Надя

Булгакова В. М. с детьми. 1907. Слева-направо стоят: Михаил, Вера; сидят: Надя, Варвара Михайловна, Коля, Варя. Внизу: Елена, Ваня

Миша Булгаков – гимназист. 1908

Татьяна Николаевна Булгакова (ур. Лаппа, 1893–1982). 1913

Михаил Булгаков – студент медицинского факультета Киевского университета. 1916

Братья Покровские. 1900-е годы. Слева-направо: Митрофан Михайлович, Михаил Михайлович, Николай Михайло-

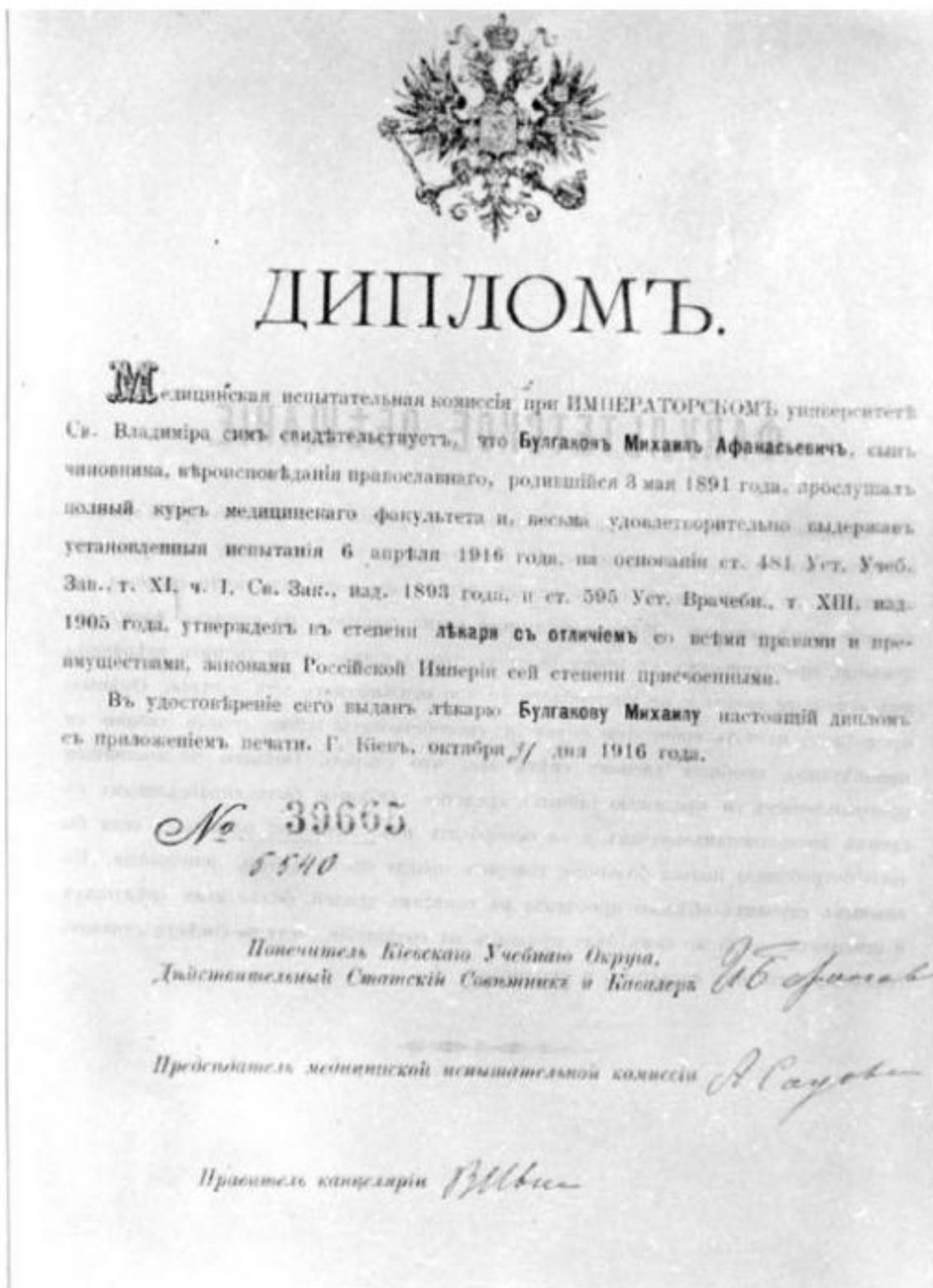
вич

М. Булгаков – студент-медик в своем кабинете в доме № 13 на Андреевском спуске. Киев. 1913

М. Булгаков среди медицинского персонала и больных лазарета Казённой палаты. Саратов. 1914

Диплом лекаря «с отличием» М. Булгакова от 31 октября 1916 г.

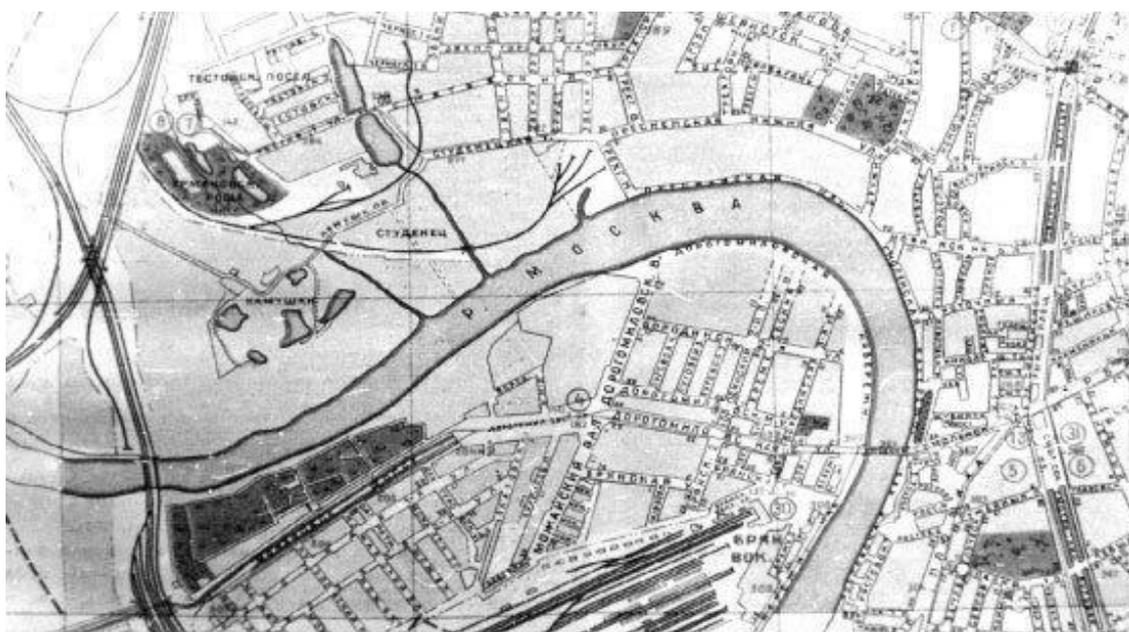
Молодой врач М. Булгаков. 1916. Киев

Москва. Брянский (Киевский) вокзал. 1900-е годы

Москва. Бородинский мост. Конец 1920-х

Карта Москвы 1928 года (фрагмент)

Внутренний двор дома на большой Садовой. Вид 6-го подъезда, где на 4-ом этаже находится «нехорошая квартира» № 50. С марта 2007 года открыт мемориальный музей М. А. Булгакова

Большая Садовая, дом 10. Доходный дом табачного фабриканта И. Пигита

Пожарная лестница, ведущая в «нехорошую квартиру», по которой поднимались те, кто «шли арестовывать» шайку гипнотизёра Воланда (Большая Садовая, дом 10)

Москва. Сретенский бульвар. Дом страхового общества «Россия» (1899–1902, арх. Н. М. Проскурин). Первое место службы (1.10 – 1.12.1921) Михаила Булгакова в Москве: Литературный отдел (Лито) Главполитпросвета («Записки на манжетах», «Дьяволиада»)

Москва, улица Мясницкая: «...не из прекрасного далека...»

Москва. Малый каменный мост. Конец 1920-х

Москва. Улица Тверская. Конец 1920-х

Москва. Вид на Кремль с крыши «Дворца Труда», где в 1920-е годы М. Булгаков сотрудничал с газетами «Гудок», «Рупор», «Красный журнал для всех», редакции которых располагались в этом здании

Большой Гнезниковский переулок, дом 10. Сюда в 1921 М. А. Булгаков приходил в гости к «старику» – А. С. Готфриду, начальнику Лито, а в 1922–1924 годах писатель посещал московскую редакцию берлинской газеты «Накануне»,

в которой часто публиковался. В феврале 1929 года на квартире художника Моисеенко М. А. Булгаков познакомился с Е. С. Шиловской

М. Булгаков. Середина 1920-х

Любовь Евгеньевна Белозерская (1895–1987), жена М. Булгакова с октября 1924 по октябрь 1932

Москва. Большая Никитская, дом 46. Здесь М. Булгаков жил у своей сестры Н. А. Земской в служебном помещении школы

ВОДОНЕПРОВОД

1-й Совет. Театр

ОТКРЫТИЕ ЗИМНЕГО ДРАМАТ. СЕЗОНА

Состав труппы (по алфавиту)

Режиссеры: АКСЕНОВ, АВГУСТОВ, ДИМОН, ШИШОВ. **Умк. реж. МИНСКИЙ.** Декор: Дубровина Гейне.

Электричество: **Степанович**

Администратор ФИЛЬ

Башкина	Загорская	Коренькина	Михайлова
Боровская	Казанская	Краснощева	Николаевская
Грозная	Кувчинская	Лаврова	Полухина
Жданович	Корса	Мещерская	Юрцева

Аксенов	Гинтер	Димон	Минин	Сазонов
Августов	Димон	Кубольский	Минский	Тугаринов
Богословский	Демур	Кольцов	Поль	Татарин
Вольский	Занаров	Кур	Пальмирон	Федотов

Открытие спектаклей 16 октября 1920 г.

16-го Суббота ГОГОЛЬ

17-го Воскресенье

18-го Понедельник

19-го Вторник

20-го Среда

21-го Четверг

22-го Пятница

23-го Суббота

24-го Воскресенье

ДЕВИЗ **БУЛГАКОВ**

Братья Турбины

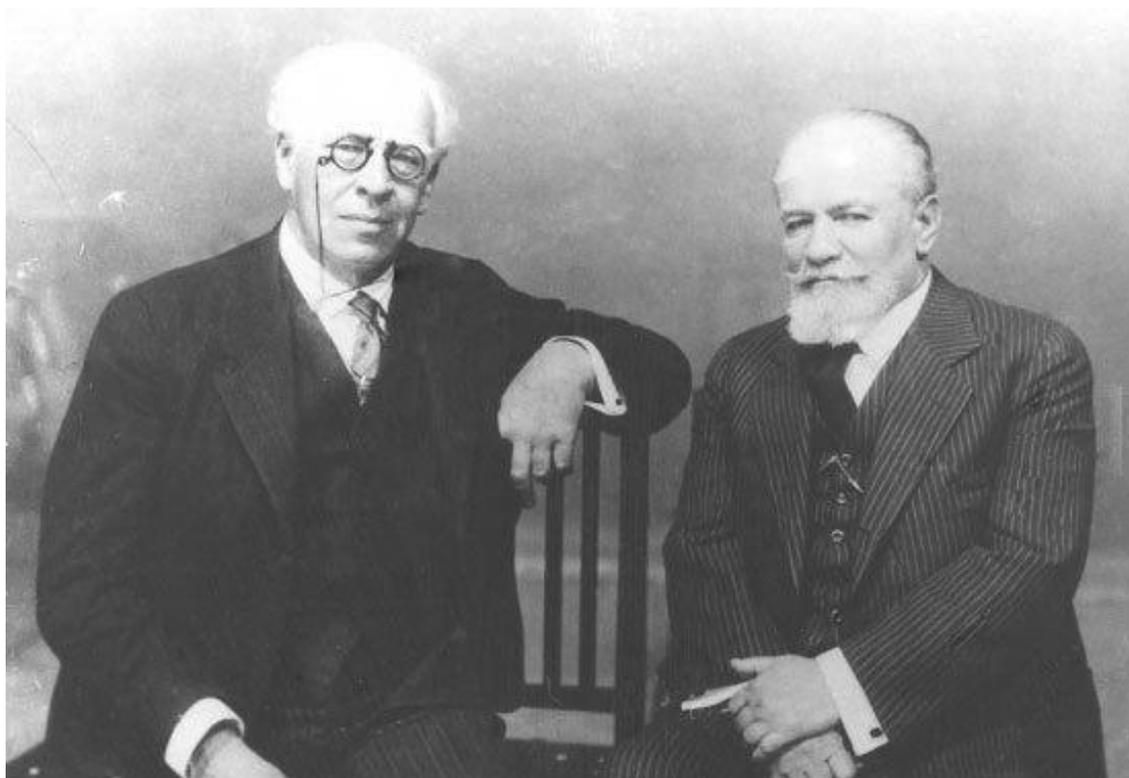
(пробил час)

Постановка Августова

Наши спектакли в 7⁰⁰ час. вечера

После 2-го ззонка вход в зрительный зал прекращает.

Владикавказ. Первый Советский театр. Афиша спектакля по пьесе М. А. Булгакова «Братья Турбины»

*Константин Сергеевич Станиславский и Владимир Иванович Немирович-Данченко – основатели и руководители
МХАТ. 1930-е годы*

Москва. Здание МХАТ (Камергерский пер., д. 3). Здесь с 1926 года шли пьесы М. Булгакова «Дни Турбиных», «Кабала святош», инсценировка поэмы Н. В. Гоголя «Мертвые души», «Александр Пушкин» (1943)

Сцена из спектакля «Дни Турбиных». 1926

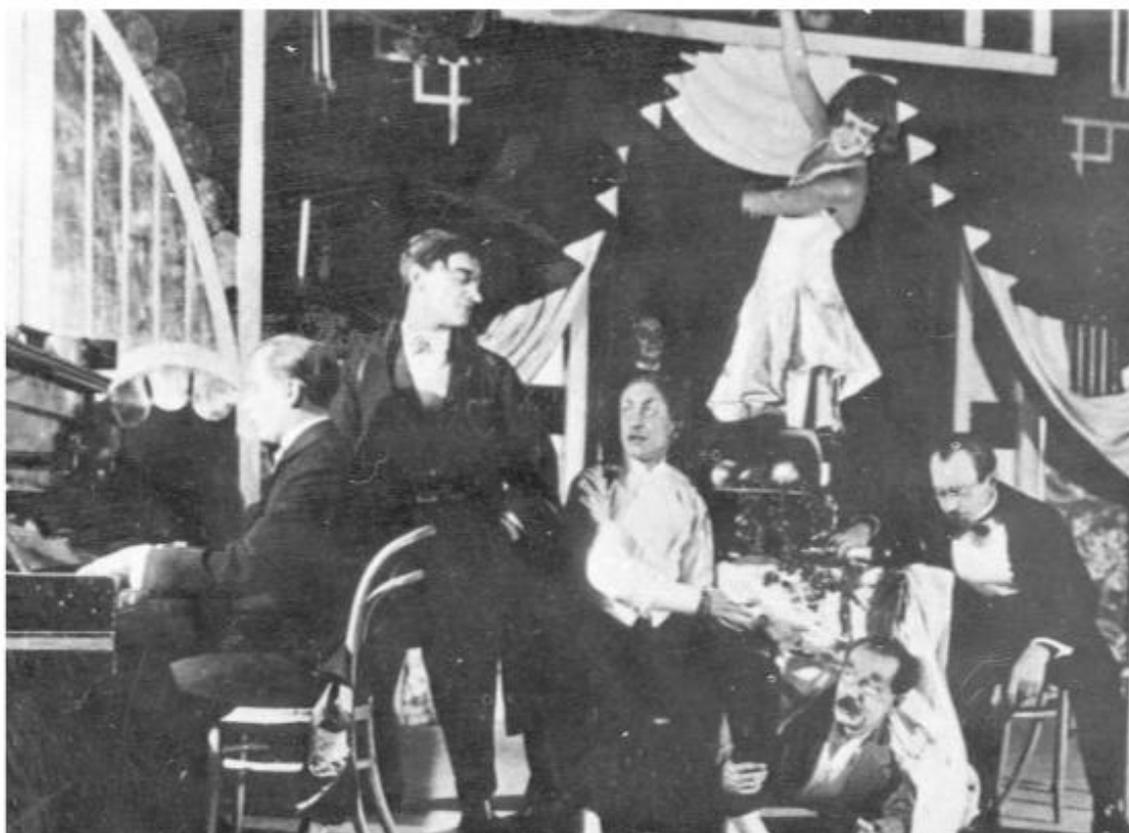
Николай Павлович Хмелев в роли Алексея Турбина. 1926

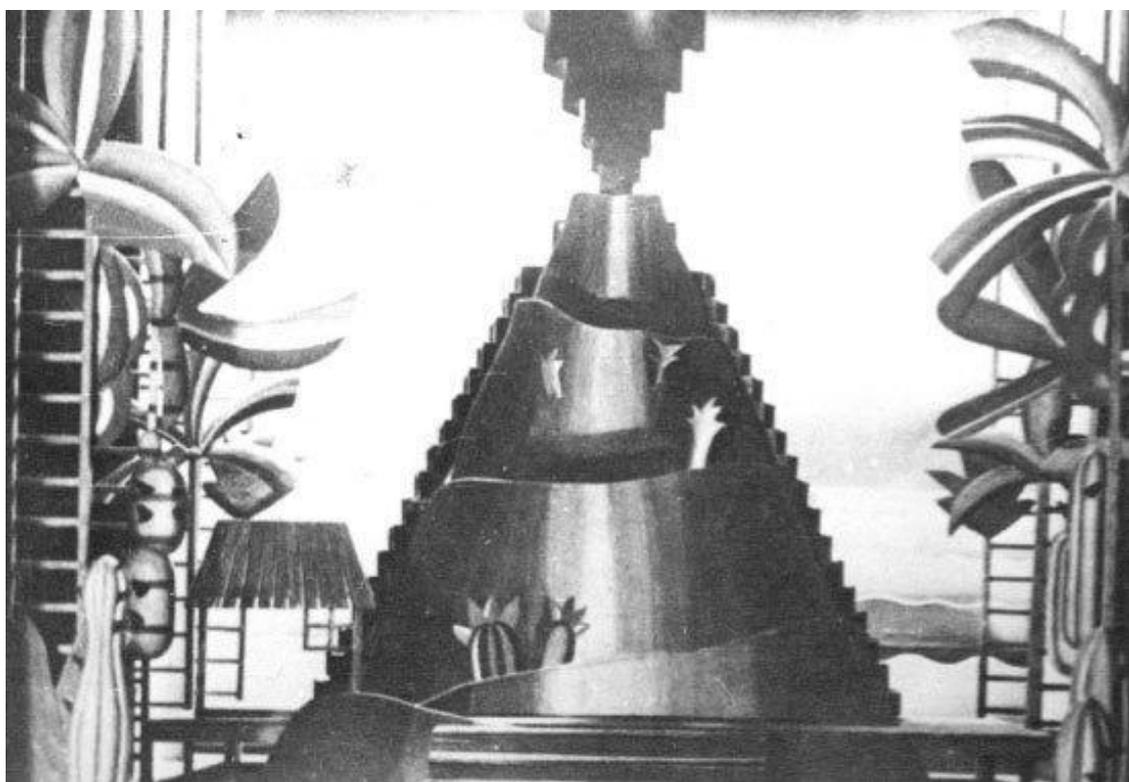
М. Булгаков среди актеров МХАТа, участников спектакля «Дни Турбиных». 1926

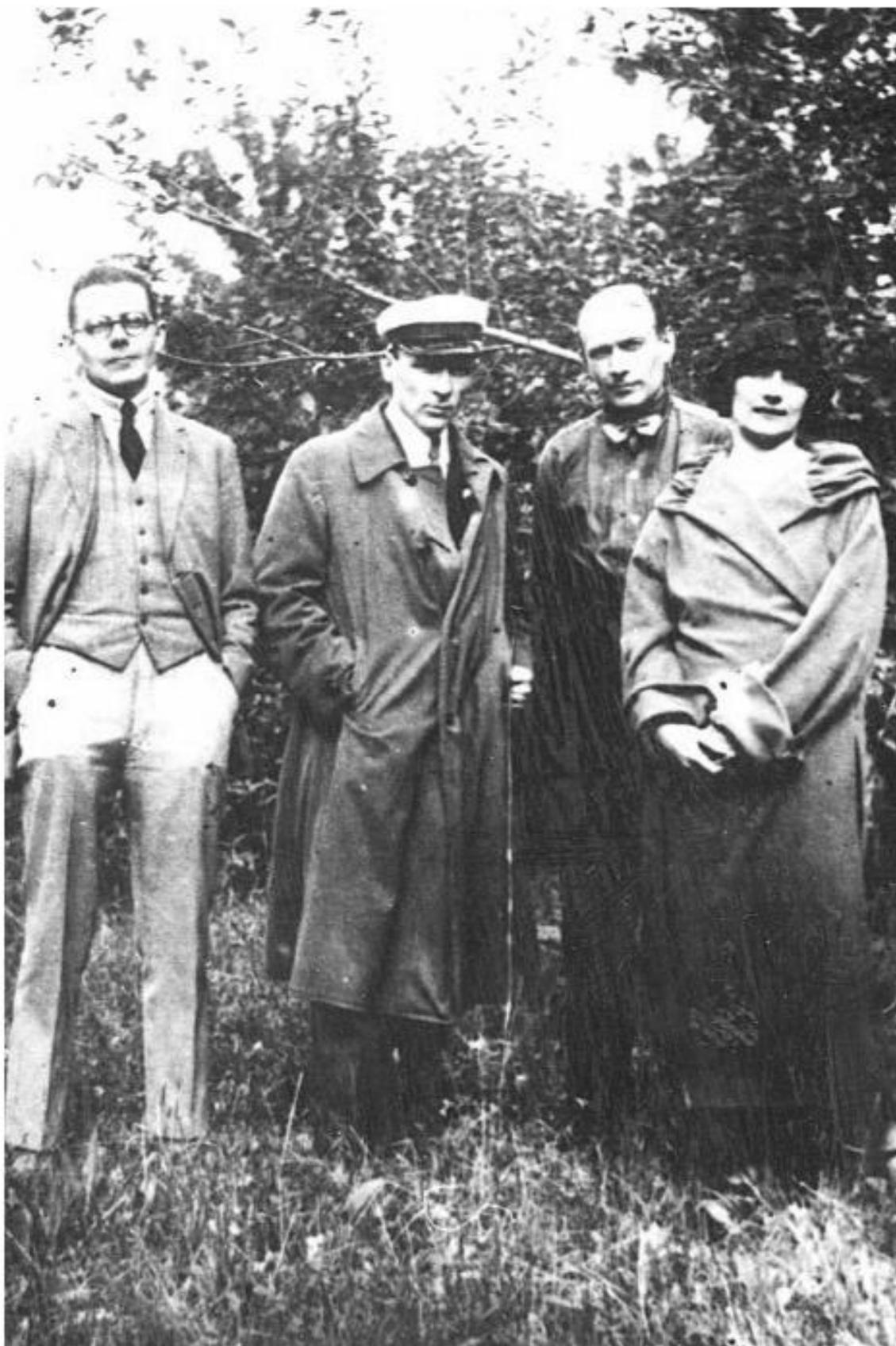
Елена Сергеевна Шиловская (ур. Нюрнберг, в первом браке Неелова (1895–1970), жена М. Булгакова с октября 1932 года до его кончины 10 марта 1940 г. Фотография 1920-х

«Зойкина квартира». Премьера прошла 28 октября 1926 года в студии им. Евг. Вахтангова. Сцена из спектакля

«Багровый остров». Премьера состоялась 11 декабря 1928 года в Московском Камерном театре под руководством А. Я. Таирова. Декорация к спектаклю В. Ф. Рындина «Вулкан»

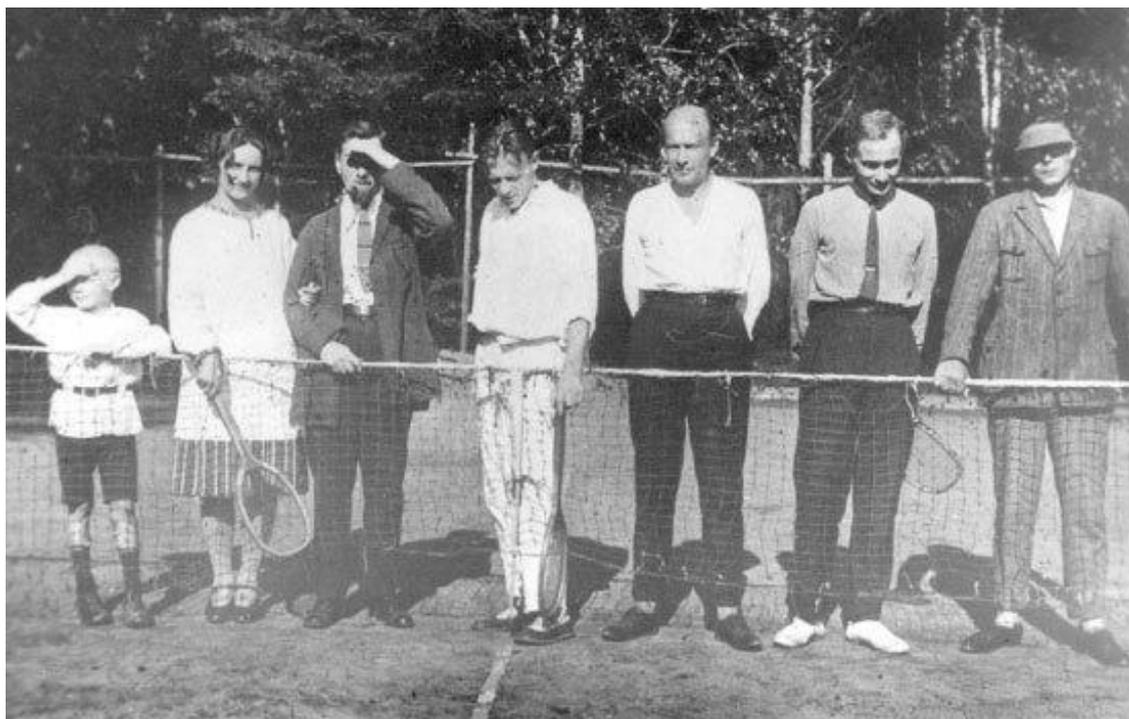
Москва. Останкино. С. С. Топлеинов, М. А. Булгаков, Н. Н. Лямин, Л. Е. Булгакова (Белозерская). Лето 1926 года

*Малый Левшинский переулок. Слева-направо: П. И. Васильев, С. С. Топлеинов, В. Н. Долгорукий (Владимиров),
М. А. Булгаков. Конец 1920-х*

М. Булгаков. Шарж художника Е. Мазаева. Середина 1920-х

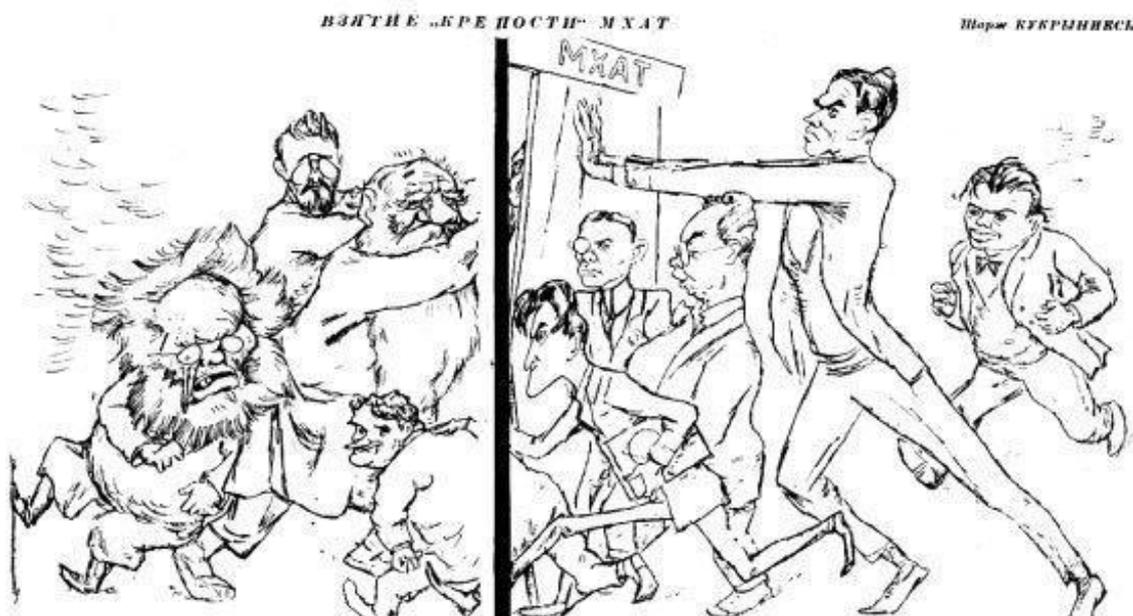
Подмосковье. Крюково. М. Булгаков с Л. Е. Булгаковой на даче у Л.М. и Д. П. Понсовых. Лето 1926

Москва. Большая Пироговская улица, д. 35а, квартира 6. М. А. Булгаков здесь жил с августа 1927 по февраль 1934 года

М. Булгаков. Шарж художника Е. Мазаева. Середина 1920-х

Шарж Кукрыников «Взятие крепости МХАТ». Слева направо: Генрих Ибсен, Антон Чехов, Лев Толстой; далее – создатели нового репертуара: Юрий Олеша, Валентин Катаев, Михаил Булгаков, Всеволод Иванов, Павел Марков, Леонид Леонов.

Москва. Савельевский (ныне Пожарский) переулок, д. 12, квартира 66. В 1920-х годах М. Булгаков часто бывал у друзей-«пречистенцев» супругов Н. Н. Лямина и Н. А. Ушаковой. Здесь проходили «ляминские чтения» Булгаковым своих произведений. Сам дом и детали интерьера квартиры попали на страницы «Мастера и Маргариты»

«Ляминский» сундук. Вспомним «Сон Никанора Ивановича»: «...кончил очень скверно, помер к чертовой матери от удара на своем сундуке с валютой и камнями. Предупреждаю вас, что и с вами случится что-нибудь в этом роде, если только не хуже, ежели вы не сдадите!..»

Люстра из квартиры Ляминых. Читаем «Конец квартиры № 50: „– Вызываю на дуэль! – проорал кот, пролетая над головами на качающейся люстре, и тут опять в лапах у него оказался браунинг, а примус он пристроил между ветвями люстры. Кот прицелился и, летая, как маятник, над головами пришедших, открыл по ним стрельбу... “»

Зеркало на камине из квартиры Ляминых: «...Прямо из зеркало трюмо вышел маленький, но необыкновенно широко-копечий, в котелке на голове и торчащим изо рта клыком, безобразящим и без того невиданно мерзкую физиономию. И при этом ещё огненно-рыжий...»

Здание цирка Никитиных: упоминается в фельетонах, в «Собаьем сердце», «Варьте», в романе «Мастер и Мар-гарита»

Современное здание театра Сатиры – бывшее помещение цирка Никитиных

Садовая Триумфальная улица. Начало 1920-х

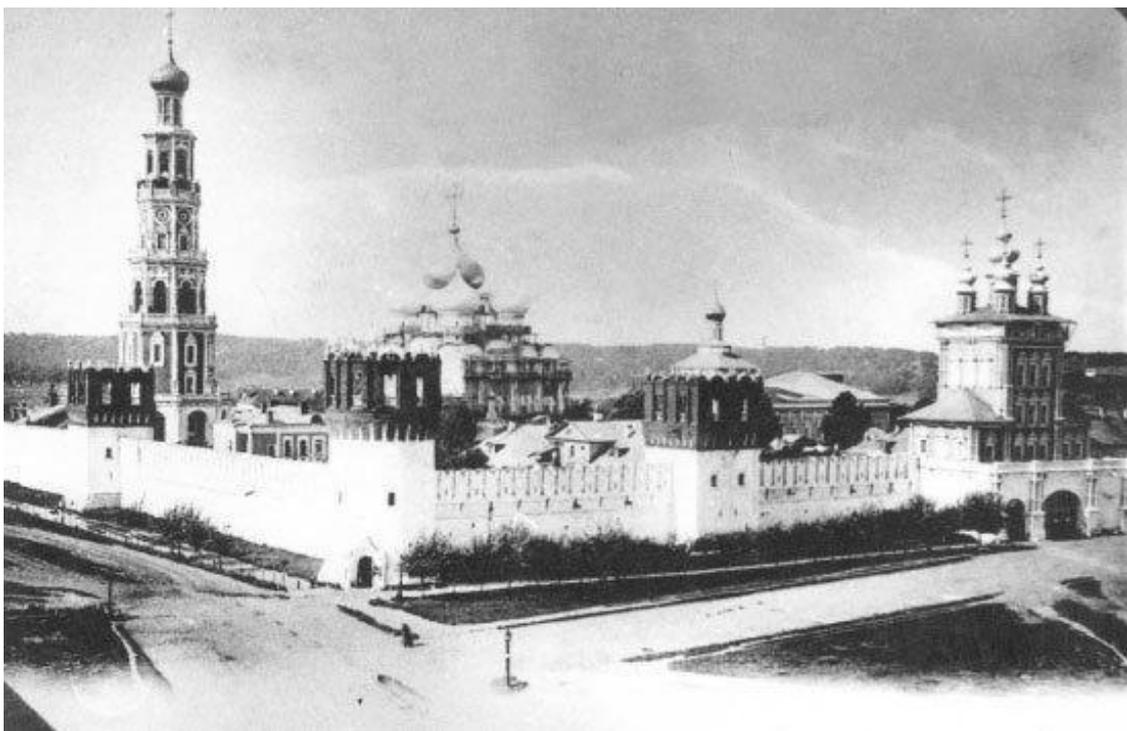
Москва. Тверская застава. Конец 1920-х

Кампания по борьбе с пьянством. Москва. 1920-е

Красная площадь. Мавзолей. Первомайский праздник. 1920-е

Новодевичий монастырь, на кладбище которого покоится прах М. А. Булгакова и Е. С. Булгаковой

М. Булгаков с писателями: М. Файнзильберг (брат И. Ильфа), В. Катаев, Ю. Олеша, И. Уткин. Похороны В. В. Маяковского. 17 апреля 1930 г.

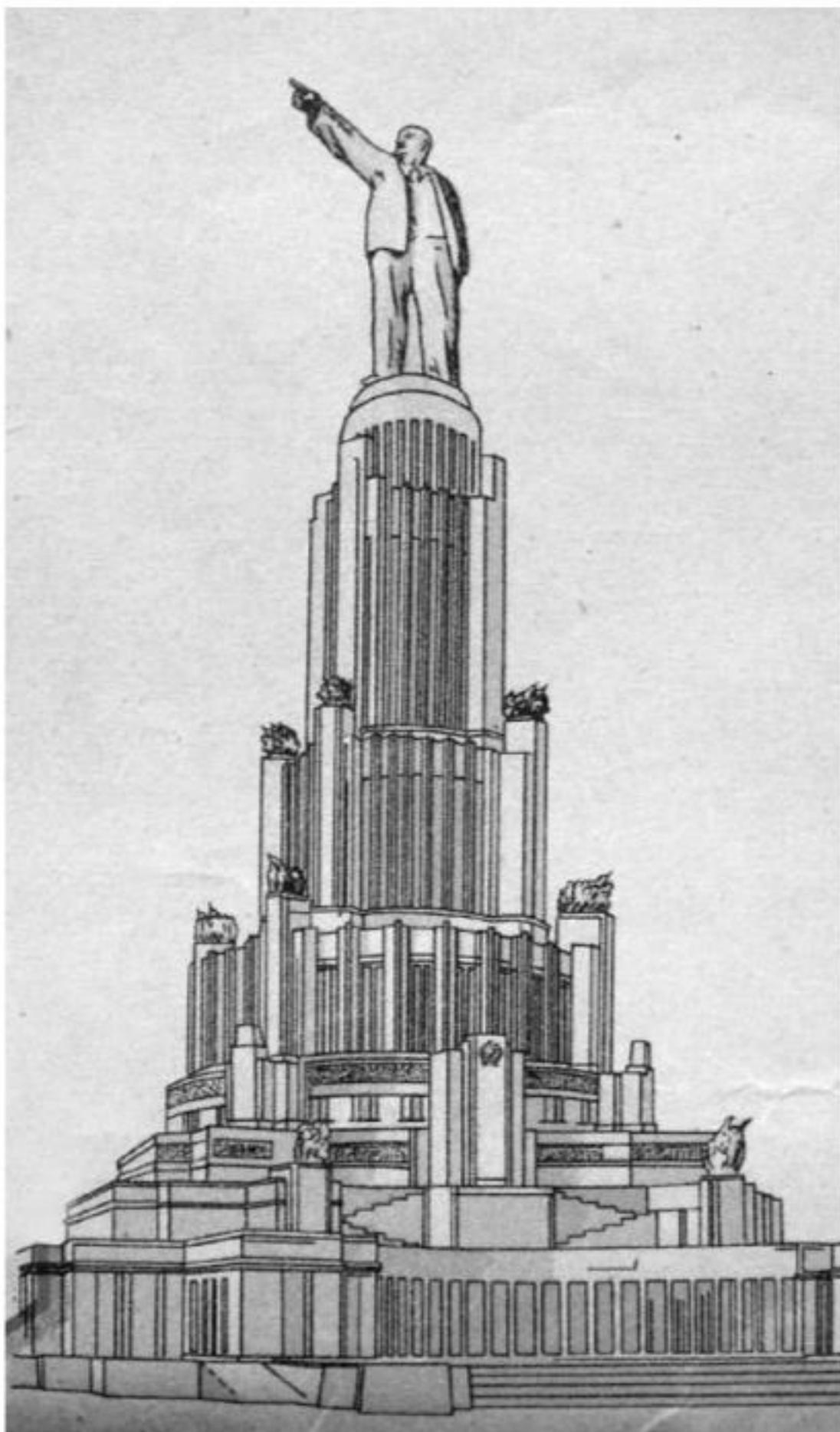
Москва. Торгсин. Арбат, 5/14, где кот Бегемот лакомился мандаринами и селедкой, будучи «не при валюте»

Москва. Улица Остоженка, где неподалеку располагались «Особняк Маргариты» и «подвал Мастера». Начало 1930-х годов

«Дом на набережной» для высокопоставленных работников аппарата правительства и партии

Фрагмент проекта «Дворца Советов» на месте разрушенного Храма Христа Спасителя. 1931

Москва. Мансуровский переулоч, дом 9 – прототип «подвала мастера»

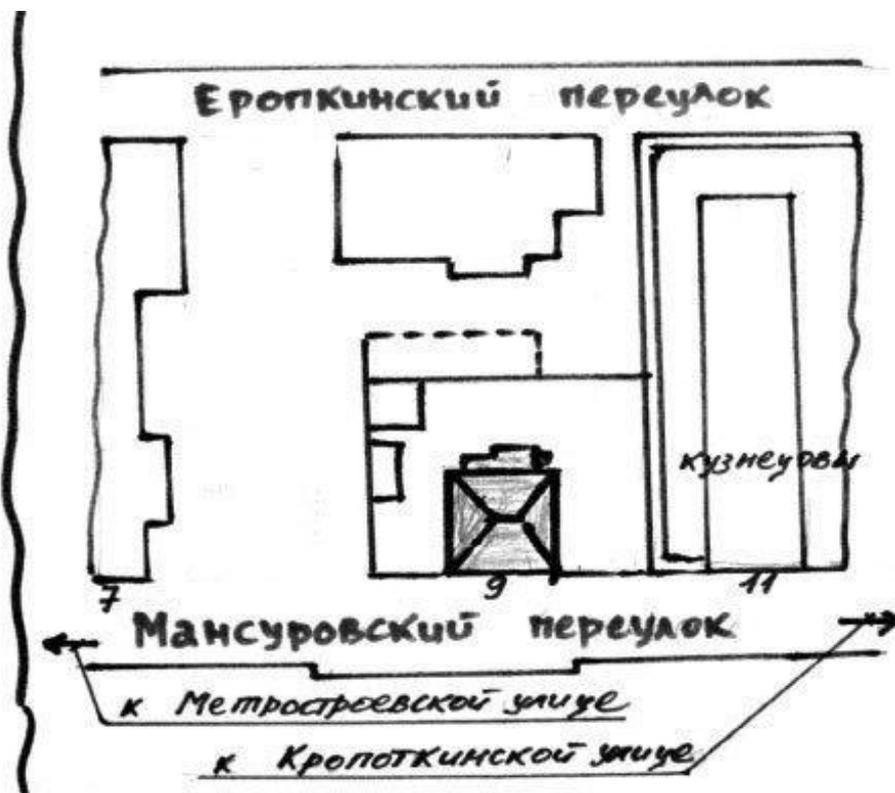
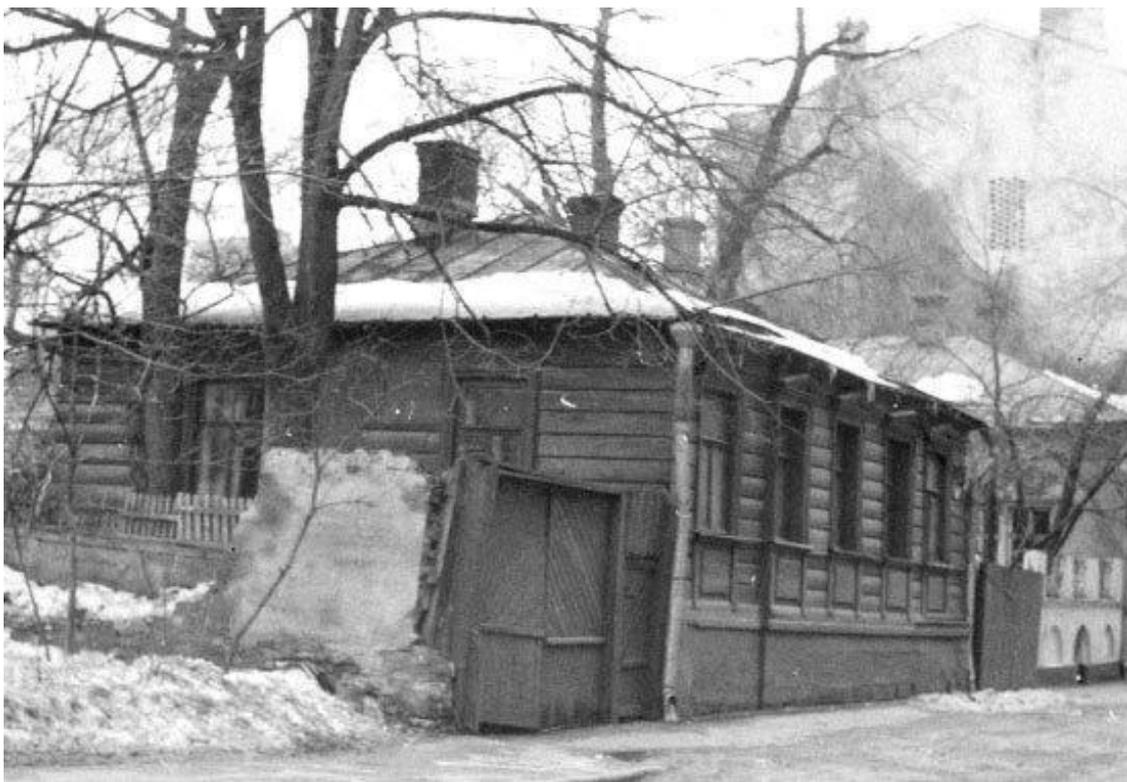

Рисунок-схема внутреннего двора д. 9 по Мансуровскому переулочу, выполненный Б. С. Мягковым

Мансуровский пер., д.9. Дом братьев С.С. и В. С. Топлениновых, где бывал М. А. Булгаков в гостях у С. А. Ермолинского

Окна «подвала мастера» во дворе дома 9 по Мансуровскому переулку

Вид на Колонный зал с Охотного ряда

Москва. Вокзальная площадь. Конец 20-х

Библиография

- Мягков Б. С.* Алфавитный перечень произведений М. А. Булгакова. Материалы к библиографии // Творчество Михаила Булгакова: Исследования. Материалы. Библиография. Кн. 1. / Под ред. Н. А. Грозновой и А. И. Павловского. – Л.: Наука, 1991.
- Мягков Б. С.* Родословия Михаила Булгакова. – 2-е изд. – М.: Апарт, 2003.
- Михаил Булгаков.* «Я хотел служить народу...» / Сост., краткая биохроника Б. С. Мягкова. – М.: Педагогика, 1991.
- Неизданный Булгаков: Тексты и материалы. / Предисл. Э. Проффер. – Анн-Арбор: Ардис, 1977.
- Белозерская-Булгакова Л. Е.* О, мед воспоминаний. – Анн-Арбор: Ардис, 1979.
- Гиреев Д. А.* Михаил Булгаков на берегах Терека: Документальная повесть. – Орджоникидзе: Ир, 1980.
- Яновская Л. М.* Творческий путь Михаила Булгакова. – М.: Совет, писатель, 1983.
- Лакшин В. Я.* Булгакиада: Сб. документальных очерков. – М.: Правда, 1987.
- Чудакова М. О.* Жизнеописание Михаила Булгакова. 2-е изд. М.: Книга, 1988.
- М. А. Булгаков-драматург и художественная культура его времени: Сб. статей / Под ред. В. В. Гудковой. Сост. А. А. Нинова. – М.: Союз театральных деятелей РСФСР, 1988.
- Петелин В. В.* Михаил Булгаков: Жизнь. Личность. Творчество. – М.: Моск. рабочий, 1989.
- Смелянский А. М.* Михаил Булгаков в Художественном театре. – 2-е изд. – М.: Искусство, 1989.
- Виленский Ю. Г.* Доктор Булгаков: Документальная повесть. – Киев: Здоров'я, 1991.
- Кончаковский А. П., Малаков Д. В.* Киев Михаила Булгакова: Фотоальбом. – 2-е изд. – Киев: Мистецтво, 1993.
- Мягков Б. С.* Булгаковская Москва: Литературно-топографические очерки. – М.: Моск. рабочий, 1993.
- Барков А. Н.* Роман Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита»: Альтернативное прочтение. – Киев: Текна А/Т, 1994.
- Виленский Ю. Г., Навроцкий В. В., Шалюгин Г. А.* Михаил Булгаков и Крым. – Симферополь: Таврия, 1995.
- Яблоков Е. А.* Роман Михаила Булгакова «Белая гвардия». – М.: Языки русской культуры, 1997.
- Палиевский П. В.* Шолохов и Булгаков: Сб. статей. – М.: Наследие, 1999.
- Соколов Б. В.* Булгаковская энциклопедия. – 2-е изд. – М.: Локид; Миф, 2000.
- Сахаров В. И.* Писатель и власть: По секретным архивам ЦК КПСС и КГБ. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2000.
- Булгаков Михаил.* Избр. произведения: В 2 т. / Сост., вступ. ст. и коммент. Б. С. Мягкова. – 2-е изд. – М.: РИПОЛ КЛАССИК, 2003.
- Земская Е. А.* Михаил Булгаков и его родные: Семейный портрет. – М.: Языки славянской культуры, 2004.
- Сахаров В. И.* Михаил Булгаков: Загадки и уроки судьбы. – М.: Жираф, 2006.
- Мягков Б. С., Соколов Б. В., Горпенко И. Я.* Михаил Булгаков. Жизнь и творчество: Фотоальбом. – М.: Эллис Лак, 2006.

Примечания

1.

Булгаков М. Избранные произведения в 2 т. Т. 1. Киев: Днипро, 1989. С. 377–380. Отметим в этой финальной трагической сцене повести одну из почти типичных закономерностей у Булгакова – добавлять по этажу-другому к реально существующим описываемым зданиям. Так, шестиэтажный, а не пятиэтажный у него дом на Садовой в «Мастере и Маргарите» и дом в «Записках на манжетах». Здесь в «Дьяволиаде» тоже не девяти-, а одиннадцатипятиэтажный. Что ж, это право художественного вымысла писателя. Дом Нирнзее, строго говоря, разноэтажный. Основной его объем действительно девятиэтажный, видный с переулка, но посередине он имеет еще узенькую надстройку – один, десятый этаж. Над обоими этажами помещалась «обитаемая» крыша, которая над полосой десятого этажа могла бы считаться и одиннадцатым уровнем вертикального разреза дома. И были две площадки ресторана «Крыша» – одна над другой. В том же очерке «Сорок сороков» автор пишет: «Я спустился с верхней площадки на нижнюю, потом в стеклянную дверь и по бесконечным широким нирнзеевским лестницам ушел вниз». Это и сегодня может сделать каждый.

2.

Например, книга В. В. Шкловского «Сентиментальное путешествие», вышедшая в 1923 и 1924 годах в Берлине, Москве и Ленинграде. У Шкловского описываются, в частности, слухи, распространившиеся в Киеве в дни петлюровщины среди части русской буржуазии и интеллигенции, бежавшей на Украину от советской власти и возлагавшей все надежды на Антанту: «Рассказывали, что у французов есть фиолетовый луч, которым они могут ослепить всех большевиков, и журналист Борис Мирский написал об этом луче фельетон „Больная красавица“. Красавица – старый мир, который нужно лечить фиолетовым лучом. И никогда раньше так не боялись большевиков, как в то время. Рассказывали, что англичане... высадили в Баку стада обезьян, обученных всем правилам военного строя. Рассказывали, что этих обезьян нельзя распропагандировать, что идут они в атаку без страха, что они победят большевиков». (Шкловский В. Сентиментальное путешествие. Л.: Атеней, 1924. С. 35.) Эти бредни, порожденные смертельным страхом перед приходом красных, Булгаков спародировал, превратив ослепляющий фиолетовый луч в красный луч жизни, а вместо похода диковинных обезьян на большевиков дал яркую картину похода на Москву гигантских пресмыкающихся, вылупившихся из яиц, также присланных из-за границы. Меры же по закрытию границ для защиты от «куриного мора» напоминают политику «санитарного кордона», проводившуюся буржуазными государствами против Советской России.

3.

Булгаков М. Избранные произведения в 2 т. Т. 1. Киев.: Днипро, 1989. С. 454. Повесть написана в январе – марте 1925 года для публикации в альманахе «Недра», но не была разрешена к печати. Первоначальное ее название – «Собачьё счастье. Чудовищная история», впоследствии переименованное. Санкт-Петербургский исследователь М. Золотоносов так объясняет причину возникновения окончательного названия. «15 декабря 1922 года в „Накануне“ (где, как мы знаем, сотрудничал и которую постоянно читал Булгаков. – Б. М.) была напечатана статья И. Василевского (Не – Буквы) „На пожарище“, где шла речь о судьбе дворянской культуры в России. Там автор писал: „Я помню, как меня поразил маленький штришок, касающийся биографии сиятельного князя Меншикова. В свое время не только мальчишкой, но уже и на возрасте он, как известно, бегал по улицам с лотком, продавал

пирог с луком, перцем и собачьим сердцем. Вознесенный Петром Великим на верхние ступени... как скоро забыл он свое демократическое происхождение“».

4.

Впоследствии к первой отечественной публикации повести М. Чудакова (Знамя, 1987, № 6. С. 136) указывает ряд других, современных Булгакову источников этой темы: сборник статей «Омоложение» под редакцией профессора Н. К. Кольцова (1924), статьи А. М. Василевского, профессора Щипачева, И. Полтавского. В Институте экспериментальной биологии, директором которого являлся Н. Кольцов, проводились работы по пересадке половых желез у животных и людей, операции омоложения старой собаки и людей (Вопросы литературы, 1989, № 4. С. 171). К этому можно добавить, видимо, одну из первых публикаций подобного рода, которую мог прочитать писатель в знакомой ему «Рабочей газете» (за 4 октября 1922 года, с. 2). В статье А. Дворецкого «Борьба со старостью и омоложение организма» рассказывалось об операциях Э. Штейнаха на людях: «В течение ряда лет 70-летний старик страдал головокружением, одышкой, сердечными припадками, общей легкой утомляемостью, восемь лет половое влечение совершенно отсутствовало. Проходит несколько месяцев после операции (она состоит в перевязке и перерезке семяпровода в брюшной полости при самом выходе из семенника), и в старческом состоянии наступает резкое улучшение. Старик снова посвежел и стал подвижен, одышка почти прекратилась, он мог ходить пешком часами, обмороки исчезли. Появился сильнейший аппетит, настроение стало жизнерадостным, возобновились нормальные половые сношения. Старик находился в состоянии длительного омоложения». Все это, возможно, нашло отражение при описании в повести приема профессором любвеобильного старичка с зелеными волосами.

5.

Воспоминания о Михаиле Булгакове. М.: Советский писатель, 1988. С. 123–127, 131–144, 157–163; Литературная Россия, 1986, 16 мая. С. 18–19. Адресуя читателя к строкам мемуаристов о работе писателя в «Гудке», хочется дополнить их неопубликованной частью воспоминаний И. С. Овчинникова:

6.

Воспоминания об Ильфе и Петрове. М.: Советский писатель, 1963. С. 102–103. «Это был человек необычайной судьбы. Граф по происхождению, он встретил революцию как старый большевик и политкаторжанин. Странно было представить себе Августа (так все мы называли его) отпрыском аристократической фамилии. Атлетически сложенный, лысый, бритый, он фигурой и лицом был похож на старого матроса. Это сходство дополнялось неизменной рубахой с открытым воротом и штанами флотского образца, которые уже давно взывали о капитальном ремонте. А на ногах у Августа круглый год красовались огромные расшлепанные сандалии... Трудно было представить себе „Гудок“ без Августа. Официально он считался заведующим редакцией, но казалось, у него было еще десять неофициальных должностей и десять неутомимых рук, которые ни минуты не оставались без дела. Только для одного не хватало времени для этих рук: для того, чтобы хоть немножко позаботиться о своем хозяине, который жил как истый бессребреник и спартанец. За все это, а еще за грубоватую, но необидную прямоту и редкостную душевность коллектив очень любил Августа».

7.

Булгаков М. Самоцветный быт. Рассказы и фельетоны. М.: Правда, 1985 (Библиотека «Крокодила», № 12). С. 8—15. Есть прямые биографические совпадения у героев рассказа и

членов семьи Крешковых. Так, Татьяна Николаевна Кисельгоф вспоминала: «У них дома (у И. П. и В. Ф. Крешковых. – Б. М.) проводились спиритические сеансы, к которым Булгаков относился насмешливо. Однажды уговорил: „Знаешь, давай сделаем сегодня у Крешковых спиритический сеанс!“ И распределили роли: Булгаков толкнет ногой, а она будет стучать по столу. Иван Павлович встречал меня одной и той же фразой: „Вы видите, какая бордель?“ – или: „Когда же кончится эта бордель?“» (Чудакова М. Жизнеописание Михаила Булгакова. М.: Книга, 1988. С. 183–185). Так же разговаривает булгаковский Павел Петрович.

8.

Приведем для иллюстрации лишь несколько строк такого рода, опубликованных Иваном Приблудным в 1926 году:

9.

Приведем здесь только фрагменты из опубликованной части этой редакции:

10.

Отдел рукописей Института мировой литературы имени А. М. Горького. Ф. 9. Оп. 1. С. 74. Текст любезно предоставлен литературоведом из Душанбе О. Б. Кушлиной, которую искренне благодарит автор. Из этой главы довольно большой поэмы (объемом в треть пушкинского романа в стихах) приведем одну «онегинскую строфу», соотносящуюся по теме с описанием булгаковских героев, где встретится уже знакомое нам лицо:

11.

Любимыми операми писателя были «Фауст» Ш. Гуно и «Аида» Дж. Верди. Их он часто вспоминает и в романах, и в пьесах, и в повестях, и фельетонах. Имена же Игоря Стравинского, Гектора Берлиоза, Николая Римского-Корсакова имеют в контексте «Мастера и Маргариты», видимо, особый, еще не разгаданный смысл, так же как музыкальное, второе имя демона Коровьева – Фагот. Возможно также, что фамилия особенно популярного тогда композитора и дирижера И. Ф. Стравинского (1881–1971) с его всемирной известностью и многочисленными гастролями по всем странам не случайно попала в роман. Сам образ вымышленной лечебницы, с ее настойчиво подчеркиваемыми чудесами автоматизации, при этом приобретает сказочно-фольклорную интонацию, связанную явно также с фамилией И. Стравинского, автора популярнейших в 20-е годы балетов на русскую тему: «Весны священной», «Петрушки», «Свадебки», «Жар-птицы». То есть эта клиника – своего рода избушка на курьих ножках «без окон, без дверей», где окно из небьющегося стекла, в которое тщетно пытается выпрыгнуть Бездомный (Иван – как сказочный Иванушка) и раздвигающиеся стены вместо дверей. Имя самого русского композитора, жившего за рубежом с 1914 года, было весьма известно в Москве, где существовала даже музыкальная школа и курсы имени Игоря Стравинского (Петровский переулок, дом 5, – ныне улица Москвина).

12.

Бывший Истоминский проезд с последующим переименованием. На углу этого проезда со Старым Петровско-Разумовским проездом в начале века было выстроено с участием архитектора Федора Шехтеля загородное имение фабрикантши Коншиной, где до сих пор сохранился флигель, в псевдогоготическом стиле которого узнается рука знаменитого архитектора-модерниста. После революции и национализации имения здесь был сначала дом отдыха, а затем с 1926 года – нервно-психиатрический санаторий Мосгороблздравотдела, с 1931 года – научный кабинет социальной психоневрологии

и психогигиены, в 1934 году преобразованный сначала в институт, а с 1938 года в Московскую областную нервно-психиатрическую клинику. О работе с Краснушкиным в этой клинике и других местах нам рассказали сохранившие о нем самые теплые чувства – уважения, восхищения и благодарности – его коллеги: Н. Н. Шрейдер, М. И. Рыбальский, Е. П. Звесткина, И. К. Янушевский, О. А. Каменцева, В. Ф. Залесская и другие. Светлую память о своем отце и деде хранили и хранят его сын – П. Е. Краснушкин (он умер в 1983 году), дочь – Т. Е. Краснушкина, внучка – Н. А. Краснушкина (тоже врач-психиатр, продолжательница традиций деда), внук – Е. П. Краснушкин. (Небезынтересен и такой факт. Летние месяцы психиатр работал в больнице В. И. Яковенко на станции Столбовая. Ученому с семьей отводилась большая квартира. Зачастую там гостила его дочь Татьяна (Т. Е. Краснушкина), студентка ГИТИСа со своими сокурсниками, среди которых был и Александр Галич, сочинивший позже под впечатлением этих поездок уже известную нам песню о «Белых Столбах»).

13.

Приводим здесь его краткие биографические данные. Шиловский Евгений Александрович (21.11/3.12/1889 – 27.5.1952) – генерал-лейтенант (1940), профессор (1939), доктор военных наук. В Советской армии с 1918 года. До революции окончил Второй московский кадетский корпус, в 1910 году Константиновское военное училище, в 1917 году Академию Генштаба. Участник Первой мировой войны, Гражданской войны на Южном и Западном фронтах. Начальник штаба фронта. В 1922–1928 годах – на преподавательской работе, затем начальник учебного отдела и помощник начальника Военной академии имени М. В. Фрунзе.

В 1928–1931 годах – начальник штаба Московского военного округа. С февраля 1931 года – в Военно-воздушной академии имени Н. Е. Жуковского, с января 1937 года – в Военной академии Генштаба. Награжден орденами и медалями, автор ряда книг по военной истории (Советская военная энциклопедия. – Т. 8. М.: Советская энциклопедия, 1980. С. 517–518).